

КАРФАГЕН И ЕГО КУЛЬТУРА

Ю. В. Циркин

Редакционная коллегия

А. Н. Болдырев, И. С. Брагинский, А. Е. Глушкина, О. К. Дрейер,
И. М. Дьяконов, А. Н. Кононов, А. Д. Литман, Ю. А. Петросян
(председатель), Б. Б. Пиотровский, В. М. Солнцев, Ю. Л. Фишман
(отв. секретарь), Е. Н. Чельшев

Ответственный редактор

И. Ш. Шифман

Циркин Ю. Б.

Ц 69 Карфаген и его культура. М., Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1986.

287 с. с ил. («Культура народов Востока»).

Исследование посвящено Карфагенской державе, крупнейшему государству
античного Средиземноморья в середине I тысячелетия до н. э. Последовательно
излагаются все аспекты истории, культуры и повседневной жизни Карфагена,
прослеживаются взаимосвязи карфагенской культуры с финикийской, эллини-
стической и римской.

Книга основана на большом количестве источников, снабжена иллюстрациями.

Ц 4402000000-150
013(02)-86 85-86

ББК 63.3(0)3

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

В середине II в. до н. э. римский сенатор, политический деятель и писатель, историк и агроном Марк Порций Катон, выступая в сенате, каждую свою речь копчал одной фразой: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Через двадцать два века раздался новый призыв: «Карфаген не должен быть разрушен!».

Римляне добросовестно выполнили политическое завещание Катона, Карфаген был снесен с лица земли, а само место, на котором он стоял, проклято. И все же это место было настолько удобно, земля вокруг так плодородна, а стратегическая позиция слишком выгодна, в том числе и для торговли, чтобы римляне чрезмерно долго оставляли территорию бывшего города пустой в угоду наследственной ненависти. Уже через двадцать с небольшим лет известный реформатор и политический деятель Гай Гракх пытался основать на месте Карфагена римский город. Эта попытка оказалась неудачной: воспоминание о прошедших войнах и опасностях, память о проклятии были еще у римлян слишком живыми. Пришлось ждать еще три четверти столетия, пока во второй половине I в. до н. э. по воле Цезаря Карфаген возродился в качестве римской колонии. В эпоху Римской империи он был одним из крупнейших и процветающих городов державы, центром римской культуры в Африке. В 439 г. Карфаген захватили вандалы, и он стал столицей Вандальского королевства. Однако менее чем через сто лет этот город захватили византийцы и удерживали его более полутора веков. В 698 г. арабы заняли и разрушили Карфаген. С тех пор он не восстанавливался: выросший вблизи Тунис перехватил его роль, возрождение Карфагена стало ненужным.

В первой половине XIX в. на месте древнего города начались археологические раскопки. И вот во второй половине XX в. над ним нависла новая опасность. С одной стороны, расширяется город Тунис и может пройти совсем немного времени, когда руины Карфагена скроются под улицами, площадями и домами 5

современного города, и тогда, может быть навсегда, исчезнет возможность лучше узнать древний Карфаген. С другой стороны, массы неорганизованных туристов готовы разобрать на сувениры драгоценные памятники древности. Римляне разрушили финикийский Карфаген, арабы — римский, теперь грозит гибель Карфагену археологическому. Поэтому ЮНЕСКО совместно с правительством Тунисской Республики обратилась к ученым с настоятельным призывом спасти Карфаген. Этот призыв стимулировал исследования Карфагена и его культуры.

Эти исследования начались задолго до призыва ЮНЕСКО. Еще в 1817 г. были найдены первые карфагенские надписи, и их изучением занялись семитологи. В 1833 г. датский консул Фальб нанес на карту план карфагенских развалин и тем положил начало археологическому изучению города. В середине XIX в. Ф. К. Моверс, обобщая в своем огромном труде все, что было к этому времени известно о финикийцах, значительную часть своего исследования посвятил Карфагену [420]. В XX в. различные потоки исследования перекрещиваются и сливаются в единый: литературная традиция, эпиграфика, археологические данные, монеты в равной степени становятся источниками, позволяющими все точнее восстанавливать облик и историю древнего Карфагена. В настоящее время в мире существует обширная исследовательская литература, посвященная Карфагену.

Продолжающиеся более полутора веков исследования, особенно углубившиеся после призыва ЮНЕСКО, заново открыли человечеству город, разрушенный яростью римлян, его державу, долго соперничавшую с Римом за господство в Средиземноморье, его культуру.

Карфаген был основан финикийцами. Однако его исторические судьбы были своеобразны, цивилизация Карфагена приобрела оригинальные черты. Поэтому в современной науке для определения карфагенской цивилизации используется термин «пуническая» (римляне называли карфагенян пунами). Этим термином подчеркивается особое положение цивилизации Карфагена, которую нельзя рассматривать как локальное ответвление общепунической. Рассмотрение пунической цивилизации в ее совокупности и является первой задачей предлагаемой книги.

При изучении Карфагена встает старая и почти «вечная» проблема историографии — взаимоотношения Востока и Запада, а в рамках древности — Древнего Востока и античного общества. Представляется, что можно говорить о том, что общества Древнего Востока и античности развивались в рамках единой социально-экономической формации, которую называют рабовладельческой, являясь ее двумя вариантами. А если это так, то,

естественно, встает вопрос о месте Карфагена внутри этой формации. Попытка определить это место — вторая задача книги.

Выдвинутые задачи определяют и структуру работы. В книге будут рассмотрены процесс финикийской колонизации, основание Карфагена в рамках этого процесса, история карфагенского государства, его социально-экономический и политический строй, различные стороны пунической культуры: повседневная жизнь, религия, словесность, искусство. В заключении будут подведены итоги исследования и дана попытка ответа на вопрос о месте Карфагена в древнем мире.

Для выполнения этих задач необходимо использовать самые различные источники. К сожалению, собственно пуническая историография до наших дней не дошла. Ее сведения были, по-видимому, привлечены некоторыми греческими и римскими историками. Однако в целом античные авторы интересовались Карфагеном только как партнером греков и римлян, которые вступали в разнообразные контакты с этим государством и почти не обращали внимания на внутренний мир пунического общества. Больше других авторов пуническую традицию сохранил, видимо, Помпей Трог; однако его труд дошел до нас только в сокращенном изложении Юстина (и еще более кратком перечислении содержания отдельных глав), а Юстин брал у Трога лишь наиболее интересные для него факты и сказания, делая акцент на чудесном и необыкновенном. Не сохранился и трактат о политическом устройстве Карфагена, данные которого частично были использованы Аристотелем в его «Политике». Говори об античной историографии Карфагена, надо подчеркнуть еще два важных обстоятельства. Во-первых, греко-римские историки и философы не всегда могли понять своеобразие карфагенского общества и государства. Во-вторых, многие греческие и особенно римские авторы были далеки от объективности, ибо Карфаген выступал постоянным соперником ряда западных греческих государств и в особенности Рима, и сочинения многих писателей дышат к нему ненавистью. Все это заставляет очень осторожно подходить к сообщениям литературной традиции.

Значительное место среди источников занимает пуническая эпиграфика. В настоящее время известно несколько тысяч надписей только из Карфагена, не говоря об эпиграфических памятниках из других западнофиникийских городов. Однако эти надписи довольно однообразны. Большинство их посвященные, причем адресатами являются в основном два божества — Баал-Хаммон и Тиннит. Имеется некоторое количество яогребальных надписей, однако содержащиеся в них сведения огра-

ниченны, а сугубо исторических почти нет. Тем не менее без этих памятников невозможно представить различные стороны жизни Карфагена. Надписи дополняются монетами, расширяющими наши знания об экономической и религиозной жизни Карфагена в последние два-три века пунической истории.

Большую роль играют данные археологии. Правда, раскопки открывают в основном римские слои этого города, но в отдельных местах удается вскрыть и пунические. Они сохранились довольно плохо, ибо римляне, разрушая пуническую столицу, потрудились на совесть. Гораздо лучше сохранились некрополи, которые и составляют основную массу археологических памятников пунического Карфагея. Это таит в себе определенную опасность: обстоятельства, связанные только с погребальными комплексами, можно некритически распространить на всю жизнь Карфагена. Преодолеть подобную аберрацию в какой-то степени позволяют раскопки в других финикийских городах Западного Средиземноморья.

Только соединение источников всех видов позволяет представить историю Карфагена, основные моменты его экономической, социальной и политической структуры, общую картину его культуры. В то же время как по количеству (весьма недостаточному), так и по характеру эти источники таковы, что дают возможность различного их толкования, не говоря уже о разных методологических и теоретических подходах к ним. Практически трудно найти двух исследователей, которые были бы согласны друг с другом по всем пунктам исследования. Это целиком относится также к автору и ответственному редактору предлагаемой книги. Такие вопросы, как толкование I римско-карфагенского договора, время плавания Ганнона и Гимилькона, некоторые проблемы внутреннего устройства Карфагена, интерпретация религиозных памятников и истории пунической религии вообще, как и некоторые другие, являются предметом спора. Необходимо подчеркнуть, что во всех случаях полная ответственность за все высказанные суждения лежит целиком на авторе.

В заключение автор приносит свою искреннюю благодарность всем, кто помогал ему работать над книгой и способствовал ее появлению.

Сиро-финикийское побережье издавна играло роль своеобразного шарнира, соединяющего мир Древнего Востока с миром Запада. Эта его роль особенно возросла во II тысячелетии до н. э., когда, с одной стороны, центр тяжести месопотамской внешней торговли переместился из района Персидского залива в район побережья Средиземного моря, а с другой — в Эгейском бассейне возникло классовое общество и первые государства — минойский Крит и нозже — государства микенской Греции. Контакты между городами сиро-финикийского побережья и Эгейдой устанавливаются уже в начале II тысячелетия. Минойские и микенские сосуда в изобилии встречаются как на берегу, так и во внутренних районах Сирии и Палестины, проникая вплоть до Мари на Евфрате [358, с. 19—20; 395, с. 162; 481, с. 57—58; 129—130; 491, с. 181].

Главным контрагентом эгейцев на восточном побережье Средиземного моря был, по-видимому, Угарит [240, с. 131; 358, с. 21]. Находимые в Угарите памятники искусства обнаруживают сильнейшее влияние минойско-микенского искусства [250, с. 136; 382, с. 54—64; 434, с. 81—85; 481, с. 129]. В этом городе существовала критская, а затем микенская фактории. Возможно, именно в Угарите греки познакомились с некоторыми восточными мифами и произведениями Ближнего Востока [23, с. 26, 30]. Значительное место в торговых связях этого времени занимал и Тир, обмен которого как с Египтом, так и Эгейдой был довольно интенсивным [355, с. 29, 47, 58]. Во время поездок на сиро-финикийское побережье микенские греки восприняли названия финикийских городов Библа и Тира в той форме, в какой они могли произноситься во II тысячелетии [106, с. 13—14]. Из портов этого побережья греки вывозили слоновую кость, ткани, пряности и, видимо, золото. Недаром в греческий язык уже в XV—XIII вв. до н. э. проникли семитские слова — «золото» (χρυσός), «хитон» (χιτών), «тмин» (κύνιον) и др. [54, с. 142; 55, с. 26—27; 352, прим. 20; 58, с. 172—173; 581, с. 163; 491, с. 182—184].

Эти связи не были односторонними. Можно с уверенностью говорить о плаваниях угаритян на Крит [106, с. 13]. Жители побережья проникали и на Балканский полуостров. В связи с этим привлекает внимание находка месопотамских лазуритовых цилиндров в Фивах [49, с. 111—112; 216, с. 300]¹. Греческая традиция приписывала основание беотийских Фив мифологическому персонажу Кадму (Her. II, 49; V, 57—58; Apollod. III, 4, 1). Такое косвенное подтверждение традиции заставляет с большим доверием отнестись и к сведениям о других поселениях финикийцев в различных городах и на островах Эллады. В той же традиции Кадм связывается с Тиром, который миф считает родиной персонажа. Не отразилась ли в этом роль Тира в контактах с Беотией (ср. [355, с. 27])? Характерно, что Курций Руф. (IV, 4, 20) называет беотийские Фивы колонией тирийцев наряду с Карфагеном и Гадесом.

Связи городов сиро-финикийского побережья простирались и дальше к западу. Об этом свидетельствуют находки бронзовой фигурки финикийского божества, датируемой XIV—XIII вв. до н. э., в водах южного побережья Сицилии и сирийской цилиндрической печати XIV в. до н. э. в Южной Испании. В Испании обнаружены также остатки скорлупы страусовых яиц, идолов из костей гиппопотама и гребней из слоновой кости, относящиеся ко II тысячелетию до н. э. В Африке, в Ликсе и Утике, были найдены египетские скарабеи, предшествующие 1200 г. до н. э. [167, с. 23—26; 215, с. 271—274, 307—308; 405, с. 308; 434, с. 202].

И все же господство на море минойских критян, а затем микенских греков (как, впрочем, может быть, и владычество Египта) сдерживало финикийскую экспансию в западном направлении. Положение изменилось в XII в. до н. э. В это время Восточное Средиземноморье испытало потрясения, вызванные упадком великих дотоле держав этого региона и мощными передвижениями народов. Волны нашествий «народов моря» захватили и сиро-финикийское побережье; в частности, филистимляне из Аскалона разрушили Сидон (Iust. XVIII, 3, 5). На севере погиб Угарит (но, по-видимому, в результате не нападения, а землетрясения). В целом, однако, изменение политической и этнической карты Восточного Средиземноморья пошло на пользу Финикии. Уже, вероятно, очень скоро восстанавливается Сидон, играющий позже значительную роль в экономической и политической жизни этого региона. В период упадка крупных государств мелкие восстанавливают свои силы быстрее,

¹ Один из цилиндров определенно датируется серединой XIV в. до н. э.

и в XII—IX вв. до н. э. именно небольшие государства Финикии, Сирии и Палестины выдвигаются на первый план [120, с. 35; 178, с. 145—170; 373а, с. 84—85, 98—99]. В этих условиях Тир, который и раньше, вероятно, участвовал в контактах с Западом, теперь полностью перенимает эстафету западных связей у погибшего Угарита [358, с. 21].

По местной храмовой традиции, сохраненной Геродотом (II, 44), Тир был основан в XXVIII в. до н. э. Во II тысячелетии до н. э. он был довольно значительным центром Финикии [106, с. 9, 11; 355, с. 19, 26—29; 462, стб. 1027—1028]. Правда, в традиции встречается упоминание о более позднем основании города. По Юстину (XVIII, 3, 5), его основали сидонцы, бежавшие из разрушенного города за год до Троянской войны, т. е., по традиционной хронологии, в 1195 г. до н. э. Иосиф Флавий (Ant. Jud. VIII, 3, 1) отмечает, что иерусалимский храм был построен Соломоном через 240 лет после основания Тира. По библейским данным, этот храм был завершен на одиннадцатом году правления Соломона (I Reg. VI, 1). И если датировать царствование Соломона 965—928 гг. до н. э. [13, с. 192], то датой основания Тира, по Иосифу Флавию, будет 1194 г. до н. э.²

Совпадение этих дат едва ли может быть случайностью. Явно речь идет о каком-то важном событии в истории финикийского города. Археологические раскопки показывают, что приблизительно в это время, в самом начале XII в. до н. э., филистимляне основывают на палестинском побережье свои города, в том числе Аскалон [254, т. I, с. 108, 125], а именно аскалониты и разрушили, по Юстину, Сидон. По-видимому, после гибели Сидона его жители бежали в Тир, и за счет них население возросло настолько значительно, что возникла легенда об основании Тира сидонцами, и этот факт нашел отражение и в летоисчислении³.

Переселение значительной части сидонцев в Тир должно было, с одной стороны, усилить этот город, а с другой — создать в нем демографическое напряжение, которое при тогдашнем уровне развития производительных сил могло быть снято только в результате выселения части жителей за море⁴. Это обстоя-

² А. ван ден Бранден относит начало царствования Соломона к 971 г. [178, с. 171], и тогда начало новой эры Тира должно прийти на 1200 г. до н. э. Ту же дату принимает О. Эйссфельдт [250, стб. 1883]. П. Санта предлагает датировать начало новой эры Тира 1198 г. до н. э. [215, с. 116, прим. 445].

³ Это обстоятельство было, видимо, использовано позже сидонцами в традиции, подчеркивающей стремление Сидона к утверждению своего первенства в Финикии.

⁴ Роль перенаселения как толчка к колонизации подчеркивает К. Маркс [1, с. 568].

тельство было использовано правящими кругами Тира для достижения своих политических и экономических целей.

Крушение микенских государств создало условия, при которых финикийцы получили возможность обосноваться в некоторых частях Эгейского бассейна. Сведения о проникновении финикийцев в Эгеиду зачастую связаны с такими мифологическими фигурами, как Кадм или Феникс. Им приписывается создание первых финикийских поселений на Родосе (Diod. V, 58, 2) и Фере (Her. IV, 152). Стефан Византийский (v. Κύθηρα) делает эпонимом Киферы сына Феникса Кифера, а Афиней (VIII, 360e) в качестве основателя финикийской общины на Родосе вместо Кадма называет Палланта. Неясно, насколько эти персонажи греческой мифологии, происходившие, по мифам, из Финикии, символизировали реальных финикийцев.

Однако в нашем распоряжении имеются и сведения, не связанные с деятельностью мифологических персонажей. Фукидид (I, 8) называет финикийцев наряду с карийцами морскими разбойниками, обосновавшимися на островах. Упомянув об изгнании карийцев критским царем Миносом, он не говорит о финикийцах, и нет оснований распространять на них это сообщение, считая тех и других современниками. Геродот (II, 44; VI, 47) и Павсаний (V, 25, 12) говорят об основании финикийцами храма Геракла на Фасосе и разработке ими на этом острове золотых рудников между Энирой и Кеирой. Эти названия, по крайней мере второе, считаются семитскими по происхождению [150, с. 106, прим. 2; 466, с. 108—109, прим. 7; 467, с. 284]. По Стефану Византийскому (v. Μῆλος), финикийцы были основателями на Мелосе одноименного города. Им же Геродот (III, 23, 1) приписывает создание храма Афродиты на Кифере. Ничего заведомо неисторического в этих сообщениях нет.

Исследование культа Геракла на Фасосе показывает, что речь идет о тирском Мелькарте [150, с. 88—107; 153, с. 35]. Основываясь на особенностях культа, носящих следы финикийского влияния, Д. ван Берхем предположил, что финикийцы прибыли на Фасос через Кос, Эрифры и Лемнос [150, с. 107—108]. Это предположение подтверждается общим направлением торговых связей догреческого Фасоса, особенно с Лемносом, который, по Гомеру (II. XXIII, 745), был местом финикийского торжища [308, с. 90—91]. По Павсанию (III, 23, 1), в киферском храме Афродита была представлена вооруженной, что мало соответствует эллинским представлениям о богине любви. В то же время вооруженной наподобие Минервы появляется Астарта, финикийская богиня любви, на монетах Секси в Испании [301, с. 13]. Все это позволяет говорить об историчности традиции существования финикийских поселений в Эгеиде.

Далее к западу финикийцы обосновались в Сицилии. Фукидид (VI, 2, 6) замечает, что до прибытия греков вокруг Сицилии на мысах и небольших островках жили финикийцы. Фукидид не дал названия этих мысов и островков. Специалисты же в качестве семитских выделяют такие названия, как Тапс, Пахин, Тамариций, Макара, Мазарес [106, с. 27—29; 149, с. 69—70, 73; 446, стб. 2092; 535, стб. 2489; 536, стб. 1281]. Все эти топонимы связываются с восточным и южным берегами Сицилии или с близлежащими островками. Эти места могли посещаться финикийцами и ранее, судя по уже упомянутой статуэтке, найденной у южного берега острова. Возможно, что финикийцы обосновались и в северо-западной части Сицилии, ибо в мифе о походе Геракла в этот район проступает его финикийская основа [60, с. 10—19].

После Сицилии перед финикийцами открывались Испания (Иберия) и Африка (Ливия). Страбон (I, 2, 3; III, 2, 14), Диодор (V, 20; 35), Веллей Патеркул (I, 2, 3, 4) связывают друг с другом основание финикийских колоний в этих землях. Испания и противлежащий берег Африки были самыми западными районами финикийской колонизации. Важнейшим центром здесь становится Гадес, основанный, по Страбону (III, 5, 5), только после двух неудачных попыток, что объясняется, видимо, сопротивлением местного населения [106, с. 24—25; 474, с. 34—35]. Возможно, что в промежутке между этими двумя попытками тирийцы обосновались в Ликсе на африканском берегу, рассчитывая иметь здесь плацдарм на подступах к Южной Испании [106, с. 23]. Во всяком случае, Плиний отмечает, что ликсийское святилище Геркулеса, т. е. финикийского Мелькарта, было старше гадитанского (XIX, 63).

По Веллею Патеркулу (I, 2, 4), через некоторое время после Гадеса финикийцы основали Утику в средней части Северной Африки. Восточнее Утики позже находился Карфаген. То, что этот город был основан в последней четверти IX в. до н. э., несомненно. Однако вполне возможно, что на его месте уже была какая-то финикийская фактория [26, с. 224—225]. Н. Санта проанализировал традицию, относящую основание Карфагена к XIII в. до н. э. (см. ниже). Он нашел в ней историческое зерно: существование тирского поселения, предшествующего Карфагену, хотя возникнуть это поселение могло и позже XIII в. Называться это поселение могло Бирса (позже — название карфагенского акрополя) или, что менее вероятно, Каккаба. Французский исследователь полагал, что в действиях Зора и Кархедона, которым, по этой традиции, приписывалось основание Карфагена, надо видеть не только миф об эпонимах Тира и Карфагена, но и олицетворение тирских глав в этот район 13

Северной Африки в конце II тысячелетия до н. э. [215, с. 165—177].

Итак, намечаются два пути финикийской колониальной экспансии: один — от Родоса вдоль западного побережья Малой Азии к Фасосу⁵, другой — от Родоса по южной кромке Эгейского архипелага к Сицилии, оттуда к тунисскому выступу Африки и, наконец, вдоль африканского побережья в район Геракловых Столпов в Южной Испании⁶.

Когда же возникли эти пути? Геродот (IV, 147), опираясь в данном случае на местное предание, сообщает, что финикийцы прибыли на Феру за восемь поколений до лаконцев [69, с. 133, прим. 61]. Продолжительность поколений, по Геродоту, колеблется от 30 до 40 лет [132, с. 281], но в целом три поколения составляют приблизительно сто лет [56, с. 112; 322, т. I, с. 439]. Следовательно, финикийцы прибыли на остров на 240 или 320 лет ранее лаконцев. Последние же переселились на Феру, видимо, в самом начале VIII в. до н. э. [345, с. 185]. Таким образом, финикийское прибытие надо отнести к первой половине XI или к самому концу XII в. до н. э.⁷

Фукидид (VI, 112) вкладывает в уста мелосцев утверждение, что их община существует уже 700 лет. Поскольку приписанная мелосцам речь произносилась в 416 г. до н. э., возникновение общины надо датировать 1116 г. до н. э. Разумеется, цифра 700 — округленная, и ее нельзя принимать буквально, да и речь сочинена самим историком, но все же так, как могли произнести сами мелосцы (ср. [77, с. 96—97]). Поэтому временем создания города на Мелосе (а он, по Стефану Византийскому, основан финикийцами) можно считать последнюю четверть или вторую половину XII в. до н. э.

Датировку финикийских опорных пунктов на крайнем Западе дают Мела (III, 46) и Веллей Патеркул (I, 2, 3). Первый утверждает, что гадитанский храм существует со времен Троян-

⁵ Плиний (VII, 197) и Страбон (XIV, 5, 28) приписывают разработку или даже открытие Пангейских рудников во Фракии Кадму. Может быть, финикийцы перебрались и на противоположащий берег Фракии? В таком случае возникает вопрос, нет ли хотя бы доли истины в утверждении Ф. Г. Моверса о финикийцах во фракийской Абдере, одноименной финикийской колонии в Испании [420, с. 284]? См. также [322, т. I, с. 129].

⁶ Еще Ф. Г. Моверс отмечал, что Родос, Фера, Мелос и Кифера лежат на большой дороге к западу [420, с. 256]. О. Мельцер подчеркивал большую роль южного побережья Сицилии [398, т. I, с. 31]. Л. Фуше также считает, что в район современного Туниса финикийцы прибыли, двигаясь от Сицилии, а не вдоль африканского побережья [286, с. 30].

⁷ С. Маринатос, относя лаконское завоевание Феры ко времени не ранее 700 г. до н. э., датирует финикийское прибытие концом микенской эры или протогеометрическим периодом [393, с. 200].

ской войны. По словам второго, Гадес основал на восьмидесятом году после падения Трои, т. е. в 1105 г. до н. э., тирский флот, бывший тогда сильнейшим в мире. Оба автора связывают основание Гадеса с Троянской войной, и это может вызвать некоторые подозрения и сомнения. Но их данные подтверждаются другими, не зависимыми от них сведениями.

Патеркул (I, 2, 4) отмечает, что Утика была основана немного позже Гадеса. В то же время Плиний (XVI, 216) пишет, что храм в Утике, построенный вместе с городом, существует 1178 лет. «Естественная история» была завершена автором в 77 г. н. э. [12, с. 134]. Но ясно, что весь этот труд не мог быть написан, а тем более материал для него не мог быть собран в короткое время. Поэтому отсчитывать время надо не с 77-го года, а с более раннего, точно неизвестного. Но в любом случае слова римского энциклопедиста указывают на конец XII в. до н. э. Ссылка на храм Утики свидетельствует о том, что в основе знаний Плиния лежала храмовая традиция. На какие-то «Финикийские истории» ссылается Псевдо-Аристотель (de mir. ausc. 134), говоря, что Утика была основана за 287 лет до Карфагена. В зависимости от того, какую дату создания Карфагена мы примем (см. ниже), получаем 1112, 1110 или 1101 г. до н. э., что соответствует датировкам Плиния и Веллея Патеркула и подтверждает тем самым датировку последним основания Гадеса.

Таким образом, все дошедшие до нас хронологические указания, в том числе не зависимые друг от друга и не связанные с мифологией, дают близкие даты, укладывающиеся в период с конца XII и до начала XI в. до н. э. Это — первый этап финикийской колонизации.

Фукидид (VI, 2, 6), Диодор (V, 20, 1; 35, 3), Псевдо-Аристотель (de mir. ausc. 135) подчеркивают торговый характер деятельности финикийцев. Важнейшей целью их торговли были драгоценные металлы. Недаром отмеченные выше пути колонизации упирались в Фасос с его золотыми рудниками и богатую серебром Южную Испанию. Главной задачей промежуточных пунктов было, вероятно, обеспечение пути к Фасосу и Испании. Но и сами они, видимо, играли некоторую роль в торговле, поставляя серебро и золото, хотя и в меньших количествах, нурпу-роносные раковины, хлеб [340, с. 36—37; 40, с. 49; 398, т. I, с. 86—89; 448—450]. В обмен финикийцы продавали масло, различные безделушки, разный мелкий морской товар, как пишет Диодор (V, 25, 3). Под товаром надо, по-видимому, подразумевать разукрашенные ткани, амулеты, изделия из слоновой кости и тому подобные вещи [434, с. 147]. Механизм торговли неясен. Видимо, это был «немой» обмен, когда 15

участники сделки выкладывали свои товары до тех пор, пока обе стороны не соглашались их взять (ср. Нег. IV, 196).

В некоторых случаях финикийцы могли сами эксплуатировать рудники. Так было на Фасосе. Геродот, рассказывая об этом (VI, 47), употребляет слово *χτίσαντες* (причастие от глагола *χτίξω*). Он всегда использует этот глагол, говоря об основании города или о первом поселении на данной территории (I, 16; II, 99; IV, 144 и др.). Поэтому и в данном случае можно говорить, что для Геродота финикийцы были основателями фасосских рудников.

Финикийцы основывали и простые опорные пункты для ведения торговли или обеспечения ее безопасности, фактории без постоянного населения, якорные стоянки. Важную роль, по-видимому, играли храмы, дававшие купцам иллюзию божественного покровительства. Некоторые храмы, такие, как фасосский, могли выступать и как организаторы производства. Но надо подчеркнуть, ибо иногда это отрицается [286, с. 28; 355, с. 124; 405, с. 307—309], что уже в то время создавались настоящие колонии с постоянным населением. Выше отмечалось, что непосредственным толчком к колонизации послужило относительное перенаселение Тира; следовательно, избавиться от лишнего населения город мог только в результате вывода колоний с постоянным населением. Юстин (XVIII, 4, 2), говоря об основании Утики, отмечает две причины создания колоний: обилие в Тире жителей и необходимость выселения в колонию молодежи. Высылка излишних и беспокойных элементов, особенно молодежи, была бы бесполезной, если бы речь шла о временной фактории, жители которой должны были вернуться. Гадес в условиях враждебного окружения (а об этом говорят трехкратные попытки его основания) мог существовать только как прочный пункт с относительно значительным и постоянным населением. Об этом же свидетельствует и его название (Гадир, как называли город финикийцы, по-финикийски означает «укрепление»).

Итак, выделяется четко обозначенный во времени и пространстве первый этап финикийской колонизации, имевшей исключительно торговый характер. Промежуток приблизительно в два века отделяет этот этап от следующего.

В первые века I тысячелетия до н. э. положение на Ближнем Востоке изменилось. Рост экономики железного века требовал большого количества металлов, причем не только драгоценных, но и необходимых для непосредственного производства. Экономической причиной возникновения ближневосточных империй, в том числе первой из них, Ассирийской, было объединение под одной властью дополняющих друг друга хозяйст-

44249-4

венных регионов, в том числе источников сырья [39а, с. 13—14]. Колонизация и «подключала» к экономике империй те источники сырья, которые находились вне досягаемости экспансионистских устремлений имперских владык. Со времени первого этапа колонизации главным пунктом связи Древнего Востока с дальним западом Средиземноморья был Тир, «Лондон древности», как его иногда называют [208, с. 35].

В IX в. до н. э. в этом городе обострилась социальная и политическая борьба. Тирские земледельцы, т. е. жители материковых владений островного города, выступили с оружием в руках и требовали новых земель за пределами государства (Curt. Ruf. IV, 4, 2). Саллюстий (Iug. 19, 1) выделяет две причины выселения из Тира: перенаселение и внутреннюю борьбу, когда часть знати из жажды власти, «возбудив плебс и других людей, жадных к новизне», отправилась основывать новые города. Выражение *res novae*, употребленное латинским автором, означает, однако, не просто «новизна», а социальный или политический переворот. Всех недовольных возглавили аристократы, потерпевшие поражение во внутренней борьбе, вроде сестры царя Элиussy, под руководством которой был основан Карфаген. «Беглецы, бежавшие от гражданских раздоров», основали Лептис (Sal. Iug. 78, 1).

Показателем политической нестабильности в Тире была частая смена царей (Ios. Contra App. I, 18). Узурпатор Итобаал, пришедший к власти в 887 [355, с. 129] или 879 г. до н. э. [26, с. 218], был заинтересован в создании новых городов, куда бы он мог отправить потенциальных противников, включая сторонников прежней династии. Возможно, этим объясняется основание Итобаалом Ботриса в самой Финикии и Аузы в Африке (Ios. Ant. Iud. VIII, 13, 2). Вероятно, эти события и надо считать началом второго этапа колонизации.

В Восточном Средиземноморье возможности финикийской колониальной экспансии были ограничены. В Элладе происходит очень сложный и важный процесс «архаической революции», приведший к возникновению полиса (см. [10]). Греко-финикийская торговля продолжалась, как свидетельствуют и пассажи «Одиссеи» (XIII, 272; XV, 415 и др.), и археологические находки [287а, с. 273—278]. Финикийское влияние способствовало возникновению ориентализирующего стиля эллинского искусства. Некоторые финикийцы могли поселиться в греческих городах и даже приобретать гражданство, как предки Фалеса в Милете (Her. I, 170; Diog. Laërt. I, 22). Но для колоний в этой среде не было места. Более того, в результате греческого расселения финикийцы вытесняются с островов Эгейского моря, как это видно на примере Тира (Her. IV, 148) 17

и Родоса (Ath. VIII, 360e). С Фасоса финикийцы были изгнаны, вероятно, в результате так называемого второго великого переселения фракийских племен в IX в. до н. э. [113, с. 156, 176], хотя поселившиеся на острове фракийцы восприняли финикийский культ и передали его грекам [150, с. 108; 308, с. 91—92].

Не доступнее оказались и другие районы Восточного Средиземноморья, где уже существовали сильные и централизованные государства. Там финикийцы могли в лучшем случае поселиться в особом квартале внутри местного города, как, например, в «лагере тирийцев» в Мемфисе (Her. II, 112).

В этих условиях ареной финикийской колонизации становится Западное Средиземноморье.

Говоря о втором этапе финикийской колонизации в Западном Средиземноморье, надо прежде всего подчеркнуть расширение сферы этой колонизации. Теперь в нее входит Сардиния. Стратегическое положение этого острова было очень важным, ибо он открывал путь к Средней Италии, Корсике и Галлии, с одной стороны, и к Испании через Балеарские острова — с другой. Может быть, еще более Сардиния привлекла колонистов своими ископаемыми: была богата серебром, свинцом, медью, железом [314, с. 151—155; 459, с. 59—61]. Славилась Сардиния и своим плодородием (Polyb. I, 79). Традиция отмечает древние связи этого острова с Африкой и Испанией [43, с. 93—108]. По Павсанию (X, 17, 5), иберы под предводительством Норака основали на юге-западе Сардинии Нору. Солин (IV, 1) связывает Норака непосредственно с Тартессом. Видимо, в этом отразились древние связи Сардинии с Южной Испанией.

Едва ли случайно, что именно Нора явилась самой древней, насколько мы можем сейчас судить, финикийской колонией на этом острове. О ее «почтенном возрасте» свидетельствует одна из самых древних финикийских надписей не только в Западном Средиземноморье, но и вообще в финикийском мире (CIS, I, 144), датируемая X—IX вв. до н. э. Приблизительно к этому же времени относятся мелкие надписи из той же Норы и из Босы на западном берегу Сардинии. Древнейшие могилы Норы датируются VIII в. до н. э. Несомненно, в IX в. до н. э. был основан Сульцис, где обнаружены древнейшие слои этого века. В VIII—VII вв. до н. э. возникает колония в Тарросе, в VII—VI вв. — в Битии. К VIII—VII вв. до н. э. относят основание Калариса [137, с. 2—4; 410, с. 227—231; 434, с. 213, 298—305; 441, с. 18—19].

Таким образом, в IX—VII вв. до н. э. на южном и западном берегах Сардинии возникает целый ряд финикийских городов. 48 Как правило, это были важные порты, имевшие две и даже три

(Нора) гавани [424, с. 214—215]. Через них финикийцы осуществляли связи с Пиренейским полуостровом и с внутренними районами Сардинии. Эти внутренние районы очень скоро испытывали влияние пришельцев, как об этом свидетельствует появление в середине VIII в. до н. э. (может быть, даже в самом конце IX в.) местных бронзовых фигурок, возникших под несомненным восточным влиянием [161, с. 350—352; 407, с. 729; 417, с. 134].

Сравнительно рано финикийцы стали сами обосновываться внутри острова. Уже на некотором расстоянии от побережья основывается крепость на Монте-Сираи, созданная жителями Сульциса в VII в. до н. э., во всяком случае не позднее VI в. до н. э. [137, с. 4; 161, с. 351—352; 417, с. 134]. Именно с VIII в. до н. э., со времени прибытия на остров финикийцев, начинается бурное развитие местной сардинской металлургии [161, с. 352; 314, с. 156—182]. Таким образом, в Сардинии финикийцы обосновались на довольно значительной территории, не только на побережье, но и во внутренних районах, и очень скоро после прибытия начали оказывать значительное влияние на местное окружение.

Вторым новым районом финикийской колонизации были небольшие, но очень важные острова между Сицилией и Африкой. Обладание ими определяло господство в западносредиземноморских водах. В первую очередь речь идет о Мелите (Мальте). Диодор (V, 12) пишет, что это был богатый остров, имеющий хороший порт, славящийся своими ремесленниками, особенно ткачами. На этом острове и находилась колония финикийцев, которые использовали его для ведения торговли вплоть до океана. Затем историк говорит о соседнем острове Гавлосе (Гоццо), также имеющем хорошую гавань, на котором тоже была финикийская колония. Раскопки на этих островах подтвердили сообщение Диодора и дали возможность уточнить время появления финикийцев. В некоторых местах (например, в Тас-Силге) археологи дошли до самого нижнего, финикийского слоя, под которым лежали уже слои чисто местной культуры. В результате удалось установить, что финикийцы обосновались на Мелите и Гавлосе в VIII в. до н. э. [209, с. 74—75; 412, с. 65; 434, с. 193, 197]. Исследователи отмечают близость многих аспектов материальной культуры Мелиты к культуре самых отдаленных в географическом отношении финикийских поселений, таких, как Тоскапос в Испании и Могадор у атлантического побережья Африки [209, с. 74—75]. Это сходство находит объяснение в приведенных словах Диодора о торговле мелитских финикийцев с районом, примыкающим к океану. В архитектуре и рельефах Мелиты обнаруживаются связи этого острова с Кип- 19

ром, Финикией и Палестиной [209, с. 74—75]. Все это свидетельствует о том, что Мелита и Гавлос служили важнейшими пунктами связи между метрополией и самыми западными окраинами финикийского мира.

В Южной Испании контакты с финикийцами ускорили экономические и социальные процессы, что привело к разложению первобытных отношений и становлению классового общества. На юге Пиренейского полуострова возникает Тартессийская держава. Археологические исследования показывают, что в этом районе в IX—VIII вв. до н. э. происходят очень важные изменения. Появляется керамика, изготовленная на гончарном круге, а ленная посуда представлена теперь полированными сосудами с украшением в виде темной сетки. Начинают разрабатываться богатые серебряные рудники Риотинто. Появляются первые инструменты и прессы для изготовления оливкового масла. Устанавливаются торговые связи с Британскими островами и Арморикой (совр. Бретань). Появляется нисменность, возникающая под явным финикийским влиянием, и вырабатывается новый стиль каменных stel с изображением воинов и их вооружения. В это время начинают свою жизнь тартессийские поселения в Уэльве и на холме Карамболо [46, с. 149; 165, с. 128—130; 164; 167, с. 254—258, 298—310, 355—411; 172, с. 395—396; 187; 188, с. 95; 303, с. 355; 405, с. 333; 438, с. 61—89; 439, с. 28—30; 447, с. 1—16; 468, с. 232—234; 472, с. 31]. Судя по высказыванию Исайи (XXIII, 10) — «Ходи по своей земле, дочь Таршиша», — можно говорить о каких-то изменениях в политической обстановке на юге Испании к концу VIII в. до н. э. Все это приводит к выводу, что именно в это время, в IX—VIII вв. до н. э., и образуется Тартессийская держава [101, с. 35—39; 202, с. 10—11], чья культура носила ясно выраженный восточный отпечаток [99].

По-видимому, усиление контактов с Тартессом потребовало и создания новых пунктов на Пиренейском полуострове, через которые эти контакты могли бы осуществляться. На побережьях Пиренейского полуострова, главным образом на средиземноморском, с середины VIII до середины VII в. до н. э. создаются финикийские поселения, чьи древние названия неизвестны, поэтому они носят названия современных поселков Тосканос, Чоррерос, Морро-де-Мескитилья и др. [130, с. 156; 167, с. 310—336; 429, с. 26—36; 472, с. 239]. Не позже VII в. до н. э. возникают более значительные финикийские города — Малака, Секси и, вероятно, Абдера (Strabo III, 4, 2—3) [309a, с. 36, 39—40; 429, с. 112; 437].

На противоположном берегу пролива и на атлантическом побережье Африки также обосновываются финикийцы. Южнее

Ликса, у залива, носящего красноречивое греческое название Эмпорик («Торговый»), они создали несколько торговых поселений (Strabo XVII, 3, 2). Самой южной точкой в районе, где появились финикийцы, пока можно считать остров Могадор, на котором обнаружены остатки несомненной финикийской фактории [350]. Финикийцы появляются и на Африканском материке [202, с. 17], хотя в ряде случаев пока еще трудно сказать, идет ли речь о финикийской колонизации или о сильном финикийском влиянии на местное население [434, с. 153; 449, с. 182—184; 448, с. 24; 502, с. 226—227]. Раскопки показали, что фактория на Могадоре возникает не позже VII в. до н. э. [350; 434, с. 153].

В этот период изменяется территория финикийской активности в Сицилии. Ранее главным районом деятельности финикийцев на этом острове были восточное и южное побережье, служившие естественным путем из Эгейского бассейна к Северной Африке. С прибытием греческих колонистов в VIII в. до н. э. финикийцы покидают эти берега и концентрируются в западной части, где они поселяются в городах Мотии, Панорме и Солунте (Thuc. VI, 2, 6). И археологические данные (находки финикийской и греческой керамики второй половины VIII в. до н. э.), и историческая обстановка (греческая колонизация начиная с середины того же, VIII в. до н. э.) говорят о том, что возникновение Мотии надо датировать второй половиной VIII в. до н. э. [38, с. 186; 434, с. 193 и сл.; 149, с. 69—74, 252—254, 296]. Находилась Мотия на небольшом островке у западного берега Сицилии.

Возможно, что в это же время на выдвинутом в море мысе в западной части северного берега острова возникает Солунт [149, с. 251—252]. Расположение Мотии и Солунта соответствует описанию Фукидидом (VI, 2, 6) мест, на которых обосновывались финикийцы; местоположение третьего города — Панорма — не отвечает этому. Поэтому предполагают, что он был самым поздним из всех трех, упомянутых афинским историком [149, с. 250]. Раскопки в панормском некрополе дали греческую керамику конца VII в. до н. э. [38, с. 186; 202, с. 15]. Солунт был, по-видимому, основан еще раньше, может быть, одновременно с Мотией. Солунт и Панорм были расположены по обеим сторонам довольно удобного залива на северном берегу Сицилии, служившего хорошим пристанищем кораблям. Из этого залива открывался путь к Италии и, что, видимо, в то время было еще важнее, к Сардинии. Такое расположение трех городов обеспечивало сицилийским финикийцам прямые связи с территориями, ранее уже колонизованными, — Сардинией и Северной Африкой.

Центральная часть Северной Африки была объектом финикийского внимания уже в конце II тысячелетия до н. э., когда там была основана Утика и, может быть, фактория на месте будущего Карфагена. Тенерь эти земли стали районом интенсивной колонизации. Раскопки в Лептисе пока выявили остатки, которые можно отнести ко второй половине VII и началу VI в. до н. э. [138, с. 10; 183, с. 199—200; 238, с. 77—78]. К началу VI в. до н. э. относятся и древнейшие обнаруженные слои в Хадрумете [268, с. 35]. Что касается Гиппона, то надо сразу отметить, что в древности на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга находились два города с этим названием — Гиппон Акра и Гиппон Царский, и невозможно сказать, о каком Гиппоне говорит Саллюстий (Iug. I, 19). Систематических раскопок, впрочем, не производилось ни в том, ни в другом, так что датировать сообщение Саллюстия археология не помогает. Можно только высказать косвенное соображение: судя по словам римского автора, население названных городов увеличилось через короткое время после их основания, а урбанистический взрыв, доказанный раскопками, относится, видимо, ко второй половине VII в. до н. э. (ранние финикийские стены Лептиса) или даже к началу VI в. до н. э. (нижние слои хадруметского святилища, т. е. тофета); поэтому и основание городов надо отнести ко времени, предшествующему этому взрыву.

Сообщением Саллюстия традиция об основании трех финикийских городов в Африке не исчерпывается. Так, о Лептисе Плиний (V, 76) говорит, что этот город, как и Утика, Карфаген и Гадес, был основан тирийцами. Тирийцам приписывает основание Лептиса и Силий Италик (III, 256). Страбон (XVII, 3, 18) упоминает Неаполь, называемый Лептисом. Естественно, возникает предположение, что кроме названия Лептис город носил еще наименование, воспринятое греками как Неаполь (Новый город), что может быть точным переводом финикийского названия Картахдашт. Однако Плиний (V, 76), перечисляя города североафриканского побережья в том же районе Большого Сирта, отличает Неаполь от Лептиса, располагая между ними города Трафру и Абротон. Поэтому возможно, что географ или его источник ошибся, соединив вместе два города.

Солин (XXVII, 9) упоминает Хадрумет, называя его колонией Тира. Тот же Солин (XXVII, 5) упоминает оба Гиппона. Один из них, Гиппон Акра (называемый позже также Гиппоном Диарритом), называют и другие авторы, в том числе Псевдо-Скилак (111), писатель IV в. до н. э. Перипл Псевдо-Скилака сравнительно подробен, но в нем отсутствует всякое упоминание Гиппона Царского. Поэтому можно присоединиться к со-

мнениям И. Ш. Шифмана [106, с. 37] относительно существования этого Гиппона в IV в. до н. э.

Саллюстий (Iug. I, 19), говоря о трех названных им финикийских городах, отмечает существование и других финикийских городов, не называя их. Одним могла быть Ауза, основанная, как уже отмечалось, тирским царем Итобаалом, другим городом была Сабрата, основание которой Силий Италик (III, 256) приписывает также тирийцам. Вообще на средиземноморском побережье Африки, на территории современных Ливии, Туниса и Алжира, найдено археологами или упоминается в источниках довольно много финикийских городов, но в большинстве случаев нельзя установить, был ли этот город основан финикийцами, прибывшими из метрополии, или уже карфагенянами [434, с. 151—153]. О карфагенских колониях мы пока говорить не будем. Надо, однако, отметить, что в Африке создавали свои города и филикийцы из ранее основанных колоний. Так, по Стефану Византийскому (v. Ἀχόλλα), Мелита вывела колонию в Ахоллу, а, по Силию Италику (III, 257), финикийцы, живущие в Африке и Сицилии (неизвестно какие), основали Эю [238, с. 78].

Важнейшей финикийской колонией в Африке, а затем и центром всего западнофиникийского (пунического) мира явился Карфаген.

Об основании Карфагена говорят многие древние авторы. Эта представленная многими, хотя и фрагментарными сведениями, традиция была уже неоднократно внимательно проанализирована в науке (например, 106, с. 37—44; 215, с. 100—242; 313, т. I, с. 374—401; 398, т. I, с. 105—141; 509, с. 139—235; 520, с. 20—33]. Поэтому нет смысла снова останавливаться на этом вопросе. Мы ограничимся только некоторыми аспектами истории основания Карфагена.

В нервую очередь надо остановиться на обстановке в Африке во время основания Карфагена, т. е. в конце IX в. до н. э. Здесь уже существовали тирская Утика и, может быть, фактория Бирса. За пределами их стен жили западнолибийские племена, которых Геродот (IV, 191) называет максиями, а Юстин (XVIII, 6, 1) — макситанами. Геродот отмечает, что максии были хлебопашцами в отличие от восточных ливийцев — скотоводов и кочевников. Впрочем, кроме хлебопашества они занимались также разведением коз и овец [69, с. 106]. Уровень социального развития западных ливийцев установить трудно.

Наука располагает некоторыми данными о находившихся в постоянных контактах с Египтом восточных ливийцах, о которых сообщают также и греческие авторы, но не имеет пока сведений о западных. Из рассказа Юстина об основании Карфагена 23

(XVIII, 5, 8—17) можно видеть только, что африканцы дружелюбно приняли восточных пришельцев и продали им место для основания города. Карфагеняне долгое время ежегодно платили местным жителям за занятую ими землю. Последнее обстоятельство свидетельствует о праве собственности местного населения на землю, занятую карфагенянами. Юстин (XVIII, 6, 1) называет имя макситанского царя Гиарба. Видимо, в это время у ливийцев уже выделяется родовая знать и появляются «цари», бывшие в первую очередь военными предводителями, под властью которых могли даже на какое-то время объединяться федерации племен [32, с. 83—84; 106, с. 33]. Такой федерацией и был, по-видимому, этнос максиев-макситанов.

Второй аспект, привлекающий внимание, — обстановка в Тире. Все существующие источники единогласно принисывают основание Карфагена сестре тирского царя Пигмалиона, которую называют Дидоной или Элиссой. Последнее имя часто встречается в карфагенских надписях, что и заставляет именно его считать подлинным. В Тире после смерти царя Муттона развернулась борьба между двумя группировками, одна из которых, возглавляемая царем Пигмалионом, сумела, по-видимому, приобрести симпатии народа и одержала верх. Другая, вероятно, группировалась вокруг жречества. После ее поражения был казнен жрец бога Мелькарта Ахерб, который, по словам Юстина (XVIII, 4, 5), занимал в городе второе место после царя. Вдова Ахерба и сестра царя Элисса бежали из города сначала на Кипр, а затем в Африку. То, что на Кипре к беглецам присоединился жрец одного из верховных божеств, которое латинские авторы называют либо Юпитером (Iust. XVIII, 5, 2), либо Юноной (Serv. ad Aen. I, 443), также свидетельствует о жреческо-аристократической принадлежности группировки Элиссы. С царей бежали из Тира также «сенаторы» (Iust. XVIII, 5, 15), т. е. те представители правящих кругов, которые, видимо, выступали против Пигмалиона. Может быть, мы знаем некоторых спутников Элиссы. Одним из них мог быть Битий, которого Сервий со ссылкой на Ливия (ad Aen. I, 738) называет командиром нунического флота. Несколько далее (I, 740) Сервий помещает Бития среди «принцев» нового государства. Существование финикийского города Битии на Сардинии, а также тот факт, что один из нумидийских предводителей (а нумидийцы, как известно, испытывали сильное нуническое влияние) во время III Пунической войны также назывался Битием (App. Lib. 111, 114, 120), позволяет с доверием отнестись к ливиевскому сообщению. Вторым спутником Элиссы был, по-видимому, Мицри. Его потомок Баалей оставил надпись (CIS, 3778),

24 в которой перечисляет 16 поколений своих предков, что позво-

ляет отнести первого из них к последней трети IX в. до н. э. [215, с. 467—469]. Был ли этот Мицри каким-нибудь знатным человеком, мы не знаем, но среди его потомков в Карфагене были люди, занимавшие высшие посты.

Сохранение имен основателей Карфагена неудивительно. В карфагенских аристократических родах, но-видимому, сохранялись предания и традиции, а принадлежность предков к спутникам Элиссы должна была особенно цениться потомками. Если верить Силию Италику (I, 72—74; IV, 745—748), знаменитая семья Баркидов, к которым принадлежали Гамилькар и Ганнибал, возводила себя к тем, кто бежал вместе с царицей, и даже к ее родственникам.

Таким образом, побежденная в междоусобной борьбе жреческо-аристократическая группировка была вынуждена бежать из Тира и, пристав к африканскому берегу, стала основательницей Карфагена [26, с. 223; 106, с. 44].

И встает третий вопрос — когда же был основан Новый город (именно таков дословный перевод названия города, основанного Элиссой — Картхадашт, Карфаген)? Традиция передала нам две основные даты — 814/13 г. до н. э. или немного позже и 825—823 гг. до н. э. (не считая чисто фантастических датировок, относящих возникновение Карфагена к времени Троянской войны или несколько позже). В науке обычно принимается первая дата, относящаяся к сообщению Тимея [32, с. 87; 215, с. 239—240; 313, т. I, с. 398—401]. Однако эта дата не выдерживает сравнения с хронологией, опирающейся на данные ассирийских анналов. Если бегство Элиссы произошло на седьмом году царствования Пигмалиона, как отмечает Менандр Эфесский (*Ios. Contra App.* I, 18), использовавший тирские хроники, то это могло произойти не в 814, а только в 825 г. до н. э., ибо в противном случае дед Пигмалиона Балеазар не мог бы платить дань Салманассару III в 841 г., как об этом сообщают анналы ассирийского царя [26, с. 218]. Согласно Помпею Трогу (*Iust. XVIII*, 6, 9), использовавшему явно местную традицию [106, с. 41], Карфаген был основан на 72 года раньше Рима. Традиция передала различные даты основания Рима — 753, 752 или 751 г. до н. э. [13, с. 72]. Мы, к сожалению, не знаем, какую дату принимал Помпей Трог, но в любом случае он относит создание Карфагена к 825, 824 или 823 г. до н. э. Последняя дата совпадает с той, которую сообщают Соливы (XXVII, 10) и Сервий (*ad Aen.* I, 12). Возможно, что Элисса бежала из Тира в 825 г. до н. э., а прибыла в Африку уже в 823 г. до н. э., и этот год стал годом основания Карфагена.

Сказанное не позволяет, однако, просто отбросить тимеевскую датировку. Сам Тимей, сицилиец, несомненно, знал карфа-

генян и карфагенскую традицию [106, с. 40]. Вероятно, в пунической историографии существовало какое-то направление, которое относило основание города к 814/13 г. до н. э. Вспомним, что и в самом Тире существовало предание, относящее появление этого города к началу XII в. до н. э., хотя он явно существовал уже давно. Видимо, через девять-десять лет после высадки Элиссы и ее спутников в Карфагене произошло событие, которое и было принято частью историков за подлинное основание города. Этим событием могло быть, например, освящение первого храма, построенного на холме Бирсы, или смерть Элиссы и основание Карфагенской республики (см. ниже)⁸.

Итак, скорее всего в 823 г. до н. э. группа беглецов из Тира прибыла в Африку и основала Карфаген. Мы уже отмечали, что, по словам Юстина (XVIII, 5, 8—9), местные жители дружелюбно приняли прибывших и продали им землю для основания города. Но как в таком случае обстоит дело с факторией, которая, возможно, уже существовала на месте будущего Карфагена? Представляется, что объяснение надо искать в том, что финикийцы, обосновавшиеся в фактории, не были собственниками земли, которая продолжала принадлежать максиям, и даже платили хозяевам ежегодную дань (неизвестно, в каком виде и размере), как это делали позже и карфагеняне. Прибытие большого числа пришельцев потребовало расширения территории первоначального поселения, и эта дополнительная территория могла быть куплена. Возможно, в действительности речь шла не об однократной покупке, а об увеличении дани (в соответствии с увеличением населения и территории), что позже трансформировалось в легенду о покупке земли. Иначе трудно объяснить, почему после покупки карфагеняне продолжали платить за землю дань, как пишет тот же Юстин (XVIII, 5, 14)⁹. Характерно, что и утикийцы радостно приняли новопривывших (Iust. XVIII, 6, 2). По-видимому, рост финикийского населения укреплял их позиции по отношению к местному населению.

Таким образом, история основания Карфагена свидетельствует, во-первых, об ожесточенной внутренней борьбе в Тире, в ходе которой жреческо-аристократическая группировка потерпела поражение и часть ее (видимо, наиболее активная) была вынуждена эмигрировать; во-вторых, эмигранты поселились на территории, уже известной финикийцам, где неподалеку существовала Утика, а на самом месте нового города — небольшое

⁸ Эти соображения высказал И. Ш. Шифман, за что мы его искренне благодарим.

⁹ И. Ш. Шифман [106, с. 44—45] считает, что покупка земли отражает первый этап ливийско-карфагенских отношений, а аренда — второй, когда город стал разрастаться.

финикийское поселение; в-третьих, наиболее вероятной датой основания Карфагена надо считать 823 г. или, во всяком случае, промежуток между 825 и 823 гг. до н. э.

Итак, выделяется второй этап финикийской колонизации. Он охватывает IX—VII вв. до н. э., совпадая частично с Великой греческой колонизацией. Мы отнесли его начало к правлению тирского царя Итобаала. Вероятно, наибольший размах колонизация приобретает во второй половине IX в. до н. э., когда тирійцы начинают колонизовать Сардинию и радикально расширять свое присутствие в Африке, основав Карфаген и другие города. По Диодору (VII, 13), финикийцы обладали талассократией, т. е. господством на море, в течение 45 лет. Эта талассократия неречисляется седьмой в диодоровском списке, начинающемся от Троянской войны, и это датирует ее второй половиной IX в. до н. э. В VIII в. до н. э. финикийцы продолжают расширять сферу колонизации в Африке и Сардинии; вытесненные с юга и востока Сицилии, они концентрируются на ее западе, обосновываются на Мелите и Гавлосе, создают новые поселения в Испании. В VII в. до н. э. увеличивается территория финикийцев в Африке, Сардинии и Испании; они занимают некоторые пункты побережья и острова у атлантического берега Африки.

По-прежнему основная цель финикийцев — приобретение металлов. Но теперь речь идет уже не только о золоте и серебре, но и о металлах, необходимых для непосредственного производства. Иезекиил (XXVII, 12), перечисляя таршишские товары, говорит не только о серебре, но и о железе, свинце и олове. Еще одной целью колонизации теперь является и приобретение земель: недаром центр тяжести колонизационной активности во многом перемещается из Испании в центр средиземноморского бассейна — в плодородную Сардинию и славившийся своими земельными богатствами тунисский выступ Африки. Сама колонизация приобретает гораздо больший размах. Хотя по-прежнему единственной метрополией остается, по-видимому, Тир (участие сидонцев остается недоказанным). Число переселенцев увеличивается.

Увеличение масштабов колонизации привело к тому, что ее характер изменился. Теперь колонизацию уже нельзя назвать сугубо торговой. В колониях развивается ремесло, земледелие и, разумеется, рыболовство. Это особенно хорошо видно на примере испанских поселений [167, с. 355—398]. Уже на первом этапе колонизации возникли настоящие города, как, например, Утика и Гадес. На втором этапе число таких городов увеличивается. Наряду с ними существуют и небольшие поселки с довольно разнообразной, однако, экономикой (Тосканос в Испании), и поселки с развитием преимущественно одной отрасли

хозяйства, например торговли (Могадор у берегов Северо-Западной Африки). По-видимому, продолжают существовать и вновь возникать временные фактории, каковой была, вероятно, первоначально Сабрата, где только позже возникает постоянное поселение [152, с. 70]. Финикийцы проникают и внутрь территорий (Сардиния).

Изменяются отношения колонистов с местным населением. К этому времени последнее уже обладало достаточным уровнем развития, чтобы вступить в разнообразные контакты с пришельцами. В Испании создается Тартессийская держава, где существовало классовое общество и государство. Другие районы колонизации хотя и не достигли этого уровня, но все же стояли на сравнительно высокой ступени социально-экономического развития (например, районы проживания максиев и Сардиния). Их контакты с финикийцами не ограничивались торговлей или конфронтацией, но охватывали всю экономическую, политическую и культурную сферу. Там, где существовало классовое общество (Тартесс), возникает местная ориентализирующая цивилизация, носящая очень сильный финикийский отпечаток, но не сводимая к финикийской. В других случаях такая цивилизация не возникает, но финикийское влияние обнаруживается достаточно ясно, как это было в Сардинии, Сицилии, Африке.

Разумеется, не могло не существовать и обратное влияние. Этим, в частности, объясняются различия в локальных ответвлениях западнофиникийской культуры. Недаром на западе Средиземноморья выделяются по крайней мере два круга западнофиникийской цивилизации: испанский (к которому присоединяется и территория по африканскую сторону пролива) и пунический, который и является темой настоящей работы.

В итоге можно говорить, что на втором этапе финикийская колонизация представляет собой более сложный процесс и осуществляется в более широких масштабах. Если на первом этапе она была преимущественно торговой и односторонней (местное население практически никак не влияло на развитие колонизационного процесса, представляло собой лишь фон колонизации и было пассивным поставщиком необходимых продуктов, в лучшем случае воздействуя только на темп колонизации, как это было в Испании), то на втором — характер ее меняется. Теперь наряду с торговым аспектом выявляются (а в некоторых случаях и выходят на первый план) и другие: ремесленный и аграрно-рыболовецкий. Взаимодействие с местным населением приводит к тому, что местное население выступает в качестве важного компонента самого колонизационного процесса.

На этом этапе финикийцы создают ряд значительных центров в Западном Средиземноморье. Среди них — Карфаген.

Во время второго этапа финикийской колонизации в последней четверти IX в. до н. э. тирийцы основали Карфаген (см. карту № 1). В это время тирские колонии, вероятнее всего, не были абсолютно независимыми в отличие от греческих, а составляли часть Тирской державы, хотя и пользовались значительной автономией.

Каково было положение Карфагена? Рассматривая этот вопрос, надо в первую очередь отметить, что связи между Карфагеном и его азиатской метрополией несомненно существовали. Раскопки показали, что первоначальная карфагенская керамика однотипна финикийской [215, с. 324—370, 463—466]. Возможно, значительная часть ее была привезена из метрополии, а не изготовлена в Африке. Наличие связей с метрополией подчеркивает и письменная традиция. Геродот (III, 19) говорит, что финикийцы Азин рассматривали карфагенян как своих детей. В свою очередь карфагеняне, если верить Курцию Руфу (IV, 2, 10), почитали тирийцев как своих родителей.

Диодор (XX, 14) указывает на десятину, которую с давних времен выплачивали карфагеняне тирскому храму Мелькарта. Возвысившись, продолжает историк, карфагеняне уменьшили долю, отправляемую в Тир, по вторжение сиракузского тирана Агафокла, поставившее под угрозу само существование карфагенского государства, заставило устрешенный Карфаген возобновить выплату десятины. Диодор не уточняет время, когда карфагеняне проявили пренебрежение к тирскому храму. Можно думать, что это произошло уже после середины VI в. до н. э., ибо тогда карфагенский полководец Малх, по свидетельству Юстина (XVIII, 7, 7), еще отправлял десятую долю своей сицилийской добычи в Тир. Позже, в 405 г. до н. э., в Тир была отправлена большая бронзовая статуя Аполлона, захваченная карфагенянами в Геле в Сицилии (Diod. XIII, 108). По словам Курция Руфа (IV, 3, 22), свою добычу из захваченных городов пунийцы вообще предпочитали переправлять в метропо-

лию, а не украшать ею город. Торжественные посольства карфагенян в Тир засвидетельствованы в разные периоды. Известно, что нослы из Карфагена находились в этом городе во время осады его Александром Македонским в 332 г. до н. э. (Curt. Ruf. IV, 2, 10; Arr. Anab. II, 24, 5).

Свидетельствует ли это о политической зависимости Карфагена от Тира? Все источники говорят об уважении, которое проявляли карфагеняне к метрополии и ее главному богу — его рассматривают и как покровителя колонизации и колоний (см. ниже), но не о политических связях. Так, Арриан (IV, 2, 10) выразительно называет карфагенских послов теорами, т. е. послами, чья миссия связана главным образом с культовыми целями, прибавляя, что они прибыли для того, чтобы воздать честь Гераклу, как греки обычно называли Мелькарта. По сообщению Курция Руфа (IV, 2, 11), карфагеняне обещали скорую помощь осажденным тирийцам. Историк говорит, что это обещание сопровождалось призывом стойко выносить осаду города, причем инициаторами и убеждения, и обещания были послы. Едва ли у карфагенских послов были время и возможность спестись с правительством, так что можно думать, что это было их личной инициативой. Характерно, что карфагенская помощь тирийцам все-таки не пришла, и карфагеняне ограничились только сочувствием (IV, 3, 19) и заботой о женах и детях тирийцев (IV, 3, 20). Надо отметить, что священные посольства из Карфагена в Тир отправлялись и тогда, когда финикийский город уже входил в состав эллинистических государств. Последнее такое посольство зафиксировано Полибием (XXXI, 12) для 162 г. до н. э. В условиях, когда Тир сам не был независимым, эти посольства не могли свидетельствовать о политической зависимости Карфагена.

Итак, мы видим, что отношения между метрополией и колонией были построены в какой-то степени по образцу семейных отношений: тирийцы выступали в качестве родителей, а карфагеняне — детей. Последние почитали первых и приносили знаки своего почитания как городу вообще, так и его главному храму. В принципе обе стороны не могли воевать друг с другом, и это могло быть оформлено специальным актом, судя по упоминанию Геродотом (III, 19) клятвы, на которую сослались финикийцы, отказавшись, несмотря на настояния персидского царя, выступить против Карфагена. На колониях мог лежать моральный долг помогать метрополии, и эта помощь могла быть как прямой (хотя такие случаи неизвестны), так и косвенной: например, прием женщин и детей из Тира, что облегчило положение осажденных. Следовательно, связи были скорее духовными, чем политическими. Они напоминают отношения между

метронолиями и колониями, сложившиеся в греческом мире [47, с. 166—167].

Надо, однако, заметить, что обычное, по-видимому, на Востоке представление о юридической зависимости колонии от метронолии повлияло на отношение к Карфагену чужеземных царей. Именно этим объясняется упоминание Мегасфеном, которого цитируют Иосиф Флавий (Ant. Jud. X, 11, 1) и Страбон (XV, 1, 6), походов египетского фараона Тахарки (Теархона) и вавилоиского царя Навуходоносора (Набокодросора) вплоть до Геракловых Столпов [313, т. I, с. 418]. Еще отчетливее выявились претензии персидского царя Дария. Как рассказывает Юстин (XVIII, 1, 10—13), этот владыка приказал карфагенянам отказаться от человеческих жертв, погребения трупов и поедания собак, а также потребовал помощи в войне с греками. Автор отмечает, что запреты карфагеняне приняли, но главное политическое требование царя отвергли. Впрочем, если принять этот рассказ на веру, надо заметить, что и запреты были приняты только для виду, ибо до самого конца существования своего государства пунийцы продолжали практиковать и человеческие жертвоприношения, и трупоположение. Итак, независимо от того, считал ли персидский царь себя сувереном Карфагена (на основании своего суверенитета над Тиром) или нет¹, фактически политическая власть его на этот африканский город не распространялась.

Преемник Дария Ксеркс уже сделал из этого выводы. По словам Диодора (XIII, 1), он отправил послов в Карфаген не с приказом помогать ему в планируемой войне с греками, а ради договоренности о «совместном предприятии». Историк употребляет слово *κοινοπραγία*, подчеркивающее равноправие сторон. При этом, по словам того же автора, был заключен договор (*συνθήκαι*) между персами и карфагенянами. Наличие договора также подтверждает равенство африканских финикийцев с персидским царем². Таким образом, мы видим, что если сначала персидские владыки и пытались рассматривать Карфаген как зависимое государство, то уже в начале V в. до н. э. должны были практически признать его полную независимость. Никаких претензий на политическую власть над собой карфагеняне не принимали.

¹ В надписи Дария среди областей и народов, подчиненных царю, упоминаются мексии и Карка. Некоторые ученые полагали, что речь идет о максиях и Карфагене [86, т. II, с. 132, 138; 398, т. I, с. 499]. Однако, как отметил С. Гзелья, эта гипотеза очень спорная [313, т. I, с. 419].

² Словом *συνθήκαι* Диодор (XVI, 69) называет и договор между Карфагеном и Римом, в котором о каком-либо подчинении одной стороны другой не могло быть и речи.

Из рассмотренного материала вытекает, что Карфаген занимал среди финикийских колоний независимое и особое положение. По-видимому, это объясняется тем, что он был основан не тирским правительством, как Утика или Ауза, а политическими эмигрантами, враждебными правительству [106, с. 47]. Такое положение, вероятно, и позволило ему встать во главе западнофиникийского мира. Возможно, этому способствовало то, что во главе колонизационной экспедиции стояла представительница царского рода, и это увеличивало престиж Карфагена среди западных финикийцев [207, с. 34].

Историю первых лет Карфагена мы знаем плохо. Как было отмечено, местное население радушно приняло прибывших финикийцев. Однако вскоре отношения, вероятно, испортились. Юстин (XVIII, 6, 1—7) рассказывает, что после основания Карфагена макситанский царек под угрозой войны потребовал руки Элисы, которая, однако, предпочла самоубийство. Сервий (ad Aen. IV, 36) сохранил вариант традиции, по которому война даже состоялась, но была, по-видимому, прервана из-за самоубийства царицы. Наконец, у Свиды (v. Φοινίκων συνθήκαι) сохранилось враждебное карфагенянам предание, согласно которому финикийцы, которые основали Карфаген, просили у местных жителей приюта только на ночь и на день, но по прошествии этого времени отказались уйти. Во всех этих сказаниях, видимо, отразился расцвеченный легендарными подробностями факт резкого обострения отношений между Карфагеном и окружающим населением вскоре после основания города. Чем это было вызвано и чем закончилось, мы, к сожалению, не знаем.

А затем, по словам Х. Леншау, тьма лежит на начальном периоде карфагенской истории [376, стб. 2224]. Письменные источники ничего больше не говорят о Карфагене на протяжении первых полутора столетий его существования. Только археология позволяет несколько прояснить это время.

В начале своей истории Карфаген представлял собой сравнительно небольшой город, почти или совсем не имевший земельных владений. Да и за территорию, которую он сам занимал, он должен был платить арендную плату, или дань, местному населению. Торговые связи объединяли его главным образом с метрополией. В слоях святилища «Типит I» и в древнейших могилах некрополя обнаружены керамика, маски, амулеты, подобные финикийским и кипriotским [215, с. 324—368, 434]. Часть этих вещей могла быть изготовлена на месте в старых традициях, вывезенных с родины, а часть привезена из Азии. В это же время в Карфагене начинают появляться и египетские вещи, в основном амулеты [215, с. 450—452]. Уже в VIII в. до н. э. появляются финикийские изделия в Этрурии [34, с. 520; 33

268, с. 189; 421, с. 16]. Однако до середины VII в. до н. э. доставляли их туда скорее всего восточные финикийцы [387, с. 192].

Начало VII в. до н. э. приносит значительные изменения. Расширяется, по-видимому, сам город. Изменяется керамика, находящаяся в святилище «Тиннит II» и одновременных ему могилах, причем возрождаются старые ханаанейские традиции, забытые в Финикии и не проявляющиеся в Карфагене в VIII в. до н. э. Расширяется ареал карфагенской торговли. Раскопки показывают большое количество греческой, особенно коринфской и протокоринфской, керамики, привозимой в Карфаген, видимо, непосредственно из Эгейского бассейна. Теперь можно уверенно говорить о карфагено-этрусской торговле: не только финикийские вещи встречаются в Этрурии, но и этрусские изделия, прежде всего сосуды bucchero, в довольно большом количестве находят в Карфагене. Расширятся связи карфагенин с Египтом, откуда, в частности, приходят многочисленные скарабеи с именами фараонов XXVI династии [34, с. 520—521; 175, с. 11—38; 215, с. 370—375, 390—423, 429—460; 268, с. 189—190; 386, с. 368—374]. Начало этих изменений приходится приблизительно на первую четверть VII в. до н. э. П. Санта связывает их с событиями на Востоке, с разрушением ассирийцами Сидона и осадой Тира, после чего многие финикийцы могли эмигрировать на Запад, в том числе и в Карфаген [215, с. 370—375, 440]. Такое предположение вполне вероятно, и оно, кажется, хорошо объясняет подъем Карфагена в это время.

Став значительным торговым центром и получив, вероятно, новое пополнение, Карфаген смог приступить к активной колонизационной деятельности. О первом акте колонизационной активности Карфагена сообщает Диодор (V, 16, 23): карфагеняне через 160 лет после основания своего города вывели колонию на остров Питиуссу (совр. Ибиса), где создали город Эбес. Если принять датой основания Карфагена 823 г. до н. э., то выведение колонии на Питиуссу надо отнести к 663 г. до н. э. Впрочем, число 160 округленное и, вероятно, приблизительное. Поэтому предпочтительнее датировать основание Эбеса около середины VII в. до н. э. Этим временем датируются и древнейшие пунические статуэтки, найденные на Питиуссе [300, с. 340], что подтверждает в целом сообщение Диодора.

Выведение первой колонии в этот район не было случайностью. Южная Испания, где в это время существовала Тартессийская держава, своими богатствами притягивала средиземноморских торговцев. На юге Пиренейского полуострова и вблизи него уже существовала целая сеть тирских поселений различного типа. Выступать в тот период против интересов своей

метрополии и внедряться в эту сеть Карфаген, видимо, не мог и не желал. Поэтому он искал обходной нуть к Испании, и Эбес вполне мог быть хорошим плацдармом на подступах к испанским берегам в обход тирских колоний. К тому же он находился на «островном мосту», с далекой древности служившем связью между Испанией и Центральным Средиземноморьем. Обладание Эбесом позволило Карфагену занять ключевую позицию в этом районе. Однако непосредственно на Пиренейский полуостров карфагеняне в тот промежуток времени проникнуть не смогли. Археология показывает, что они появились там только в самом конце VI в. до н. э. [167, с. 234]³.

В конце VII — начале VI в. до н. э. в район крайнего запада Средиземноморья устремились греки из Фокеи, основавшие около 600 г. до н. э. Массалию в Галлии и стремившиеся установить контакты с Тартессом. Это, естественно, вызывало враждебную реакцию карфагенян. Первый акт борьбы с фокейцами, о котором сообщают Фукидид [I, 13], Павсаний (X, 8, 6; 18, 7) и Юстин (XLIII, 5, 2), развертывавшийся в начале VI в. до н. э., завершился поражением Карфагена и установлением фокейской талассократии (Diod. VII, 13). Правда, Эбес остался у карфагенян, но фокейцы, по-видимому, сумели его парализовать⁴.

Эта неудача на крайнем западе Средиземноморья заставила карфагенян обратиться к его центру. Они выводят свои колонии и к востоку, и к западу от своего города и подчиняют себе уже существующие колонии тирийцев. Примером карфагенских колоний можно назвать Керкуан, расположенный сравнительно недалеко от Карфагена; он основан незадолго до середины VI в. до н. э. [406, с. 197]. Приблизительно в это же время карфагеняне утверждают в старых финикийских городах Хадрумете и Лентисе [183, с. 200; 238, с. 78; 286, с. 33]. Возможно, что в это же время они обосновываются в Сабрате, к западу от Лентиса [152, с. 70; 434, с. 152]. Утверждение карфагенян на берегах Сирта и вблизи них было вызвано стремлением взять в свои руки торговлю с внутренними районами Африки. Лептис

³ Ж. Феррон относит появление карфагенян на Пиренейском полуострове к более раннему времени: основываясь на прочтении им имени «Магон» на погребальной урне из некрополя финикийского города Секси в Испании, он утверждает, что этот город был основан не тирийцами, а карфагенянами до конца VIII в. до н. э., так как, по его мнению, имя «Магон» часто встречается в Карфагене, но не отмечено в Финикии или на Кипре [267, с. 258—264]. Однако на черепке из сидонского храма Эшмупа начала IV в. до н. э. читается иероглиф *bn mgn* [528, с. 32], что доказывает существование этого имени в Финикии и подрывает тем самым главное доказательство Ж. Феррона.

⁴ Подробнее об этом см. [99, с. 26—29].

(а может быть, и некоторые другие финикийские города) находился на выходе транссахарских нутей к средиземноморскому побережью. Между Лентисом и Карфагеном нунийцы создают ряд торговых и якорных стоянок, которые должны были обеспечить безопасное плавание между этими двумя городами. Псевдо-Скилак (110, 111), перечисляя эти города и фактории, отмечает, что расстояние между двумя такими пунктами равно одному дню или одной ночи пути. Эта область Карфагенской державы вошла впоследствии в античную науку под греческим названием Эмпории, т. е. Торговая область (Liv. XXXIV, 62). Отсюда карфагеняне извлекали огромные богатства. По словам Ливия (XXXIV, 62), один только Лептис вылачивал им по десять талантов. К VI в. до н. э. относятся первые следы присутствия карфагенян на территории современного Алжира [365, с. 11; 434, с. 153].

Добровольно ли признали власть Карфагена другие колонии Тира? Обычно считают, что греческая угроза заставила западных финикийцев сплотиться вокруг Карфагена (см., например, [334, с. 344; 506, с. 28]). Эллины к тому времени обосновались в Киренаике. Нам известно о войне карфагенян с греками в Африке (см. ниже), однако противниками эллинов выступают именно карфагеняне. Поэтому можно полагать, что ко времени этой войны (или войн) Лептис, как, по-видимому, и другие финикийские города к юго-востоку от Карфагена, находился уже под властью карфагенян⁵. В то же время установление карфагенского господства задевало экономические интересы лептийцев, о чем ясно говорит та дань, которую они платили Карфагену. Это позволяет предположить, что подчинение Лентиса не было добровольным. Такое предположение хотя и гипотетично, но вполне вероятно.

Подчинение Карфагену территории в Африке привело к изменению в этой части света. Теперь карфагеняне едва ли могли терпеть прежнее состояние вещей, при котором они, не имея практически земель вне пределов города, платили дань окружающим их ливийцам. Попытка освободиться от этой дани связана с именем полководца Малха⁶, которому Юстин (XVIII, 7, 2) приписывает «великие дела», совершенные «против афров», т. е. явно против местного населения, живущего в окре-

⁵ В науке существует предположение, что подчинение Лептиса Карфагену явилось следствием разгрома отряда спартанского царевича Доризия в конце VI в. до н. э. [106, с. 86]. Однако Геродот, рассказывая об этом событии, упоминает, как мы увидим, только местных союзников карфагенян и самих карфагенян, а это делает более вероятным предположение, что Лептис уже входил в состав Карфагенской державы.

⁶ В рукописях Maleus, или Mazaeus.

стностях города. Однако надо учесть, что позже максии, ближайшие соседи Карфагена, выступают в войне как равноправные союзники карфагенян (см. ниже) и, следовательно, нет речи об их подчинении, и «великие дела» Малха этого подчинения не означают. Тот же Юстин (XIX, 1, 3) отмечает, что в более позднее время карфагеняне в течение многих лет не платили дань афрам. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что результатом войны Малха в Африке было освобождение Карфагена от уплаты дани [106, с. 85; 313, т. I, с. 463; 398, т. I, с. 160].

Малху римский историк приписывает и «великие дела» в Сицилии, часть которой карфагенский полководец покорил. На этом острове размежевались сферы эллинов и финикийцев. За последними осталась западная часть. Однако около 580 г. до н. э. [398, т. I, с. 158; 525, с. 324] группа кнidian и родосцев во главе с Пентатлом попыталась вторгнуться в финикийскую область и обосноваться на мысе Лилибей в непосредственной близости от Мотии. Это угрожало не только финикийцам, но и элимам, являвшимся, по Фукидиду (VI, 2, 6), союзниками финикийцев. Диодор (V, 9) рассказывает, что против Пентатла выступили жители элимского города Эгесты и разбили греков, а сам предводитель погиб. Павсаний (X, 11, 3—5), ссылаясь на Антиоха Сиракузского, включает в число врагов Пентатла и финикийцев. Но были ли этими финикийцами карфагеняне? Сообщение Павсания ничего об этом не говорит, так как у греков не было термина типа «пунийцы», который сразу позволил бы отличить карфагенян. Фукидид, говоря о концентрации финикийцев в западной части Сицилии, среди причин выбора именно этого места называл и близость к Карфагену. Однако вполне возможно, что историк перенес современную ему ситуацию на более раннее время. Из всего сказанного выше вытекает, что в VIII в. до н. э. Карфаген не мог еще играть столь значительную роль, чтобы его близость определяла финикийский выбор. Скорее речь шла вообще об укреплении позиций на кратчайшем пути к африканскому побережью с его тирскими колониями. Нет никаких оснований полагать, что и к 580 г. до н. э. карфагеняне играли какую-либо роль в Сицилии.

Точная датировка походов Малха в Сицилию спорна, ибо Юстин не дает никаких хронологических указаний. Учитывая, однако, упоминание Орозием (IV, 6) одновременности походов карфагенского полководца и персидского царя Кира, кажется приемлемой датировка войн Малха в Сицилии 60—50 годами VI в. до н. э. [106, с. 70; 417, с. 29]. Юстин не указывает, какая часть острова была покорена Малхом. Однако стоит отметить, что в рассказе Геродота (V, 46) о борьбе со спартанцем 37

Дориэем в западной части Сицилии элимы из Эгесты названы равноправными союзниками карфагенян⁷. И в качестве таковых они были еще довольно долго. Только в 410 г. до н. э. эгестийцы, принужденные к тому неудачами в борьбе с греческим городом Селинунтом, согласились, по словам Диодора (XIII, 43), передать свой город карфагенянам. Следовательно, до 410 г. элимы оставались независимыми от Карфагена. Поэтому речь может идти только или о сиканах, населяющих юго-западную часть острова (но не о сикулах, живших в греческой сфере), или о сицилийских финикийцах. Для этого времени у нас нет сведений о подчинении больших территорий местных племен. Подчинение же сицилийских финикийцев вписывается в общую картину становления Карфагенской державы, включающей в себя в это время тирские города. Поэтому предпочтительней кажется мысль, что Малх подчинил Карфагену финикийские города Западной Сицилии.

После побед в Африке и Сицилии, по-видимому, в 545—535 гг. до н. э. [417, с. 134] Малх со своей армией переправился в Сардинию, но здесь потерпел поражение (Just. XVIII, 7, 1). Приговоренный со всем своим войском к изгнанию, он вернулся в Карфаген, попытался произвести государственный переворот, но после первых успехов был разбит и казнен (Just. XVIII, 7, 2—18). Первенствующее положение в государстве занял Магон. С правлением Магона и его преемников связан наивысший расцвет могущества Карфагенской державы.

Активное вторжение в Центральное Средиземноморье привело карфагенян к необходимости урегулировать и оформить свои отношения с соседями, и первую очередь с этрусками, в том числе с городом Цере. В Карфагене обнаружено могильное сооружение с цилиндрической колонкой церетанского типа [433, с. 114], а в Цере найдены карфагенские антропоморфные стеклянные сосуды с фигурой бога Хани [268, с. 190]. О связях двух городов говорит название одной из церетанских гаваней — Пуническая. В другой гавани — Пиргах — были найдены знаменитые золотые пластинки на финикийском и этруском языках с посвящением богине, которая в пуническом тексте именуется Астартой, а в этруском — Уни-Астартой (точнее, по-этруски Асти-Астрой). То, что церетанский царь Теофарие Великий почитал карфагенскую богиню и оставил посвященную надпись в ее честь и даже построил святилище, свидетельствует о тесной связи с Карфагеном. Еще показательнее наличие на церетанской территории синкретического культа Уни-Астарты.

⁷ Геродот в данном случае говорит просто о финикийцах, но позже 38 (VII, 158), упоминая те же события, уже прямо называет карфагенян.

Сейчас эти надписи датируют обычно около 500 г. до н. э. [155, с. 171, 207, с. 70]. Однако, учитывая необходимость длительного сосуществования этрусков и карфагян для появления такого культа, можно с уверенностью говорить, что эти пластинки подтверждают тесные карфагено-церетанские контакты и в предшествующее время. Цере, конечно, не был единственным контрагентом пунийцев в Этрурии. Восточные памятники, доставляемые в Этрурию карфагенянами, встречаются и в других местах этой территории [34, с. 520—521; 386, с. 368—374].

Положение осложнилось, когда в 60-х годах VI в. до н. э. греки из Фокеи, установившие к этому времени свою талассократию (см. выше), теперь попытались укрепиться и в центре Средиземноморья, основав свою стоянку в Алалии, на восточном берегу Корсики (Her. I, 165). Алалия была расположена на важнейших торговых путях, связывающих Африку и Галлию, Италию и Галлию, Италию и Испанию [346, с. 12—16]. По-видимому, создание Алалии и имело целью утвердиться на этих важных морских дорогах Тирренского моря. Не исключено, что фокейцы сделали тогда же попытку обосноваться и на Сардинии, в том числе на юге, в непосредственной близости от финикийского Калариса [408, с. 863].

Усиление фокейцев угрожало как некоторым этрусским городам, в том числе Цере, одному из важнейших торговых центров Этрурии, так и пунийцам. Оно заставило тех и других теснее сплотиться и, видимо, толкнуло их к тому, чтобы закрепить уже существующие торговые связи специальными соглашениями, прибавив к ним трактаты о взаимных гарантиях своих сограждан и договоры о военном союзе, т. е. те дипломатические акты, о которых говорит Аристотель (Pol. III, 5, 10, 1280a, 36—37) [189, с. 1241—1242].

Позиции обеих сторон еще более сблизились после того, как около 540 г. до н. э. фокейцы, бежавшие на Запад от персидского господства, поселились в Алалии (Her. I, 165—166), в результате чего эта промежуточная стоянка и стратегическая база могла сама стать важным торговым и политическим центром данного района Средиземноморья. Может быть, именно к этому времени относится соглашение о военном союзе, упомянутое Аристотелем. По словам Геродота (I, 166), карфагеняне и этруски пачали войну с фокейцами, действуя на основе «общего решения» (κοινὸν λόγῳ). В объединенный флот союзники выставили по 60 кораблей. Это сообщение Геродота может говорить о наличии предварительного решения и о стремлении подчеркнуть равенство сторон: никто не должен был иметь перевеса, дабы общая победа не пошла на пользу только одному союзнику. Возможно, сама цифра была предложена карфаге-

нянами, ибо в финикийских эскадрах обычно было 60 или кратное этому числу количество судов [456, с. 74].

В морской битве при Алалии приблизительно в 535 г. до н. э. фокейцы одержали победу, но фактически потеряли весь свой военный флот (из 60 кораблей 40 погибло, а остальные стали небоеспособными), так что греки были вынуждены покинуть Корсику и перебраться в итальянский Регий, позже основав в Италии Элею (Нер. I, 166—167). Эта битва способствовала более четкому разграничению сфер влияния в районе Тирренского моря [334, с. 344—345]. Сардиния попадает в сферу влияния пунийцев. Если греческие поселения здесь до этого и существовали, теперь они должны были исчезнуть. Эллиническое влияние полностью вытесняется. Именно во второй половине VI в. до н. э. карфагеняне устанавливают свое влияние, а затем и власть над этим островом [137, с. 1, 4]. К концу века значительная часть Южной и Юго-Западной Сардинии уже была подчинена Карфагену. Карфагеняне не ограничились прибрежной полосой, а начали довольно глубокое проникновение во внутренние районы острова [137, с. 4—6].

Приблизительно через 20 лет после битвы при Алалии Карфагену пришлось вновь столкнуться с эллинами, но на этот раз в Африке. Геродот (V, 42) упоминает о попытке спартанского царевича Доризя основать колонию на р. Киниц, т. е. на самой территории Карфагенской державы немного восточнее Лептиса. Но словам историка, нуть спартанцам указали жители Феры, метрополии Кирены. В то же время Саллюстий (Iug. LXXIX, 3—4) рассказывает о длительной войне на суше и на море, которую вели карфагеняне и киренцы. Отсюда весьма обоснованно положение, что экспедицию Доризя надо рассматривать как один из эпизодов карфагено-киренской войны [106, с. 85]. Завершилась война заключением мира, закрепившим за карфагенянами большую часть спорной территории (Sal. Iug. LXXIX, 4—10). Судя по рассказу Геродота, местные племена, ливийцы и маки (т. е. явно те же максии, о которых он упоминает несколько выше) выступали вместе с Карфагеном как его союзники.

Греки угрожали карфагенянам в Африке не только к востоку, но и к западу от Карфагена. Гекатей (F. gr. Hist. I, fr. 343) упоминает ионийский город Кибос, расположенный, возможно, недалеко от Гипнона Акры. В том же приблизительно месте Псевдо-Скилак (111) упоминает Питекусскую гавань и рядом с ней остров с городом Эвбея. Анализ этих сообщений привел некоторых исследователей к выводу, что речь могла идти о попытке греческой колонизации в районе современного Туниса 40 [383, с. 20; 397, с. 271—274; 507, с. 257—283]. Упоминание

Гекатеем Кибоса свидетельствует о том, что эту попытку надо отнести к VI в. до н. э. Псевдо-Скилак, чей перипл составлен около середины IV в. до н. э. [96, с. 141], этот город не упоминает, но зато подчеркивает, что все африканское побережье вплоть до Столпов Геракла, включая упомянутые им Питекускую гавань и Эвбею, подчинено карфагенянам. Если гипотеза о греческом происхождении всех этих поселений правильна (более или менее ручаться можно только за Кибос, об ионийском происхождении которого говорит Гекатей), то ясно, что в какое-то время до середины IV в. до н. э. эллины были востеплены, а Кибос (может быть, самый значительный из их городов) разрушен. Как мы увидим из дальнейшего, это скорее всего надо отнести к V в. до н. э., когда пунийцы утверждаются во внутренних районах Африки и к западу от Карфагена.

Приблизительные границы Карфагенской державы к концу VI в. до н. э. можно определить на основании I римско-карфагенского договора, текст которого сохранил Полибий (III, 22, 4—13). По словам историка, этот договор был заключен во время консульства Брута и Горация, на 32 года ранее нашествия Ксеркса на Элладу (III, 22, 1—2), т. е. в 509 или 508 г. до н. э. Было высказано мнение, что этот договор тесно связан со вторым подобным ему договором, который относится к середине IV в. до н. э. (см. ниже), и на этом основании оба документа датировали либо 40-ми годами IV в. до н. э., либо концом VI в. до н. э. [115, с. 292—293; 444, с. 375—376]. Однако сравнительно недавно Р. Э. Петцольд, рассматривая договоры с Карфагеном в рамках истории римской дипломатии, доказал, что они относятся к разным эпохам дипломатической истории Рима и первый из них надо датировать временем до заключения договора Кассия с латинами (последний же относится к периоду вскоре после битвы при Ариции, т. е. к 507 или 504 г. до н. э.⁸) [444, с. 381—409]. Это убедительное толкование позволяет присоединиться к подавляющему большинству современных историков, в целом принимающих традиционную датировку.

Исходя из текста I римско-карфагенского договора, запрещается римлянам и их союзникам плавать по ту сторону Прекрасного мыса, если они не будут принуждены к этому бурей или врагами, вести там торговлю, кроме как через специального глашатая или писца (видимо, карфагенских уполномоченных), и вообще оставаться там более пяти дней. В этом же договоре обе стороны признают карфагенскую власть над Сардинией, Ливией

⁸ О дате битвы при Ариции и вообще о достоверности этой битвы см. [35, с. 106].

и частью Сицилии, причем положение римских торговцев в этих частях Карфагенской державы было неодинаковым: в Сицилии допускалась свободная торговля, в то время как в Ливии и Сардинии торговать можно было только через тех же карфагенских чиновников.

Наибольшее затруднение вызывает локализация Прекрасного мыса и выражение «по ту сторону» его (ἐπὲξ εἰς). В свое время было высказано предположение, что этот мыс, вопреки прямому указанию греческого историка, находится не в Африке, а в Испании [106, с. 75; 457, с. 44, прим. 3; 523, с. 353—357]. Наиболее подробные доводы в пользу испанской локализации мыса привел Л. Виккерт: 1) при африканской локализации мыса запрещение плавать за него становится неясным, так как можно было подразумевать и западное и южное направление, а допустить неясность в таком важном документе карфагеняне не могли; при идентификации же Прекрасного мыса с мысом Нао в Испании неясности нет, ибо в таком случае предполагать можно было только южное направление; 2) в тексте договора при запрещении торговать за мысом все же разрешается торговать в Ливии, т. е. в той же Африке; 3) во II договоре в качестве ограничительных пунктов римского мореплавания указываются Прекрасный мыс и Мастия в Тартессе (т. е. на юго-востоке Испании), из чего вытекает, что и в действительности эти пункты находились рядом.

Однако эти доводы вызывают возражения. Во-первых, в комментарии Полибия к договору (II, 23, 1—2) ясно указывается, что запрещение распространяется на районы к востоку (точнее, к юго-востоку) от Прекрасного мыса. Но, если и не обращать внимания на полибиевский комментарий, надо иметь в виду, что при заключении договора едва ли были неясности, ибо мыс явно обозначает пределы власти или влияния Карфагена, а они были хорошо известны обеим договаривающимся сторонам. Во-вторых, под Ливией явно подразумевалась не вся Африка, а только та ее часть, которая была подчинена карфагенянам. В тексте договора нет противопоставления Ливии и Прекрасного мыса: и по ту сторону Прекрасного мыса, и в Ливии (как и в Сардинии) можно торговать, но только через посредство карфагенских должностных лиц. В-третьих, то, что во II договоре названы как ограничительные пункты Прекрасный мыс и Мастия, свидетельствует скорее о том, что запрещено было пространство между ними. Надо отметить еще одно важное обстоятельство: нам известен не латинский или пунический оригинал, а греческий перевод, и поэтому мы не знаем, как точно именовался мыс в договоре; в Африке же встречаются мысы с похожими латинскими названиями: Кандидум, т. е. Блестящий

(Plin. V, 23), и Пульхре, т. е. Красивый (Liv. XXIX, 27, 12), в то время как в Испании никакого похожего названия не находим.

Все это побуждает нас отвергнуть локализацию Л. Виккерта и присоединиться к большинству современных исследователей, которые вслед за Полибием помещают Прекрасный мыс в Африке [141, с. 76—79; 392, с. 6—7; 404, с. 655; 519, т. I, с. 341—342; 522, с. 25]. При этой локализации тоже возникают некоторые сомнения, так как во II договоре при сохранении того же условия насчет Прекрасного мыса все же разрешается торговать в самом Карфагене. Однако ясно, что Карфаген занимал особое положение в своей державе, и поэтому его торговля могла регулироваться особым образом. С точки зрения Карфагена, этот договор имел целью предотвратить свободную торговлю конкурентов с подчиненными ему частями его державы (исключение было сделано для Сицилии); сам же Карфаген, значительный торговый центр, явно мог торговать с кем угодно и на каких угодно условиях. Возможно, возникновение каких-то недоразумений заставило нунийцев включить во II договор соответствующую статью (см. ниже). Таким образом, как нам представляется, нет необходимости исправлять полибиевскую интерпретацию договора (ср. [330, с. 74—75])⁹.

Принимая толкование греческого историка, мы представим себе Карфагенскую державу в конце VI в. до н. э. Под властью Карфагена находились Сардиния (но крайней мере она признавалась карфагенской; реально под пунической властью находились, видимо, побережье и, может быть, южная и юго-западная часть внутренних районов острова), часть Сицилии и побережье Африки к юго-востоку от Карфагена вплоть до так называемых Филеновых алтарей к востоку от Лептиса (об их местонахождении см. Ps.-Scyl. 109; Strabo XVII, 3, 20). Кроме того, господство Карфагена распространялось на его отдельные колонии на африканском побережье к западу от города и на Эбес.

К концу VI в. до н. э. карфагеняне вновь вступили в борьбу с греками. На этот раз военные действия разворачивались, по-видимому, практически одновременно на двух театрах: в Сицилии и в районе Испании. Начало войн в Сицилии связано

⁹ Есть, кажется, смысл привести методическое правило, которому мы стараемся следовать. Опровергать традицию надо, если: 1) она заведомо фантастична, носит мифологический характер или бессмысленна, 2) содержит внутренние противоречия, 3) противоречит уже установленным или более вероятным фактам. В противном случае необходимо следовать традиции и стремиться ее интерпретировать, как бы трудно порой это ни было.

с именем того же Дориэя, с которым совсем недавно карфагеняне столкнулись в Африке на берегах Кинипа.

Геродот (V, 43—48) рассказывает, что после своей неудачной африканской авантюры спартанский царевич с теми же людьми отплыл в Сицилию, чтобы обосноваться в ее западной части, в районе Эрика, т. е. между финикийскими городами Панорм и Солунт. По пути он вмешался в войну между Кротонем и Сибарисом, закончившуюся разрушением последнего. Это дает нам дату высадки греков — 510 г. до н. э. или несколько позже. Попытка греков утвердиться в западной части Сицилии вызвала резкий отпор как финикийцев, так и элимов из Эгесты¹⁰. Дориэй потерпел поражение и был убит. Сообщения других авторов дополняют рассказ Геродота.

Диодор говорит (IV, 23, 3), что спартанец успел основать город Гераклею, который довольно быстро вырос и поставил под угрозу политические и, видимо, экономические интересы финикийцев в этом районе, что и вызвало войну карфагенян с эллинами, которая привела к разрушению Гераклеи. По словам Юстина (XIX, 1, 9), в войну вмешались и другие народы Сицилии (нод которыми надо понимать греческие полисы острова [149, с. 264]), и развернулась длительная война, в которой эллины не раз одерживали победу. Тогда-то, как нишет Юстин (XIX, 1, 10—13), и прибыли послы Дария с требованиями к карфагенянам, в том числе и о военной помощи. Видимо, втянутые в сицилийские дела, карфагеняне отвергли это требование персидского царя. Несмотря на свои успехи, греки не сумели утвердиться на западе Сицилии, а сам Дориэй погиб, как и большинство его воинов.

Гибель Дориэя была использована Гелоном как повод к войне против карфагенян под лозунгом мести (Her. VII, 158). Гелон, по словам Полиэна (I, 27, 1), именно для войны с карфагенянами был избран стратегом города Гела, но воспользовался своей властью, чтобы стать тираном и захватить затем Сиракузы. Так как Гелон захватил Сиракузы в 485 г. до н. э., то надо думать, что война началась или в этом году, или незадолго до него. Если верить речи, которую Геродот вложил в уста Гелона (VII, 158), тот обратился за помощью к балканским грекам, ибо положение, по-видимому, было столь трудным для эллинов, что возникла опасность их полного вытеснения с Сицилии.

Нам неизвестен в точности исход этой войны или кампании. Мы знаем только, что на западе острова перевес остался все же на стороне финикийцев. Гераклея была разрушена, Дориэй по-

¹⁰ По мнению Э. Вилля, инициаторами войны вообще выступили эгестийцы, а не карфагеняне [525, с. 224].

гиб, а единственный оставшийся в живых из предводителей греческой экспедиции Эврилеонт с остатками армии захватил селиунтский город Миною и даже, вмешавшись в селинунтские дела, попытался стать тираном этого города, но был убит (Нер. V, 46). В греческой части острова положение было довольно сложным: союзник Гелона акрагантский тиран Ферон изгнал из Гимеры ее тирана Терилла, на помощь которому пришел властитель Регия Анаксилай, и они выступили против Ферона и Гелона. Терилл был связан гостеприимством с карфагенянином Гамилькаром сыном Магона (Геродот ошибочно вместо Магона называет Ганнона), с которым заключил союз и Анаксилай (Нер. VII, 165). Это давало пунийцам удобный повод для вмешательства в дела Сицилии. Они уже имели трудный опыт войны с сицилийскими греками и поэтому, но-видимому, на этот раз пошли на союз с персами, в то время готовившимися к нападению на Элладу, тем более что на этот раз речь шла, как уже говорилось, о равноправном союзе.

С огромной армией, насчитывающей, по явно преувеличенным сведениям Диодора (XI, 20, 1), 300 тыс. сухопутных воинов, 200 боевых и три тысячи грузовых кораблей, карфагеняне под командованием Гамилькара высадились в Сицилии и двинулись к Гимере. Гамилькар рассчитывал как на регийцев и гимерских изгнанников, так и на селинунтян, возмущенных действиями Эврилеонта. Ферон, удерживавший Гимеру, обратился за помощью к Гелону, который направил туда армию из 50 тыс. пехотинцев и пяти тысяч всадников. Карфагеняне потерпели в битве при Гимере сокрушительное поражение, причем погибла большая часть армии и сам полководец, так что жители Карфагена какое-то время даже опасались высадки сиракузян в Африке (Нер. VII, 165—167; Diod. XI, 20—24). По преданию, переданному Геродотом (V, 166), сражение при Гимере произошло в тот же день, что и морская битва у Саламина, в которой был разгромлен персидский флот, т. е. 20 сентября 480 г. до н. э.

По словам Диодора (XI, 26), после битвы при Гимере между Карфагеном и Сиракузами был заключен мир, по которому карфагеняне должны были оплатить военные расходы Гелона, выплатить контрибуцию в две тысячи талантов серебра и построить два храма, в которых должен был храниться текст договора. На такие сравнительно умеренные условия договора толкнула сиракузского тирана трезвая оценка реальной обстановки.

Международное положение в Сицилии и Южной Италии было в это время сложным. Эллыны далеко не всегда выступали единым фронтом. На горизонте маячила этрусская угроза. Допустить создание единого антисиракузского фронта пуний-

цев, этрусков и части греков Гелон, разумеется, не мог и предпочел довольно легким миром оторвать от возможной коалиции карфагенян. Удалось ли ему это? Пиндар в своей I Пифийской оде, воспевающей победу преемника Гелона Гиерона над этрусками при Киме, называет врагом греков также и финикийца (I Pyth. 72). Что надо в этом видеть? Риторический оборот, воспоминание о недавней борьбе или отражение действительного события? На этот вопрос ответить нелегко, тем более что нигде больше участие финикийцев, т. е. карфагенян, в битве при Киме не упоминается, в том числе и в надписи самого Гиерона. Вполне возможно, что тогда карфагеняне все же предприняли еще одну попытку сломить мощь Сиракуз, но после Гимеры уже не имели достаточно сил, чтобы играть если не первую, то хотя бы равноправную роль в коалиции с этрусками.

Приблизительно в это же время разыгрываются события и на крайнем западе Средиземноморья. Там тартессии, вступив в союз с фокейцами, предприняли попытку вытеснить финикийцев с Пиренейского полуострова и напали на Гадес. Видимо, опасность была столь грозной, что гадитане обратились за помощью к карфагенянам. Последние использовали это обращение как повод к вмешательству на юге Испании. И хотя гадитанам, по-видимому, удалось отбить нападение тартессиев, карфагеняне не желали уходить из Испании. Они взяли штурмом родственный им Гадес, не желавший в новых условиях принять карфагенян, и включили его в состав своей державы. Через какое-то время после этого карфагеняне подчинили себе и другие финикийские города Южной Испании. Можно полагать, что Тартессийская держава не выдержала своего поражения под Гадесом и развалилась. Ее остатки попали под контроль Карфагена.

Одновременно нунийцы установили блокаду пролива у Геракловых Столпов и, может быть, подчинили Ликс в Северо-Западной Африке. Именно к концу VI—началу V в. до н. э. археология отмечает проникновение на юг Испании и северо-запад Африки карфагенских изделий, в частности керамики, которые частично или полностью вытесняют преобладавшие до этого произведения финикийских городов иснанского юга. Характерно, что именно около 500 г. до н. э. финикийцы покидают Могадор у атлантического побережья Африки, который до этого служил важной торговой базой испанских финикийцев.

Такое усиление Карфагена на западе Средиземноморья и при выходе в Атлантический океан не могло не обеспокоить фокейцев, особенно Массалию, в это время выдвинувшуюся на первый план среди фокейских городов. В битве при Артеми-

сии, произошедшей вскоре после 485 г. до н. э., карфагенский флот был разбит. В результате, как нам представляется, было приостановлено распространение сферы карфагенской власти на Юго-Восточную Испанию. Но юг страны и выход в океан остались в руках карфагенян (см. [99, с. 29—34]).

После всех этих событий в 70-е годы V в. до н. э. складывается основное ядро Карфагенской державы [106, с. 76]. Под властью Карфагена оказываются почти все финикийские города Западного Средиземноморья. Возможно, только Утика еще не входила в державу, если принять предложенное ранее толкование границы карфагенского государства по Прекрасному мысу, расположенному восточнее Утики. Кроме того, Карфаген установил свою власть над значительными районами Сардинии и Южной Испании и, может быть, над какой-то частью Западной Сицилии. На этом большом острове после поражения при Гимере пунийцы долго не пытались продвигаться вперед, сосредоточив усилия на Африке и Сардинии.

И там, и там их дела сначала шли далеко не блестяще. Хотя Сардиния договором 509 г. до н. э. признавалась карфагенским владением, реально пунийцы всем островом не владели. Подаром карфагеняне еще много лет боролись с сардами. Еще до битвы при Гимере сын Магона Гасдрубал потерпел поражение в Сардинии и пал в битве (Iust. XIX, 1, 6). Его брат Гамилькар, ставший его преемником, не смог завершить дело брата, ибо вскоре во главе войска двинулся в Сицилию, где и погиб у Гимеры. Возможно, что гибель Гасдрубала возродила надежды некоторых эллинов, как, например, Аристагора, который в начале восстания ионийцев против персов советовал восставшим, вместо того чтобы бороться с персидским царем, покинуть Милет и переселиться на Сардинию (Her. V, 124). После Гимеры пунийцы возобновили наступление в Сардинии и в целом действовали успешно, хотя до конца остров так и не покорили (Diod. V, 15). Под властью Карфагена оказалось побережье, а также южная и западная часть внутренних районов острова. От территории свободных сардов карфагенские владения отделялись системой крестов, напоминающей римский вал, с башнями, стенами и другими многочисленными укреплениями [417, с. 137].

В Африке война, которую, вероятно, в конце VI или в начале V в. до н. э. вели пунийцы, также оборачивалась сначала неудачно (Iust. XIX, 1, 3), так что они были вынуждены даже снова влатить дань ливийцам (Iust. XIX, 1, 4). Однако после 480 г. до н. э. они возобновили наступление на ливийцев. Юстин (XIX, 2, 1—4) приписывает успехи внукам Магона — Гимилькону, Гисгону и Ганнону (сыновьям павшего в Сицилии 47

Гамилькара) и Ганнибалу, Гасдрубалу и Сафону (сыновьям его брата Гасдрубала). По словам историка, эти полководцы, в то время правящие карфагенянами, воевали с маврами, сражались с нумидийцами и, разбив афров, заставили их отказаться от дани, которую те получали от карфагенян. Представляется вполне справедливым мнение исследователей, связывающих именно с этими событиями, которые, видимо, надо датировать около 475—450 гг. до н. э., создание африкайских владений Карфагена [106, с. 86; 319, с. 85; 313, т. I, с. 463; 398, с. 225—227]. В первой половине V в. до н. э. власть этого города распространяется на всю западную часть Северной Африки вплоть до Геракловых Столпов.

Возможно, именно в это время пунийцы выводят на эти территории свои новые многочисленные колонии, которые были и опорными пунктами, помогающими удерживать в повиновении подчиненных, и рынками, через которые карфагеняне торговали с теми же народами [520, с. 55, 57—59]. Недаром Псевдо-Скилак (112) называет многие из карфагенских поселений на африканском побережье именно «рынками» (εἰς τοὺς ἀγορᾶς). Цепь таких поселений связывала Карфаген с районом Геракловых Столпов, что создавало для пунических мореходов возможность спокойного каботажного плаванья вдоль североафриканского берега.

Вероятно, в V в. до н. э. карфагеняне подчинили Утику, старейшую колонию Тира в Африке и, по-видимому, единственную, которая до сих пор сохраняла независимость от Карфагена [207, с. 63; 515, стб. 1877]. Нам совершенно неизвестны обстоятельства подчинения Утики Карфагену. Можно только говорить, как это уже было отмечено в науке, что в I римско-карфагенском договоре этот город еще не упомянут, в то время как он появляется во II договоре. В последнем Утика названа как равноправная с самим Карфагеном. Поэтому вполне правомерно мнение, что Утика вошла в состав Карфагенской державы как формально равноправная со столицей, что, разумеется, не мешало ее фактическому подчинению [106, с. 97].

Вероятно, именно в связи с этим надо решать «проблему V века». Эта проблема состоит в том, что, основываясь на результатах раскопок, прежде всего в Утике, была выдвинута точка зрения, согласно которой V в. до н. э. был временем регресса Карфагенской державы, которая после поражения при Гимере не шла на контакты с греческим миром, стала проводить политику строгой экономии и обеднела, будучи отрезанной от внешнего мира и готовя свои ресурсы для будущей схватки с элли-
48 нами [212, с. 25—29; 212а, с. 144—146; 204, с. 18; 498, с. 551].

Основным доказательством является факт, что могилы V в. намного беднее предыдущих и в этих могилах практически не встречаются греческие изделия. Иногда это положение распространяют на Западное Средиземноморье вообще, утверждая, что в V в. до н. э. оно было отрезано от Греции [212а, с. 144].

Последнее необходимо сразу же опровергнуть. Например, для Эмпориона (Северо-Восточная Испания) именно V в. до н. э. был веком наиболее интенсивных связей с Афинами [166, с. 75]. Да и по отношению к Карфагенской державе в целом эта точка зрения представляется сомнительной. В сицилийских финикийских городах, прежде всего в Мотии, которая тщательно раскапывается, в изобилии встречаются эллинские изделия V в. до н. э. [361, с. 327; 320, с. 161; 321, с. 152; 417, с. 32]. Не наблюдается никакого перерыва в греческом импорте в Эбесе и на подчиненных Карфагену территориях Южной Испании и Северо-Западной Африки [300, с. 436—437; 123, с. 184—186; 514, с. 12—16]. Наконец, вблизи самого Карфагена, в Керкуане, в V в. до н. э. продолжают торговые контакты с греками, о чем свидетельствуют находки греческой керамики, не уступающие сицилийским [406, с. 499—500].

Как все это объяснить? По нашему мнению, эти обстоятельства надо связать с торговой экспансией Карфагена и подчинением ему Утики. В Римско-карфагенском договоре (а его, по-видимому, можно рассматривать как образец всех подобных договоров, в том числе и с греческими городами) контрагентам Карфагена разрешается свободно торговать в Сицилии — и перед нами результат разрешения: обилие греческих изделий в сицилийско-финикийских городах. Возможно, Эбес служил карфагенянам подобным «окном в мир» на западе Средиземноморья [99, с. 62]. Именно через него, вероятно, проникали греческие изделия в карфагенскую Испанию, как через тот же Эбес пуническая керамика — в греческий Эмпорион и далее в местные поселения северо-востока Пиренейского полуострова [389, с. 244—249]. Что касается Керкуана, то он, непосредственно, видимо, подчиняясь Карфагену, пользовался и его торговыми привилегиями. Этот город, основанный карфагенянами во второй четверти VI в. до н. э. [406, с. 518], был сразу же подчинен Карфагену и не мог быть его соперником.

Иное дело — Утика, как и Гадес в Испании, — старые города, уже задолго до возвышения Карфагена бывшие значительными торговыми центрами: они могли выступить конкурентами Карфагена. И последний, признав, возможно из-за почтенной древности этих городов, их официальное равноправие, на деле стремился как мог принизить их значение. В Испании карфагеняне, взяв штурмом Гадес, по-видимому, заставили 49

его отказаться от всяких владений на материке и постарались перехватить его торговлю с атлантическим побережьем Африки и Европы (см. ниже). Полностью выполнить им эту задачу не удалось, но все же с V в. до н. э. отмечается сужение сферы гадитанской торговли, особенно в южном направлении, самым ярким свидетельством чего является тот факт, что около 500 г. до н. э. финикийцы оставили Могадор [206, с. 92, 95]. Решение «утикийской проблемы» могло быть еще более радикальным, учитывая близость этого города к столице. На него было распространено действие торговых запретов, признаваемых иностранными контрагентами Карфагена. Это, как кажется, и привело к резкому обеднению могил Утики. Таким образом, представляется, что «проблема V века» была не общепунической, тем более — не общезападносредиземноморской, а локальной, вызванной конкретными обстоятельствами Утики.

Подтверждение этой мысли мы находим в дальнейшем поведении Утики. Недаром Аппиан (Lib. 75), рассказывая о событиях 149 г. до н. э., говорит о «старинной ненависти» утикийцев к карфагенянам, что резко контрастирует с тем дружелюбным приемом, какой они оказали колонистам, прибывшим для основания Карфагена. Такая ненависть вполне могла возникнуть в результате притеснений карфагенян. Не раз поэтому во время серьезных испытаний, выпавших на долю Карфагена, Утика проявляла колебания, порой даже открыто присоединялась к его врагам. Так было во время экспедиции Агафокла в конце IV в. до н. э. (Diod. XX, 54, 2), в период восстания наемников и ливийцев в III в. до н. э. (Polyb. I, 82, 9—10), в начале III Пунической войны в середине II в. до н. э. (Polyb. XXXVI, 3, 1; App. Lib. 75).

Карфаген в V в. до н. э. не только не утратил свои позиции, но, наоборот, приобрел новые. Даже в Сицилии, несмотря на поражение при Гимере, он сумел полностью сохранить свои владения. В Испании же, Сардинии и особенно Африке он приобретает новые. В это время к уже созданной в предыдущем столетии морской державе присоединяются континентальные владения. Мощь и богатство Карфагена в V в. до н. э. подтверждается письменной традицией. В 415 г. до н. э., когда Сиракуз достигла вест о готовящейся против них экспедиции афинян, в сиракузском народном собрании выступил видный политический деятель города Гермократ и, если верить Фукидиду (VI, 34), предложил, в частности, обратиться к карфагенянам с просьбой о помощи против афинян, ссылаясь на то, что Карфаген имеет в изобилии золото и серебро, столь необходимые 50 для войны. Позже Диодор (XII, 84) вложил в уста афинского

стратега Никия слова о величайшем войске, какое имел в то время Карфаген.

Итак, ни археология, ни письменная традиция не дают оснований считать V в. до н. э. для Карфагена веком регресса и обеднения.

Завоевание материковых владений имело большое значение для Карфагена. Впервые под его властью оказались огромные земельные владения, в том числе с плодороднейшей почвой. Если раньше Карфаген был чисто морским городом, не имевшим или почти не имевшим плодородной территории (даже за свою землю он должен был платить дань), то теперь он ее приобретает. При этом наиболее плодородную часть он присоединяет непосредственно к своей территории, в результате чего образуется карфагенская хора, т. е. сельская округа Карфагена (см. ниже). У некоторых других финикийских городов вблизи столицы, как, например, Хадрумета, также появляется хора. На плодородных землях своей округи многие представители пунической знати приобретают владения.

Видимо, это создание африканских континентальных владений подразумевал Дион Хризостом (Ог. XXV), говоря, что Ганнон превратил карфагенян из тирийцев в ливийцев [313, т. I, с. 422, прим. 1; 398, т. I, с. 504]. Этого Ганнона можно сопоставить с одним из внуков Магона, упомянутых Юстином. Возможно, именно Ганнон играл первенствующую роль среди своих братьев, осуществляющих коллективное господство над Карфагеном в первой половине V в. до н. э. Вероятно, он же возглавил и экспедицию, отправленную из Карфагена вдоль западных берегов Африканского континента.

До наших дней сохранился в греческом переводе перипл, приписываемый Ганнону (GGM, I, Hannoni periplus). Он вызвал в науке обширную дискуссию, в том числе и об его подлинности. И все же, несмотря на высказываемые порой сомнения, его, как мы увидим далее, в главе о пунической словесности, в целом можно считать подлинным. Другой дискуссионный вопрос — о дате плавания Ганнона. Археологические данные показывают, что в самом конце VI и особенно в V в. до н. э. в Северо-Западной Африке появляются первые следы карфагенского присутствия, в том числе вазы «с уступами» и сосуды с двумя ручками, встречающиеся в это же время в Карфагене. Раскопки в районе Тингиса ясно показывают, что в первой половине V в. до н. э. гадитанское влияние сменяется карфагенским. Трудно не связать это с деятельностью Ганнона. Общая историческая обстановка также свидетельствует о первой половине V в. до н. э.

Как мы видели, на рубеже веков или в самом начале 51

V столетия карфагеняне укрепляются у Геракловых Столпов, подчинив себе гадитан. Это обстоятельство могло быть использовано для наступления на экономические позиции Гадеса как в Африке, так и в Европе. Оставление Могадора, о чем уже говорилось, явно свидетельствует о регрессе Гадеса. Наконец, обратимся к свидетельству Плиния (V, 8). Он называет Ганнона «вождем карфагенян» (*Carthaginiensium dux*). Это надо сопоставить со словами Юстина, упоминающего Ганнона среди внуков Магона, правивших карфагенянами, которых он позже называет «императорами». Все это заставляет нас вместе с другими учеными признать, что экспедиция состоялась не раньше 480 и не позже 450 г. до н. э. [237, с. 218; 216, с. 322; 319, с. 95]¹¹.

Спорны и пределы плавания Ганнона. Сам мореплаватель в своем отчете после довольно четкого описания начального этана пути рассказывает о дальнейшем путешествии нарочито неясно, указывая только, что он достиг горы, называемой Колесницей Богов, и залива Южный Рог (16, 17). Идентификация этих мест с теми или иными пунктами африканского побережья вызвала обширную дискуссию. Колесницу Богов отождествляли и с Зеленым Мысом, и с горой Какулима в Гвинее, и с вулканом Камерун [321, с. 169]. Как бы то ни было, все эти пункты находятся южнее устья Сенегала, достигнутого еще ранее массалиотским моряком Эвтименом. По-видимому, этим и объясняется ясность первой части перипла: так как путь до устья Сенегала был уже известен, скрывать его не было необходимости в отличие от дальнейшего пути.

Плавание Ганнона преследовало политические цели: укрепиться на океанском побережье материка. Для этого, видимо, ему было поручено основать города по ту сторону Геракловых Столпов (I). Имели, видимо, значение и экономические цели: карфагеняне стремились вытеснить гадитан, укрепиться на их торговых путях и, может быть, взять под свой контроль источники сырья или пути к ним (ср. [319, с. 95]). Хотя гадитане и не были полностью вытеснены с африканского побережья,

¹¹ Некоторые исследователи датируют плавание Ганнона второй половиной VI в. до н. э. [96, с. 113—114] или даже вообще VII—VI вв. до н. э. [106, с. 92]. Основные доводы этих исследователей: соображение, что карфагеняне не могли предпринять экспедицию после битвы при Гимере, и археологические данные. Первый довод не может быть решающим, поскольку, как мы видели, после Гимеры Карфаген не утратил своей мощи и даже предпринял экспансию в Африку. Что касается археологических данных, то исследования последних двадцати лет показали, что находимые в Северо-Западной Африке финикийские изделия (керамика и украшения) производились на юге Испании, а не в Карфагене [350, с. 118 и повсюду; 449, 17—24; 450, с. 105—130, 163—168; 501, с. 358; 52 514, с. 15—23].

карфагеняне в V в. до н. э. явно утверждаются на северо-западе Африки. Именно в это время в западной части современного Марокко, до того тесно связанной с Южной Испанией, испано-финикийские изделия сменяются карфагенскими, что особенно хорошо видно в керамике [206, с. 92, 95; 384, с. 130, 138; 450, с. 169—181]. Геродот (IV, 196) уже рассказывает о карфагенской торговле за Столпами Геракла.

По словам Иллиния (II, 169), в то же самое время, что и Ганнон, был отправлен в путь и Гимилькон, соверпивший плавание по океану в северном направлении. Об этой экспедиции говорит и Авиен в своей поэме «Морские берега» (114—129, 382—389, 410—415). Целью Гимилькона были Эстримниды (Av. ог. маг. 114—116), откуда можно было получить олово. Вопрос о местонахождении Эстримнид спорен, тем более что в древности это название могло прилагаться к разным местностям. Название, уномяннутое в поэме Авиена, надо, видимо, отождествить с современной Бретанью, хотя иногда полагают, что Гимилькон добрался до южных берегов Англии и Ирландии [96, с. 127]. Целью этой экспедиции, как и плавания Ганнона, было, вероятно, утверждение на торговых путях и рынках Гадеса, но на этот раз в северном направлении. Однако этой цели карфагеняне явно не достигли, так как гадитане еще долго, вплоть до римской экспансии, оставались почти монополистами в северной торговле, тщательно скрывая от конкурентов пути к таинственным и богатым Эстримнидам.

По-видимому, в середине V в. до н. э. в Карфагене была свергнута власть Магонидов. Юстин (XIX, 2, 5) после перечисления внуков Магона пишет о создании специального совета (см. ниже), вследствие того что эта «семья полководцев стала тяжела для свободы». Возможно, что поводом к этому послужило запоздалое воспоминание о поражении при Гимере, и под предлогом наказания за это сын навшего там Гамилькара Гисгон был изгнан и вынужден удалиться в Селинунт¹². Тот факт, что в связи с этим упоминается только один внук Магона, можно объяснить либо тем, что само упоминание связано с фигурой отца Гисгона Гамилькара, либо тем, что из шестерых внуков в живых к тому времени оставался один Гисгон¹³.

После создания континентальной империи Карфаген смог возобновить и наступление в Сицилии. Поводом послужило обращение элимской Эгесты, которая, терпя неудачи в борьбе

¹² В связи с этим можно вспомнить, что в 480 г. до н. э. Селинунт выступал на стороне Гамилькара.

¹³ Существует точка зрения, что Магониды были свергнуты только в начале IV в. до н. э. (например, [207, с. 111, 125—126]). Однако это мнение противоречит данным Юстина и Диодора.

с греческим Селинунтом, согласилась на подчинение Карфагену в обмен на военную помощь (Diod. XIII, 43). После некоторых колебаний пунийцы в 410 г. до н. э. приняли предложение эгестийцев.

Крупнейшим и важнейшим городом греческой Сицилии были Сиракузы. В 415—413 гг. до н. э. они выдержали трудную осаду со стороны афинян, а затем полностью уничтожили афинскую армию. Однако это потребовало огромного напряжения сил. В результате в городе обострилась внутренняя борьба между аристократической группировкой во главе с Гермократом и демократами, возглавляемыми Диоклом. К тому же Сиракузы ввязались и во внешние войны: они послали эскадру в Эгейское море, где вместе со спартамцами продолжали военные действия против Афин, а в самой Сицилии воевали с халкидскими городами, т. е. колониями, некогда выведенными сюда халкидянами с о-ва Эябея. Таким положением и решили воспользоваться барфагенияне.

Готовясь к новой схватке с сицилийскими греками, карфагенская олигархия сплотила свои ряды. Из изгнания вернулся сын Гисгона и внук Гамилькара Ганнибал, который, по-видимому, был изгнан вместе с отцом. Он занял высший государственный пост и был поставлен во главе армии. Так Магониды снова вернулись к управлению государством, но теперь едва ли уже правили столь самовластно, как раньше. Назначая Ганнибала командующим в войне с греками, пунические власти рассчитывали не только на его военные способности, но и на ненависть к грекам и стремление отомстить за деда, павшего под Гимерой. Собрав войско, состоящее из карфагенских граждан, принудительно набранных ливийцев и иберийских и кампанских наемников и насчитывающее, по Тимею, 100 тыс. человек, а по Эфору — 200 тыс. пехотинцев и четыре тысячи всадников, Ганнибал в 409 г. до н. э. высадился в Мотию (Diod. XIII, 43—44, 54). И начался новый тур войн в Сицилии, продолжавшийся с перерывами более полутора веков.

После высадки карфагенской армии элимы подчинились Карфагену. Именно в это время прекращается чеканка элимской монеты [520, с. 77]. Приняв в число своих подданных элимов, пунийцы двинулись сначала на Селинунт, а после захвата этого города — на Гимеру. Греческие жители этих городов оказали карфагениянам героическое сопротивление, но оно в конце концов было сломлено, и оба города разрушены, а их жители или убиты, или обращены в рабов. Другие греки, и прежде всего сиракузские, во главе которых в это время встал Диокл, уставшие, по-видимому, от долгой войны с афинянами и изнурительной гражданской смуты, о которой уже говорилось,

оказали селинунтянам и гимерцам слишком слабую помощь, которая не могла решить дела [93, с. 35]. После этого Ганнибал увел свою армию вновь в Африку (Diod. XIII, 54—62).

В греческой части Сицилии в это время борьба между двумя сиракузскими политическими группировками достигла апогея. Гермократ, командовавший сиракузской эскадрой в Эгейском море, был смещен с этого поста его политическими противниками, но решил силой вернуться в Сиракузы. С набранным отрядом он высадился в Сицилии, но, стремясь сначала приобрести определенный политический капитал, вторгся в карфагенскую зону, вновь занял разрушенные пунийцами Селинунт и Гимеру и поднял знамя борьбы эллинов против карфагенских «варваров» (Diod. XIII, 63, 75). В конце концов Гермократ погиб при попытке захватить сами Сиракузы, но все это свидетельствовало о том, что положение на острове было далеко от стабильности.

Готовясь к новой схватке с сицилийскими греками, которая была бы, по их мнению, решающей, карфагеняне предприняли дипломатическую акцию, которая в других условиях могла иметь важные последствия: они заключили союз с Афинами [57, с. 122—125]. Но надежды карфагенского правительства не оправдались, так как мощь Афин уже клонилась к упадку, и вскоре они потерпели окончательное поражение в Пелопоннесской войне. Были предприняты и значительные военные приготовления, создана новая армия, численностью превосходящая первую, и во главе ее были поставлены тот же Ганнибал и его родственник Гимилькон.

В 406 г. до н. э. карфагенская армия высадилась в Сицилии. Несмотря на отдельные неудачи и даже смерть одного из полководцев, карфагеняне в целом вели эту кампанию весьма удачно. Все попытки сиракузян спасти греческие города южного побережья острова провалились; это не смогли сделать ни республиканские правители Сиракуз, ни пришедший им на смену тиран Дионисий. В конце концов карфагенская армия осадила Сиракузы, и только начавшаяся в пуническом лагере эпидемия спасла город. Гимилькон был вынужден согласиться на заключение в 405 г. до н. э. мира. По условиям мирного договора, за карфагенянами кроме старых финикийских колоний закреплялись общины сиканов и греческие города Селинунт, Акрагант и Гимера, а Гела и Камарина должны были платить дань карфагенянам (Diod. XIII, 80—91; 108—111; 114). Значение этого мира для Карфагена было огромным: признавались и в международном плане юридически закреплялись «континентальные» владения карфагенян в Сицилии. Элимы и сиканы, как ранее ливийцы, превратились в карфагенских вассалов.

Правда, успех этот был непрочен, борьба продолжалась и граница между пунической и эллинской Сицилией всегда оставалась пульсирующей, передвигаясь то к востоку, то к западу.

Инициатором новой войны между Карфагеном и Сиракузами на этот раз выступил сиракузский тиран Дионисий. Он тщательно подготовился к войне, в 398 г. до н. э. вторгся на территорию карфагенских владений и осадил Мотию. Теперь финикийцам пришлось проявлять героизм. Но как раньше сопротивление Селинунта и Гимеры, так и теперь упорство Мотии оказалось напрасным: Дионисий взял город и полностью его разрушил. Для уцелевших жителей Мотии карфагеняне несколько позже основали новое поселение — Лилибей (Diod. XXII, 10). Эта война шла с переменным успехом. Все попытки сиракузского тирана изгнать финикийцев из Сицилии не удались, и одно время даже сами Сиракузы были осаждены карфагенянами. Но в целом пересел все же оказался на стороне греков. По условиям мира 392 г. до н. э., карфагеняне потеряли значительную часть предыдущих завоеваний, сохранив только западную часть острова (Diod. XIV, 45—46; 48—53; 70—76; 90; 95—96) [93, с. 82].

Положение, сложившееся в Сицилии, делало неизбежным новую войну, в которой карфагенянам удалось найти союзников среди греческих городов Италии, обеспокоенных чрезмерным, с их точки зрения, усилением Дионисия. Правда, эффективной координации действий союзникам добиться не удалось, и это позволило сиракузянам одерживать победы и над теми, и над другими. В одном таком сражении при Макале пал карфагенский командующий Магон, но его сменил сын, который сумел взять реванш. В целом эта война завершилась в пользу Карфагена, чьи владения теперь распространились до реки Галик, так что под их властью оказались греческие города Селинунт и Термы, а также западная часть акрагантской области (Diod. XV, 15—17; Polyae. V, 8, 1—2; 10, 5; VI, 16, 1). Река Галик надолго превратилась в границу карфагенской «провинции», которая охватывала приблизительно треть всей Сицилии.

Наконец, в 368 г. до н. э. началась последняя война Карфагена с Дионисием. Инициатором ее снова был тиран, упорно стремившийся очистить Сицилию от финикийцев. Определенный отпечаток на ход военных действий, особенно в начале войны, наложила внутренняя борьба в Карфагене, о которой будет сказано несколько позже: знатный карфагенянин Суннат из-за ненависти к командующему пунической армией Ганнону сообщил в письме Дионисию о прибытии карфагенского войска и медлительности его командира (Iust. XX, 5, 12—13). Этим воспользовался Дионисий, который овладел рядом городов, в том

числе Селинунтом, и осадил Лилибей. Однако первыми успехами военное счастье Дионисия и ограничилось. Вскоре карфагеняне одержали победу над сиракузским флотом у Эрикса. А вслед за этим тиран умер, и его наследник Дионисий-младший поспешил заключить мир, восстановивший существовавшее до войны положение (Diod. XV, 73; XVI, 5; Iust. XX, 5, 10—14; Polyae. V, 9; Plut. Dion. 6; 14)¹⁴.

Пока шли все эти войны в Сицилии, внутреннее положение Карфагена было далеко не стабильно. Покоренное население ненавидело карфагенян. Полиэн (V, 10, 1; 3) рассказывает о войне Гимилькона с ливийцами. Ливийцы захватили какой-то город и даже подошли к самым стенам Карфагена, заняв его предместья. Лишь с помощью хитрости, если верить Полиэну, карфагенскому полководцу удалось подавить это восстание. Автор не датировал события. Однако, как мы увидим ниже, после поражения в 396 г. до н. э. Гимилькон покончил самоубийством, так что восстание ливийцев, о котором идет речь, должно было иметь место до этого времени. Скорее всего это могло произойти между 405 и 398 гг. до н. э., когда вернувшийся из Сицилии Гимилькон занимал первенствующее положение в Карфагене (ср. [375, стб. 1641, 1643]).

В 396 г. до н. э. внутреннее положение в Карфагенской державе резко обострилось. Разгром пунической армии и постыдный мир не могли не вызвать соответствующие отклики. Видимо, вновь развернулась борьба внутри правящей группировки. Все источники единогласны в том, что по возвращении из Сицилии Гимилькон должен был покончить с собой (Diod. XIV, 76, 4; Iust. XIX, 3, 12; Oros. IV, 6, 15). В Карфагене распространилось мнение, что несчастья преследуют пунийцев из-за разрушения храма Керы и Деметры в Сицилии, и, чтобы воздействовать на религиозные чувства, в Карфагене был введен культ этих богинь. Об этом акте мы еще будем говорить в других главах, а пока отметим, что храмы в Сицилии были разрушены войсками Гимилькона (или Ганнибала), так что установление нового культа было явно направлено против Магонидов. После этого мы уже не встречаем Магонидов во главе Карфагенской державы: второе возвышение Магонидов оказалось недолговечным.

Поражение 396 г. до н. э. имело и более грозные последствия: новое восстание в Африке. Подчиненные ливийцы увидели в карфагенском поражении удобный случай вернуть себе свободу. К ним присоединились и рабы. Было создано огромное

¹⁴ О карфагено-сиракузских войнах этого времени в советской литературе см. [93, с. 34—35, 42—43, 47—49, 73—78, 81—83].

войско из 200 тыс. человек, которое нанесло карфагенской армии несколько поражений и захватило город Тунет вблизи самого Карфагена. Пунийцы потеряли свои африканские владения и были заперты в городе. Это вызвало волнения среди граждан. Во многом именно с целью их успокоить и был введен культ Коры и Деметры. Карфагенское правительство приняло энергичные меры: оно доставило продовольствие из Сардинии, снарядило новые корабли и, не решаясь, по-видимому, вступить в открытое сражение с повстанцами, сумело лишить их продуктов. У восставших не было единого командования, они действовали разрозненно. Некоторых предводителей карфагенские правители сумели подкупить. И восстание было подавлено (Diod. XIV, 77).

Новое восстание вспыхнуло в 379 г. до н. э., когда Карфаген был ослаблен необычно жестокой эпидемией, унесшей большое число граждан. Этим воспользовались не только ливийцы, но и жители Сардинии. Таким образом, Карфаген лишился почти всех источников продовольствия, что, видимо, еще больше обострило положение. В самом городе разразилась гражданская война: начались беспорядки, вооруженные схватки между гражданами. Перед нами несомненный социальный конфликт внутри карфагенского гражданского коллектива, хотя мы, к сожалению, не знаем ни подробностей событий, ни требований, ни целей тех или иных групп. Диодор говорит только, что граждане, «сражаясь друг против друга, как против врагов, одних убили, а других ранили». Правительство прибегло к испытанному средству: были принесены жертвы богам, чем, видимо, было успокоено общественное мнение. Другие подробности внутренних волнений неизвестны, но мы знаем, что только после успокоения в самом Карфагене правительство смогло сравнительно быстро подавить восстание и ливийцев, и сардинцев (Diod. XV, 24).

Карфагенскую олигархию по-прежнему раздирало личное соперничество. Магониды больше к власти не возвращались. Но на устранении этой фамилии раздоры не прекратились. Когда по первый план начал выходить Ганнон, против него выступил некий Суннат (может быть, правильнее Сунйатон), которого Юстин (XX, 5, 12) называет «самым могущественным в это время из пунийцев». По-видимому, до возвышения Ганнона именно он занимал первое место в карфагенском правительстве. Не добившись, однако, успеха в соперничестве с Ганноном, он пошел на прямое предательство, вступив в сношения с Дионисием и выдав ему военные планы. За это предательство он был осужден. И после этого, вероятно, именно Ганнон становится самым влиятельным человеком в Карфагене.

Мы видим, таким образом, что карфагенское общество разрывали острые социальные и политические конфликты. Рабы выступали против рабовладельцев, ливийцы и сардинцы — против карфагенских поработителей, а отдельные группы граждан — друг против друга (хотя у нас нет данных, можно предположить, что это какие-то группы «плебса» выступили против олигархии), пунические аристократы соперничали друг с другом. Целый клубок противоречий раздирает Карфаген. Однако пока аристократии удавалось прочно удерживать власть в своих руках. Этому способствовала активная внешняя политика карфагенского правительства.

По-видимому, вскоре после всех этих событий карфагеняне начали новое наступление в Испании. Если на рубеже VI—V вв. до н. э. или в начале V в. до н. э. под их властью оказалась юго-западная часть страны, то теперь они распространяют свое господство и на юго-восточную. Об этом свидетельствуют археологические данные, показавшие резкое уменьшение греческой керамики в этом районе и увеличение пунического импорта [128, с. 72—74, 80—81; 513, с. 119]. Нам неизвестны события, связанные с подчинением Юго-Восточной Испании, но, видимо, это едва ли могло пройти мирно. Во всяком случае, археология показывает, что некоторые иберийские поселения этой зоны были разрушены именно в середине IV в. до н. э. [283, с. 45]. Захват этого района или по крайней мере установление над ним прочного карфагенского контроля были признаны II римско-карфагенским договором, заключенным в 348 г. до н. э. (Polyb. III, 24, 1; Liv. VII, 27, 2; Diod. XVI, 69, 1)¹⁵.

Этот договор свидетельствует о дальнейшем территориальном расширении Карфагенской державы по сравнению с концом VI в. до н. э. Кроме территорий, признанных карфагенскими в первом договоре, т. е. в Ливии «по ту сторону Прекрасного Мыса», в Сардинии и карфагенской части Сицилии, теперь запретными для римской торговли и колонизации объявляются районы Тартесса и Мاستии, т. е. юга и юго-востока Пиренейского полуострова (в Сицилии по-прежнему римская торговля разрешается); среди карфагенских подданных, хотя формально и равноправных с карфагенянами, появляются утикийцы и «тирийцы», под которыми, вероятно, надо подразумевать тирских колонистов на юге Испании [99, с. 34—36, 37].

Договор 348 г. до н. э. обращает на себя внимание еще и тем, что в нем запрещается всякая римская торговля в Африке (Ливии) и Сардинии, в то время как в 509 г. до н. э. эта торговля здесь еще разрешалась, хотя и на определенных

¹⁵ Диодор датирует договор 344 г. до н. э.

условиях [519, т. I, с. 348—349]. Это с несомненностью говорит об укреплении карфагенской власти над местными племенами. В Африке такое усиление связано с именем того же Ганнона, который закончил войну с Дионисием и получил, видимо, за африканские победы, прозвище Великого (Trog. prol. XX).

Позже Ганнон вновь появляется в Сицилии. В греческой части острова положение снова осложнилось. Власть Дионисия-младшего оказалась непрочной. Тирана сверг его родственник Дион, который сам, в свою очередь, пал жертвой заговора. Наступила полоса постоянных смут и смены тиранов. В этих условиях претендентом на пост правителя вновь выступил Дионисий. Его соперник Гикет пошел на союз с карфагенянами (Diod. XVI, 67, 1; Plut. Tim. 7). Карфагеняне отправили на помощь Гикету армию во главе с Ганноном. Ганнон захватил Энтеллу, населенную кампанскими паемниками Дионисия-старшего, и двинулся на Сиракузы. Город был охвачен гражданской войной: часть его оказалась под властью Гикета, часть — Дионисия. Карфагеняне вмешались в эту войну на стороне первого и захватили порт. Казалось, что еще немного и власть полностью окажется в руках Гикета и стоящих за ним карфагенян. Однако на помощь сиракузянам из их метрополии Коринфа было отправлено войско во главе с Тимолеонтом. Ганнон, вероятно, не сумел помешать высадке Тимолеонта в Сицилии и поэтому был отозван в Африку. Его преемник Магон вступил в войну с Тимолеонтом, однако потерпел поражение и очистил сиракузскую гавань (Diod. XVI, 67—69; 73; Plut. Tim. 9—13, 16—21).

Такой оборот дел в Сицилии вызвал, очевидно, напряжение в Карфагене. Этим решил воспользоваться Ганнон и, отомстив тем, кто его отстранил, снова захватить власть. Под предлогом свадьбы дочери он задумал собрать в своем доме всех сенаторов и уничтожить их. Одновременно под тем же предлогом он решил устроить для всего народа пир, чтобы, видимо, затем сообщить собравшимся о совершенном перевороте. Однако карфагенские правители, как рассказывает Юстин, разгадали хитрость. Увидев крушение своих замыслов, Ганнон удалился из города и, вооружив 20 тыс. рабов¹⁶, захватил какую-то крестовую крепость. Он призвал ливийцев (афров) и царя мавров выступить против карфагенского правительства. Мы не знаем последствий этого акта. Известно лишь, что мятеж не удался, Ганнон был схвачен и после жестоких мучений убит вместе

¹⁶ С. Гасель полагает, что столько рабов не могло быть даже у такого богатого человека, как Ганнон, так что, видимо, к нему примкнули и другие рабы

60 [313, т. II, с. 247, прим. 2].

со всеми родственниками (Iust. XXI, 4, 1—8). Только один сын Ганнона, Гисгон, уже известный военными талантами, избежал смерти, но был изгнан из Карфагена (Diod. XVI, 81).

Однако очень скоро поворот дел в Сицилии заставил карфагенян обратиться к Гисгону. Магон, командовавший пуническими силами, как уже говорилось, покинул Сиракузы. Вскоре Тимолеонт захватил Энтеллу и подошел к Лилибею, и карфагенское правительство послало в Сицилию новую армию во главе с Гасдрубалом и Гамилькаром. Однако эта армия потерпела сокрушительное поражение на реке Кримисс, причем в сражении, по словам Плутарха, пало семь тысяч наемников и три тысячи карфагенских граждан. В этих условиях правительству пришлось обратиться к сыну Ганнона. Он не только был возвращен из изгнания, но и назначен командующим с неограниченными полномочиями. Гисгон вступил в союз с Гикетом и тираном Катаны Мамерком, и союзники разбили отдельные отряды армии Тимолеонта. Это, видимо, позволило карфагенянам вступить в переговоры с греками и добиться сравнительно выгодных условий мира. В 339 г. до н. э. был заключен мир с Тимолеонтом, по которому Карфаген отказывался от союза с сицилийскими тиранами, но зато сохранял свои старые владения к западу от реки Галик (Diod. XVI, 73; 78—82; Plut. Tim. 25—30; Polyaeu. V, 11).

После этих событий семья Ганнонидов надолго остается одной из ведущих в Карфагене [498, с. 552]. Так, сын Гисгона Гамилькар в конце IV в. до н. э. командует войсками в Сицилии (Diod. XIX, 106, 2; XX, 15—16; 29—30; 33; Iust. XXII, 3, 6), причем Диодор (XX, 33, 2) называет его «царем»; следовательно, он занимал высшую государственную должность. Это не означает, что Ганнониды обладали неограниченной властью, как это было с Магонидами во время их первого возвышения. Судя по всему, власть прочно удерживала правящая олигархия, среди которой видную роль играли Ганнониды [313, т. II, с. 249].

Новые испытания для Карфагенской республики наступили в конце IV в. до н. э., когда власть в Сиракузах захватил Агафокл. Еще до этого на острове вспыхивали схватки между пунийцами и греками. Когда же Агафокл стал сиракузским тираном (позже он даже провозгласил себя царем), началась большая война. Командующий карфагенскими силами Гамилькар (но не сын Гисгона) вступил в переговоры с Агафоклом и заключил с ним мир, сочтенный карфагенским правительством невыгодным. Распространились слухи, что Гамилькар вступил в тайное соглашение с сиракузским тираном, чтобы по его примеру и, может быть, с его помощью также стать 61

тираном. За это он был отозван в Африку и тайно осужден (Diod. XIX, 4—5; 71—72; Iust. XXII, 2, 6—9; 3, 2—7).

В Сицилию была послана новая армия под командованием Гамилькара сына Гисгона. Гамилькар наголову разгромил войска Агафокла и двинулся на Сиракузы. Ему удалось заключить союз с некоторыми греческими городами, выступившими против Агафокла. Под стенами Сиракуз в 309 г. до н. э. произошла битва, в которой, однако, пунийцы потерпели поражение и сам командующий попал в плен и погиб. Но еще до этого Агафокл решился на смелый шаг: потерпев поражение в Сицилии, он задумал перенести войну в Африку.

Впервые в 310 г. до н. э. греческая армия переправилась на африканскую землю. Сиракузяне захватили Тунет. Карфагенское правительство набрало новую армию и, боясь повторения предыдущих событий и попыток командующих захватить власть, тем более что войска располагались непосредственно вблизи самого города, поставило во главе армии двух командующих, враждебных друг другу — Бомилькара и Ганнона. Эта армия потерпела поражение, и Ганнон погиб. При известии об этой катастрофе восстали нумидийцы, и Агафокл задумал соединиться с восставшими. Однако карфагеняне сумели привлечь на свою сторону одно из нумидийских племен, а восстание остальных подавить прежде, чем греки сумели им воспользоваться. Тогда Агафокл обратился за помощью к Офеллу, правящему в это время Киреной. Армия Офелла с трудом пересекла пустыню и соединилась с войсками Агафокла. Сиракузский тиран, боясь конкурента, убил киренского правителя, а его воинов переманил к себе. В Карфагене сложилось очень напряженное положение. Этим решил воспользоваться Бомилькар, который попытался в 308 г. до н. э. совершить государственный переворот. В самом Карфагене развернулись уличные бои. Сначала карфагеняне полагали, что в город ворвались греки. Но, когда было выяснено, что происходит на самом деле, карфагенская молодежь решительно выступила против мятежника. Положение было, однако, столь сложным, что правительство пообещало амнистию участникам мятежа и только так сумело его подавить. Сам же Бомилькар был предан жестокой казни.

Агафокл не сумел воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Он, правда, подчинил себе значительную часть городов Карфагенской державы, в частности взял Утику, но самим Карфагеном овладеть не смог. В 307 г. до н. э. Агафокл вернулся в Сиракузы, оставив во главе экспедиционных войск в Африке своего сына Архагата. Тот разделил свои войска на три части, стремясь покорить как можно больше карфагенских земель.

Пунийцы тоже разделили свою армию. Полководцы Архагата потерпели поражение, и карфагеняне перешли в наступление. Греки собрались в Тунете, который был осажден карфагенянами. Агафокл вернулся в Африку, но сделать уже ничего не мог, кроме как увести своих воинов в Сицилию. Архагат пытался воспрепятствовать этому решению, что вызвало беспорядки в греческом лагере. И это окончательно решило дело. Был заключен мир, по которому карфагеняне сохраняли свои владения в Сицилии, а Агафокл должен был заплатить довольно значительную контрибуцию (Diod. XIX, 102—104; 106—110; XX, 4—20; 29—34; 38—44; 54—55; 57—69; 79; Iust. XXII, 7, 1—11; 8, 1—15).

Под конец жизни Агафокл пытался повторить африканское предприятие, но неудачно (Diod. XXI, 18). В Сицилии же продолжались военные действия, которые шли с переменным успехом, пока на острове не появился эпирский царь Пирр. В это время он вел войну с Римом в Италии, одержав две впечатляющие победы, но не добившись решающего успеха. Сицилийские греки призвали его на помощь против пунийцев. Наличие общего врага заставило карфагенян и римлян вступить в союз, заключив новый договор между собой (Polyb. III, 25, 1—5). Это был IV карфагено-римский договор. О первых двух уже говорилось. Третий был заключен в 306 г. до н. э. и устанавливал неприкосновенность для обеих сторон соответствующих сфер влияния — Сардинии и Италии (Liv. IX, 43, 26; Serv. ad Aen. IV, 628). Теперь впервые был заключен договор о военном союзе. Реальных плодов, впрочем, этот договор, как кажется, не дал, так как союзники не доверяли друг другу. И первоначально пунийцам пришлось плохо. Появление в Сицилии Пирра резко изменило соотношение сил в пользу греков. В конце концов карфагеняне потеряли почти весь остров и с трудом удерживали Лилибей. Они уже готовы были заключить с Пирром мир, и лишь чрезмерная гордыня эпирского царя помешала этому. Однако, почувствовав себя господином Сицилии, Пирр стал вести себя с греками как со своими подданными, преследовать своих реальных и выдуманных противников и не скрывал намерений стать владыкой Сицилии. Это возмущало против него сицилийских греков и липило его их подержки. В результате Пирр был вынужден вернуться в Италию (Diod. XXII, 10, 13; Iust. XXIII, 3, 1—10; Plut. Pyrr. 22—24; App. Samn. 12).

Уход Пирра развязал руки карфагенянам. Они не только вернули свои прежние владения, но и начали готовиться к новому натиску на эллинов. Последние объединились вокруг Сиракуз, во главе которых встал Гиерон II, провозглашенный 63

царем. На севере острова Мессану удерживали так называемые мамертинцы, бывшие наемники Агафокла; Карфаген оказал помощь мамертинцам против Гиерона. Одновременно он попытался вмешаться в италийские дела, оказав помощь Таренту и нарушив тем самым договор 306 г. до н. э. (Liv. per. XIV). К этому времени почти вся Сицилия, кроме восточного побережья, находившегося под властью Гиерона, и Мессаны, захваченной мамертинцами, оказалась под властью Карфагена. И снова, казалось, пробил час, когда весь этот огромный и богатый остров перейдет под неограниченную власть пунийцев. Но в дело вмешались римляне. В 264 г. до н. э. началась I Пуническая война¹⁷.

I Пуническая война разворачивалась в основном на территории Сицилии. Здесь уже в начале войны карфагеняне потерпели ряд поражений, а в 260 г. до н. э. в морской битве у Липарских островов был разгромлен их флот. Это позволило римлянам в 256 г. до н. э. повторить опыт Агафокла и высадиться в Африке. Но как тогда, так и теперь попытка врагов Карфагена не достигла цели. Хотя первоначально в Африке пунийцы вновь потерпели несколько поражений, чем воспользовались ливийцы, восстав против своих господ, в конце концов карфагеняне подавили восстание и разгромили римский экспедиционный корпус. Война снова вернулась на сицилийскую землю и велась с переменным успехом, но все же с преимуществом римлян. К концу войны карфагенские силы возглавил Гамилкар Барка. Талантливый полководец, он, однако, не сумел переломить ход событий. Новый разгром карфагенского флота заставил его пойти на переговоры с римлянами. По условиям мирного договора, заключенного в 241 г. до н. э., Карфаген потерял Сицилию и острова возле нее и был обязан заплатить контрибуцию.

Три века карфагеняне вели упорную борьбу за Сицилию. Не раз они готовы были торжествовать победу, но так и не сумели вытеснить греков. Ни гибель Моти, ни африканская экспедиция Агафокла не принудили пунийцев покинуть этот остров. На этот раз их окончательно вытесняют из Сицилии. Такой исход войны обострил социальные и политические противоречия в самом Карфагене и породил острый внутренний кризис.

¹⁷ Пунические войны много раз были предметом исследований историков, в том числе и советских (например, [50; 53; 62]). Мы уже не говорим о довольно подробных разделах в общих работах и учебниках по истории древнего мира, истории Рима и даже истории военного искусства. Поэтому мы ограничимся очень кратким изложением военных событий, дабы не терять общую нить повествования, несколько больше говоря о внутренних делах Карфагена.

Самым ярким проявлением этого кризиса явилось мощное восстание, известное под названием Ливийской войны (Polyb. I, 66—68; Diod. XXV, 2—6; Nep. Ham. 2; App. Sic. 2). Инициаторами восстания были наемники, возмущенные неуплатой причитающихся им денег. К ним примкнули рабы, ливийцы и пумидийцы. В ходе восстания судьба Карфагена не раз повисала на волоске. Хотя наши источники рассказывают в основном о войне в Африке, восстание не ограничилось африканскими владениями Карфагена. Оно распространилось на Сардинию (Polyb. I, 79) и, но-видимому, на Испанию. Все это явилось тяжким испытанием для карфагенян. Лишь с большим трудом и ценой огромных усилий и невероятных жестокостей вновь вставшему во главе армии Гамилькару удалось подавить восстание в Африке и отправиться затем в Испанию, где он продолжал, вероятно, кампанию «умиротворения» карфагенских владений¹⁸. С Сардинией же пришлось распрощаться и уступить ее Риму, угрожавшему в противном случае войной.

Еще одним аспектом кризиса явилось возрастание роли карфагенского гражданства. К сожалению, об этом мы знаем мало. И все же некоторые, довольно скудные упоминания древних авторов позволяют говорить о росте значения народа. Народное собрание существовало в Карфагене всегда, но в обычное время его полномочия были, как кажется, в большой степени формальны, и вся власть сосредоточивалась в руках правящей олигархии (см. ниже). Но теперь роль народа значительно возрастает. Если в конце IV в. до н. э. полководцев назначал сенат (Diod. XX, 10), то Гамилькара во главе армии поставил народ (Diod. XXV, 8). Когда враги попытались привлечь Гамилькара к суду как виновника бедствий родины, поддержка народного лидера Гасдрубала, за которого полководец выдал замуж свою дочь, позволила ему избежать суда (App. Hisp. 4). Самого Гасдрубала Аппиан (там же) называет «в высшей степени заискивающим перед народом», что уже само по себе показывает, сколь велика была роль последнего. Полибий (VI, 51, 6) отмечает, что между двумя Пуническими войнами власть все больше переходила к народу. Недаром именно Гасдрубал сыграл значительную роль в самой подготовке похода Гамилькара в Испанию (App. Hisp. 5).

Раскол произошед и среди олигархии. Выделяются две враждующие группировки, одну из которых возглавлял Гамилькар, а другую — его непримиримый противник Ганнон. Последний имел прозвище «Великий» (App. Hisp. 4). Нам

¹⁸ См. подробнее о ходе Ливийской войны [50, с. 41—49]; о ее социальном смысле [31, с. 211—227; 62, с. 42—44]; о событиях в Испании [99, с. 38]. 65

неизвестны его деяния, давшие основания для такого прозвища. Может быть, это — фамильное прозвание, идущее от Ганнона Великого, деятельность которого приходится на IV в. до н. э., подобно тому как позже в Риме аналогичное прозвище Помпея перешло по наследству его детям. Тогда в Ганноне, противнике Гамилькара и его преемников, надо видеть представителя знатной фамилии Гайнонидов (ср. [498, с. 552]). Все, что мы знаем о Ганноне, показывает, что он всегда был соперником Гамилькара и при том каждый раз это соперничество кончалось для него неудачей. Достаточно привести один пример: когда во время Ливийской войны армии был предоставлен выбор между Ганноном и Гамилькаром, она предпочла последнего (Polyb. I, 82, 12). Различными были внешнеполитические установки двух «партий»: партия Ганнона стояла за осторожную и мирную политику, исключавшую всякий возможный конфликт с Римом, баркидская — за активную, целью которой было взять после соответствующей подготовки реванш у римлян. Так как те же цели преследовали и широкие круги карфагенского гражданства, заинтересованные в притоке богатств из подчиненных земель и в монополии морской торговли, то естественно союз между Баркидами и карфагенской демократией.

Как уже отмечалось, опираясь на последнюю, Гамилькар предпринял попытку отвоевать Испанию. Он не только преуспел в этом, но и сумел расширить сферу карфагенского господства на Пиренейском полуострове. После его гибели во главе армии, опять же по воле народа (Diod. XXV, 12), встал Гасдрубал, который расширил завоеванную территорию и закрепил ее договором с Римом. При заключении этого договора Гасдрубал пошел на важную уступку, согласившись не переходить с армией реку Ибер. По-видимому, ему в этот момент было важно обеспечить свой испанский тыл перед лицом внутренних событий в Карфагене.

Фабий Пиктор, на которого ссылается Полибий (III, 8, 2), приписывает Гасдрубалу стремление после успехов в Испании по прибытии в Африку совершить государственный переворот и установить свою единоличную власть. Фабий был свидетелем описываемых событий [41, с. 120], и нет оснований сомневаться в его сообщении. Подтверждением такого замысла могут быть монеты, выпускаемые, по-видимому, Гасдрубалом, на которых изображен он сам, увенчанный диадемой [204, с. 211]. В Карфагене Гасдрубал пользовался активной поддержкой народа и даже части правительства, для чего он усиленно использовал прямой подкуп (Polyb. III, 17, 10; Liv. XXI, 15, 2; Nep. Ham. 5, 1; App. Hisp. 5). И все-таки обстановка в Кар-

представлялось Гасдрубалу в Испании. Под давлением «первых мужей в управлении государством», как пишет Полибий (III, 8, 3), он вынужден был отказаться от своих замыслов и вернуться в Испанию.

В 221 г. до н. э. Гасдрубал был убит, и испанское войско провозгласило полководцем Ганнибала сына Гамилькара, а карфагенский народ единогласно утвердил выбор армии (Liv. XXI, 3, 1; App. Hisp. 8; App. Hannib. 3; Nep. Hannib. 1). Это еще раз свидетельствует о силе Баркидов в Карфагене. Даже в сенате, кроме Ганнопа, практически не осталось их противников (Liv. XXI, 11). Эта единодушная поддержка позволила Ганнибалу спровоцировать в подходящий момент новую войну с Римом.

II Пуническая война в отличие от первой разворачивалась на нескольких фронтах: в Италии, в Испании и Сицилии. Одно время казалось, что против Рима удастся поднять и Македонию, но вступивший в союз с Ганнибалом македонский царь Филипп V усилиями римской дипломатии был втянут в войну на Балканском полуострове. Карфагеняне одержали в этой войне ряд побед. Особенно блеснул полководческий гений Ганнибала, одного из крупнейших полководцев древности. Некоторые его битвы, особенно сражение при Каннах (216 г. до н. э.), до сих пор изучаются историей военного искусства как образец тактического окружения. Однако все эти победы оказались бесполезными [50, гл. III]. В конце концов Ганнибал был «заперт» в Южной Италии и лишен оперативного простора. В Испании после долгих лет борьбы, шедшей с переменным успехом, римляне после прибытия Публия Корнелия Сципиона добились решающих успехов. В 206 г. до н. э. им сдался Гадес, и финикийцы, жившие в Испании, перешли под власть Рима. В Сицилии, где карфагеняне надеялись вести войну руками сиракузян, римляне осадили Сиракузы. Инженерную часть обороны города взял на себя знаменитый греческий ученый, уроженец Сиракуз Архимед. Он изобрел разнообразные машины, помогающие осажденным. Но все было напрасно. Несмотря на героизм осажденных и инженерный талант Архимеда, римляне взяли Сиракузы. В 204 г. до н. э. римская армия во главе с Сципионом высадилась в Африке. После ряда поражений карфагенское правительство вызвало из Италии Ганнибала, но он потерпел поражение при Заме, и сопротивление стало бессмысленным.

В 201 г. до н. э. был заключен мир. По его условиям, карфагеняне должны были заплатить огромную контрибуцию, выдать весь свой военный флот, лишиться всех своих внеафриканских владений, а в самой Африке признать независимость Нумидии и вернуть нумидийскому царю владения его предков. Последняя статья своим парочито неопределенным характером 67

оставляла римлянам постоянную возможность вмешиваться в африканские дела, тем более что условиями того же договора карфагенянам вообще запрещалось вести какую-либо войну без разрешения Рима. II Пуническая война, таким образом, не только лишила Карфаген положения великой державы, но и значительно ограничила его суверенитет.

Последние 55 лет существования Карфагенской республики были довольно своеобразным периодом ее истории. В экономическом отношении Карфаген скоро возродился. Во II в. до н. э. он остается не только важнейшим торговым центром, но и значительным производителем зерна и масла [50, с. 321—322, 329]. Недаром столь испугался Катон, увидев в 253 г. до н. э. многолюдный и богатый город (App. Lib. 69; Plut. Cato Maior. 26). Политически же Карфаген фактически находился под протекторатом Рима, причем последний занимал по отношению к нему, как правило, враждебную позицию, всячески покровительствуя нумидийскому царю Масиниссе, постепенно захватывающему земли карфагенян. В этих условиях в Карфагене не могла не возобновиться политическая борьба. Уже вскоре после окончания второй войны с Римом, в 195 г. до н. э., Ганнибал, встав во главе государства, попытался провести реформы, которые ликвидировали бы всевластие олигархии и стали основой для подготовки к новой войне (Liv. XXXIII, 46—47). Однако, объединившись, римляне и карфагенские олигархи заставили Ганнибала бежать на Восток, не довершив начатого дела (Liv. XXXIII, 47). К середине века внутриполитическая жизнь Карфагена определялась борьбой трех «партий»: проримской, пронумидийской и демократической, стремящейся к восстановлению карфагенского могущества (App. Lib. 69). Победа последней дала римлянам повод к началу новой войны.

В 149 г. до н. э. началась III Пуническая война. Карфагеняне оказали римлянам героическое сопротивление. Однако силы были неравны. В 146 г. до н. э., после трехлетней осады римские солдаты ворвались в Карфаген. Развернулись ожесточенные уличные бои. Сражения разгорались на улицах и мостках, переброшенных через улицы, у стен домов и на их крышах. Последний оплот защитников города — храм Эшмуна — римляне взять не смогли, его подожгли сами осажденные, предпочитавшие смерть в огне рабству. Большая часть карфагенян погибла, 500 тыс. выживших были обращены в рабство. Сам Карфаген был разрушен до основания, и это место было вспахано и засеяно солью в знак вечного проклятия (App. Lib. 74—135; Polyb. XXXVIII, 2; XXXIX, 5, 1). Территория Карфагенской республики была превращена в римскую провинцию Африку, центром которой стала Утика.

История пунического Карфагена завершилась. Но в течение более пяти с половиной столетий он оказывал огромное влияние на ход событий в Западном Средиземноморье. За это время была создана интересная цивилизация, возникшая как ответвление финикийской, но приобретшая своеобразные черты и ныне обычно называемая пунической. Она пережила гибель Карфагена и еще долго существовала в Африке. И все же в конце концов «нивелирующий рубанок римского владычества» [5, с. 146] прошелся и по ней, оставив от этой цивилизации не так уж много. Однако то, что сохранилось, заслуживает внимательного изучения.

Торговля

К. Маркс называл финикийцев торговым народом по преимуществу, подчеркивая роль торговли в экономической жизни финикийского мира [2, с. 89; 3, с. 39—40, 167—168]. И сама финикийская колонизация, как мы видели, была во многом (хотя и не исключительно) обусловлена торговой деятельностью тирийцев. Эта отрасль хозяйства играла видную роль и в Карфагене. Хотя Карфаген был основан оппозиционной группой тирской знати, его основание совпало с общим направлением торговых интересов Тира, и он с самого начала развивался в первую очередь как центр посреднической торговли. И только гораздо позже в его экономике значительную роль стало играть сельское хозяйство. Французские исследователи Ж. и К. Шарль-Пикар образно назвали Карфаген в первый период его истории кораблем, стоящим на якоре у берега Африки [204, с. 169].

Рассматривая внешнеторговые связи Карфагена, надо прежде всего сказать о торговле с метрополией. В классической литературе некоторые намеки на тирско-карфагенскую торговлю относятся только ко II в. до н. э. Так, бежавший из Карфагена Ганнибал встретил на о-ве Керкина финикийские торговые корабли, явно направляющиеся в Карфаген (Liv. XXXIII, 48): в противном случае ему не нужно было предпринимать меры предосторожности, чтобы моряки не сообщили о встрече с ним карфагенским властям. Двумя годами позже, уже находясь в Сирии, он отправил в Карфаген некоего Аристона для переговоров со своими сторонниками (Liv. XXXIV, 61). По словам Аппиана (Syr. 8), Аристон был купцом: видимо, в таком качестве он мог без подозрений прибыть в Карфаген и встретиться там с нужными людьми. Некоторые финикийцы из Сидона и Арвада упоминаются в пупических надписях [313, т. IV, с. 171], но нет доказательств, что они занимались торговлей.

Несколько больше может дать археология. Как уже говорилось, самые ранние слои карфагенского святилища и некрополей

дают керамику, подобную финикийской, а также маски и амулеты. Можно предполагать, что многие такие предметы были привезены из Финикии. Однако сходство финикийских и карфагенских изделий в то время столь велико, что отделить их невозможно [215, с. 324—421]. Положение меняется в начале VII в. до н. э., когда карфагенские сосуды стали принимать оригинальный вид. Среди керамики этого времени уже можно выделить некоторые изделия мастерских метрополии. Но, пожалуй, еще больше о торговых связях с Финикией свидетельствуют такие вещи, как ассирийские цилиндры и печать с древнееврейской надписью [215, с. 452—453; 121, с. 11—15].

И все же экономические связи Карфагена и его метрополии были, как кажется, не очень значительными. Может быть, это надо объяснить самостоятельностью Карфагена, которая была характерна для него в отличие от остальных тирских колоний. Но главное, пожалуй, в том, что Тир установил прямые связи с основными месторождениями металлов в Западном Средиземноморье, прежде всего с Исанией (Таршишем), и мало нуждался в Карфагене (ср. [356, с. 24, 29]), чья торговля в значительной степени была посреднической. Положение могло измениться в эллинистическую эпоху, когда экономическое и тем более политическое значение Тира унало. К тому же Карфаген в это время связывается с общей экономической системой эллинистического мира. Возможно, этим объясняется появление указаний на карфагено-тирскую торговлю.

Контакты Карфагена с Египтом были установлены довольно рано. Первые свидетельства египетского импорта (скарабей и амулеты) появляются в Карфагене уже в первом слое святилища Тиннит, т. е. в VIII в. до н. э. Позже в некрополях и святилищах Карфагена появляются и другие предметы египетского производства. К амулетам и скарабеем добавляются различные сосуды, датируемые в целом 620—560 гг. до н. э., а также наметки прикладного искусства и культа, например погребальная статуэтка фараона Нехо II и др. [129, с. 25—45; 510, с. 23—28]. Вообще VII—VI вв. до н. э. надо, видимо, считать временем расцвета карфагено-египетской торговли [8, с. 266; 510, с. 28]. И позже она не прерывается [293, с. 193—194; 371, с. 96—102], хотя, может быть, приобретает меньший размах, так как торговые интересы Карфагена сосредоточиваются в других районах.

Более тесные связи возобновляются после прихода к власти в Египте Птолемеев [204, с. 182]. Об этом, в частности, говорит попытка карфагенян получить у Птолемея II заем в две тысячи талантов (App. Sic. 1). И хотя эта попытка оказалась безуспешной, она, как отметил в свое время С. Гзель, свидетельствует о предыдущих хороших отношениях [313, т. IV, с. 166]. Свиде- 71

тельством торговли Карфагена с эллинистическим Египтом являются находки египетских изделий, как, например, александрийских ваз и египетско-эллинистических ламп, в карфагенских некрополях III—II вв. до н. э. [196, с. 53]. Возможно, для александрийцев Карфаген вообще становится символом западных богатств или по крайней мере главным посредником между металлическими богатствами Запада и Восточным Средиземноморьем [500, с. 89—90]¹. О карфагено-египетских контактах говорит и такой факт, как распространение в Карфагене некоторых египетских мод, например ношение парика [204, с. 142], и то, что какие-то карфагеняне вырезали свои имена на спине сфинкса в мемфисском Серапейоне [196, с. 53].

По-видимому, от своих соотечественников из метрополии пунийцы унаследовали и связи с греками. Характер финикийского и карфагенского экспорта таков (см. ниже), что археологические следы его трудноразличимы. Поэтому археология говорит нам больше о греческом импорте в Карфагене. Импортные изделия довольно широко представлены в карфагенских могилах, начиная с сосудов, датируемых концом VIII в. до н. э. Основная масса ввозимых изделий падает на VII—первую половину VI в. до н. э. [175, с. 11—37; 487, с. 494—496].

Несомненно, в это время существуют прямые контакты Карфагена с Эгейским бассейном. Об этом свидетельствует прежде всего большое количество коринфских вещей, находимых в Карфагене, причем присутствуют такие изделия, какие не встречаются в Этрурии [175, с. 38]. Среди греческих государств ведущую роль в торговле с Карфагеном играл, по-видимому, Коринф. Позже вместо него или наряду с ним значительное место в западной греческой торговле стал занимать Самос, и через него, видимо, проникают на Запад, в том числе в Карфаген, лаконские сосуды [223, с. 153—154]. Едва ли случайно, что именно самосец Колей, по Геродоту [IV, 152], открыл для греков Тартесс в Испании во второй половине VII в. до н. э.

V век до н. э., как уже отмечалось, не принес с собой перерыва в торговле с греками. Это доказывается находкой фрагмента дорической колонны на Бирсе, датируемой 480—447 гг. до н. э., ваз и терракот, обнаруженных в могилах V в. до н. э. [272, с. 88—89; 512, с. 154]. Об этом же говорят результаты археологических исследований в Эбесе, Панорме, Мотии и, что особенно важно, в Кернуане, где обнаружено большое количество атти-

¹ Об этом, видимо, свидетельствует тот факт, что александрийские иудеи, переводя Библию на греческий язык, в книгах Исайи и Иезекиила заменяли «Таршиш» на «Карфаген». Это, конечно, объясняется и тем, что в Александрии существовала версия библейского текста, отличная от той, которая станет канонической.

ческих изделий V в. до н. э., в том числе краснофигурной керамики [406, с. 499—500; 361, с. 327].

О карфагено-афинской торговле недвусмысленно свидетельствует литературная традиция. Особенно интересен в этом отношении фрагмент из комедии Гермиппа, писателя V в. до н. э., современника Перикла (Ath. I, 28a): среди товаров, прибывающих в Пирей, названы слоновая кость из Ливии и ткани и пестрые подушки из Карфагена (ср. [48, с. 97]). Может быть, об этом же свидетельствует и псевдоксенофонта «Афинская полития» (II, 7), которая упоминает торговлю с Ливией². Экономические связи с Афинами, возможно, хотя бы частично дали основание для попыток заключить политический союз с афинским государством, о чем говорилось в главе II. К концу V в. до н. э. карфагеняне были, видимо, довольно привычным явлением в Афинах, если Еврипид в трагедии «Финикиянки» изобразил именно хор карфагенских женщин [57, с. 122—124]³.

И позже карфагеняне были известны в Афинах. Плавт сам указывал, что его комедия «Пуниец» явилась переложением греческой пьесы «Карфагенянин» (Роеп. 53). К сожалению, он не назвал автора, но обычно полагают, что это был либо Алексид, комедиограф IV в. до н. э., либо знаменитый Менандр [313, т. IV, с. 152]. Правда, действие плавтовской комедии происходит в эолийском Калидоне, но это может быть такой же поэтической условностью, как и итальянская Верона у Шекспира. Во всяком случае, фигура карфагенского купца афинскому зрителю была явно знакома. Надписи, найденные в Афинах (IG, II, 325; 3054; Sylloge³ 321), упоминают карфагенян, в том числе карфагенских послов. Один из карфагенян умер в этом городе; полагают, что он занимался в Афинах торговлей [313, т. IV, с. 153].

Карфагеняне были связаны и с другими греческими полисами. Интересна в этом отношении надпись из Фив, датированная 364/63 г. до н. э. (Sylloge³ 179), в которой прокшеном и «благодетелем» беотийцев провозглашается карфагенянин Нобас (видимо, Ганнибал) сын Гасдрубала; ему предоставляется право владеть недвижимостью, свобода от налогов и право убежища на земле и на море и в случае войны. Нам неизвестны причины издания такого акта; можно только думать, что карфагенянин оказал какую-то очень важную услугу фиванскому полису —

² Считают, что произведение было написано в 425 г. до н. э. [39, с. 351]. Однако существует мнение, что «Афинская полития» могла принадлежать и самому Ксенофону [92, с. 253]. И в таком случае нельзя его сведения безоговорочно относить к V в. до н. э.

³ Разумеется, надо учитывать и политические обстоятельства: трагедия была написана тогда, когда назревал союз между Афинами и Карфагеном. 73

возможно, снабдил его хлебом. Формула так называемой исополитии, т. е. равенства в правах с гражданами, достаточно стандартна (Фивы, не будучи морским государством, предоставляют убежище не только на земле, но и на море). И все же сам факт издания такого декрета характерен: он свидетельствует о контактах между Карфагеном и Фивами в IV в. до н. э. и о заинтересованности последних в этих контактах. Не исключено, что сын Гасдрубала был торговым представителем Карфагена в Фивах [57, с. 125].

В эллинистическое время особое значение приобретает Родос, с которым Карфаген поддерживает довольно оживленные сношения: на Бирсе найдено большое количество фрагментов родосских винных амфор, особенно ручек с клеймами, датируемых в основном 220—180 гг. до н. э. [271, с. 60—69; 272, с. 98—114]. Вместе с ними найдены обломки, как кажется, кносской и кидской керамики [272, с. 114—115]. Как мы видим, тяжелое поражение во II Пунической войне не разорвало контакты карфагенян с Эгейским бассейном. Более того, это поражение и в значительной степени утрата в связи с ним западных рынков заставили пунийцев интенсифицировать связи с восточными греками и Восточным Средиземноморьем и искать новые рынки [14, с. 140, прим. 3]. Так, используя связи с эллинистическим Египтом, карфагенские купцы пытаются укрепиться на путях в Индию [50, с. 305]. Укрепляются и карфагенские контакты с Причерноморьем, в том числе Северным.

Контакты между Карфагеном и Северным Причерноморьем возникают, видимо, в V в. до н. э. Именно в это время карфагенские стеклянные бусы с изображением человеческих лиц появляются в Пантикапее, Нимфее и Ольвии. В IV в. до н. э. к этим городам присоединяется Тира. С этого времени такие изделия, хотя и в небольших количествах, постоянно присутствуют в греческих городах на северном берегу Понта Эвксинского, проникая оттуда и далеко в глубь «варварской» территории вплоть до Прикамья [317, с. 168, 177, 181, 185, 195—197, 202—206, 209—210, 214—216, 218—220, 222, 225, 227—229, 231]. В Пантикапее обнаружены и карфагенские золотые подвески IV—III вв. до н. э. [454, с. 109]. Тщательные исследования в советских музеях, может быть, помогут обнаружить и другие следы контактов этих районов с Карфагеном. Естественно, встает вопрос, были ли эти контакты прямыми? По-видимому, в V в. до н. э., когда Эгейское море и проливы, ведущие в Понт, находились под контролем Афин, карфагенские товары доходили до понтийских городов через Афины. Начиная с IV в. до н. э. ничто, пожалуй, не мешало пуническим купцам плавать в Черное море. Эти связи интенсифицируются во II в. до н. э., как показывает надпись из Истрии

в Западном Причерноморье, в которой говорится о карфагенянинах, торгующем в городе и окрестностях [14, с. 140; 105, с. 119—121]. В Северном Причерноморье в сферу карфагенской торговли входит Херсонес, судя по находкам пунических подвесок в эллинистическом доме II в. до н. э. [11а, с. 164—166, 179; 317, с. 168].

Карфагеняне не могли не считаться с Киреной и другими эллинистическими городами этой области, лежащей между Карфагенской республикой и Египтом. Отношения между ними были явно натянутыми: в VI в. до н. э. между ними происходила долгая война, а в конце IV в. до н. э. киренский правитель поспешил прийти на помощь Агафоклу. Это, разумеется, не отрицает возможности торговых сношений. Об официальной торговле нет никаких сведений. Неофициальная же, тайная, процветала. Так, Страбон (XVII, 3, 20) упоминает порт Харакс, где карфагеняне тайком обменивали свое вино на киренский сельфий и его сок. Говорит ли тайная торговля о запрещении торговать с враждебной Киреной или, наоборот, о стремлении киренских властей не допустить торговлю, нарушающую их монополию? На этот вопрос мы ответить не можем.

Еще большее значение, по крайней мере до I Пунической войны, имела для Карфагена торговля с сицилийскими греками, с которыми они находились в постоянных сношениях, то военных, то мирных. Возможно, что значительная часть коринфской керамики приходила в Карфаген через Сиракузы [313, т. IV, с. 151, прим. 6]. В этом городе жило довольно значительное число состоятельных карфагенян. Среди них были и купцы, владеющие кораблями, стоящими в сиракузской гавани. Жили карфагеняне или по крайней мере жители финикийских городов, входящих в состав Карфагенской державы, и в других греческих городах Сицилии (Diod. XIV, 46, 1). Среди этих городов надо отметить Акрагант, который в V в. до н. э. экспортировал вино и особенно оливковое масло в Карфаген (Diod. XIII, 81). Это было важнейшим источником доходов Акраганта [316, с. 164]. В V в. до н. э. немалую роль в карфагенской торговле играли те же Сиракузы, как это показывает клад монет, в основном сиракузских, найденный в современной Визерте [313, т. IV, с. 151].

С IV в. до н. э. значительную роль среди торговых контрагентов Карфагена стали играть города Южной Италии, как греческие, так и позже италийские. Значительную часть греческой или грецизированной керамики, найденной в карфагенских некрополях и домах IV—II вв. до н. э., составляют южноиталийские, апулийские и особенно кампанские краснофигурные и чернолаковые сосуды [211, с. 459; 313, т. IV, с. 159, 161; 75

366, с. 64—65, 68—69; 367, с. 27]. Связи пунийцев с Италией существовали и раньше, но до IV в. до н. э. они, вероятно, осуществлялись через сицилийских греков и этрусков.

Этрусско-карфагенские контакты возникли довольно рано, не позднее первой четверти VII в. до н. э. (см. выше, гл. II), и в дальнейшем продолжались весьма интенсивно. В Карфагене и ряде других западнофиникийских городов найдено много этруских изделий, прежде всего керамики, особенно VII—VI вв. до н. э. Пунические изделия, хотя и в меньшем количестве (что естественно, учитывая характер карфагенского экспорта), обнаружены в Этрурии, причем только в районе побережья и главным образом его южной части [386, с. 369—373; 455, с. 179—181]. Отсюда вытекает обоснованный вывод, что контрагентами пунических купцов были приморские города Южной Этрурии [386, с. 373]. В связи с этим надо вспомнить, что именно южноэтрусский приморский Цере оказался главным, если не единственным, союзником Карфагена в борьбе с фокейцами. Торговлю с нунидцами вели и этрусские города Кампаний [35, с. 99].

Торговые отношения карфагенян с этрусками регулировались специальными дипломатическими актами, о которых сообщает Аристотель (Pol. III, 5, 10—11, 1280a): 1) договоры о ввозе и вывозе; 2) соглашения о предотвращении несправедливостей; 3) письменные соглашения о военном союзе. Первые два вида договоров имеют непосредственное отношение к торговле. Вариантом второго типа соглашений были ранние договоры Карфагена с Римом [34, с. 524]. Из текста этих договоров мы видим, что речь шла об установлении зон «свободной торговли», об ограничении или даже полном запрещении торговли в других районах, об урегулировании взаимных претензий.

Наивысшего расцвета карфагено-этрусская торговля достигает в VII—VI вв. до н. э. В начале V в. до н. э. происходят важные изменения в этруских городах: после поражения при Киме в 474 г. до н. э. приходит конец этрусской талассократии, торговые интересы этрусков перемещаются, так что наибольшее значение для них приобретает северная торговля через Альпы (ср. [33, с. 73—74; 217, с. 31]). Это ни в коем случае не означает прекращения карфагено-этрусских контактов. Этрусский импорт по-прежнему засвидетельствован в пунической столице [386, с. 369—371]⁴. Там даже продолжают жить некоторые

⁴ То, что этрусский импорт V—III вв. до н. э. отмечен только в самом Карфагене и близкой к нему Мелите [386, с. 373], еще раз доказывает, что редкость привозимых изделий вообще и греческих в частности в Утике и других западнофиникийских городах (кроме Сицилии) объясняется монополистической политикой Карфагена, а не прекращением торговых связей в V в. до н. э.

этруски, как это было и в VI в. до н. э. [189, с. 1237; 327; с. 30]. В IV в. до н. э. карфагенские контакты с Этрурией вновь оживляются [35, с. 111], но к этому времени Этрурия уже переживает последний период своей самостоятельной истории. Через некоторое время она была поглощена Римом.

Торговые отношения Карфагена с Римом засвидетельствованы I римско-карфагенским договором, относящимся к концу VI в. до н. э. (Polyb. III, 22, 4—13). Пунийцы постыжились наладить систематические торговые контакты с только что родившейся Римской республикой, хотя по тексту договора мы не можем сказать, торговали ли карфагенские купцы непосредственно в Риме. Во втором же договоре (Polyb. III, 24, 3—13), относящемся к середине IV в. до н. э., прямо говорится, что карфагеняне имеют в Риме те же права свободной торговли, что и римляне в Карфагене и карфагенской Сицилии. О том, что римляне хорошо знали карфагенских купцов, свидетельствует комедия Плавта «Пуниец», поставленная вскоре после II Пунической войны [41, с. 75]. Хотя, как уже говорилось, она представляет собой переработку греческой пьесы, в ней очень много чисто римских черт. Автор представляет своего персонажа так, что он явно знаком римской публике, а речь на финикийском языке, произнесенная пунийцем Ганноном, показывает, что и язык их был более или менее известен римлянам в начале II в. до н. э. [41, с. 75; 495, с. 146].

Пунические торговцы вели активную торговлю с Испанией. Первые следы карфагено-испанских контактов восходят к концу VI в. до н. э. (см. выше). Сфера торговой экспансии пунийцев не ограничивалась областью политического господства Карфагена в Испании. Пунические товары, в том числе керамика, относительно широко проникали в Северо-Восточную Испанию, находящуюся под влиянием греческого Эмпориона, и в сам Эмпорион, а через него, видимо, и за Пиренеи [99, с. 56; 385, с. 22—90; 389, с. 244—249; 408, с. 872]. Надо, однако, заметить, что пунический экспонат шел в эти районы не непосредственно из Карфагена, а из Эбеса [389, с. 246—247]. К тому же на Пиренейском полуострове отчетливо различаются две зоны финикийской торговли: в то время как пунийцы торговали в основном в Юго-Восточной и Восточной Испании, Юго-Западная оставалась в сфере воздействия испанских финикийцев [99, с. 53—56]. Несмотря на политическое подчинение Гадеса и других финикийских городов Испании и связанное с этим некоторое ущемление их экономических интересов, полностью заменить своих соотечественников карфагеняне не смогли ни в Испании, ни в Африке, ни в атлантической торговле и были вынуждены делить с ними сферу экономического влияния.

На атлантическом побережье Африки главным центром карфагенской торговли с местным населением становится о-в Керна (Ps.-Scyl. 112). Торговля пунийцев с африканским населением сводилась к «немому» обмену, но тем не менее была довольно твердой и ностойнпой (Нер. IV, 196). Вероятно, от пунийцев сведения об атлантическом побережье Африки проникли и к грекам, например к составителю перинла IV в. до н. э., известному под именем Псевдо-Скилак [320, с. 166]. Характерно, что определенные сведения Псевдо-Скилака касаются районов не далее о-ва Керна, т. е. того места, до которого сравнительно четко описывал свой путь Ганнон, а далее, замечает автор, плавание невозможно (112). Это замечание надо связать со стремлением карфагенян скрывать свои рынки от соперников. Как далеко к югу распространялась карфагенская торговля, сказать невозможно, так как до сих пор не установлена точная локализация Керны, хотя многие ученые в последнее время полагают, что ее надо отождествить с о-вом Могадор [351, с. 262; 436, с. 322; 470, с. 366]. Пока самые южные следы пупической торговли (обломки амфор) найдены в районе мыса Бохадор, но нельзя утверждать, что они попали туда непосредственно от пунийцев [309, с. 16].

Развивалась и сухопутная торговля с Африкой. Ее имели в виду тирийцы, создавая некоторые свои колонии в тех местах, где транссахарские пути выходили к берегам Средиземного моря. Позднее карфагеняне взяли в свои руки торговлю с внутренними районами Африки, извлекая из нее баснословные барыши. Например, как говорилось, только от таможенных сборов в Лептисе карфагенская казна получала десять талантов. Сами карфагеняне время от времени предпринимали экспедиции в глубь континента [204, с. 220]. Так, известно о некоем Магоне, трижды пересекшем пустыню (Ath. II, 44d). Это было довольно трудное предприятие, учитывая, что в то время в Африке еще не передвигались на верблюдах [285, т. II, с. 202; 332, с. 572]. Тем не менее пунийцы шли на риск ради прибыли от транссахарской торговли.

И все же сами карфагеняне, по-видимому, сравнительно редко проникали далеко в глубь Сахары. Основными посредниками между ними и Тропической Африкой были, вероятно, гарманты [313, т. IV, с. 139—140], сильный народ, живший в пустыне и образовавший союз племен, стоявший на грани превращения в государство [69, с. 180—181]. Эта торговля, хотя в основном не непосредственная, достигала Нигера и, может быть, даже распространялась далее к югу [320, с. 164]. Через эту торговлю некоторые достижения пунической цивилизации 78 (например, распространение железа) были, кажется, воспри-

няты африканскими народами, жившими к югу от Сахары [29, с. 159; 483а, с. 86—87; ср., однако, 526а, с. 77].

Мы видим, что карфагенская торговля охватывала обширные районы — от Северо-Западной Африки до Причерноморья и от Испании до Египта. Карфагеняне получали керамику из Коринфа и Афин, из Этрурии и Южной Италии, вино с Родоса и из Кампании, амулеты, скарабеи и другие подобные предметы из Египта, шкуры зверей, слоновую кость и золото из Африки, металлы, особенно серебро, олово и свинец, из Испании, оливковое масло из сицилийского Акраганта, драгоценные камни и, по-видимому, медь из Мавритании и Нумидии. Вывозили же карфагенские купцы изделия карфагенского ремесла, как, например, ткани, керамику, подушки, одежду, украшения, и продукты земледелия: оливковое масло, которое в будущем станет основным продуктом римской провинции Африка, хлеб, вино [204, с. 181—186; 216, с. 314, т. IV, с. 131—166].

Значительная часть получаемых извне товаров оседала в самом Карфагене. Часть же нунические кунцы не перепродавали. Посредническая торговля занимала значительное место в экономике Карфагена. Так, карфагеняне привозили на западный берег Африки масло, аттическую керамику, «египетский камень», под которым надо понимать либо стекло, либо, что вероятнее, фаянс [313, т. IV, с. 97, прим. 5, с. 142], и вино, а увозили шкуры различных животных и слоновую кость (Ps.-Scyl. 112). Последнюю, как мы видели, они поставляли на внешний рынок, в частности в Афины. Экспортировали карфагенские купцы и африканские драгоценные камни, которые греки называли «карфагенскими» (Strabo XVII, 3, 11; Plin. XXXVII, 104). Плиний (XXXVII, 92) поясняет, что речь идет о разновидности карбункула, т. е. драгоценного сорта граната. И некоторые другие товары, например испанские металлы, также были объектами посреднической торговли карфагенских купцов.

Весьма важную статью карфагенской коммерции составляла работорговля. Рабов карфагеняне получали в результате войн: достаточно вспомнить, что после взятия Селинунта в 409 г. до н. э. более пяти тысяч человек попало в плен, в том числе особенно много женщин и детей, которых ожидало рабство в Ливии (Diod. XIII, 57, 58). Часть женщин карфагеняне продавали балеарским пиратам, получая от них взамен захваченных ими мужчин (Diod. V, 17, 3, 3; Ps.-Arist. de mir. ausc. 88), причем такса, по словам Диодора, была такова, что на одну женщину пунийцы выменивали трех или четырех рабов. Рабов они выменивали и на вино (там же). Африканских рабов карфагеняне получали, вероятно, от гарамантов [313, т. IV, с. 140].

Карфагенские купцы, ведущие морскую торговлю, были, 79

видимо, и владельцами кораблей. Намек на это содержится в словах Диодора (XIV, 46, 1), говорящего, что карфагенским купцам, находившимся в Сиракузах в 398 г. до н. э., принадлежали корабли, груженные товарами.

В среде купечества отмечается дифференциация. Были среди торговцев такие, кто сосредоточивал свою деятельность на каком-либо одном виде товаров. Так, в надписях мы встречаем торговца золотом (CIS, 333), благовониями (CIS, 334), железом (CIS, 335)⁵. Но имелись и такие, которые торговали различными товарами. Таковым предстает перед нами плавтовский Ганнон, привезший в условный комедийный Калидон африканских зверей, ложечки, трубы и орехи (Plaut. Poen. 1011—1014). О государственной торговле никаких сведений нет.

Тем не менее карфагенское государство уделяло торговле большое внимание. Мы знаем о торговых договорах, заключенных карфагенянами с этрусками и римлянами (см. выше). Используя свою политическую власть, государство стремилось, где могло, обеспечить монополию своим купцам. Такими «заповедными» зонами, судя по II римско-карфагенскому договору, были Сардиния и подчиненные карфагенянам районы Испании и Африки. Этой же цели нунийцы добивались, распуская заведомо неверные слухи о страшных опасностях, чудинах и мелях, не дающих возможности плавать в океанских водах [96, с. 127, 157]. В других же случаях, там, где они считали это нужным, карфагенские власти разрешали свободную торговлю, как в самом Карфагене, Эбесе и карфагенской Сицилии. Таким образом, карфагенское правительство проводило целенаправленную торговую политику. Обычно в торговых целях оно даже снаряжало специальные экспедиции, как, например, плавание Ганнона и Гимильккона.

Наличие такой последовательной торговой политики объясняется в немалой степени тем, что саму торговлю вели люди, которые занимали руководящее положение в государстве, хотя в ходе торговых операций они выступали как частные лица. Еще одной причиной было то, что торговля давала значительный доход республике, которая осуществляла таможенный контроль над сухопутной и морской торговлей, взимая довольно значительные сборы (Liv. XXXIII, 47, 1) [313, т. II, с. 318; 428, с. 602].

Обширная торговая деятельность должна была заставить карфагенян чеканить монету. Однако, как и в метрополии, здесь

⁵ Термином для обозначения торговцев в этих надписях является *škrt*. Подобный термин в Библии означает сравнительно крупных торговцев [253, с. 531]. Трудно сказать, можно ли это распространить на Карфаген.

приступили к этому довольно поздно и даже гораздо позже, чем в Тире. В последнем чеканка началась, видимо, во второй половине V в. до н. э. [133, с. 25; 413, с. 52; 425, с. 600—601]. В этом же, V в. до н. э. или немного позже начали выпускать, явно под греческим влиянием, свои монеты финикийские города Сицилии [313, т. II, с. 293; 434, с. 209—210]. И, наконец, тогда же и там же, в Сицилии, появляются первые карфагенские монеты, чеканенные по греческому образцу и аттическому стандарту [204, с. 182; 323, с. 737—739; 347, с. 276 и рис. 606—609; 424, с. 74]. Однако вне Сицилии эти монеты не имели хождения. И только к концу IV в. до н. э. государственный монетный двор в самом Карфагене начинает выпускать сначала золотые и бронзовые, а затем и серебряные монеты. Теперь монеты выпускаются по финикийскому эталону, но и по своему внешнему виду, и по нумерации они копируют греческие, в первую очередь сиракузские, образцы. На аверсе изображалась женская голова, подобная той, что украшала монеты Сиракуз, а на реверсе — конь, пальма или нос корабля [313, т. II, с. 326—327; 320, с. 167—168; 347, с. 276—278, рис. 639—647; 428, с. 602; 424, с. 74].

Столь долгое отсутствие металлических чеканных денег в Карфагене не было уникальным явлением. На Востоке при всем развитии торговли долгое время обходились без монет, хотя нужда в них явно ощущалась, и различные восточные страны все ближе подходили к их изобретению, но только после создания державы Ахеменидов монеты распространяются в пределах этого государства [169, с. 751—752; 381, с. 565—588]. Однако лишь в эпоху эллинизма экономика Передней Азии и Египта приобрела монетарный характер. Даже доэллинистический Вавилон при всем размахе его торговли и деловых операций обходился кусками серебра [44, с. 103—104; 66, с. 86]. Подобное положение сложилось и на Западе, кроме, разумеется, греческих городов. Так, в Риме медные и бронзовые слитки уступают место серебряным монетам только в III в. до н. э. [64, с. 227—229; 116, с. 142; 224, с. 197].

Не был исключением и Карфаген. Тесные торговые связи с народами, не использовавшими вовсе или использовавшими монеты в ограниченных размерах, и могли быть причиной того обстоятельства, что пунические торговцы не нуждались в собственной чеканке [204, с. 266, прим. 42; 313, т. IV, с. 130; 319, с. 96]. Торговля же с греками носила посреднический характер, что уменьшало нужду в деньгах. К тому же карфагеняне частично могли использовать греческие монеты, находки которых встречаются в Карфагене [116, с. 42]. Торговые отношения с остальными народами океанского побережья Африки вообще 81

строились на натуральном обмене, как это видно из яркого описания Геродота (IV, 196): карфагеняне выгружают свои товары на берег, дав сигнал дымом, а местные жители приносят золото, и обе стороны не трогают ни того ни другого, пока не сочтут, что количество карфагенских товаров и количество золота уравновешивают друг друга.

Это не означает, что в Карфагене не было уже какого-то общего эквивалента. Скорее всего им было серебро, как во многих восточных государствах, в том числе в Палестине [9, с. 1—2]. Недаром греки считали Карфаген обильным золотом и серебром (Thuc. VI, 34). В надписях мы встречаем упоминание серебра как средства платы или как приношение в храм. Возможно, чеканная монета использовалась карфагенянами для внешней торговли, в то время как внутри города и, может быть, всего государства они пользовались старыми весовыми системами.

Положение меняется в эллинистическое время. Тогда экономика Ближнего Востока принимает монетарный характер. В IV—III вв. до н. э. даже «варварские» народы Западной Европы, кельты Галлии и иберы Испании, не без влияния, разумеется, греков, как и римляне, начинают чеканить свою монету [217, с. 173]. При этом в державе Птолемеев, в которую на какое-то время входят города Финикии, в том числе Тир, принимается финикийский стандарт. Его же принимают и некоторые другие государства Средиземноморья, в том числе Родос и Сиракузы, с которыми Карфаген поддерживал в то время оживленные связи. Это, видимо, и заставило Карфаген приступить к выпуску монет, причем именно по финикийскому эталону [204, с. 182]. Принятие этого эталона облегчалось продолжением культурных связей между Карфагеном и метрополией. Чеканка золотой монеты была монополией государства, а серебряная и бронзовая монеты могли выпускаться и некоторыми подчиненными городами, как, например, Гадесом [99, с. 62—63; 313, т. IV, с. 327—329; 424, с. 73—74], и даже иногда полководцами, как делали это Баркиды в Испании и Италии [347, с. 279—283, рис. 610—612; 391, с. 369—371, 431—435].

Корабли и военная техника

Как морская торговля, так и державные интересы Карфагена требовали большого флота. И Карфаген славился своими кораблями, и военными, и торговыми. Рассказывая о карфагенских 82 экспедициях в Сицилию, Диодор постоянно говорит о таких

судах двух видов: собственно военных, или «длинных», и транспортных (например, XI, 1, 5; XIII, 54, 1 и др.). Среди военных кораблей долго преобладали триеры, снабженные тремя рядами весел, на которых, видимо, как и у греков, сидели до 170 гребцов [15, с. 76]. Впервые триеры упоминаются в связи с походом 406 г. до н. э. (Хер. Нелл. I, 5, 21), но, видимо, они использовались и раньше. Для заморских экспедиций в V в. до н. э. карфагеняне пользовались пентеконтерами, т. е. кораблями с 50 гребцами. Именно такие суда были посланы с Ганнопом в океанское плавание вдоль Африки (Hannoni periplus 1). Во время I Пунической войны мы встречаем уже пентеры с пятью рядами весел (Polyb. I, 20, 15). Использовали карфагеняне и другие виды военных судов. Строились корабли на верфях в Карфагене, расположенных около военного порта (Strabo XVII, 3, 14; App. Lib. 19). Эти корабли были довольно значительны, и их кормчие умели. Недаром в начале I Пунической войны, по словам Полибия (I, 16, 7), карфагенский флот господствовал на море. Известен рассказ того же историка (I, 47) о некоем Ганнибале Родосце, который на своей пентере сумел прорваться через римскую блокаду Лилибея, и весь римский флот, стоявший в лилибейской гавани, не смог его поймать или уничтожить. Насколько велика была роль флота, говорит тот факт, что решающие сражения I Пунической войны разыгрывались на море, и поражение пунического флота при Эгатских островах решило судьбу войны. Позже морские битвы уже не играли столь значительной роли, но корабли строились пунийцами вплоть до гибели их города.

Известны были и торговые корабли, которые греки называли «круглыми». Они имели закругленный корпус, высокую украшенную корму и мачту с прямоугольным парусом. Большой карфагенский торговый корабль III в. до н. э. был обнаружен у берегов Сицилии. Он был около 25 м в длину и 3,5 м в ширину под ватерлинией, построен из дерева и внутри обшит листами свинца. Киль почти вертикально изгибался кверху и превращался в ахтерштевень. Специальная балка помогала поддерживать парус. Корабль нагружался балластом, а для смягчения ударов камней балласта о дно, под них подкладывались листья оливы или фруктовых деревьев [291, с. 656—668; 292, с. 28—31]. Тип таких судов происходит, видимо, из метрополии, судя по тому, что греческие авторы обозначали одним словом и собственно финикийские, и карфагенские корабли⁶.

Карфагенские верфи, на которых строились военные суда, по-видимому, принадлежали государству: недаром специальная

⁶ О финикийских и карфагенских судах см. [109, с. 17—19, 58—59; 134, с. 226—230; 186, с. 32—33; 204, с. 192—195; 313, т. II, с. 436—460; 320, с. 169—170 и рис. 49].

стена ограждала их от нескромных взоров купцов, собравшихся в торговой гавани (App. Lib. 96). Об их возможностях говорит тот факт, что во время III Пунической войны в условиях осады карфагеняне сумели в течение двух месяцев построить 120 кораблей (Strabo XVII, 3, 15). Верфи имелись и в основанном Гасдрубалом Новом Карфагене (Liv. XXVI, 47, 9). Как, где и кем строились торговые суда, неизвестно. Мы не имеем сведений также о гребцах и матросах торговых судов. На военных же кораблях гребцами, вероятно, были рабы: Аппиан (Lib. 9) сообщает о покупке в 205 г. до н. э. карфагенянами (явно правительством) пяти тысяч рабов для использования их на кораблях. Экипаж флота состоял из карфагенских граждан (см. ниже).

Изготавливали карфагеняне и оружие. В Новом Карфагене имелся специальный арсенал, в котором работали две тысячи человек (Polyb. X, 17, 9). Предполагают, что он был организован по примеру столичного [204, с. 101—102]. О последнем нет прямых свидетельств. Исследователи обращают внимание на то, что в начале III Пунической войны карфагеняне сумели в короткий срок изготовить три тысячи щитов, девять тысяч мечей, 15 тысяч коний и 30 тысяч стрел для катапульт (App. Lib. 93), а для этого потребовалось от 1200 до двух тысяч работников [204, с. 101—102]. Однако надо иметь в виду, что такое быстрое изготовление оружия было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, и, как пишет Аппиан, государственные и священные участки и все более или менее обширное было превращено в мастерские, в которых мужчины и женщины работали день и ночь. В обычное время производство оружия, конечно, не было столь значительным.

Античные тексты, рассказывающие о военных действиях карфагенских войск, постоянно упоминают самые различные виды вооружения, включая военные машины. Карфагеняне использовали все новинки военной техники, появившиеся в тогдашнем средиземноморском мире, от военных колесниц до осадных башен и катапульт. Изготовление тарана традиция приписывает тирийцу Пифрасмену, находящемуся в карфагенской армии во время осады Гадеса (Vitruv. X, 13; Athen. Poliorcet. 9). Это утверждение невозможно принять, так как таран и до этого был известен на Востоке, например ассирийцам [78, с. 326]. Но, видимо, таково было впечатление, произведенное на античных авторов именно карфагенскими таранами. Все это изготовлялось в самом Карфагене. Диодор, рассказывая о походах в Сицилию, упоминает о посылке на остров вместе с армией и ее снаряжения. Так, в 345 г. до н. э. с Гаяноном, 84 двинувшимся с армией и флотом в Сицилию, переправились

также 300 тяжелых колесниц, свыше двух тысяч пароконных, видимо легких, колесниц, а также разнообразное оружие, металлические снаряды и военные машины (Diod. XVI, 67).

Ремесло и горное дело

Значительное место в пуническом ремесле занимало изготовление тканей и изделий из них. Основой для этой отрасли было африканское скотоводство и выращивание льна. Из шерсти овец и льна пунийцы изготовляли свои изделия. Шерсть обычно красили до прядения, причем для краски использовали пурпур. Изобретение пурпурной краски обычно приписывается финикийцам: миф считает открывателем пурпурной краски для одежды тирского Геракла, т. е. Мелькарта [100, с. 87]. Изготовление пурпура было известно в Финикии уже в середине II тысячелетия до н. э. [333, с. 247]. Это ремесло было распространено и в колониях. Плиний (IX, 127) отмечает наличие пурпурососных моллюсков на о-ве Меннинг и в Гетулии на океанском побережье. Пурпур изготовлялся также в Керкуане около Карфагена. Изготовление и продажа окрашенных тканей приносили, по-видимому, большие доходы. Правда, наши данные относятся уже к позднему времени, после падения Карфагена, но они весьма красноречивы. Плиний, ссылающийся на Корнелия Непота (IX, 137), говорит, что в первой половине I в. до п. э. пурпурные ткани в Риме стоили 100 депариев за фунт, а тирские двуокрашенные (*dibapha*) — 1000. Можно полагать, что цены на карфагенские ткани если и были ниже, то едва ли намного. Пестрые подушки, вывозимые в Афины, и были, вероятно, окрашены пурпуром. Это ремесло было развито в Карфагене, хотя, видимо, и меньше, чем в метрополии [285, т. IV, с. 21—22; 114—120]. Надписи упоминают изготовителя сетей (CIS, 324) и ткача (CIS, 344).

В карфагенских надписях встречаются названия и других ремесленных профессий: плавильщики золота и плавильщики меди (CIS, 327—332), изготовители клещей (CIS, 345), деревянных повозок (CIS, 346), стригилей (CIS, 338), резчики (CIS, 347), каменотесы (CIS, 348), плотники (CIS, 354).

Значительное место в Карфагене, как и в любом другом древнем обществе, занимало изготовление керамики. Большие занасы глины, пригодной для изготовления сосудов, имевшиеся в районе Карфагена и в самом городе [174, с. 35—36; 211, с. 31—32], облегчали развитие этого ремесла. Первоначально жители педавно основанного города пользовались финикийской 85

и кипрской посудой. Но уже в VIII в. до н. э. они перешли к изготовлению собственных изделий. Сначала это была лишь кухонная утварь, зачастую подражавшая восточным образцам, а с VII в. до н. э. стали производиться разнообразные сосуды: амфоры и кувшины для воды, блюда и лампы и многие другие предметы. В первое время карфагеняне, как и другие финикийцы, изготавливали так называемую красную керамику, т. е. покрывали поверхность сосуда блестящим красным ангобом, слегка маслянистым на ощупь и не очень прочным. Однако на рубеже VII—VI вв. до н. э. они перестают пользоваться этой техникой, которую продолжали активно применять испанские финикийцы [99, с. 51—52].

Уже в начале VII в. до н. э. пунические керамисты от элегантных форм восточной керамики переходят к более тяжеловесным и грубым. Украшений карфагенские гончары почти не признавали. Лишь в виде исключения на некоторых амфорах и кувшинах появляются простые горизонтальные ленты и еще реже — «гребенка» над лентами. С исчезновением ангоба вещи приобретают кирпично-красный или матово-красный цвет.

В IV в. до н. э. происходят очередные изменения. С одной стороны, впервые появляется ленная керамика, которая, видимо, была предназначена для местного населения и карфагенской хоры: недаром среди таких вещей есть сосуды, воспроизводящие старые африканские формы, известные со времен неолита. С другой стороны, карфагенские керамисты начинают копировать греческие формы и росписи. Вновь появляются бытовавшие в VIII в. до н. э. и позже забытые ойнохои с трехлистным венчиком. Изготавливаются сосуды, подобные греческим киликам и скифосам, создаются пластические вазы. Снова мастера начинают украшать свои изделия, причем в декоре все чаще встречаются растительные и животные мотивы, а иногда и человеческие фигуры. С IV в. до н. э. идет эллинизация культурной и повседневной жизни Карфагена, и эллинские изделия, в том числе расписная керамика, широко проникают в быт. В этих условиях и местные мастера стараются воспроизвести модные формы. Однако их изделия по сравнению с греческими остаются тяжеловесными и грубыми, а в росписи нет и следа той благородной гармонии, которая столь восхищает нас в произведениях эллинских вазонисцев.

Подобную эволюцию проходит и изготовление ламп. В основном пунийцы изготавливали «двурогие» лампы, представлявшие собой плоские тарелки с двумя носиками, в которые вставлялись фитили, и сравнительно широким отверстием для наливания масла. Сначала их украшали зигзагами, меандрами, треугольниками. Позже, как и на вазах, узор исчезает. Постепенно

меняется и форма лампы: уменьшается ее диаметр, но углубляется резервуар. С IV в. до н. э. появляются светильники, подражающие греческим, с закрытым резервуаром и одним носиком. Иногда мастера изготавливали и фигурные лампы, например лампа могла иметь вид головы силена. В этом также проявилась эллинизация керамического производства.

Само керамическое производство развивалось мало, пользуясь приемами, унаследованными от метрополии. Гончарный круг оставался довольно примитивным и тяжелым: он состоял из двух больших камней, из которых верхний формой напоминал гриб. Работали на нем два человека: один приводил круг в движение, а другой формовал изделие. Печи же были относительно развиты и позволяли обжигать одновременно большое количество изделий. Гончарные мастерские были не крупные. Мастера старались основать свои мастерские недалеко от тех мест, где их продукция могла пользоваться спросом. Так, многочисленные керамические мастерские были открыты археологами вблизи зоны некрополей: гончарные изделия использовались в погребальном ритуале [204, с. 106—113; 211; 215, с. 324—429; 285, т. VI, с. 156; 313, т. IV, с. 57—74; 320, с. 150—154; 325, с. 15—17; 434, с. 189].

Остановимся подробнее на горном деле. В Нумидии имелись медные рудники (Strabo XVII, 3, 11). В непосредственной близости от Карфагена в римское время разрабатывались медные, свинцовые и серебряные рудники, однако нет сведений, что их использовали и карфагеняне [313, т. IV, с. 49]. По-видимому, основную, если не всю, массу металлов пунийцы получали из рудников Сардинии и Испании.

Сардиния была довольно богата серебряными, медными и свинцовыми рудами [314, с. 28, 151—152]. Они имелись на юго-западе острова, т. е. именно в районе первоначальной финикийской колонизации. С середины VI в. до н. э. финикийские поселения перешли под власть карфагенян, которые, видимо, взяли под свой контроль и добычу металлов. Другим рудным районом Сардинии был округ Барбаджа в центре острова, богатый медью, и он тоже в конце концов оказался под властью Карфагена. На этом острове (и на берегу, и в его внутренней части) появилась целая сеть пунических поселков, жители которых были заняты добычей металлов [136, с. 78—80].

В Испанию, которая особенно славилась в древности своими металлами, карфагеняне начали проникать в конце VI—начале V в. до н. э. Правда, богатые рудники Юго-Западной Испании оставались под контролем тирских колонистов или местных хозяев. Но юго-восток стал сферой карфагенского влияния. Господство Карфагена еще более укрепилось в результате

деятельности Баркидов. Основной рудной зоной Юго-Восточной Испании был район иберийской Мاستии, баркидского Нового Карфагена, где богатейшие серебряные рудники занимали площадь, равную 400 стадиям окружности, и приносили позже римлянам ежедневный доход в 25 тыс. драхм (Strabo III, 2, 10). Едва ли этот доход был намного ниже при карфагенянах. В римское время эти рудники являлись собственностью государства (Strabo III, 2, 10). Ливий (XXVI, 47, 1) указывает, что Сципион после захвата Нового Карфагена вернул гражданам все их имущество, сохранившееся после грабежа. Поэтому можно говорить, что и до римского завоевания рудники принадлежали не отдельным новокарфагенским гражданам, а государству. О руднике Бебелон Плиний (XXXIII, 96) сообщает, что он давал Ганнибалу 300 фунтов серебра ежедневно. Ежедневный доход свидетельствует, что речь идет не о подати. Выступал ли Ганнибал в данном случае как владелец рудника или как представитель карфагенского государства, сказать с уверенностью невозможно. В то же время известно, что некоторые рудники карфагеняне оставляли их прежним владельцам, ограничиваясь податью с них. Так, в Испании, например, жители Оронгиса сами добывали драгоценный металл из принадлежащей им земли (Liv. XXVIII, 3, 3).

Доходы, получаемые от эксплуатации рудников, особенно испанских, были важной статьей бюджета республики. Поэтому часть их государство превращало в свою собственность. Государству принадлежали, как мы видели, и военные верфи. Насколько правительство контролировало изготовление оружия, сказать трудно. Но, во всяком случае, некоторые наиболее важные для республики отрасли производства принадлежали государству или по крайней мере им контролировались. Наиболее же массовые ремесла находились в частных руках.

Видимо, в Карфагене существовали какие-то объединения ремесленников. Об этом свидетельствует сравнительно недавно найденная надпись, в которой упоминаются ремесленники и торговцы, участвовавшие в постройке одной из улиц Карфагена [242, с. 116—132]. В надписи нет имен ремесленников, а только перечисление профессий, причем во множественном числе. Поэтому вполне можно полагать, что они выступали не как отдельные лица, а как корпорации. Термином, обозначающим ремесленные корпорации, был, вероятно, *gw* [110, с. 251], хотя надо заметить, что при раскопках самого Карфагена это слово пока не встретилось.

Еще одной формой объединений ремесленников и торговцев могли быть культовые союзы [496, с. 36—39; ср. 111, с. 18—21, 88 90—92], подобные образованному вокруг храма Баал-Цафона

(CIS, 165). В настоящее время пока нельзя провести грань между различными видами объединений.

Итак, карфагенское ремесло было довольно развито. Существовало разделение труда и узкая специализация мастеров. Однако при всем том карфагенское ремесло в целом было неконкурентоспособным на внешнем рынке. Пожалуй, только текстильщики (включая красителей) изготовляли продукты «международного класса». Изделия же, например, керамистов или создателей металлических предметов найдены, как правило, только в районах, подчинявшихся Карфагену [204, с. 102—103]. Пунийцы даже не сумели завоевать рынки Юго-Западной Испании, входившей в состав их державы. Даже отсталым жителям океанского побережья Африки пунические купцы продавали главным образом греческие и египетские продукты. Да и в самом Карфагене эллинские изделия, но крайней мере с IV в. до н. э., заняли рынок, и местные мастера были вынуждены приспосабливаться к этой моде, стараясь подражать греческим мастерам.

Иногда такое положение пытаются объяснить отсутствием творческого духа, природной неспособностью карфагенян к изобретениям и открытиям [204, с. 103; 313, т. IV, с. 106—108]. Дело, разумеется, не в этом. Основной причиной такой относительной стагнации карфагенского ремесла были социальные условия, сложившиеся в Карфагене. Для сравнения можно отметить, что подобное положение существовало и в этрусских городах [59, с. 77—78, 94—95] и объясняется теми же причинами. О социальных отношениях в Карфагене речь пойдет несколько позже.

Сельское хозяйство

Обратимся теперь к земледелию. В Карфагене первоначально его не было. Положение изменилось только в V в. до н. э., когда в ходе борьбы против соседних ливийцев карфагеняне подчинили африканцев и присоединили часть их территории. Еще больше расширили земельные владения карфагенян их завоевания в Сардинии, которая стала одной из житниц Карфагенской державы [417, с. 138]. С этого времени изменяется экономическая структура Карфагена. Сохраняя свою роль в международной торговле, Карфаген становится также и аграрным государством.

Часть завоеванной земли карфагеняне присоединили непосредственно к городу, образовав его хору (Polyb. I, 71, 1); другую часть подчинили косвенному управлению, ограничив-

шись взиманием продовольственного налога [204, с. 83—85; 368, с. 42—43]. Все эти земли славились своим плодородием, как это подчеркивает Плиний (XV, 8). Так, в Бизацене, области к югу и юго-востоку от Карфагена, урожай пшеницы достигал сам-сто (Varro de r. r. I, 44, 2) или даже сам-сто пятьдесят (Plin. XVIII, 94). Аграрную историю Карфагена проследить довольно трудно. Можно только сказать, что еще в конце V в. до н. э. карфагеняне, по словам Диодора (XIII, 81, 5), не разводили ни винограда, ни олив, которыми позже так славилась их страна.

Положение изменилось через столетие. Тот же Диодор (XX, 8, 3—4), рассказывая о походе Агафокла в Африку, говорит о земле, застроенной поселениями с роскошными домами, засаженной виноградниками, маслинами и другими плодовыми деревьями, изобилующей стадами коров и табунами лошадей. Богато украшенные дома карфагенян и их стада встретили еще через полвека римские солдаты Регула (Polyb. I, 29, 7). Тщательно обработанную землю и богатые постройки увидели и римские послы во главе с Катонем уже через много лет после II Пунической войны (App. Lib. 69).

О значительном развитии пунического земледелия свидетельствует появление в Карфагене теоретических обобщений его опыта. Писателей, трактующих вопросы сельского хозяйства, было здесь, видимо, довольно много (ср. Varro de r. r. I, 2, 13; Col. I, 1, 6). Известно имя некоего Гамилькара (Col. XII, 4, 2). Но особенно прославился Магон, которого Колумелла (I, 1, 13) называет «отцом сельскохозяйственной науки». Магон написал подлинную энциклопедию сельского хозяйства в 28 книгах, которую после разрушения Карфагена римский сенат приказал перевести на латинский язык (Plin. XVIII, 22; Col. I, 1, 13). Известно, что были и другие, сокращенные переводы этого труда и на латинский, и на греческий языки [354, с. 254—255; 360, стб. 507]. К сожалению, ни полный текст трактата, ни его сокращенные версии до наших дней не дошли. Однако их активно использовали римские авторы, занимавшиеся сельскохозяйственными проблемами: Варрон, Плиний и особенно Колумелла. Отрывки из труда Магона, сохранившиеся у этих авторов, и ссылки на него или указания на использование этого произведения или его переводов позволяют представить сельское хозяйство Карфагена. Другим источником могут служить упоминания сельскохозяйственных продуктов в тарифах жертвоприношений, дошедших до нас. Некоторым дополнением являются данные археологии.

Плиний, перечисляя в первой книге своей «Естественной истории» источники остальных книг, отмечает Магона и его

переводчика Дионисия среди источников VII, X, XI, XIV, XVII, XVIII, XXI—XXVII книг, в которых рассматриваются цветы, травы, а также лекарства, в том числе добываемые из культурных и диких деревьев, дикие животные, например львы, птицы, насекомые, включая пчел, плодовые деревья (виноград и оливы), другие деревья и плоды. Уже один этот перечень дает представление о разнообразии сведений, содержащихся в трактате Магона. В самом тексте Плиний многочисленные ссылки на Магона и его переводчика дополняют эти данные. Об этом же говорят и ссылки других авторов. В результате можно говорить о широком развитии в карфагенской хоре, т. е. на территории, подчиненной непосредственно Карфагену, оливководства (Plin. XVII, 128; Col. de arbor. 17). Плиний (XVII, 93), ссылаясь, правда, не на Магона, а на каких-то других, не названных им авторов, сообщает, что в Африке имеются оливы, называемые «милиариями» (тысячниками), так как они дают якобы по 1000 фунтов масла с каждого дерева. Римский автор упоминает именно Африку (а не Ливию), т. е. речь идет о римской провинции, территория которой во многом совпадала с бывшей карфагенской хорой.

Карфагеняне активно занимались виноградарством и виноделием (Col. III, 12, 5; 15, 4—5; IV, 10, 1; V, 5, 4; XII, 39, 1), изготавливая вино, в том числе и из изюма (Col. XII, 39, 1). Приводя сведения Магона об устройстве виноградников, Колумелла (III, 12, 5) в то же время отмечает, что качество пунического вина было довольно посредственным. Теперь понятно, почему карфагеняне предпочитали пить импортное вино, экспортируя собственное окружающим отсталым народам. Выращивали карфагеняне также миндаль, орехи (Plin. XVII, 63, 131; Plaut. Poen. 1014), смоковницы (Col. V, 10, 11; Plin. XV, 74—75; KAI, 76B), гранаты, которые римляне называли «пуническими яблоками» (Cat. de agr. 7, 3; 51; 126; 127, 1; 133, 2; Col. XII, 46, 5—6; Col. de arbor. 23; Plin. XIII, 112), груши (Plin. XVII, 131). На их огородах рос горох, латук и другие овощи (Col. II, 10; Plin. XXI, 110—112), в садах цвели розы (Col. X, 4). Судя по изображениям на монетах, пунийцы выращивали пальмы (см. выше), а Колумелла (III, 2, 1) упоминает финики.

Едва ли можно сомневаться в существовании в Карфагене зернового хозяйства. Правда, рассказывая об этом виде земледелия, римские авторы не ссылаются на Магона, но его упоминают в связи с описанием способа помола пшеницы и ячменя (Plin. XVIII, 97). Об африканской пиве пишет Колумелла (II, 12). Изображение плуга встречается на карфагенских стелах (например, [125, рис. на с. 145]). Иногда предполагают, что зерновые выращивали не сами карфагеняне на территории 91

хоры, а подчиненные им ливийцы за ее пределами [204, с. 85]. Однако Полибий (I, 71, 1) отмечает, что все необходимое для удовлетворения частных нужд карфагеняне извлекали именно из хоры. Трудно себе представить, что пшеница или ячмень не входили в число необходимых продуктов. Катон (*de agr.* 85) сохранил рецепт «пунической каши», состоящей в основном из полбы, т. е. определенного вида пшеницы. Карфагеняне были любителями этого блюда: недаром Плавт (*Рoen.* 54) называет карфагенян «кашепожирателями». Надо также отметить, что плодороднейшая Бизацена с ее сказочными урожаями пшеницы входила в состав карфагенской хоры. Не случайно, что именно в Бизацене, между Ахоллой и Тансом, находилось имение Ганпибала (*Liv.* XXXIII, 48, 1).

В карфагенской Африке было весьма развито животноводство, в том числе разведение крупного рогатого скота. О стадах коров и табунах лошадей говорит Диодор (XX, 8, 4). Магон описывает коров и быков, наиболее пригодных для разведения, и это описание тщательно воспроизводит Варрон (*de r. r.* II, 5, 7—9) и Колумелла (VI, 1, 2—3; 21)⁷. Магон даже оставил какие-то рецепты для лечения быков, и Варрон (II, 5, 18) стремится, чтобы эти рецепты постоянно были у его пастухов. Пунийцы разводили также коней, мулов, овец и коз (*Varro de r. r.* II, 1, 27; *Col.* VI, 37; *KA1*, 69, 74).

Значительного развития достигло у карфагенян птицеводство и пчеловодство (*Varro de r. r.* III, 1, 13; *Plin.* XI, 40; *Col.* IX, 14; 15; *KA1*, 69). Голубиный помет считался пунийцами, а вслед за ними и римлянином Варроном (*de r. r.* I, 38) лучшим удобрением. Пунический воск ценился как самый лучший (*Plin.* XXI, 83) и широко использовался в медицине (*Plin.* XXI, 85).

Таким образом, мы видим, что сельское хозяйство карфагенян было очень разнообразным: зерновое земледелие и оливководство, виноградарство и садоводство, животноводство и птицеводство — все было представлено в этой богатой стране.

Социально-политическая структура

Мы ничего не знаем о размерах владений карфагенян. Но некоторые косвенные данные позволяют делать весьма вероятные выводы. Описание Диодором части карфагенской хоры (XX,

⁷ М. Е. Сергеевко (см. [18, с. 177]) сомневается, что источником сведений римских писателей был Магон. Однако нет никаких оснований ставить под сомнение прямое указание Колумеллы.

8, 3—4) говорит о множестве *ἀγροικίαι*, расположенных рядом друг с другом. Эти *ἀγροικίαι* не могут быть деревнями, ибо далее историк говорит об их богатстве, изобилии в них всего, что нужно «для наслаждения», о роскошных и тщательно построенных домах. А несколько позже автор прямо отмечает, что это были владения наиболее видных карфагенян (*τῶν ἐλφιαυ ἐστᾶτων Καρχηδονίων*). Поэтому надо полагать, что перед нами имения пунических аристократов (ср. [110, с. 249]), может быть подобные той «башне», какую имел в Бизацене Ганнибал (Liv. XXXIII, 48). На сравнительно небольшой территории было, следовательно, много таких богатых имений. Уже это показывает, что сами имения не могли быть обширными. В них сосредоточивались, видимо, огромные богатства, что объясняется как интенсивностью ведения хозяйства, так и тем, что сюда стекались доходы и от других занятий владельца.

Интересно предписание Магона, что в имении необходимо иметь пекаря, повара и кладовщика (Col. XII, 4, 2). Наличие в «штате» таких должностей говорит о том, что эту работу выполняли не временные работники, а постоянные, т. е. рабы. А в то же время их было всего по одному на хозяйство. Такое хозяйство, а Магон имеет в виду хозяйство аристократа, не могло быть большим. Он сам принадлежал к высшему обществу: Плиний (XVIII, 22) называет его полководцем (*dux*). Интересно наблюдение Ж. Эргона: сочинение Магона переводилось в Риме по приказу сената в периоды обострения политической борьбы в Риме [329, с. 441—456]; видимо, в этом трактате римские сенаторы находили аргументы в полемике с противниками. Из всего этого можно сделать вывод, что имение карфагенского аристократа было сравнительно небольших размеров. Во всяком случае, оно не было похоже на латифундию одного из шести землевладельцев, которые, по словам Плиния (XVIII, 35), во времена Нерона, т. е. в I в. до н. э., владели половиной римской провинции Африка. Конечно, не исключено, что некоторые владельцы могли сосредоточить в своих руках несколько имений. Таким мог быть Гайон Великий, если из 20 тыс. рабов, которых он, по Юстину (XXI, 4, 6), вооружил во время своего мятежа, значительная часть принадлежала ему лично.

Эксплуатация земельных владений была одним из источников обогащения карфагенской знати. Другим источником была торговля. Большое значение имела монополизация аристократией политической и военной власти. О том, насколько важным источником доходов было военное командование, могут свидетельствовать богатства, полученные в Испании Баркидами. Мы знаем о беззастенчивом грабеже государственной казны знатью и магистратами, по крайней мере после II Пунической 93

войны (Liv. XXXIII, 46—47), но можно думать, что это случилось и раньше. Поэтому естественно стремление элиты сосредоточить в своих руках власть. Недаром Аристотель (Pol. II, 8, 1273a—1273b; IV, 5, 1293b; V, 10, 1316a) подчеркивает аристократический характер карфагенского государственного устройства. Он отмечает, что в этом государстве на должности избирались не только по достоинству, но и по богатству (Pol. II, 8, 1273a). Таким образом, основой экономического могущества пунической знати были прямая и косвенная эксплуатация своих владений, обрабатываемых рабами, а также подчиненного населения, торговля и использование государственного аппарата, включая армию.

Существование олигархической группировки в Карфагене подтверждается текстом Юстина (например, XXI, 4, 3), упоминающим сенат. Надо ли под этим словом подразумевать совет или сословие, из которого формировался совет (точнее — советы) Карфагена? Аналогичный пассаж Юстина, относящийся к реформам Солона (II, 7, 5), показывает, что словом «сенат» обозначаются эвпатриды, т. е. афинские аристократы. В других случаях возможны оба толкования. Так, этим словом обозначается власть четырехсот в Афинах (V, 3, 5) и шестисот в Сиракузах (XXII, 2, 12). Однако в любом случае этот термин обозначает олигархию или органы ее власти.

Наряду с сенатом Юстин называет и плебс. Анализ этого термина показывает, что у Юстина речь идет о части гражданского коллектива, противопоставленного аристократии [99, с. 14—15]. Этой группе карфагенских граждан теоретически также принадлежала определенная доля власти, и иногда, как это было между I и II Пуническими войнами, теория претворялась в практику, и народ говорил свое слово, с которым властям приходилось считаться. Но в обычное время народ послушно следовал за правящей верхушкой (да и в период политических кризисов лидерами народа становились те же аристократы, которые по тем или иным причинам вступали в конфликт с большинством знати, как Ганнибал после II Пунической войны). Наличие народа, не входящего в правящую группировку, было в Карфагене, как и в других финикийских колониях, изначальным. Саллюстий (Iug. 19, 1) отмечает, что в основании колоний участвовали не только «жаждущие власти», т. е. представители правящей группы, оттесненные от власти на родине, но и плебс, и другие люди, «стремящиеся к переменам». Этот автор употребляет тот же термин «плебс», что и Юстин.

Из кого состоял плебс, сказать трудно. В его состав могли входить мелкие землевладельцы, наличие которых можно очень

осторожно предположить на основании существования в Карфагене жертвоприношения уби, что может говорить о наличии обычая, аналогичного библейскому Юбилею [110, с. 248—249]. К плебсу, по-видимому, принадлежали и мелкие торговцы, и те ремесленники, которые имели собственное хозяйство, оставшиеся, в частности, надписи, в которых указывается не социальная или политическая категория посвятителей, а только их профессия (по И. Ш. Шифману [110, с. 251], это были, вероятно, владельцы мастерских). Можно предполагать, что такие люди использовали труд рабов. Во всяком случае, сравнительно сложные гончарные печи или кузнечные горны, как и неуклюжие гончарные круги, требовали участия в производстве нескольких человек [211, с. 23—31; 285, т. VI, с. 156]. В надписях встречаются имена рабов, хозяева которых не занимали высоких государственных постов. Можно полагать, что хозяева таких рабов (по крайней мере часть их) также относились к плебсу.

О наличии двух групп гражданства свидетельствует и эпиграфика. В двух надписях, одна из которых найдена в самом Карфагене (КАI, 81), а другая — в Сардинии (КАI, 6), упоминаются 'drnm и š'gnm. Исследуя сардинскую надпись, И. Ш. Шифман выявил социально-политический смысл этих слов: 'drnm («могущественные») означает «знать», а š'gnm («малые») — «народ», «плебс» [469, с. 51—52]. Не исключено, что уже тогда 'drnm могло означать не только «могущественные», но и орган их власти [338, с. 328], т. е. оба эти значения соответствуют юстиновскому выражению «сенат».

Таким образом, граждане Карфагена делились на две группы: 'drnm, т. е. «могущественные», «сенат», и š'gnm, т. е. «малые», «плебс». В руках первых концентрировались основные рычаги экономической и политической власти. Это затрудняло, а в обычное время делало, вероятно, невозможным проникновение в ряды «могущественных» представителей «плебса». В то же время правящая верхушка стремилась «подкармливать» народ. Одним из путей такого «подкорма», отмечаемым Аристотелем (Pol. II, 8, 1273b; VI, 4, 320b), было направление некоторых представителей народа в подчиненные города. А. И. Доватур отмечает, что философ использует в данном случае предлог εἰς, а не πρός, и это доказывает, что посылались не просто колонисты, а управляющие [24, с. 32, 335, прим. 31, с. 363, прим. 95]. Другими средствами смягчения конфликтов внутри гражданства было выселение части граждан в колонии. Так, с мореплавателем Ганнономплыли 30 тыс. мужчин и женщин, которые должны были населить основываемые им города (Hannō periplus 1). При всей преувеличенности этой цифры она 95

свидетельствует о размахе колонизационной активности карфагян.

Мы не знаем, были ли эти две группы граждан юридически оформлены, или речь шла о фактических различиях. Но надо подчеркнуть, что в любом случае все вместе они составляли «народ Карфагена» ('m qrtḥdšt), обладавший высшей суверенной властью, воплощенной в народном собрании [497, с. 47—68]. И именно через народное собрание Ганнибал сумел провести реформу управления, приведшую к ликвидации всевластия «сословия судей» (Liv. XXXIII, 46). Следовательно, в Карфагене не существовало силы, которая стояла бы над гражданской общиной. Государственная власть теоретически выражала интересы всего гражданского коллектива. Даже знать, в численном отношении явно уступающая плебсу, была частью той же общины.

Есть данные, выше уже приведенные, о существовании в Карфагене государственной собственности. К ней относились, например, арсеналы, подобные новокарфагенскому, некоторые рудники, верфи, на которых строились военные суда. Но это не означает, что государственная собственность представляла собой внеобщинный сектор экономики, противопоставленный общинному, ибо вне общины, как мы только что видели, просто не было сил, которые могли бы опираться на этот сектор. Не противопоставлялись общине и храмы. Они могли быть довольно богаты, как, например, храмы Эшмуна и Решефа (App. Lib. 127, 130). Некоторые из них, может быть, владели целыми местными общинами [110, с. 254—255]⁸. Однако сами храмы находились под контролем специальных должностных лиц государства — коллегии «десяти над святилищами» [110, с. 256]. Можно поэтому говорить, что в Карфагене существовала только собственность гражданской общины, выступающая в двух ипостасях: как собственность всей общины-государства и как собственность отдельных граждан — мастерские, земли, торговые лавки, торговые корабли. Карфагенская экономика предстает перед нами принципиально одноукладной.

Карфагенское гражданство едва ли представляло собой однородную аморфную массу. Аристотель (Pol. II, 8, 1272) говорит о сисситиях гетеров, сходных со спартанскими фидиттиями. Некоторые ученые полагают, что аристотелевские гетерии являются такими же объединениями, какие в некоторых пунических надписях (например, KAI, 69, 145, 159) именуются mzgḥ,

⁸ Существует и другая точка зрения: слово 'm, или 'mt, — «народ такого-то храма» обозначает не подчиненную храму общину, а корпорацию жителей храма [296, с. 323—326].

что из них выросли позже курии римской Африки [200, с. 152—153; 362, с. 10—19, 49; 363, с. 133—139; 496, с. 36—39]⁹. Какова была роль гетерий в гражданском обществе Карфагена, неизвестно.

Кроме граждан в Карфагене и на территории его державы жили иностранцы: греки, этруски, италийцы и др. Положение их было различным. Те, кто жил в самой столице, возможно, были уподоблены афинским метекам. Иным был, видимо, статус обитавших вне Карфагена. Судя по надписи из Мактара, города, где долго сохранялись нунические институты, там существовала такая категория жителей, как «народ, живущий на земле» и подчиненный общине [496, с. 38]. По-видимому, этих людей можно сравнить с малоазийскими пареками эллинистическо-римского времени или, может быть, даже с поселенцами римских провинций, которые также жили на городской земле и были подчинены городской общине [74, с. 150—152]. О том, что такой институт был известен и хаппанейско-аморейскому Востоку, свидетельствует упоминание неополноправных поселенцев (геро́в) в Библии (например, Deut. V, 14; I, 16; XXIV, 14; 17; XXVII, 19; Gen. XXIII, 4; XXXI, 5—41; Ex. II, 22; Nav. VIII, 33; 35; XX, 9; Jud. XVII, 7—13 и др.) [478, с. 156—157]¹⁰. Об обязанностях этих людей мы знаем немного. Судя по мактарской надписи, они привлекались к различным предприятиям общины, в том числе и к строительству.

Еще одной группой неополноправного населения были «сидонские мужи» и «сидонские дочери», которые не раз появляются в нунических надписях (CIS, 269—292, 2798). Некоторые из них названы «бодами», т. е. слугами, в то время как другие таковыми не были. Боды были лично свободными людьми, но зависели от «своих господ», напоминая римских клиентов, но с тем важным отличием, что их зависимость была гораздо большей, а господа в отличие от римских наторнов не несли никаких обязанностей перед бодами [108, с. 21, 23]. Видимо, понятия «сидонский муж» и «бод» нерекрецировались. Первые могли быть бодами, но могли иметь и другой статус. Бодами же, по-видимому, были не только «сидонские мужи», но и другие люди.

Существует предположение, что «сидонские мужи» были

⁹ Согласно другому мнению, слово *mizgr* обозначает совокупность граждан вообще и не имеет отношения к гетериям (указание И. Ш. Шифмана). Скудость материала не позволяет присоединиться безоговорочно к той или другой точке зрения.

¹⁰ Близость библейских поселенцев-геро́в к эллинистическим парекам описана и в древности: недаром в Септуагинте *gerim* в ряде случаев переводится как *paroikos*. О положении геро́в в Палестине см. [9а, с. 3—5].

отпущенниками [497, с. 56]. Если это и так, то таковыми становились не все отпущенники. Имеется ряд надписей, в которых упоминаются сыновья рабов без всяких указаний на то, что они сами являются рабами или «сидонскими мужами». Встречаются и прямые указания на освобождение раба, например по завещанию. В ряде случаев специально оговаривается, что раб отпускается без денег. В других случаях формула «за освобождение его» могла предполагать выкуп [276, с. 5—6]. Возможно, что отпущенники, не ставшие «сидонскими мужами», получали полное равноправие [110, с. 256]. Но у нас нет данных в пользу такого предположения. Правовых условий бывших рабов мы не знаем.

Своеобразным было, по-видимому, положение тех лиц в Новом Карфагене, которых Полибий (X, 17, 6—7) и Ливий (XXVI, 47, 1) называют ремесленниками. По их поводу в науке существуют разные точки зрения [110, с. 256—257; 399, с. 511; 480, с. 291; 519, т. II, с. 216], что естественно, так как упоминания этих людей очень кратки и даны в недостаточно четком контексте. Ясно только, что они — не граждане и не поселенцы, так как оба автора называют все эти три категории в Новом Карфагене. Ливий в начале соответствующей главы пишет о захвате римлянами в Новом Карфагене 10 тыс. свободных людей, а затем о том, что гражданам римляне вернули имущество и рабов, а ремесленников превратили в общественных рабов, обещая освободить их после войны в случае усердия. Поэтому можно думать, что ремесленники и до захвата римлянами города были не рабами, по крайней мере не принадлежали частным лицам. Вероятно, речь идет о своеобразной общественной группе, зависимой от карфагенского государства, а не от отдельных людей, и тем отличавшейся от бодов. Были ли такие «ремесленники» в Карфагене, мы не знаем, хотя это можно предполагать с большой долей вероятности.

Дошли до нас сведения и о рабах. Рабство в Карфагене было весьма развито. В рабов превращали военнопленных и жителей завоеванных городов, как это случилось с греками в Селинунте (Diod. XIII, 57—58). Рабов покупали у гарамантов [313, т. IV, с. 140] и балеаров (Diod. V, 17, 3). Археологические находки свидетельствуют о жизни в Карфагене людей негроидного типа, которые, по-видимому, были рабами, полученными от гарамантов [313, т. IV, с. 140]. Рабон использовали на различных работах. В первую очередь труд рабов применялся в сельском хозяйстве, где работали военнопленные, в частности захваченные в плен воины Агафокла (Diod. XX, 69, 2). О значении рабского труда в земледелии говорит и то внимание, какое уделял Магон приобретению и содержанию сельских рабов

(Varro de r. r. I, 17—3—7)¹¹. Использовались рабы также и горном деле и на строительстве [110, с. 251—252]. Храмовые рабы, упоминания которых встречаются в надписях (например, CIS, 236, 247—256, 2785), обслуживали храм и, возможно, эксплуатировались в храмовом хозяйстве. Были и государственные рабы, как, например, гребцы на военных кораблях, о которых говорит Аппиан (Lib. 9).

О положении рабов известно немного. Раб, разумеется, был собственностью господина. Но в то же время известно, что Магон (точнее, его переводчик Кассий, на которого ссылается Варрон) советует обращаться с рабами но возможности мягче и предпочитать слово бичу, если этим можно добиться тех же результатов. Это — обобщение опыта нунических рабовладельцев, понявших, что одними репрессиями можно только ожесточить раба и лучше сочетать кнут и пряник. На особом положении находились управители, также назначавшиеся из рабов. Им давали возможность получить какую-то собственность и устроить некое подобие семьи (Varro de r. r. I, 17, 4—7). Вообще пекулий, т. е. мастерская, участок земли или часть стада, находящиеся в распоряжении раба, получил относительно широкое распространение в Карфагене. Часть карфагенских рабов могла иметь семью (Plaut. Casina 71), хотя права на генеалогию рабы не имели и в своих надписях указывали генеалогию хозяина [110, с. 251—256]. Этим объясняется наличие в Карфагене рабов, которые, были, по-видимому, рождены в доме [276, с. 5]. Возможность выкупа, о которой упоминалось, также свидетельствует о существовании сравнительно зажиточных рабов. Как мы видим, политика карфагенских рабовладельцев отличалась от безжалостности римских хозяев катонского типа. Это, разумеется, объясняется не особой гуманностью пунийцев, а их стремлением, с одной стороны, повысить производительность рабского труда, а с другой — предупредить восстания рабов.

Последней цели они, однако, далеко не всегда достигали. Правда, мы не знаем о рабских восстаниях в Карфагене, но рабы принимали активное участие в других движениях. Если к таким движениям нельзя причислить мятеж Гапнона, который в личных целях вооружил против государства 20 тыс. рабов, то иначе обстоит дело с мощным восстанием, охватившим карфагенские владения в Африке в 396 г. до н. э., в котором активное участие приняли рабы и которое с огромным трудом было подавлено (Diod. XIV, 77). Еще опасней для карфагенян

¹¹ Поэтому невозможно принять утверждение, что в карфагенском сельском хозяйстве рабский труд не использовался [532, с. 338—340].

оказалась так называемая Ливийская война, в которой вместе с ливийцами и мятежными наемниками сражались против своих господ и восставшие рабы (см. выше).

Карфагенские землевладельцы использовали, по-видимому, и труд полузависимых жителей, продолжавших обитать на территории карфагенской хоры. Их следы довольно ясно выявляются археологическими свидетельствами. Предполагают, что они были связаны с хозяевами земли какими-то клиентскими связями [532, с. 338—340]. Однако установить характер этих связей мы в настоящее время не в состоянии.

Итак, социально-политическая структура Карфагена представляла собой сложную систему. На самой нижней ступени общественной лестницы находились рабы, к которым, видимо, довольно близко стояли некоторые категории полусвободного зависимого населения. Это полусвободное население состояло из нескольких групп, имевших, вероятно, разные права и обязанности. Еще выше располагались лично свободные, но не имевшие политических прав люди, в том числе иностранцы. Наконец, эту пирамиду увенчивали карфагенские граждане, которые сами делились на две категории: плебс и аристократию. Последняя фактически господствовала в государстве.

Политический строй

То, что в руках карфагенской аристократии находилась практически политическая власть, сомневаться не приходится. Однако точных сведений о государственном устройстве Карфагена мы не имеем. Сами пунические надписи слишком скудны, чтобы решить эту проблему, а описания политического строя этого государства исходят от греко-римских авторов, далеко не всегда сумевших разобраться в чужих институтах; к тому же эти описания могли отражать различные этапы политического развития Карфагена. Поэтому вопросы политического строя Карфагена вызывают большие споры (см. [26, с. 224; 106, с. 47, 99—102; 200, с. 149—153; 313, т. II, с. 183—286; 391, с. 86—93; 383; 398, т. II, с. 36—73; 498, с. 561—585; 520, с. 118—124]). Не вдаваясь в эти споры, рассмотрим основные черты государственного развития и устройства Карфагена.

В самом начале своей истории, при основательнице города Элиссе, Карфаген был монархией, и его царицей была сама Элисса. В то же время, если верить Юстину (XVIII, 6, 1), рядом с царицей стояли «принцепсы», наличие которых отражало старое восточное установление, когда наряду с монархией существовал аристократический совет; так было, в частности, в горо-

дах метрополии [116а, с. 235]. Карфагенские вельможи, по-видимому, это те сенаторы Тира, которые, по тому же Юстину (XVIII, 4, 15), сопровождали Элису в ее предприятии. Они довольно существенно ограничивали власть царицы: недаром, как рассказывает опять же Юстин (XVIII, 6, 2—7), именно их вызвал к себе местный царек, чтобы добиться брака с царицей, а та не могла отвергнуть его требование, переданное через «принцевов», и должна была пойти на хитрость, чтобы выиграть время и покончить с собой.

У Элисы не было наследников. По-видимому, с ее смертью монархия, унаследованная от метрополии, перестала существовать, и в Карфагене устанавливается республика. Подробности государственного устройства ранней республики неизвестны. В рассказе о перевороте Малха Юстин (XVIII, 7, 16—18) упоминает только две юридические инстанции: народ, который Малх собрал на сходку, и десять сенаторов, убитых мятежным полководцем. Очень возможно, что последние — тот же совет из десяти «принцевов», к которому каким-то образом перешла власть после смерти Элисы [106, с. 47]. Малх, опираясь на народ, сумел ликвидировать их господство и дал городу новые законы. Содержание этих законов мы не знаем, как и официальное положение, занятое Малхом. Он явно не был царем, ибо именно стремление к царской власти было вменено ему в вину при свержении (Iust. XVIII, 7, 18) (ср. [245, стб. 646]). Фактическое же его положение, видимо, можно сравнить с положением греческого тирана.

По Юстину (XVIII, 7, 18), тирания Малха продолжалась очень недолго и была сменена диктатурой Магона, его сыновей и внуков. Юстип (XVIII, 7, 19; XIX, I, 1; 2, 5) и Диодор (XI, 20, 1) подчеркивают военный аспект их полномочий, называя их императорами, стратегами, гегемонами. Только Геродот (VII, 166) говорит о Гамилькаре сыне Магона, что он «царствовал по достоинству» (βασιλεύσαντα κατ' ἀνδραγαθίαν). Ту же двойственность мы находим при упоминании мореплавателя Гамниона, скорее всего внука Магона. Плиний (V, 8; VII, 200) называет его полководцем (dux, imperator), а в заголовке своего знаменитого перипла он именуется царем (βασιλεὺς), но уже в самом начале текста говорится, что экспедиция была совершена по поручению карфагенян. Это говорит о том, что Магониды занимали какое-то официальное положение, позволяющее греческим авторам и переводчикам называть их царями, по с оговоркой, не разрешающей считать их подлинными монархами. При этом официальным источником их власти были выборы: Диодор (XI, 20, 1) прямо говорит о том, что Гамилькар был выбран полководцем. Может быть, выборы были ежегод-

ными, и на них возобновлялись полномочия Магонидов. Об этом позволяет думать упоминание Юстином (XIX, 1, 6) одиннадцати диктатур Гамилькара. Юридически верховная власть принадлежала народу: карфагенские постановления (ἐδοξε Καρχηδονίους), чтобы Ганнон плыл за Геракловы Столпы (Hannoni periplus 1).

Свержение Магонидов привело к значительным изменениям в государственном строе Карфагена. Видимо, в это время из состава сенаторов был выделен совет ста или ста четырех для надзора за полководцами (Iust. XX, 2, 5—6; Arist. Pol. II, 8, 1273a) [106, с. 100]. Это свидетельствует о том, что сам сенат состоял из большего числа членов и существовал при Магонидах. Возможно, он и был создан при переходе власти от Малха к Магону. Видимо, после свержения Магонидов создается должность суффетов, высших магистратов республики, осуществлявших исполнительную власть [106, с. 101; 498, с. 574—575]. Тогда карфагенская «конституция» и приобретает тот вид, о каком говорил Аристотель и о каком можно судить также по разрозненным упоминаниям таких авторов, как Юстин, Полибий, Ливий и другие, и по надписям.

Отметим, не вдаваясь в подробности, основные черты этой «конституции». Высшей властью в Карфагене считалось народное собрание. Однако созывалось оно только при возникновении разногласий внутри советов и магистратов. Поэтому реально оно осуществляло власть только в период кризисов, как, например, после поражений в войнах с римлянами. Практически власть сосредоточивалась в руках советов, которых, возможно, было два: один, более широкий по своему составу, его можно назвать на римский манер сенатом, другой — более узкий, состоявший из ста или ста четырех членов. Не исключено, что последний был только частью первого, своего рода его постоянным органом. Какую-то важную, хотя нам еще неясную, роль играли так называемые пентархии, комиссии, состоящие из пяти человек, кооптирующие своих членов, которые непонятно каким образом удерживали власть и после срока своего пребывания в комиссиях.

Высшей исполнительной властью были суффеты, которых, как отмечает Непот (Hannib. VII, 4), каждый год было двое ¹².

¹² Это название происходит от глагола *špṭ* («судить») и означает «судья». Однако уже во II тысячелетии до н. э. это слово приобрело более общее значение главы (или представителя) политической власти. Такое значение этот термин имел в Эбле, Мари, Угарите [433, с. 50—51; 465, с. 1—2, 14; 498, с. 570—571]. В Тире после свержения царей в VI в. до н. э. власть на какое-то время перешла к таким выборным суффетам (Ios Contra App. 1, 21). Такими, не столько судьями, сколько военными и политическими предводителями, были и израильские «судьи» до возникновения монархии.

На эту должность избирались представители разных родов, но, как показывают надписи, нередко случалось, что суффетами становились члены одной семьи. Были в Карфагене и другие магистраты, в том числе те, кого латинские авторы называли квесторами, т. е. казначеями¹³. Низшими должностными лицами были писцы. Несмотря на сравнительную скромность этой должности, сами писцы гордились ею, они уноминали ее в посвященных надписях, отмечая даже, если этот пост занимал отец. Как кажется, и это подчеркивает Аристотель (Pol. II, 8, 1273a; III, 1, 1275b), в Карфагене не было четких разграничений полномочий магистратов в судебной сфере: судом занимались различные должностные лица, и это могло дать повод Ливию (XXXIII, 46) говорить о «сословии судей», господствующем в Карфагене. Можно отметить, что карфагеняне старались разделить политическую и военную власть: первая принадлежала суффетам, а вторая — полководцам. Правда, в случае необходимости суффеты могли возглавить и армию, но это случалось довольно редко, а после 300 г. до н. э. такого случая не наблюдалось [245, стб. 647]. На высшие посты в государстве, в том числе в совет или советы, избирали с учетом имущественного ценза, что резко сокращало число лиц, реально допущенных к власти.

Такое государственное устройство существовало в Карфагене довольно долго. Даже острая политическая борьба, развернувшаяся между I и II Пуническими войнами, шла в рамках существующих политических институтов. Правда, Гасдрубал как будто стремился захватить царскую власть (Polyb. III, 8, 2), но до открытого выступления дело не дошло. Реально в это время политический строй республики, с одной стороны, резко демократизировался, а с другой — усилилось значение военачальников. Однако юридических изменений в устройстве государства не произошло.

Последняя, насколько нам известно, реформа политического устройства Карфагена относится к 195 г. до н. э., когда ставший суффетом Ганнибал провел через народное собрание постановление, согласно которому «судьи» могли избираться только на один год и не имели права переизбираться два года подряд (Liv. XXXIII, 46). Это резко ограничило власть олигархии и усилило демократические элементы карфагенской «конституции». После этого и стала возможной та политическая обста-

¹³ В. Гусс [338, с. 217—232] пытается доказать, что титул *qb* («великий») и означает «квестор». Это едва ли приемлемо. Скорее всего *qb* означает «член совета». Также едва ли можно принять другое утверждение В. Гусса — о том, что в Карфагене было не два, а четыре суффета [337, с. 427—433]. Это противоречит недвусмысленному указанию Непота.

новка, которая сложилась в Карфагене накануне и во время III Пунической войны, когда массы приобрели решающее значение в жизни государства и на гребне массовых движений к власти стали приходить демагоги типа Гасдрубала (App. Lib. 111; ср. Polyb. XXXVIII, 2, 7—12). Само появление таких демагогов отражало кризис карфагенского социального и политического строя. Ход истории не позволил узнать, как этот кризис мог быть преодолен: в результате III Пунической войны Карфаген был разрушен и карфагенское государство перестало существовать.

Во время этой войны карфагеняне оказали героическое сопротивление римлянам. Это долгое сопротивление показало не только горячее стремление карфагенян сохранить свободу, но и наличие у них военных традиций и воинского умения. Со времени военной реформы Магона (Iust. XIX, 1, 1) в пунической армии широко использовались наемники. Кроме них к военной службе привлекались ливийские, а во время II Пунической войны и иснанские подданные Карфагена (Diod. XIII, 54, 1; Liv. XXIII, 29, 4 и др.), а также всомогательные части союзных и вассальных царьков (например, Diod. XX, 38, 1). Однако все это не означает, что карфагенские граждане не привлекались к военной службе. В рассказах Диодора о войнах в Сицилии постоянно упоминаются сражающиеся граждане Карфагена (XI, 1, 5; XIII, 44, 8; 80, 3; XIV, 75, 2—4 и т. д.). Воевали карфагеняне и в Африке, как, например, при вторжении Агафокла (Diod. XX, 17, 2). Из них формировался «священный отряд» (Diod. XVI, 80, 4; XX, 10, 6; 11, 1; 12, 3). Воевали они и в других формированиях, служили и во флоте. Иначе трудно понять ту горячую речь, с какой, по Полибию (I, 27, 1), обратились к морякам карфагенские стратеги перед битвой при Экноме, призывая спасти родину [398, т. II, с. 135—136].

Карфагеняне, служившие в армии, играли во время походов и политическую роль, как свидетельствует договор Ганнибала с Филиппом V, в котором среди контрагентов македонского царя упоминаются «все карфагеняне, воюющие вместе» с Ганнибалом (Polyb. VII, 9, 1; 4). Видимо, они выполняли роль походного народного собрания, утверждавшего клятву своего высшего магистрата и сенаторов [45, с. 210]. Возможно, именно они именовались «народом лагеря» (*in mhnt*), от имени которого выпускались некоторые монеты во время войн в Сицилии [323, с. 737—739].

Из представителей карфагенской аристократии состоял, как правило, начальствующий состав пунической армии, хотя в этом правиле могли быть исключения, как во время I Пунической войны, когда верховное командование на какое-то время

было доверено наемнику — спартанцу Ксантиппу (Polyb. I, 32). Но подобные исключения только подтверждают правило. В принципе карфагенская олигархия, вынужденная отдавать в руки полководцев такую опасную силу, как армия, к тому же в значительной степени состоящую из наемников, связанных не с государством, а только с командиром, боялась тиранических поползновений стратегов, контролировала их, посылая своих представителей для контроля за ними, жестоко наказывала их в случае малейшей провинности, часто ставила во главе армии двух равноправных командиров, ненавидящих друг друга [204, с. 205—206; 313, т. II, с. 421—422; 398, т. II, с. 69—72].

Мы видим, таким образом, что карфагенские граждане были представлены на всех ступенях вооруженных сил республики: от рядовых бойцов до командующих. Это существенно дополняет наши знания о политической структуре Карфагена, так как в древности военная служба была неразрывно связана с политическим статусом.

Карфагенский полис и Карфагенская держава

Подводя итог рассмотрению социальной и политической структуры Карфагена, необходимо отметить следующие моменты. Карфаген представлял собой гражданскую общину, не подчиняющуюся какой-либо верховной власти вне ее самой. Рядом с общинным сектором экономики не отмечено никакого другого сектора. Граждане владели землями на территории хоры именно как граждане Карфагена. Основной эксплуатируемой силой были захваченные на войне или купленные рабы, а также зависимые ливийцы. Нет сведений об эксплуатации сограждан (намек на нее, правда, может содержаться в жертвоприношении уби, но это всего лишь единственная подсказка). Хотя внутри гражданского коллектива фактически существовали две группы — «могущественные» и «малые», но все вместе они противостояли негражданам, в том числе различным категориям полувзависимого, зависимого и рабского населения. В принципе верховной властью обладал народ Карфагена, который осуществлял ее через народное собрание, и официально любой гражданин мог быть избран в советы или магистратом, если он обладал «достоинством» и, главное, богатством. Граждан могли привлекать к военной службе. Политическим строем Карфагена, за исключением краткого начального периода, была республика. Все эти черты в той или иной степени отмечаются современными советскими историками как признаки полиса [52, с. 4—15; 94, с. 3—7; 95, с. 7—10; 87, с. 18—41].

Итак, можно говорить о том, что Карфаген представлял собой полис, т. е. ту форму социально-экономической и политической организации рабовладельческого общества, которая и определила собой античный путь его развития. Это, впрочем, чувствовал уже Аристотель, который выделил Карфаген из общей массы «варварских» государств и использовал примеры из его государственного устройства, а иногда и истории наряду с примерами из жизни греческих полисов в теоретическом сочинении о полисе — «Политике».

Карфагенский полис обладал своими характерными чертами. Первая заключалась в том, что этот полис был аристократическим. И сближения карфагенского политического строя со спартанским и критским, неоднократно встречающиеся в «Политике», кажутся совершенно обоснованными. Вторая черта связана, возможно, с восточным происхождением Карфагена. Это проявилось и в нерасчлененности судебной власти, принадлежавшей, видимо, всему «сословию судей», и в существовании таких политических институтов, точное содержание которых было не совсем понятно греко-римским авторам, как, например, должность суффета, для которой античные авторы не могли найти точного термина, адекватного содержанию, и в наличии «поселенцев», аналогичных малоазийским нарекам и библейским герам. Третьей характерной чертой, присущей, однако, не только Карфагену, было то, что этот полис стоял во главе обширной державы.

Карфагенская держава имела довольно сложную структуру. Ее ядро составлял сам Карфаген со своей хорой. Эта хора, расположенная в Африке непосредственно за стенами города, делилась на отдельные территориальные округа («земли» — *'ršt*). Во главе такого округа стоял особый чиновник — «тот, кто над землей» (*š 'l 'rš*) [198, с. 1258a—1265]. В состав таких округов входило несколько общин; так, «земля» Тугги насчитывала 50 общин, которые Аппиан (*Lib. 68*) называет городами. Надписи уже римского времени сообщают о сохранении в некоторых из них пунических институтов, как в Тугге, где встречаются суффеты (по крайней мере почетные знаки суффетов) и следы такого древнего восточного установления, как собрание представителей «ворот» города [479, с. 218—222]. Возможно, что те же органы самоуправления существовали в Тугге и в других подобных городах карфагенской хоры и под властью Карфагена. Но надо думать, что их самоуправление было поставлено под контроль карфагенских представителей. Аристотель (*Pol. II, 8, 1273b; VI, 4, 1320b*) упоминает о посылке из Карфагена людей для управления городами (*ἐπὶ τὰς πόλεις*) и в окрестные места (106) (*πρὸς τὰς ἐκείνων πόλεις*). Под последними, как кажется, надо

понимать именно общины хоры. Такие представители обладали довольно значительной властью и доходили до произвола: судя по словам философа, целью таких назначений было дать возможность бедным гражданам обогатиться. В таких городах могли стоять также карфагенские гарнизоны, командиры которых носили, видимо, титул *rb pwtg* [295, с. 89—90].

Возможно, что с расширением Карфагенской державы в состав хоры включались и внеафриканские владения. Может быть, юридически в ее состав вошли города, основанные в Испании Баркидами, прежде всего Новый Карфаген, их столица. О его положении можно судить по данным античных авторов. В этом городе постоянно находился карфагенский гарнизон, состоящий из тысячи (Polyb. X, 21, 2), а по Аппиану (Hisp. 19), даже из десяти тысяч человек. Из рассказа Полибия о падении Нового Карфагена (X, 12—19) видно, что жители города не были вооружены. Только во время нападения римлян командир гарнизона вооружил около двух тысяч граждан, а остальные стояли на стенах, сбрасывая штурмовые лестницы римлян и кидая в них бревна и другие предметы. Такое положение, когда граждане оставались безоружными, а в городе находились постоянные войска, сказывалось и на управлении городом. Ничего неизвестно о городских магистратах (хотя, как мы видели, среди них были люди, считавшиеся гражданами города). Монеты, чеканившиеся в Новом Карфагене, выпускались не городом, а Баркидами; Магон, командир карфагенского гарнизона, назван Полибием *τεταγμένος ἐπὶ τῆς πόλεως* («поставленный над городом»). Возможно, это является нереводом пунического *š 'l qrt* — «тот, кто над городом». При этом надо заметить, что термин Полибия схож с аристотелевским. Видимо, такое же положение складывалось и в других городах, куда посылались карфагенские наместники.

Вероятнее всего, в хору была включена и завоеванная в VI—IV вв. до н. э. часть Сардинии. Как уже отмечалось, система крепостей отделяла ее от свободной территории. Какому режиму было подчинено местное население острова, неизвестно. Финикийские же города пользовались автономией [417, с. 139].

С Карфагеном были тесно связаны его колонии. Такие колонии осуществляли надзор над окружающими землями, во многих случаях имели важное экономическое значение, будучи центрами торговли и ремесла, служили резервуаром для поглощения «излишков» неимущего гражданского населения. Возможно, колонии пользовались определенными привилегиями, но административно подчинялись метрополии, посылавшей туда своего резидента [106, с. 65, 97]. Одной из таких 107

колоний был Эбес. Эта колония обладала собственными вооруженными силами, судя по событиям 217 г. до н. э., когда Эбес оказал упорное сопротивление римлянам, пытавшимся его захватить (Liv. XXII, 20, 7—9). Видимо, колонисты не были обязаны поставлять солдат в карфагенскую армию, но в случае необходимости помогали метрополии, как это было в 206 г. до н. э., когда эбеситы предоставили прибывшему туда полководцу Магону продовольствие, оружие и молодежь для пополнения флота (Liv. XXVIII, 37, 4). Чеканил Эбес и свою монету [516, т. I, с. 60—62]. Можно ли, однако, распространять это положение и на другие карфагенские колонии? До сих пор нет следов местной чеканки в прочих колониях Карфагена. Перед II Пунической войной Ганнибал послал в столицу войска из городов метагонитов (Polyb. III, 33, 13). Это карфагенские колонии, расположенные в Метагониях, т. е. на побережье Африки, к западу от собственно карфагенской территории [373, стб. 1259]. На основании этого можно судить, что некоторые карфагенские колонисты участвовали в военных мероприятиях метрополии. В дошедших до нас официальных правовых документах, какими являются договоры Карфагена с Римом и Ганнибала с македонским царем, колонисты не упоминаются. Возможно, что колонии специально не выделяются, а рассматриваются как часть самого Карфагена. И в таком случае понятие *κρηδοί* *Καρθηδονίοι* («госнода карфагеняне»), упоминаемое в договоре с Филиппом V (Polyb. VII, 9, 5), охватывает и граждан Карфагена, и граждан колоний.

В состав Карфагенской державы входили и старые колонии Тира. Некоторые из них, как Утика в Африке, Гадес и другие города в Испании, Коссур на острове между Африкой и Сицилией, занимали особое юридическое положение, официально считаясь равноправными с самим Карфагеном. Гадес выпускал свою монету, имел флот и какой-то род гражданской милиции [99, с. 37; 106, с. 97]. Какие-то войска, может быть, имела и Утика, если она использовала именно их для изгнания карфагенского гарнизона во время Ливийской войны (Polyb. I, 82, 10).

Другие старые финикийские города юридически занимали более низкое положение. Видимо, они в первую очередь подразделяются на подчиненные карфагенянам и имеющими с ними одинаковые законы (Polyb. VII, 9, 5). В эту категорию, возможно, входили и элимские общины Сицилии, в свое время, как мы видели, добровольно подчинившиеся Карфагену. Эта группа, таким образом, охватывала некоторые местные и финикийские общины Сицилии, Сардинии, Африки и островов.

108 Возможно, жители таких африканских общин и назывались

ливо-финикийцами [282, стб. 202] ¹⁴. Они пользовались определенными привилегиями, в частности имели право на брак с карфагенянами (Diod. XX, 55). Их политическое устройство копировало карфагенское. Так, мы находим «народ» ('m) в Гавлосе (IFPCO Malta 6), Битии (IFPCO Sard. Npu 8, 1), Хадрумете (KAI, 99), Лептисе (KAI, 119) и других городах. Во многих городах, таких, как Панорм, Эрикс, Таррос, Каларис, Лептис и другие, встречаются суффеты (KAI, 119, 120; IFPCO Sard. 36, 5) [245, стб. 648; 313, т. II, с. 290—293]. Интересна надпись из Тарроса в Сардинии (IFPCO Sard. 32), в которой датировка дается по суффетам Карфагена, хотя в ней упоминаются и суффеты самого Тарроса. Все это оправдывает их официальное наименование имеющих одинаковые законы с карфагенянами.

Надо, однако, сказать, что официальное положение и подлинная роль всех этих городов в Карфагенской державе не всегда совпадали. При юридическом равноправии Утики и Карфагена, например, первая, несомненно, подчинялась второму. Она практически была лишена и возможности самостоятельной внешней торговли, не говоря о внешней или военной политике. Над городами тяготел тяжелый финансовый гнет. Ливий (XXXIV, 62, 3) сообщает, что Лептис давал карфагенянам десять талантов. Это, естественно, вызывало недовольство. И не раз, например, Утика выступала против столицы. Острое торговое соперничество существовало между Карфагеном и Гадесом. Последний попал под власть Карфагена не добровольно, а был захвачен штурмом. И в решающий момент, когда военные действия во время II Пунической войны шли уже на юге Испании, он не впустил карфагенскую армию и сдался римлянам (Liv. XXVIII, 37). Судя по договору Карфагена с Римом (см. выше), африканские, сардинские и испанские владения первого представляли зону монопольной карфагенской торговли, и только сама столица могла торговать с другими государствами.

Совершенно иное положение сложилось в Сицилии. В условиях постоянных и далеко не всегда успешных войн, которые карфагеняне вели на этом острове, они были заинтересованы в лояльности местного населения. Поэтому Сицилия оставалась открытой для торговли других государств, в частности Рима, что было выгодно сицилийским финикийцам. Финикийские и элимские города Сицилии чеканили собственную монету, имели армию, вели прибыльную торговлю с греками, этрусками, римлянами. И они отвечали Карфагену не только лояльностью,

¹⁴ Впоследствии под этим словом могло подразумеваться смешанное население, какое, например, появилось в Лептисе (Sal. Ing. 78) (ср. [106, с. 96—97]).

но и стойкостью. Достаточно вспомнить о героической, хотя и неудачной обороне Мотии [313, т. II, с. 292—298; 331, с. 93—94].

Следующей категорией, отмеченной в договоре с Филиппом V, были племена и города, находившиеся в подданстве у карфагенян (*Καρθηδονίων υλέχοοι*). Это были ливийцы, жившие вне хоры, подчиненные племена Испании и Сардинии. Они, по-видимому, находились в разном положении. В дела большинства подданных карфагенское правительство не вмешивалось, сохраняя старую племенную (в некоторых случаях, как в Южной Испании, государственную) структуру, ограничиваясь взятием заложников, как в Испании. Иногда же, когда это было особенно важно, карфагеняне ставили подданных под «прямое» управление: так сделал Ганнибал с племенем баргусиев в Северо-Восточной Испании [102, с. 87]. Но все они привлекались насильственно к военной службе. Это с несомненностью засвидетельствовано для ливийцев (Diod. XIII, 44, 1; 54, 1), в последние десятилетия III в. до н. э. — для балеар (Liv. XXVIII, 37, 9) и народов Южной и Юго-Восточной Испании (Polyb. III, 33, 8—9; Liv. XXI, 21, 11—13; XXIII, 29, 4; XXVIII, 12, 13).

Подданные облагались тяжелым налогом, который к тому же можно было произвольно увеличивать, как это было во время I Пунической войны (Polyb. I, 72, 1—2). Точный размер этого налога неизвестен, но во время войны он достигал (после увеличения) половины урожая. В Сицилии он составлял $\frac{1}{10}$ доходов с полей (Diod. XIII, 59, 3). Но надо учесть, что сицилийские общины находились в более выгодном по сравнению с другими положении. В той же Сицилии налогом облагались не отдельные владельцы, а целые общины, которые уже сами распределяли фискальную тяжесть между своими членами [110, с. 248; 255, с. 271]. То же, по-видимому, имело место и в Испании, так как Полибий (III, 13, 7) пишет об обложении денежным сбором Алтеи и других городов (а не их жителей). Такой же принцип применялся и в Африке, по крайней мере по отношению к тем общинам, которые Полибий (I, 72, 2) называет городами. Жестоким налоговым гнетом, тяжелая обязанность проливать кровь за интересы господ, произвол карфагенских чиновников — все это вызывало лютую ненависть к Карфагену. И ливийцы, и сардинцы, и испанцы не раз восставали против Карфагенской державы, самое крупное из восстаний охватило все карфагенские владения после I Пунической войны.

Наконец, карфагеняне в той или иной степени властвовали и над «союзниками». Последние упоминаются во II римско-карфагенском договоре и в договоре Ганнибала с Филиппом V (Polyb. III, 24, 3; VII, 9, 5). Они управлялись самостоятельно,

по были лишены внешнеполитической инициативы (в приведенных договорах от их имени выступает Карфаген) и должны были поставлять контингенты в карфагенскую армию. Их попытка уклониться от подчинения карфагенянам рассматривалась как мятеж (Diod. XX, 38, 1). На них накладывалась подать (Diod. XXV, 10, 3), их верность обеспечивалась заложниками (Diod. XXIV, 10, 2). Однако понятие «союзники» было довольно широким. Как полагают некоторые исследователи, подобные отношения устанавливались только с теми союзниками, которые жили в непосредственной близости от границ Карфагенской державы [61, с. 41]. А чем дальше от них, тем самостоятельнее становились местные царьки, династы, племена. Видимо, взаимоотношения пунийцев и их «союзников» варьировались в зависимости от конкретных обстоятельств. Если в 230 г. до н. э. зять Гамилькара Гасдрубал силой привел в покорность союзных нумидийцев, уничтожив восемь тысяч врагов, захватив десять тысяч и наложив на остальных подать (Diod. XXV, 10, 3), то в 204 г. до н. э. другой Гасдрубал, сын Гисгона, был вынужден выдать свою дочь замуж за нумидийского царька Сифакса, чтобы обеспечить его верность (Liv. XXIV, 23, 3), ибо Сифакс вел себя самостоятельно и даже пытался играть посредническую роль в римско-нумидийской войне. Подлинными союзниками (а не подданными, чье положение прикрывалось таким названием) были во времена II Пунической войны илергеты в Испании (Polyb. III, 76, 6).

На весь этот сложный конгломерат городов, народов и племен, вероятно, накладывалась сетка территориального деления (может быть, подобно фискальным округам Афинского морского союза). Так, вполне вероятно, особый округ образовывали так называемые Эмпории с центром в Лентисе (Liv. XXXIV, 62, 3), и в этот округ входили как финикийские города, так и территории, населенные местными жителями [313, т. II, с. 128]. Другим таким округом могли быть Метагонии, о которых уже упоминалось и которые охватывали земли, расположенные в первую очередь на побережье, к западу от Карфагена и его хоры. В качестве особых округов, вероятно, можно выделить африканские земли вблизи самого Карфагена, Сардинию и Иенанию.

Выше говорилось, что после свержения Магонидов и до 195 г. до н. э. юридических изменений в структуре политической власти Карфагена не произошло. Но на «втором этаже» этой структуры такие изменения все же имели место. Во время I Пунической войны впервые (после ликвидации господства потомков Магона) встречаем в Африке стратега, выполняющего гражданские функции: собирающего налоги и подати (Polyb. I, 111

72, 2—3). Вероятно, в это время в практику Карфагенской державы входит институт стратегии, аналогичный эллинистическим, с сосредоточением в одних руках военной и гражданской власти над определенной областью [145, с. 160—161; 146, с. 91—92; 170, с. 657—658]. Первым известным таким стратегом перед началом Ливийской войны был Ганнон (Polyb. I, 67, 1). Аналогичным было, вероятно, положение боэтарха, как его называет на греческий манер Полибий (I, 79, 2), в Сардинии [417, с. 139]. Это положение распространялось и на более низких должностных лиц. Так, в начале II в. до н. э. некий Карталон в Африке был и командиром отряда, и наместником какой-то территории, видимо, округа, «земли» (App. Lib. 68).

По-видимому, с юридической точки зрения от этого нового вида стратегии не отличалась и власть Баркидов в Испании, где фактически сложилась почти независимая от центрального правительства держава, охватывающая карфагенские владения на Пиренейском полуострове и управляемая в течение многих лет представителями одной семьи Баркидов — Гамилькаром, его зятем Гасдрубалом и сыновьями Ганнибалом и Гасдрубалом. Официально при полководцах находились члены карфагенского совета (Pol. X, 8, 1; Liv. XXVI, 51, 2), им отдавал распоряжения совет (Liv. XXIII, 27). Однако фактически они действовали самостоятельно [142, с. 90—98; 199, с. 755; 204, с. 206—212; 334, с. 356—357; 520, с. 169—170]. Можно привести много примеров их самостоятельности, среди них заключение Гасдрубалом договора с Римом (Polyb. II, 13, 7; Liv. XXI, 2, 7; App. Hisp. 7) и выпуск собственной серебряной и бронзовой монеты [143, с. 57; 391, с. 369—371; 475, с. 249, прим. 18, с. 252—253, прим. 30 и табл. 5—14 на с. 42—43; 498, с. 566—567]. Интересен сам способ наследования власти: Гасдрубал встал во главе армии после гибели Гамилькара по воле народа (Polyb. III, 13, 3; Liv. XXI, 2, 4; App. Hisp. 6; Diod. XXV, 2); Ганнибала избрали после смерти Гасдрубала сами воины, а народ лишь утвердил этот выбор (Liv. XXI, 3, 1; Polyb. III, 13, 4; App. Hisp. 8; Hannib. 3); Ганнибал же, двинувшись походом в Италию, просто оставил в Испании брата (Polyb. III, 33, 6; Liv. XXI, 22, 1), и мы ничего не знаем о реакции в столице. Можно говорить, что Баркиды едва ли имели полномочия, каких не было ни у кого до сих пор, но осуществляли их самостоятельно. Этому способствовали тесные связи Баркидов с армией, с «демократической» группировкой в самом Карфагене и, наконец, с населением Испании, включая и местных жителей, а также и карфагенских колонистов, в том числе граждан основанных ими городов. Гасдрубал был даже провозглашен подчиненными 112 иберами «царем» или стратегом-автократором (Diod. XXV, 12),

и это положение как будто распространялось и на его приемников [102, с. 81—92].

Таким образом, в Испании мы наблюдаем качественно новое явление. Здесь фактически возникает новое политическое образование, для которого характерна сильная власть правителя, опирающегося в первую очередь на армию, а также на значительные слои местного населения, причем сама власть обусловлена в основном фактом завоевания. При этом Баркиды (начиная с Гасдрубала) пытаются привлечь в правящие круги испанцев, как финикийцев, так и местных жителей. Чеканя монеты, они помещают на них изображение бога Мелькарта, столь почитаемого в тирских колониях в Испании, особенно в Гадесе (правда, под видом этого бога они дают собственные портреты). Этой же цели служат браки Гасдрубала и Ганнибала с испанскими женщинами (Diod. XXV, 12; Liv. XXIV, 41, 7), а также провозглашение Гасдрубала стратегом-автократором иберов, что позволило карфагенскому полководцу встать во главе союза племен и государств Пиренейского полуострова. Все эти черты роднят державу Баркидов с эллинистическими монархиями Восточного Средиземноморья. Тот факт, что баркидские монеты чеканились по эллинистическому образцу и на некоторых (по видимому, монетах Гасдрубала) профиль увенчан царской диадемой [204, с. 211], говорит о нонимании и самими Баркидами своей схожести с диадохами. Однако между державой Баркидов и эллинистическими государствами была немало важная разница: первая возникла в рамках Карфагенской республики и юридически подчинялась центральному правительству, причем это подчинение становилось реальным и все более сильным по мере военных неудач баркидской армии.

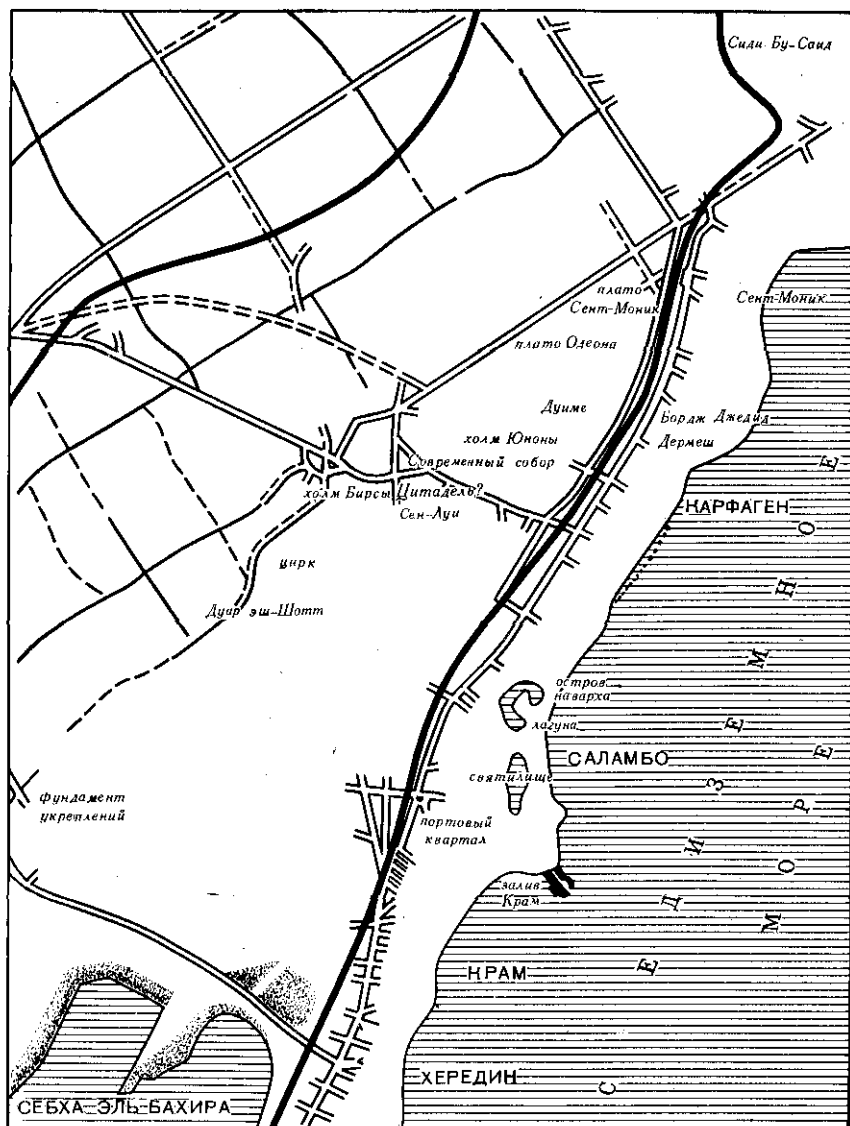
Итак, Карфагенская держава представляла собой обширное и сложное объединение. Карфагеняне были для своих подданных «суровыми и надменными госнодами» (Liv. XXVIII, 44, 4). И большая часть подчиненных (те, кто не пользовался привилегиями) платила им неугасимой ненавистью. Стремись ее ослабить и не допустить создания единого антикарфагенского фронта, пунические правители проводили политику «разделяй и властвуй», как это они делали и по отношению к зависимому и рабскому населению самого Карфагена.

Город и его развитие

Проблема топографии Карфагена почти столь же стара, как и изучение его истории. Город был полностью разрушен римлянами, а позже на его месте был основан уже новый, практически не имевший ничего общего со старым. Археологам с трудом удается добраться до пунических слоев, и то в очень немногих местах. Поэтому гораздо больше, чем археологические данные, дают сведения письменных источников. Однако сам пунический город мало интересовал античных авторов, и приходится пользоваться довольно отрывочными сообщениями, обычно вкрапленными в повествование о тех или иных событиях. Но обойти этот вопрос совершенно невозможно, тем более в работе, посвященной пунической культуре.

Карфаген был основан на полуострове (см. карту № 2). С востока его омывало Средиземное море, с севера и северо-запада — глубоко врезающийся в сушу залив, с юго-запада — большое озеро, отделенное от моря только узкой полоской земли шириной в полстадия, т. е. менее 100 м (App. Lib. 95). Этот полуостров соединялся с материком перешейком в 25 стадий, т. е. шириной несколько больше четырех километров (Ротб. I, 73, 4—5; App. Lib. 95). По словам Полибия (I, 75, 4), перешеек был покрыт холмами, что затрудняло переход через него. Полуостров был, таким образом, укреплен самой природой и походил на те мысы и полуострова, какие избирали финикийцы для основания своих колоний (Thuc. VI, 2).

Накануне III Пунической войны перешеек имел мощные укрепления. Аппиан (Lib. 95) говорит о тройном ряде стен, перерезающих перешеек от озера до залива. Каждая стена, по его словам, была высотой 30 локтей, т. е. несколько меньше 15 м, не считая зубцов и башен, и шириной 30 футов, или немногим больше 9 м. На расстоянии двух плетров (несколько более 60 м) друг от друга поднимались четырехэтажные башни. Сами стены внутри были разделены на два этажа, и на нижнем располагались стойла для слонов, а на верхнем — конюшни,

Карта № 2. Территория центральной части древнего Карфагена

рассчитанные на четыре тысячи лошадей, запасы фуража и ячменя, а также казармы для 20 тыс. пехотинцев. Видимо, на второй этаж вели какие-то сходни, по которым можно было вести лошадей. Впрочем, исследователи сомневаются в палиции тройной стены, так как в таком случае защитники двух последних степ не могли видеть, что делается перед первой, и прийти на помощь товарищам [313, т. II, с. 27—28; 498, с. 556].

Другие источники сообщают несколько иные данные. Страбон (XVII, 3, 14) и Орозий (IV, 22, 5) упоминают только об одной стене, а Полибий, свидетель взятия города римлянами, говорит о рве и частоколе, защищающем город со стороны материка (XXXIX, 1). Этот ров был обнаружен с самолета в 1949 г. [498, с. 556]. Видимо, тройная линия обороны состояла из рва и частокола впереди и, может быть, двух стен разной высоты, из которых последняя и была такой, как ее описал Аппиан [313, т. II, с. 28—30]. Стены охватывали весь город, в том числе и со стороны моря, а внутри города имелись и другие линии крепостных стен, которые делили Карфаген на три основные части: нижний город, цитадель Бирсу и пригород Мегару [458, с. 1282—1284, 1286—1290]. Внутри стен (хотя и вне жилых кварталов) находились и некрополи.

Когда возникли все эти стены, неизвестно. Уже давно было высказано мнение, что поскольку в высокой стене на перешейке были устроены помещения для слонов, а последних карфагеняне стали использовать только в III в. до н. э., то и укрепление было построено не ранее этого века [398, т. II, с. 176]. С этим доводом нельзя не согласиться. Но сами городские стены возникли, разумеется, гораздо раньше, уже в самом начале карфагенской истории. Высокие стены с зубцами окружали Тир: их видно на рельефе бронзовых ворот Салманасара III [320, табл. 47], их упоминает Иезекиил (XXVII, 11). Самые ранние сведения, позволяющие говорить об укреплениях Карфагена, относятся к середине VI в. до н. э., когда Малх, чтобы захватить город, должен был сначала его осадить (Iust. XVIII, 7, 6). Эти ранние стены, видимо, напоминали тирские. Дальнейшая история карфагенских укреплений неизвестна. В середине III в. до н. э. они, как мы видели, охватывали весь город, защищая его со всех сторон с суши и с моря.

Не все, конечно, пространство внутри тех стен, которые существовали в 149 г. до н. э., было изначально занято городом. Первые колонисты высадились, по-видимому, в районе будущего порта, на плоском берегу, на который столь удобно было затащить корабли. Позже в этом месте возникло архаическое святилище — тофет (см. ниже). Здесь где-то, видимо,

простым отлогим пляжем с несложными приспособлениями для хранения и вытаскивания на сушу кораблей, подобно ранним портам самой Финикии [222, с. 228]. Судя по рассказу Юстина (XVIII, 5, 8—11) об основании города, само поселение возникло на холме Бирсы, на некотором отдалении от берега. Такое расположение самого города на расстоянии от порта не было уникальным. Месопотамский город, например, как правило, делился на три части: сам город, пригород и лежащая за пригородом пристань [66, с. 116]. На некотором расстоянии от моря были расположены такие значительные центры древности, как Угарит во II тысячелетии и Афины в I тысячелетии до н. э.

По мере роста населения явно рос и сам город, пространство между Бирсой и портом постепенно застраивается. И Бирса превращается в цитадель внутри города. Первоначально Карфаген, по-видимому, напоминал старые восточные города с их запутанной планировкой и тесными узкими улочками. Вокруг города располагались могилы. Они находились на склонах Бирсы и широкой дугой охватывали прибрежную долину с севера [207, с. 36; 367, с. 25; 505, с. 211—215].

С IV в. до н. э. начинаются значительные изменения в урбанистической системе Карфагена. Прежде всего надо отметить, что недалеко от старого Карфагена возникает новый город. О нем упоминает Диодор (XX, 44), рассказывая о мятеже Бомилькара в 308 г. Возможно, новый город как бы охватывал старый, а затем, уже после мятежа и изгнания сиракузских войск, т. е. уже в III в. до н. э., поглотил его. Несомненно, в старом городе располагалась площадь (Diod. XX, 44). Она была средоточием городской жизни. На ней собрались горожане в страхе перед нападением Агафокла в 310 г. до н. э. (Diod. XX, 9). На эту площадь два года спустя Бомилькар собрал большое количество граждан и убил многих из них (Diod. XX, 44, 3), и на ней же он был распят после поражения (Iust. XXII, 7, 8). Вновь на площади собрался народ в 203 г. до н. э. при высадке римлян в Африке (Liv. XXX, 24, 10). Эта площадь располагалась между Бирсой и портом (App. Lib. 127), т. е. в самом сердце городского поселения. Между тем на Востоке обычно центром городской жизни были ворота, там находилось городское управление и там собирались горожане [66, с. 129]. То, что ворота играли в Карфагене значительную роль, видно из сохранения соответствующего пунического термина даже в римское время, как показывает надпись из Тугги, где, как отмечалось, долго сохранялись пунические институты [479, с. 218—222]. Возникновение площади было обязательно, видимо, перестройке старого города.

Возможно, что именно в это время город принимает правильную прямоугольную планировку. Она возникла под несомненным греческим влиянием. В греческих городах Запада подобная планировка, позже получившая название «гипподамовой» (по имени архитектора V в. до н. э. Гипподама), встречается уже в VI в. до н. э., на столетие раньше, чем на Балканах [533, с. 121]. И уже тогда финикийские города Сицилии, как показывают раскопки Моти, принимают подобный «регулярный» вид [210, с. 220; 342, с. 567—568; 521, с. 642—643]. По-видимому, в IV в. до н. э. при восстановлении Керкуана, городка вблизи Карфагена, разрушенного армией Агафокла, там также принимается правильный план с пересекающимися под прямыми углами улицами [406, с. 517]. Вероятно, тогда же этот план начинает использоваться и в Карфагене. Новая планировка, и особенно создание площади не около ворот, а в центре поселения, по-видимому, отражает определенные изменения в самом сознании карфагенян.

Вероятно, в первой половине IV в. до н. э. строится первый, известный теперь по раскопкам, искусственный порт, представляющий собой длинный канал, отходящий от моря, шириной 15—20 м и глубиной приблизительно два метра [335, с. 21—22; 336, с. 334—341]. По-видимому, с этим связан и первый выход города к морскому берегу севернее порта: здесь начиная с IV в. до н. э. строятся прямоугольные дома, разделенные прямыми улицами [202, с. 12].

В III в. до н. э. перестройка города продолжается. Переустраивается весь район между Бирсой и портом, как свидетельствует надпись этого времени, упоминающая о постройке новой улицы, ведущей к какой-то неизвестной нам пока еще площади Новых ворот [242, с. 116—120]. Кстати, эта надпись свидетельствует и о том, что какие-то черты старой планировки сохраняются и в это время — приворотная площадь. На склонах Бирсы поверх давно уже не используемых могил обосновываются металлургические мастерские [366, с. 66—67; 367, с. 26].

Радикальные изменения происходят в порту. Канал оказался очень неудобным для стоянок кораблей, так как в нем отражалось любое волнение на море. Поэтому его довольно скоро (видимо, уже во второй половине IV в. до н. э.) засыпают, и вместо него и частично на его месте строят два порта, торговый и военный, соединенных друг с другом. Воздвигаются специальные эллинги для кораблей, которые туда затаскивают. Сначала эллинги были деревянными, а в III в. до н. э. они заменяются каменными, причем их расположение несколько изменяется: они занимают радиальное положение по отношению к порту. Аппиан (Lib. 127), Страбон (XVII, 3, 14) и Диодор

(III, 44, 8) называют карфагенский порт Котоном. Полагают, что это слово имеет корень «резать, вырезать» и означает именно искусственную гавань [498, с. 557]. Остатки этого нового искусственного порта видны и сейчас. Его описание, данное Аппианом (Lib. 96), и результаты раскопок, ведущихся здесь, позволяют, хотя археологические исследования еще не закончены, представить, каким был карфагенский порт в III—II вв. до н. э. Он состоял из двух гаваней: торговой и военной. Торговая имела прямоугольную форму и соединялась непосредственно с морем проходом шириной около 70 футов (21 м), закрываемым железными цепями. Специальные ворота вели прямо из торговой гавани в город.

Затем проход вел в военную гавань, окруженную большой стеной, не дающей возможности увидеть, что там делается. Сама военная гавань была круглой, и по ее берегу располагались эллинги, рассчитанные на 220 судов. Вход в них украшали две ионические колонны, что, по словам Аппиана, придавало гавани вид площади, окруженной портиками. Эллинги состояли из наклонного пандуса, поднимающегося в самой высокой части на 2—3 м над уровнем воды в самой гавани, и двора, в котором стоял корабль. Элинг был покрыт крышей и имел высоту 6—8 м, достаточную для протаскивания корабля. Если верна реконструкция Ш. Джибсон, то крыша имела ступенчатый вид и состояла из трех ступеней, постепенно повышаясь к берегу. Каждая секция кровли опиралась не непосредственно на стену, а на колоннаду и была открыта со всех сторон, в том числе и сзади, и все это давало доступ в элинг воздуху и свету.

В центре военной гавани находился круглый остров с шатром (σκηνή) командующего флотом, наварха, как его называет по греческому образцу Аппиан. Отсюда наварх мог видеть то, что делалось в порту и на море, и отсюда мог подавать через трубачей и вестников различные сигналы. На острове, действительно, обнаружена высокая платформа, которая должна была подниматься выше крыш эллингов и на которой, видимо, располагалось какое-то легкое сооружение, давшее историкам возможность использовать термин σκηνή.

Полагают, что окончательно все это сооружение было завершено уже в середине II в. до н. э., т. е. незадолго до III Пунической войны [335, с. 21, 23—32 и рис. 3; 336, с. 341—344]. Однако мирным договором 201 г. до н. э. карфагенянам было запрещено иметь военный флот, а тайно соорудить такую сложную военную гавань они едва ли могли. Поэтому, вероятнее всего, она была построена до 201 г. до н. э.

В III в. до н. э., как уже говорилось, строится и новые укрепления Карфагена. Во II в. до н. э., возможно в связи 119

с наплывом в город населения из городов, захваченных римлянами и нумидийцами, Карфаген застраивается еще плотнее. Так, на склонах Бирсы вместо мастерских металлургов появляются жилые дома [367, с. 26—36]. Но в городе еще оставались участки, не застроенные домами, а принадлежавшие государству и храмам (App. Lib. 93).

Теперь посмотрим, что же представлял собой Карфаген с точки зрения урбанизма.

В высокой части Карфагена располагалась Бирса, городская цитадель, самая неприступная часть города (App. Lib. 128). Она была окружена стеной с узкими воротами, которые могли закрываться, дабы не допустить врага внутрь цитадели. Перекрывалась и лестница, ведущая к расположенному в Бирсе храму Эшмуна (App. Lib. 130). В 146 г. до н. э. эта крепость и этот храм были последним убежищем защитников города, многие из которых предпочли погибнуть в пламени подожженного ими же самими храма, чем сдать победителю.

Между Бирсой и портом располагался нижний город, «плоскость города» ('mq qrt), как он назван в надписи [242, с. 117—128]. В этом городе недалеко от порта находилась та площадь, о которой уже говорилось. Диодор (XX, 44) говорит, что в 308 г. до н. э. Бомилькар разделил свое войско на пять частей, чтобы достичь площади. Видимо, в то время там соединялись пять улиц [313, т. II, с. 78, прим. 9]. Сохранилась ли такая планировка, неизвестно. Аппиан (Lib. 128) упоминает три улицы, идущие от площади к Бирсе. Не исключено, разумеется, что некоторые могли идти от площади в другие стороны.

По-видимому, недалеко от площади находилось и здание совета, как это видно из сообщений Диодора (XXXII, 6, 4) и Ливия (XXX, 24, 10). Где-то в этом районе располагался храм Решефа, которого Аппиан (Lib. 127) называет Аполлоном.

Хотя территория полуострова, на котором находился Карфаген, довольно значительна, более или менее плоского места, удобного для строительства зданий, было все же немного. Нижний город занимал сравнительно небольшое пространство. Поэтому он был застроен довольно высокими и тесными домами. Это было свойственно не одному Карфагену. Такая особенность ярко проявляется уже в Тире. Страбон (XVI, 2, 23) упоминает высокие тирские здания, превосходящие высотой римские. Изображения на ассирийских рельефах позволяют представить внешний вид домов Тира, хотя, видимо, и не тех «пебоскребов», о которых говорит географ. Это, как правило, двухэтажные дома, причем нижний этаж несколько больше верхнего. Окна располагались только наверху, и нижняя часть окна закрывалась невысокой балюстрадой, опирающейся на низкие колонны.

Такого типа верхние окна носили название «тирских», они изображены и на финикийских рельефах из слоновой кости, найденных в Ассирии. Крыши домов — плоские, часто на них встречаются какие-то всевозможные украшения, которые Р. Барнетт принимает за деревья сада, разбитого на кровле дома [79, с. 240; 135, стб. 304—305, рис. 305; 320, с. 132, рис. 37, табл. 47, 50, 61; 413, с. 68—69, рис. 6]. Вполне возможно, однако, что это украшения типа греческих акротериев.

Подобные дома строили и финикийцы, обосновавшиеся в Африке. На детском рисунке на стене гробницы IV—III в. до н. э. изображено какое-то поселение, может быть расположенное на склоне холма, заполненное такими домами с «тирскими» окнами и полукруглыми украшениями на плоских крышах [196, с. 54, табл. 53; 379, с. 187—188]. Строились ли они в самом Карфагене или только вне его (по крайней мере вне нижнего города), мы не знаем.

В Финикии встречаются и ульеподобные, или башнеподобные, многоэтажные дома круглого сечения, традиция строительства которых уходит еще во II тысячелетие до н. э., судя по находкам в Угарите [135, стб. 305, табл. 131]. Видимо, модель такого дома была найдена в святилище Тиннит и Баал-Хаммона в Карфагене: мы видим башню, имеющую не менее трех этажей, с высокими окнами с полукруглым завершением. На обломке стелы виден кусочек подобного здания, но с прямоугольными окнами [214а, с. 58, рис. 4]¹.

Большая же часть нижнего города была заполнена домами иного типа. По словам Аппиана (Lib. 128), три улицы, ведущие от площади к Бирсе, были застроены шестиэтажными зданиями с явно плоскими крышами. Они стояли так плотно, что римские солдаты перебрасывали с крыши на крышу балки и доски и так перебирались в другой дом. Бои шли и на этих ненадежных мостках, и на крышах домов. Такой дом, только не шестиэтажный, а четырехэтажный, представлен в миниатюре на золотой подвеске, найденной в карфагенском порту. Этот дом с плоской крышей не имеет никаких украшений. Его гладкие стены прорезают окна: на самом нижнем этаже (и в этом отличие от двухэтажных зданий, описанных выше) — традиционные «тирские» окна с балюстрадой, выше — квадратные, на третьем — прямоугольные горизонтальные и разделенные по горизонтали же, так что внизу выделяется какая-то часть окна, наподобие форточки или фрамуги, и, наконец, под самой крышей — прямоугольные вертикальные, украшенные пилястрами [213, с. 51, рис. 11]. Уже в IV в. до н. э. подобные

¹ П. Санта предполагает, что это — модель башни или маяка [214а, с. 58]. 121

дома заполняли город между портом и цитаделью (Diod. XX, 44, 5). Улицы между ними были довольно узкими, шириной 6—7 м [498, с. 561], и, по всей вероятности, замощены. Сервий (ad Aep. I, 422) пишет, что пунийцы были первыми, кто начал мостить улицы. Когда это произошло, мы не знаем. В Мотии, например, замощенные улицы были еще в VI в. до н. э. [342, с. 569].

Наконец, раскопки на склоне холма Бирсы обнаружили еще один тип карфагенских домов. Здесь на сравнительно крутом подъеме с уклоном 16—17° располагались прямолинейные улицы, на которые вели ступени. По обеим сторонам улиц размещались здания. С одной стороны улицы дома были большего размера, чем с другой, ширина же фасадов, выходящих на основную улицу, была одинакова у всех зданий: она равнялась 30 локтям. Собственно, это были не отдельные здания, а целые кварталы, в которых, тесно прижавшись поперечными стенами друг к другу, стояло несколько домов. В кварталах по правую сторону улицы было пять домов. Размеры первого составляли 30 на 20 локтей, и он был, по-видимому, самым значительным в таком квартальном блоке. Остальные дома были размерами 30 на 10 локтей, причем худшим был последний дом этого блока. В кварталах по левую сторону было по два дома размерами 30 на 10 локтей. Мы намеренно употребляем фикийскую меру, ибо она особенно отчетливо показывает, во-первых, что основной модуль для строительства таких зданий в Карфагепе составлял $3/1$, т. е. он был такой же, как в иерусалимском храме Соломона (I Reg. VI, 2), построенном, как известно, тирским архитектором, и, во-вторых, что в основе этого модуля лежит, как отметили исследователи, вавилонская шестидесятиричная система. Эти дома, таким образом, были построены по принципам, вывезенным из метрополии. Но расположение домов в прямоугольных кварталах и, в значительной степени, внутренние планы соответствуют греческим образцам.

Снаружи эти дома были украшены расписной штукатуркой, причем роспись представляла собой расположенные друг под другом фризы, состоящие из голубых треугольников на белом фоне, чередующихся кругов и вертикальных овалов, сплошных лент и зубчиков. Внутри дома были более или менее стандартны. Так, средние дома большого квартала имели коридор, идущий через весь дом от одной улицы до другой и имевший, очевидно, два выхода на эти улицы, они служили и входом в сам дом. Приблизительно в середине коридора открывался двор, занимавший всю глубину пространства до следующего дома. По обе стороны от двора размещались комнаты: с северной (точнее, северо-западной) стороны — служебное помещение с полом,

покрытым вымосткой из глины, а с противоположной — нарядная комната, вымощенная кусочками белого мрамора. Судя по отсутствию на первом этаже собственно жилых помещений, они должны были находиться на втором этаже. Так что эти здания были по крайней мере двухэтажные. Впрочем, едва ли они были особенно высокими, так как строились на склоне.

Как было отмечено, первый дом квартала был более роскошным и имел центральный двор перистильного типа с колоннами по краям, вокруг которого и располагались сами помещения.

На противоположной стороне квартального блока находились дома с более простым планом, без двора. В доме могли находиться также лавки или мастерские, не соединенные с жилыми помещениями. В первом доме квартала имелась даже ванная комната, отсутствующая в других [367, с. 28—34]. Таким образом, в этом районе мы видим сочетание восточных, выведенных из метрополии, и античных греческих элементов, столь характерное для карфагенской архитектуры.

По другую сторону Бирсы располагалась Мегара. Она была отделена стеной от Бирсы и остального города [458, с. 1288—1289], но находилась внутри общего кольца городских стен. Эта часть Карфагена была совсем непохожа на нижний город с его огромными, тесно прижатыми друг к другу домами или квартальными блоками. В Мегаре было много садов и огородов, эта часть города была прорезана искусными и причудливо изгибающимися капалами, доставляющими воду для этих огородов и садов (App. Lib. 117). Проблема воды вообще была сложной в Карфагене. Ее собирали в цистернах и добывали в глубоких колодцах. Сейчас известен только один настоящий источник питьевой воды в самом городе — так называемый фонтан тысячи амфор [196, с. 21], служивший этой цели и в римское время, когда на месте пунического города была построена римская колония. Мегара же, видимо, обильно снабжалась водой. Здесь располагались жилища карфагенских аристократов. Они могли быть похожи на уединенные дома богатых финикийцев, изображенные на рельефе из дворца Саргона II, — расположенные на берегу водоема небольшие домики с зубчатой крышей, опирающейся на колонны с протоионическими капителями [136, стб. 304 и рис. на стб. 306]. Здесь могли быть и дома, подобные более богатым домам из кварталов холма Бирсы или из Керкуана, с центральным перистильным двориком и комнатами вокруг него, с лестницей, ведущей на второй этаж или на террасу. Полы в керкуанских домах такого типа были покрыты мозаикой с геометрическим узором [256, с. 58—61; 406, с. 477—479]. Это было, по-видимому, характерно для всех богатых домов Карфагена и окрестностей.

Во время III Пунической войны Мегара располагалась внутри городских стен. И возникает вопрос: всегда ли это было? Полиэн (V, 10, 1), говоря о восстании ливийцев в конце V или в самом начале IV в. до н. э. (см. выше), упоминает о захвате восставшими городских предместий, явно находившихся вне стен города. Рассказ Аппиана об осаде Карфагена, довольно подробный, ни о каких предместьях вне стен не упоминает, хотя говорит об имении какого-то пунического аристократа у самых городских укреплений (Lib. 117). Возможно, при постройке в III в. до н. э. новой оборонительной системы Карфагена (см. выше) в общее кольцо укреплений было включено и аристократическое предместье, хотя какая-то часть имений пунической знати могла остаться вне этого кольца.

Пунические аристократы обитали не только в своих домах и дворцах Мегары и, может быть, других частей города. Были у них и загородные жилища, о которых упоминает Магон (Col. 1, 1, 18; Plin. XVIII, 35). Диодор (XX, 8, 2—3) говорит о загородных виллах карфагенской знати: они были застроены красивыми домами, имеющими дворы, и в них было все, необходимое для «роскошной жизни». Некоторые имения пунических землевладельцев античные авторы именуют «башнями». Таково было владение Ганнибала в Бизацене (Liv. XXXIII, 48). Само слово «башня» — воспроизведение финикийского термина, распространенного в метрополии уже во II тысячелетии до н. э. [50, с. 15]. На мозаиках уже римского времени появляются сельские жилища, укрепленные башнями. На одной мы видим дом, похожий на тирские здания на ассирийском рельефе, с дверью впису и небольшими квадратными окнами под крышей и башней [76, рис. 105, 109, 110]. Не пришел ли этот тип вилл местных землевладельцев из пунической эпохи?

Строительная техника карфагенян была разнообразна. Фундаменты пунийцы строили обычно из массивных блоков песчаника и известняка, привозимых из каменоломен в районе мыса Бон. Часто использовался бетон из смеси глины с песком и другими материалами, подобно тому, как и в самой Финикии. Нижнюю часть стен, выходящих на улицу, приблизительно на высоту метра от разрушительной силы сточных вод защищало, по крайней мере в III—II вв. до н. э., специальное покрытие из черепицы. Сами стены, особенно внутренние стены домов и кварталов, строились чаще всего из сырцового кирпича. Бывали случаи, когда вся стена, включая фундамент, выполнялась из кирпича. Пунические строители широко использовали также дерево и различные легкие строительные материалы, и эту технику они вывезли из метрополии [197, с. 543; 367,

Карфаген был огромным по тем временам городом. Общая протяженность стен, опоясывающих его, составляла 22 или 23 мили (Liv. epitome LI; Oros. IV, 22, 5), т. е. более 32 км, так что все пространство внутри городских укреплений превышало 20 кв. км. Его размеры, таким образом, превосходили размеры многих крупнейших городов не только Средиземноморья, но и вообще древнего мира, таких, как Вавилон, раскинувшийся на 10 кв. км во времена Навуходоносора [89, с. 274], или Александрия, чья площадь также составляла около 10 кв. км, или даже Рим, который в правление Аврелиана в III в. н. э. был окружен стеной длиной 19 км и имел общую площадь почти 18 кв. км [302, с. 10, 13; 453, стб. 1381].

Однако плотность его застройки была неравномерна. Большую часть этого огромного пространства занимала Мегара, застроенная сравнительно редко и малонаселенная [313, т. II, с. 85], и ее население, считая и хозяев особняков, и их слуг и рабов, не могло превышать 100 тыс. человек [204, с. 59]. Непосредственно сам город с Бирсой, по подсчетам Ф. Реньера, занимал несколько больше 500 га, т. е. 5 кв. км. При этом значительное пространство (около 100 га), прилегающее непосредственно к стенам, оставалось, как полагает тот же исследователь, незастроенным, так как было предназначено для казарм и складов армии [458, с. 1289—1290]. Внутри города располагались некрополи, что еще уменьшало площадь, занятую зданиями. Зато остальная часть города была застроена очень плотно, и на многоэтажные дома приходилась значительная часть населения.

Страбон (XVII, 3, 15) говорит, что накануне III Пунической войны в Карфагене жили 700 тыс. человек. Как показали недавние исследования, цифры, кратные семи, в том числе 700 тыс., могут быть чисто риторическим оборотом и выражать понятие «очень много» [68, с. 192—196]. К тому же надо иметь в виду, что под словом πόλις географ мог подразумевать не только сам город в нашем смысле слова, но и его округу [368, с. 4—244; ср. 75, с. 54]. Поэтому при определении численности городского населения приходится обращаться к косвенным данным, учитывая при этом большую степень гипотетичности всех вычислений.

Диодор (XX, 10, 5) рассказывает, что при неожиданном вторжении Агафокла в Африку карфагеняне, не дожидаясь ни союзников, ни войск из хоры, вывели в поле армию граждан (αὐτοὺς δὲ τοὺς πολίταιους), насчитывающую не меньше 45 тыс. 125

пехотинцев, тысячу всадников и две тысячи колесниц, т. е. всего около 50 тыс. воинов. Опасность была столь велика, что были, по-видимому, мобилизованы все или почти все граждане, способные носить оружие, а таковые, по современным расчетам, составляют приблизительно $\frac{1}{3}$ населения [25, с. 40]. Следовательно, в конце IV в. до н. э. гражданское население Карфагена составляло около 150 тыс. человек. Мы не знаем, каково было соотношение различных категорий карфагенского населения, сколько метеков, бодов, «сидонских мужей» и рабов приходилось на каждого гражданина. В Александрии в I в. до н. э. проживало около 300 тыс. свободных людей (Diod. XVII, 52, 6); в эллинистическом Египте у лиц, принадлежащих к среднему слою населения, было приблизительно по два раба [67, с. 301]; поэтому все александрийское население считают примерно равным 1 млн. человек [302, с. 10].

Существовало ли такое соотношение в Карфагене? Учитывая довольно высокое развитие там рабства, это вполне возможно. А если принять во внимание другие категории негражданского населения, то на одного гражданина приходилось, по-видимому, еще больше других жителей. Поэтому не будет большим преувеличением определить численность всего населения Карфагена в конце IV в. до н. э. в 550—600 тыс. человек. Отбросив около 100 тыс. проживавших в Мегаре, мы получим плотность населения в нижнем городе в среднем 1250 человек на гектар. Эта плотность не будет слишком уж велика, ее можно сравнить с александрийской: в Александрии она достигала в среднем тысячи человек на гектар, а в отдаленных районах (вне роскошного квартала «бета») была явно гораздо большей. Карфаген, таким образом, был в числе самых крупных городов древнего мира. Для сравнения можно отметить, что все население Афин во времена Перикла достигало 200—300 тыс. человек, а в Риме при жизни Цезаря проживали 800 тыс. [25, с. 57; 302, с. 6, 12]. Численность населения, естественно, не оставалась неизменной. Во II в. до н. э. она, по-видимому, выросла из-за притока населения из городов, отошедших к римлянам и нумидийцам, свидетельством чему может, как уже говорилось, быть застройка склонов холма Бирсы. И в таком случае мы получаем цифру, достаточно близкую к сообщенной Страбоном.

Определенную долю населения Карфагена составляли иноземцы. Не говоря о рабах, привозимых сюда из различных районов Африки и Европы, в пунической столице временно или постоянно проживало немало иноземцев. Среди них было много ливийцев, в частности нумидийцев. В посвящениях Тиннит и Баал-Хаммону встречаются ливийские имена: Мас-силават, Екат, Цаканан, Зибак (CIS, 3289, 3414, 3472, 3619).

В некоторых случаях прямо указывается происхождение посвятившего из того или иного африканского города: например, Анан сын Шаанана из города Тубурсика (CIS, 309). Жили здесь и этруски, один из них в надписи на дощечке из слоновой кости назвал себя карфагенянином [305, с. 36; 386, с. 371]. Возможно, воспоминания о связях с Карфагеном побудили уже в I в. до н. э. этрусков, уstraшенных террором Суллы, эмигрировать именно в Африку и обосноваться сравнительно недалеко от разрушенного пунического города [328, с. 547—549]. Перед III Пунической войной в Карфагене было довольно много других италиков, как это видно из сообщения Аппиана (Lib. 92) об их убийстве отчаявшимися карфагенянами при известии об ультиматуме Рима.

Обитали в Карфагене и греки. Когда там появилась греческая колония, неизвестно. Мы только знаем, что в 396 г. до н. э. она уже существовала (Diod. XIV, 77, 5). И с тех пор греки постоянно жили в этом городе, несмотря на все перипетии пунийско-эллинских взаимоотношений. Некоторые из иностранцев, проживавших в Карфагене, могли подняться до положения гражданина. Так, там натурализовался некий грек, дед Гипократа и Эпикида, который бежал туда из Сиракуз (Liv. XXIV, 6, 2). Гражданами становились дети карфагенян от их иноземных жен. Так, павшего при Гимере сына Магона Гамилькара родила сиракузянка (Her. VII, 166).

Наконец, надо отметить выходцев из метрополии, которые по тем или иным причинам переселялись в Карфаген, как, например, женщины и дети, отправленные из Тира в Африку накануне македонской осады (Diod. XVII, 41; Iust. XI, 10, 14). Нам неизвестно правовое положение финикийских и тем более тирских переселенцев. Едва ли они рассматривались как простые метеки. Они могли довольно быстро слиться со своими пуническими родственниками. Если подобные случаи происходили, как мы видели, с греками, то это тем более могло случиться с финикийцами.

Вся эта разноплеменная, разноязыкая толпа наполняла огромный город, придавая ему космополитический облик, облегчая взаимопроникновение культур. Но все же «физиономию» города определяли в первую очередь пунийцы.

Повседневная жизнь

Финикийцы вообще были людьми сравнительно невысокими. Средний рост мужчины составлял 1,63 м, женщины — 1,57 [483, с. 93]. Видимо, пунийцы в принципе походили на своих 127

восточных родственников. Однако они сравнительно рано стали смешиваться с представителями других народов, что подчеркивает Юстин (XVIII, 5, 17), и среди них с ливийцами и африканцами. Это привело к тому, что в антропологическом типе карфагений появились североафриканские и даже негроидные черты [204, с. 129]. Скелеты карфагений принадлежат к грацильному типу.

Свою одежду пунийцы вывезли из метрополии и долгое время сохраняли ее. Носили карфагеняне широкую длинную тунику, ниспадающую вплоть до ступней, обычно не подпоясанную. Таким предстает, например, Ганпон в комедии Плавта «Пуниец» (1008, 1298). Но иногда, как показывают изображения на стелах, тунику все же подпоясывали [313, т. IV, с. 185]. Обычно, хотя и не всегда, карфагеняне ничего поверх туники не надевали, и в той же плавтовской комедии один из персонажей с насмешкой говорит о появившемся пуническом купце: «Он что, оставил плащ в бане?» (976). На ногах у них были башмаки или сандалии. Женщины носили такие же туники, только более короткие, обычно оставляющие открытыми ноги ниже колен. В отличие от мужчин они надевали пояс, иногда даже два: один под грудью, подчеркивающий ее, другой на талии. И мужская, и женская одежда была плиссированной, расшитой и довольно яркой — ее украшали полосы контрастных цветов, в том числе и пурпурного; одежда была перегружена вышивкой [222, с. 240—242]. Сверху женщины чаще, чем мужчины, носили плащ. Впрочем, карфагенянки довольно рано восприняли греческую моду, так что их одежда уже с V в. до н. э. мало отличалась от эллипской [191, т. I, табл. VIII; 204, с. 135—139; 313, т. IV, с. 184—188].

В отличие от эллипов пунийцы обычно надевали какой-нибудь головной убор. Это могли быть конические шапочки или высокие цилиндрические шляпы без полей. Последнюю видно на голове жреца на одной из карфагенских стел [196, табл. 6]. Такая шапочка была вывезена из Финикии: точно такую же носил финикиец Баалиятон, изображенный на стеле, ныне хранящейся в Копенгагене [221, т. III, рис. 897]. Женщины обычно украшали голову диадемой.

Карфагеняне любили разнообразные украшения. На статуэтках и рельефах стел видны серьги, ожерелья, кольца, браслеты. Аристотель (Pol. VII, 2, 1324) сообщает, что карфагенские мужчины носили столько колец, сколько раз они участвовали в походах. Своим разнообразным украшением, которое, по-видимому, привлекало насмешливые взгляды греков и римлян, были кольца, носимые пунийцами в носу. Это старый ханаанейский
128 обычай, восприятый также и иудеями (например, Gen. XXIV,

47; Ez. XVI, 12) [204, с. 140—144]. Во всех этих украшениях чувствуется иностранное влияние. Сначала преобладало египетское. В пунических могилах найдено большое количество египетских скарабеев и скарабеоидов, амулетов, бус и других изделий [371, с. 95—101]. Очень скоро пунические ювелиры начали изготавливать собственные произведения, во многом воспроизводящие египетские образцы, и иногда столь точно, что трудно установить происхождение вещи [434, с. 177—180]. В первое время в Карфагене использовались и месопотамские цилиндрические печати [121, с. 11—16; 122, с. 13—15], но они не привились. В IV в. до н. э., когда прекратился импорт украшений из Египта, карфагеняне начали привозить сардинские изделия, выполненные также по египетскому образцу [434, с. 178]. Но в том же, IV в. до н. э. пунийцы начали все чаще использовать изделия эллинского и затем эллинистического мира, да и сами пунийцы воспринимали греческий стиль, как это сделал неизвестный резчик, создавший великоленную гемму с изображением пегаса, найденную в Утике [196, с. 55 и табл. 56].

В своих домах аристократы жили со всеми удобствами, имели даже собственную баню. Но в то же время и на холме Гирсы, и в Керкуане имелись гораздо более скромные дома, лишенные удобств. Тем более простыми были, видимо, «коммунальные» здания нижнего города, поднимавшиеся на шесть этажей.

Раскопки позволили получить и некоторое представление о карфагенской мебели и о повседневных предметах, окружавших пунийцев в их обыденной жизни. Правда, мебель представлена главным образом маленькими копиями из металла и глины, сохранившимися в могилах; отсюда же происходит и большая часть повседневной керамики. Судя по всему этому, карфагеняне использовали невысокие столы, стулья, табуреты, плоские лежа. Почетное место в доме занимал большой деревянный сундук. В нем, видимо, хранились основные богатства дома. Те, кто был побогаче, покрывали его ковром, а бедняки циновкой [204, с. 146—148; 214а, с. 62]. В темное время комнаты освещались керамическими лампами. Эти лампы давали достаточно света, особенно если их было несколько. Французские археологи вспоминают, что в 1943 г. они в течение нескольких месяцев использовали найденные пунические светильники и получали от них достаточно света [204, с. 146]. Существовали подставки типа торшеров, позволяющие поднять лампу и тем самым увеличить ее эффективность, и даже приспособления, с помощью которых светильники подвешивали к потолку, напоминающие люстры [214а, с. 62 и рис. 12]. Обыденная посуда была 129

самой простой, изготовлялась она обычно из обожженной глины. С V—IV вв. до н. э. богатые карфагеняне все чаще предпочитали пользоваться греческой посудой и греческими лампами.

Богатые карфагенские дома, часто неристильного типа, украшенные статуями по эллинскому образцу, в которых использовалась греческая керамика и греческие же светильники, все больше напоминали жилища греческих и эллинистических аристократов. Их хозяева носили греческие украшения, а их жены уже давно восприняли греческую моду. По своему образу жизни пуническая аристократия сближалась с эллинистической. О жизни простых людей мы знаем намного меньше. Можно полагать, что они в большей степени сохраняли старые обычаи, хотя бы потому, что у них едва ли были средства для покупки иноземных изделий.

Уже говорилось о цветущем сельском хозяйстве Карфагена. Ясно, что зерно и фрукты пунийцы использовали в пищу. Катон (*de agr.* 85) упоминает «пуническую кашу», состоящую из полбы, творога, меда и яиц. В жертвенных тарифах, как, например, в «марсельском» (KAI, 69), упоминаются многочисленные животные, приносимые в жертву, с указаниями, какие части жертвенного животного сжигаются, а какие остаются хозяину. Так что пунийцы, по крайней мере во время жертвоприношений, могли есть мясо. Юстин (XIX, 1, 10) упоминает о попытке персидского царя запретить пунийцам есть собачье мясо. Видимо, такое блюдо было весьма распространено в Карфагене. Обилие остатков винных амфор свидетельствует о пристрастии карфагенян к вину. Платон (*leg.* II, 674a) говорит о карфагенском законе, запрещающем пить вино воинам в лагере, правителям в течение года, когда они отправляют должность, кормчим и судьям при исполнении обязанностей, участникам всяких совещаний, всем людям днем, кроме как в случае болезни, ночью при брачном общении, рабам и рабыням в любое время. Насколько такой закон исполнялся, сказать трудно. Но само обилие запрещений свидетельствует о широком распространении вина.

Основной ячейкой повседневной жизни в Карфагене была семья. В какой степени сохранились родовые институты, мы говорить не можем. В одной из надписей встречается слово *šrh* (KAI, 69, 16). Это слово, как отмечают комментаторы, означает коллектив родственников, скорее всего род [274, с. 42; 315, с. 180; 239, т. II, с. 86; 498, с. 145]. Однако выступает он только в сакральной сфере. В обыденной жизни его роль не отмечается.

Карфагенская семья была патриархальной. Подавляющее большинство надписей, дошедших до нас, составлено мужчи-

нами. Обычно женщины, видимо, не выступали самостоятельно ни в юридической, ни в религиозной сфере. Однако надписи, составленные женщинами или от их имени, все же встречаются, хотя их и гораздо меньше, чем надписей мужчин. Такие надписи явно оставлены теми, кто так или иначе эмансипировался и стал самостоятельной личностью. Во многих таких надписях упоминается отец женщины (например, CIS, 253, 378, 902). Возможно, что речь идет о жрицах, в том числе, может быть, о священных проститутках храма богини любви. Упоминание о генеалогии отца и иногда более далеких предков свидетельствует о сохранении такими женщинами каких-то связей с семьей. В таких генеалогиях очень редко встречается имя мужа и еще реже — мужа и отца одновременно (например, CIS, 1253). Может быть, такие надписи оставили вдовы? В эпиграфических памятниках предки перечисляются почти исключительно по отцовской линии. Но именно в виде исключения встречаются и упоминания матерей. Посвятители в таких случаях обычно женщины. Таковы Аришатбаал дочь Амаммелькарт дочери Абдмилар рабыни Астарты Эрицинской (CIS, 3776) или Элишат дочь Киницти дочери Баалшиллека (CIS, 3840). Иногда появляются и мужчины: Ариш сын Гуднамы дочери Элишат (CIS, 902). Вероятнее всего, в этих случаях посвятителем были внебрачные дети, причем тогда, когда речь идет о дочери «рабыни», т. е., вероятнее всего, жрицы богини Астарты, это едва ли вызывает сомнение. Может быть, как полагал С. Гзель, женщины, которые не упоминали генеалогии, также были внебрачными дочерьми [313, т. IV, с. 216 и прим. 6].

Мы не знаем, играло ли какую-нибудь роль при заключении брака желание жениха, но стремление невесты явно никак не принималось во внимание. Брак был сделкой, и в расчет брались любые обстоятельства и причины, кроме личного влечения. Это ясно видно из истории Софонисбы дочери Гасдрубала, которую рассматривали как разменную монету в политической игре, предлагая девушку двум соперничающим нумидийским царькам Сифаксу и Масиниссе, пока не предпочли первого, сочтя этот брак более выгодным для карфагенского дела (Liv. XXIX, 23; App. Lib. 10—11). Позже дочь Гасдрубала погибла, отравленная Масиниссой, к которому попала в плен после разгрома Сифакса. Историки рассказывают о твердости молодой женщины перед лицом смерти (Liv. XXX, 15; App. Lib. 27). Такая твердость была, видимо, вообще свойственна карфагенянкам. Вспомним основательницу города, бросившуюся, по словам Юстипа (XVIII, 6, 6—7), в огонь, чтобы не вступать в ненавистный брак с африканским царьком. Смерть в огне в подожженном самими защитниками храме предпочла рабству, к сожалению, 131

безымянная жена Гасдрубала, последнего предводителя карфагенян в III Пунической войне (App. Lib. 131). Два костра, в которые бросились мужественные женщины, озаряют начало и конец истории Карфагена.

К сожалению, мы не имеем ни литературных, ни юридических свидетельств, которые позволили бы узнать структуру семьи, имущественные и прочие права ее членов. Судя по раскопкам некрополей, особенно более ранних, в могилах которых встречаются обычно два трупа — мужской и женский, можно думать, что в Карфагене господствовала моногамия [313, т. IV, с. 216, 435]. Как и вообще в ханаанейско-палестинском мире, основной целью заключения брака было законное потомство. Недаром карфагеняне в своих надписях так гордо перечисляют имена предков, подчеркивая тем самым свое законное происхождение.

Когда ребенок рождался, первым и важнейшим делом было дать ему имя. У карфагенян в обычае были теофорные имена: Ханнибаал (Ганнибал) — «Милостив ко мне Баал» (это имя могло быть и женским: RÉS, IV, 2001), Баалханнон — «Баал милостив», Абдмелькарт — «Раб Мелькарта», Бодмелькарт — «Слуга Мелькарта», Азрубаал (Гасдрубал) — «Баал помогает», Гермелькарт — «Покровительствуемый Мелькартом», Химилькат, или Ахмилькат (Гимилькон), — «Друг царицы», т. е. Астарты или Тиннит, Ханнон (Ганнон) — «Милостив», подразумевается какое-то божество, Аришатбаал — «Супруга Баала» и многие другие. Встречаются имена, которые на первый взгляд не связаны с божеством. Таковы Малх, или Малк, — «Царь», Магон — «Щит», Шафат, или Шуффет — «Судья». Но, видимо, и здесь подразумевается божество, правящее, судящее или охраняющее. Такие имена не случайны: получив имя в честь бога, человек оказывался под его защитой, обретал в божестве покровителя. Иногда случалось, что все члены семьи носили имена, связанные с одним каким-либо богом: например, Баалшиллек сын Баалханнона сына Баалйатона (CIS, 1239) или Бодмелькарт сын Абдмелькарта сына Бодмелькарта (CIS, 1334). Интересно, что среди карфагенских имен встречаются такие, которые можно назвать географическими: Цор (Тир), Цидон (Сидон), Мицри (Египет), Шарданат (Сардиния, точнее, Сардинянка) и др. Что отразилось в таких именах? Может быть, воспоминание о далекой родине, откуда уехали они или, скорее, их предки.

У карфагенян, видимо, был распространен тот же обычай, как и вообще в западносемитском мире: ребенок получал имя ближайшего умершего родственника, ибо, как тогда считали, в душе новорожденного как бы оживает частичка души мертвеца.

Поэтому столь часто встречаются у карфагенян имена дедов. Таковы, например, Азрубаал сын Ганнона сына Азрубаала (CIS, 180), или Абдмелькарт сын Азрубаала сына Абдмелькарта (CIS, 2101). Порой у правнуков встречаются имена прадедов, как, например, у Ганнона сына Магона сына Баалханнона сына Ганнона (CIS, 1116). Но есть случаи, когда сын назван именем отца: Абдмелькарт сын Абдмелькарта (CIS, 199), Бодмелькарт сын Бодмелькарта (CIS, 200), Абдэшмун сын Абдэшмуна (CIS, 350) и др. В этих случаях можно быть уверенным, что сын родился уже после смерти отца.

Такой обычай привел, однако, к тому, что набор имен оказался сравнительно ограниченным. В Карфагене появилось много Ганнибалов, Гисгонов, Ганнонов, Магонов, Гамилькаров и т. д. Недаром их частое повторение в исторических источниках вызывает путаницу и споры среди ученых. По-видимому, похожие имена путали не только нынешние исследователи, но и современники. Для различения тезок начинают использоваться прозвища типа римских когноменов. Таким прозвищем было, видимо, Великий, как был назван упомянутый в главе II Ганпон. Прозвищем было и слово «Барка» («Молния»), прибавленное к имени Гамилькара. Прозвища могли быть самыми разнообразными: географические — Гамилькар Самнит (App. Lib. 68) или Ганнибал Родосец (Polyb. I, 46, 4) (может быть, такие прозвища связаны с тем, что эти люди долго жили в Самнии или на Родосе); названия животных или птиц — Козел (App. Lib. 34, 39) или Скворец (App. Lib. 68). Были и другие прозвища: Единоборец (Polyb. IX, 24, 4—6), Белый (App. Lib. 108), Лысый (Liv. XXIII, 32, 11—12). Возможно, некоторые прозвища передавались по наследству, как это происходило с римскими когноменами. Тогда станет более понятным, почему Ганнон, праг Баркидов, именовался Великим (App. Hisp. 4): он мог быть потомком того Ганнона, который воевал в Сицилии и пытался совершить переворот в Карфагене (см. выше). Самое раннее упоминание когномена относится к IV в. до н. э., когда появляется Ганнон Великий, воюющий против Сиракуз (Trog. prol. XX). В последующие два века таких упоминаний становится больше.

Однако надо подчеркнуть, что все прозвища карфагенян встречаются только в литературных источниках. Ни разу они не упоминаются в надписях, несмотря на то что их было довольно много. Это свидетельствует о том, что такие прозвища оставались сугубо неофициальными, не признаваемыми ни в юридической, ни в религиозной сферах. И к тому же они были относительно редкими. Основным путем, по которому пошли пунийцы, был тот, который уже давно использовался 133

на Востоке, в том числе в Финикии: линейная генеалогия, когда к чьему-либо имени прибавлялось имя отца, деда и часто других предков. Сами генеалогические формулы были заимствованы пунийцами у своих родичей в метрополии, но там списки предков были довольно краткими. За исключением царей, стремящихся оправдать свои права на престол, финикийцы долгое время ограничивались только тремя поколениями, т. е. приводили имена отца и деда, и лишь после македонского завоевания генеалогические списки начали увеличиваться [527, с. 122—125]. Возможно, первоначально само появление этого обычая было связано с культом предков, но позже такие мотивы явно уже не играют большой роли [527, с. 123].

Карфагеняне, восприняв этот обычай и саму формулу, однако, стали, особенно с IV в. до н. э., резко увеличивать генеалогические списки. Обычной для карфагенян становится генеалогия в три-шесть поколений, правда, встречаются и более длинные, вплоть до совершенно чудовищного списка в 17 поколений (CIS, 3778; KAI, 68)². В таких списках, по-видимому, перечислены все предки автора надписи, включая первопоселенцев Карфагена [215, с. 466—469]. Не исключено, что в пунических городах в большей степени сохранялись культовые функции генеалогий [527, с. 123—124]. Но еще большее значение имели житейские обстоятельства. Население было огромным, превосходящим население городов собственно Финикии, в том числе Тира, и длинный перечень предков становился необходимым для различения его жителей если не согражданами, то богами. Впрочем, встречаются в Карфагене и более краткие списки (два поколения), а иногда посвяtitель и вовсе не указывает предков, даже отца. Особенно часто, как уже говорилось, отсутствие генеалогии в женских надписях. Судя по сохранившимся надписям, длина генеалогического списка, видимо, не зависела от социального положения гражданина. Например, в неоднократно цитировавшейся надписи о постройке новой улицы суффеты Шафат и Адонибаал не имеют генеалогии, зато ее имеют другие лица, здесь упоминаемые: магистраты и руководители работ [242, с. 117]. В другой же надписи (CIS, 175) неизвестный по имени суфкет представляет генеалогию по крайней мере в шесть поколений. Вероятно, составление генеалогического списка определялось какими-то конкретными обстоятельствами. Что же касается рабов, то они, как правило, не имели права на генеалогию, и раб указывал

² Надпись KAI, 68 найдена в Сардинии, но оставлена, по-видимому, карфагенянином; недаром в первой строке упоминается «народ Карфагена»; правда, эта строка плохо сохранилась, и поэтому контекст упоминания неясен.

предков своего господина [110, с. 252]. Однако и при этом могли быть исключения. Так, называет своего отца и даже более далеких предков (надпись иснорчена) некий Бодастарт сын Ганнибала сына... раб Амматмелькарт жены Адонибаала (CIS, 3189). В данном случае, судя по именам, речь идет или о пунийце, каким-то образом попавшем в рабство, или о рабе, чьи предки уже достаточно давно жили в Карфагене и основательно пунизировались.

Кроме выбора имени важным актом, сопровождавшим рождение мальчика, было, по-видимому, установление «союза» между новорожденным и богом, и этой цели служило обрезание. Оно было широко распространено во всем ханаанейско-аморейском культурном круге, в том числе и у финикийцев (Нер. II, 104). Правда, Геродот (II, 104) пишет, что финикийцы, знакомые с эллинскими обычаями, отказались от обрезания. Возможно, что и в Карфагене в некоторых аристократических семьях, испытавших влияние греческой культуры, его тоже уже не практиковали. Но в народе, приверженном старым обычаям родины, этот обряд был, видимо, распространен.

У пунийцев, как об этом будет подробнее сказано позже, существовал обычай жертвовать своих первенцев богу Баал-Хаммону (Diod. XX, 14). Это касалось в первую очередь детей из наиболее знатных фамилий. Аристократы, как писал Диодор, всячески пытались избежать такой участи, порой они покунали у бедняков их детей и, выдавая за своих, приносили в жертву божеству. Однако в моменты крайней опасности, как это было при нападении Агафокла, именно детей самых могущественных граждан сжигали в честь Баал-Хаммона. Такой обычай, идущий от первобытных времен, не означал, конечно, что пунийцам было чуждо такое элементарное чувство, как любовь к детям. Скорее наоборот: самое дорогое, самое любимое они жертвовали ради общего блага.

Юлиан (Or. I, 15b-c) говорит, что карфагеняне довольно рано отсылали детей из дома, заставляя их жить своим трудом. Это означает, что пунийцы рано начинали приучать детей к делу, видимо, в первую очередь к наследственному. Недаром карфагенские купцы были столь умелыми: их сыновья с ранних лет приучались заниматься торговлей, вникая во все ее тайны. В этой связи особый смысл приобретает и поступок Гамилькара, взявшего с собой в Испанию девятилетнего Ганнибала (Polyb. III, 11, 15; Liv. XXI, 1, 4): в соответствии с обычаем, он решил с детства приучить его к трудному ремеслу воина и полководца.

Мы практически ничего не знаем о системе карфагенского образования. Только некоторые отрывочные све-

дения позволяют нам говорить о его результатах. Известно, что Ганнибал был широко образованным человеком, общался с греческими историками, двое из которых, Силен и Сосил, находились в его штабе, сам писал произведения на греческом языке (Нер. Нам. 13, 2—4). Греческий язык знал и знаменитый агроном Магон, судя по некоторым цитатам из его труда: например, по словам Плиния (XXI, 111), Магон говорит, что греки называли «пистиной» кончики побегов морского латука. Правда, после измены Суниата в первой половине IV в. до н. э. карфагенское правительство, как пишет Юстин (XX, 5, 12—13), издало закон, запрещающий учить греческий язык и греческое письмо, дабы никто не мог общаться с врагом.

Однако если такой закон действительно существовал, то он явно не выполнялся. Об этом свидетельствуют в первую очередь примеры Магона и Ганнибала. Да он и не мог выполняться. С начала IV в. до н. э. греческая культура оказывает всестороннее воздействие на культуру и повседневную жизнь Карфагена. И в самом городе жило немало эллинов. При таких обстоятельствах уберечься от знания их речи и литературы было практически невозможно. И главное: сам характер карфагенской торговли требовал знания того языка, который был столь распространен в Средиземноморье. Некоторые пунийцы до того проникались духом эллинской культуры, что даже принимали эллинские имена. Так, например, сделал философ Гасдрубал, принявший в Афинах имя Клитомас (Diod. Laërt. III, 67). Греческое имя взял тот карфагенский купец, надпись в честь которого была найдена в Истрии (см. выше). Знание греческого языка открывало пунийцам богатство эллинской и эллинистической науки и литературы. И это не могло не оказать влияние и на карфагенскую культуру.

В какой степени карфагеняне овладевали всеми особенностями своего языка, его письмом и грамматикой, мы не знаем, хотя сама по себе грамотность была явно распространена, что неудивительно в таком государстве, где огромную роль в экономике играла торговля. Существовали люди, для которых письмо было профессией — писцы. Эта должность могла быть наследственной: так, отец писца Аземилка также был писцом (CIS, 3749). Вербовались они из разных слоев карфагенского населения и, возможно, занимали в связи с этим различное положение. Например, писец Мицри был «сидонским мужем» (CIS, 273). Те же, кто не оставил указания на свое сословное положение, были, видимо, гражданами. Некоторые писцы занимали должности в государственном аппарате, как упомянутые в римско-карфагенском договоре как представители государства (Polyb. III, 22, 8). Чтобы выступать таковыми в отношениях

с римлянами, они должны были знать язык своих контрагентов. Впрочем, в Карфагене были и профессиональные переводчики, как некий Азрубаал сын Абдэшмуна (CIS, 350).

Из других профессий, требующих определенных знаний и, следовательно, специального обучения, надо упомянуть профессию врача. Имена врачей встречаются в надписях (CIS, 321—323). О карфагенской медицине мы ничего сказать не можем, кроме того, что само лечение было явно платным, как это подчеркивает и пуническая пословица «чума любит монету, дай ей две, и она уйдет» (August. Sermo 167, 4).

Сравнительно высокий уровень образования отличал карфагенскую аристократию. Едва ли Ганнибал и Магон были редкими исключениями. Знаменитый мореплаватель Ганнон оставил описание своего путешествия, которое и в переводе свидетельствует о литературных способностях автора. В аристократических фамилиях образование получали даже женщины. Так, по свидетельству Диона Кассия (XVII, 57, 51), весьма образованной была уже упомянутая Софонисба дочь Гасдрубала жена Сифакса [353, стб. 1100]. Специальное образование могли получать жрецы, и не исключено, что при храмах существовали какие-то школы.

Получив образование, практические навыки и умения, карфагеняне вступали в жизнь. В ней они занимались земледелием и ремеслом, торговлей и мореплаванием, государственными делами и служением богам. Религия, культ занимали важное место в жизни Карфагена.

~~Уже неоднократно говорилось, что по многим вопросам, касающимся истории и культуры Карфагена, приходится высказывать только более или менее обоснованные гипотезы, ибо состояние нашей источниковедческой базы не позволяет большего. И, пожалуй, ни для одной сферы пунической культуры эта оговорка так не подходит, как для нунической религии! Необходимо иметь в виду, что степень гипотетичности возрастает и соответственно степень вероятности уменьшается, когда отдельные факты начинают связывать в какую-то систему и пытаются рассмотреть религию пунийцев в целом и ее эволюцию за время существования Карфагенской республики. Надо также учесть, что новые исследования могут внести коррективы в те или иные положения, высказанные в настоящей главе.~~

Тем не менее рассмотрение религиозной жизни карфагенян очень важно при исследовании проблем карфагенской культуры. В древности религия являлась существеннейшей частью идеологии. Можно даже сказать, что она составляла сердцевину идеологической сферы человеческой жизни, и это было свойственно всем народам. Не были исключением и карфагеняне.

Карфагенский пантеон

Страбон (XVIII, 3, 14) и Аппиан (Lib. 130), говоря о Карфагене, пишут, что в Бирсе, т. е. в самом сердце города, в месте, с которого город, собственно, и начинался, находился храм Асклепия. Через много лет, когда на месте пунического города существовала римская колония, твердыню римского Карфагена, по словам Апулея (Flor. 18), охранял Эскулап. Это, несомненно, Эшмун: в трехязычной сардинской надписи (IFPCO Sard. 9) фикийское имя божества Эшмун в греческой части передано как Асклепий, а в латинской — Эсколапий. Существование его

252). Анпиан говорит также о том, что святилище этого бога было самым знаменитым и богатым в Карфагене.

Такое положение храма не могло быть случайным. Когда Гасдрубал основал в Испании Новый Карфаген, в этом городе также был создан храм Эшмуна (Polyb. X, 10, 8), причем поднимался он на холме, господствовавшем над городом, как и в столице. Учитывая, что на Ближнем Востоке храмы обычно не переносились с места на место [66, с. 132—133], можно говорить, что как новокарфагенский храм был создан, вероятнее всего, самим основателем города, так и карфагенское святилище было воздвигнуто еще Элиссой. Его роль в Карфагене можно сравнить со значением Эсагилы в Вавилоне или Парфенона в Афинах. Все это говорит о том, что Эшмун занимал центральное место в карфагенском пантеоне.

Эшмун принадлежит к общегреческим божествам; его культ засвидетельствован в Берите, Сидоне, Тире. Он упоминается в договоре тирского царя Баала с Асархаддоном [85, с. 109]. Эшмун выступает в первую очередь как бог-врачеватель, о чем говорит само отождествление его с соответствующими эллиническими и римскими богами [140, с. 243—344]. Однако его функции этим не ограничиваются.

Сохранился любопытный вариант мифа, по которому Эшмун был красивейшим юношей, которого полюбила мать богов Астроноя. Спасаясь от преследования богини, он отрубил себе половой орган и погиб, но богиня вернула его к жизни и сделала богом [85, с. 85—86]. Таким образом, перед нами — умирающее и воскресающее божество, обычное в аграрном культе погибающей и возрождающейся природы. Он связан, таким образом, с плодородием земли и миром смерти, где, по сказанию, ему пришлось побывать. У Филона Библиского (FHG, III, fr. II, 27) Эшмун назван восьмым братом Кабиров, богов, рожденных Сидеком (или Сидиком), т. е. «Праведным». Может быть, отец Эшмуна был судьей подземного мира? В другом месте (fr. II, 11—12) Асклепий — Эшмун не упоминается среди Кабиров, но поскольку утверждается, что от этих богов произошли те, кто открывал целебные растения, средства от укусов и заговоров, т. е. профессиональные врачеватели, то можно согласиться с В. В. Баудиссином (хотя это предположение и гипотетично), что в данном случае в число Кабиров включается и их восьмой брат [140, с. 246]. В этом же месте Филон приписывает Кабирам изобретение судна. Но, может быть, речь идет не об обычном корабле? На стене гробницы в Кеф-эль-Блида на северо-западе современного Туниса изображен корабль, перевозящий душу умершего, как полагают, через небесный океан. На самом корабле изображены восемь воинов, в которых признают Кабиров, 139

включая, следовательно, и Эшмуна, а на корме стоит солнечное божество [266, с. 54]. Таким образом, корабль Кабиров — это корабль мертвецов. И вновь мы видим, что Эшмун связан с миром смерти и воскресения.

Итак, Эшмун предстает перед нами как божество, которое само умирает и воскресает, связано со смертью и излечивает от нее. Бог-врачеватель на Ближнем Востоке, впрочем, всегда имел отношение к смерти и нес надежду на воскресение [140, с. 316—324; 185, с. 81—82]. Именно поэтому его священным животным оказывается змея [140, с. 233—234, 300, 329—331, 338], служившая символом вечного обновления и вечной жизни [403, с. 134, 137]. Но змея ассоциировалась и с землей, подземным миром, водами, пробивающимися из-под земли [139, с. 266—279; 140, с. 325—329]. И это уже указывает на хтоническое происхождение божества и его аграрную природу, и в этом его можно сравнить с месопотамским Таммузом [119, с. 167].

Будучи господином жизни и смерти, Эшмун оказывается в центре карфагенского культа. И недаром его святилище было, по-видимому, перьям храмом, воздвигнутым в новом городе при его основании.

В науке существует мнение, что греки отождествляли Эшмуна не только с Асклепием, но и с Иолоасом [43, с. 52; 232, стб. 1846; 140, с. 292—310; 519, т. II, с. 48—49]. То, что в некоторых случаях под Иолоасом подразумевается финикийский бог, несомненно. Но Эшмун ли? По мифу, переданному Диодором (IV, 29—30), Иолоай был предводителем флота своего дяди Геракла во время колонизации Сардинии, а позже действовал на этом острове самостоятельно. А далее Диодор говорит, что местные жители стали приносить жертвы богу Иолоаю и провозгласили его отцом (*προσαγορεύουσιν αὐτὸν Ἰόλαον πατέρα*). Итак, сардинский Иолоай был богом и отцом. На этом острове известен бог, носящий титул «отца». Это Сардус Патер, Сард Отец, считающийся эпонимом Сардинии. В 60—70-е годы XX в. в Юго-Западной Сардинии, в Антасе, был раскопан пунический храм бога Циды, в котором было обнаружено более двух десятков надписей. Они оказались посвящениями Циду. Таким образом, можно довольно уверенно говорить, что Цид — финикийский эквивалент Сарда, и это подкрепляется билингвой, в которой латинскому *Sardi* соответствует финикийское *Isd* [269, с. 12]. А отсюда вытекает, что Иолоай греческих авторов — это Цид.

В том же святилище в Антасе обнаружены следы почитания Шадрая и Хорона, чей культ оказался тесно связанным с культом Циды. Это были хтонические божества-целители.

140 Поэтому, полагают исследователи (и вполне обоснованно),

и Цид был таким же [137, с. 9—11; 269, с. 9—15; 296, с. 318—321, 329—331; 418, с. 52; 417, с. 151—152]. Это подтверждается и мифом о смерти и воскресении Мелькарта. Евдокс Книдский (Ath. IX, 47, 392) рассказывает со слов финикийцев, что этот бог (греческий автор называет его Гераклом) был убит в Ливии и воскрешен Иолоаем, т. е., как мы видели, Цидом, давшим ему попоухать перепела. В этом сказании Цид ясно выступает как цезитель и воскреситель.

Существование культа Цида вне Сардинии доказывается как этим тирским мифом (судя по тому, что главную роль в нем играл тирский городской бог Мелькарт), так и теофорными именами: Цидхан («Цид милостив») в Акре, если правильно восстановлена надпись [171, с. 27], и Цидшамар («Цид охранитель») в Карфагене (CIS, 5779).

В Карфагене был также известен культ Шадраны (KAI, 77); в этом городе ему был построен каменный алтарь. Этот бог также был врачевателем, как показывает само имя, в которое входит корень гр' — лечить [400, с. 159]. Но занимался он не только лечением. На стеле из Амрита V в. до н. э. он изображен стоящим на льве, в царской короне с урсом, держащим в одной руке зверя, а в другой — оружие (или молнию), а над головой у него — солнечный круг и крылья [434, с. 16 и фиг. 122]. Таким образом, Шадрапа предстает как божество, не только излечивающее, но и воюющее, и царствующее, причем не только над миром людей, но и зверей, связанное с небом и горами. Возможно, что все эти грани божества были свойственны и другим богам-врачевателям. На Западе Шадрапу отождествляли с Дионисом и Либером. Это видно из двуязычной латинско-неопунической надписи, в которой в латинской части упоминается Либер Отец, а в неопунической — Шадрапа (KAI, 127). Выбор именно Либер (Диониса) подчеркивает характер Шадраны как хтонического божества, связанного с умирающей и возрождающейся природой и, может быть, с распространением виноградарства. Этот бог, встречающийся в различных частях пунического мира, особенно почитался в Лептисе, где он вместе с Милькастаром был «отеческим богом», как свидетельствует неопуническая надпись (KAI, 119), в которой оба бога называются «господами лентисскими» (rbt 'lpyy) [294, с. 52—53].

~~Итак~~ в пуническом мире почитались по крайней мере три бога с одинаковыми или близкими функциями, функциями врачевателей и воскресителей: Эшмун, Цид и Шадрапа. Их культы могли существовать одновременно в одном месте. ~~Уже отмечались~~ культы всех трех богов в Карфагене. То же самое было в Сардинии. Многочисленные статуи Эскулапа, найденные 141

в Лептисе, свидетельствуют о почитании Эшмуна в этом городе [284, с. 33]. И все же какие-то обстоятельства, от нас сейчас ускользающие, привели к тому, что один из них приобретает первенствующее значение: в Лептисе это Шадрана, в Сардинии — Цид, в Карфагене — Эшмун.

Итак, центральной фигурой карфагенского пантеона был, как представляется, Эшмун, бог-целитель и воскреситель, бог, связывающий два мира — мир жизни и мир смерти. Его храм, построенный в Бирсе, ~~как мы предполагаем~~, был самым древним, ведущим свое начало от первых носеленцев, обосновавшихся на холме Бирсы.

И уже тогда, в первые времена существования города, вне Бирсы, на морском берегу, где, видимо, высадились первые колонисты, возникло святилище под открытым небом, так называемый тофет, ~~о котором подробнее будет сказано позже~~. В этом святилище было найдено большое количество относящихся к IV и более поздним векам надписей в честь божественной пары Тиннит Пене Баал и Баал-Хаммона. В IV—II вв. до н. э. Тиннит была наиболее почитаемым женским божеством Карфагена.

Однако раскопки в тофете показывают, что это святилище не оставалось неизменным. Приблизительно до середины V в. до н. э. территория тофета была покрыта миниатюрными каменными храмиками, бетилами¹, имеющими вид столбов, или с изображениями столбов либо с пластическими изображениями трона божества. На двух таких стелах с изображением столба, слегка суживающегося кверху и помещенного в нишу, вырезаны надписи, палеографически датируемые VI в. до н. э. Они одинаковы и отличаются только именем посвяителя, и все посвящены Баал-Хаммону: «Господу Баал-Хаммону жертва-молк, которую пожертвовал» такой-то [191, Сб-513—514; 196, табл. 16; 263, с. 57—61]. Во второй половине V—начале IV в. до н. э. все меняется. Наряду с только что описанными камнями появляются более тонкие, вытянутые вверх стелы с пирамидальной вершиной и гладкой лицевой поверхностью. Если раньше на камнях изображался главным образом солнечный круг, то теперь поверхность стелы покрывают символы, имеющие вид перевернутого полумесяца с кругом между рогами в виде «бутыли» или «знака Тиннит». Об этих символах речь пойдет позже, а сейчас надо отметить только, что они обнаружены на стелах тофета. Сначала различные виды стел сосуще-

¹ Бетил (правильнее, Бет-эль), букв. «дом бога». Под этим словом теперь понимаются камни различного вида, чаще всего в виде столба, считающиеся священными.

ствуют, а затем ранние камни исчезают, поверхность засыпают слоем песка, и выше его ставят только посвящения нового типа. На них появляются и посвятельные надписи в честь Тиннит и Баал-Хаммопа [158, с. 121—122; 190, с. 4—6; 191, с. 19—21; 196, с. 41; 207, с. 146—148; 319, с. 57; 320, с. 95—97]. Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые полагают, что это свидетельствует об изменениях в верованиях и о том, что то место, которое в IV—II вв. до н. э. занимали Тиннит и Баал-Хаммон, приблизительно до середины V в. до н. э. принадлежало одному Баал-Хаммону. Конечно, доказательств этого положения еще недостаточно, и его можно принять только как гипотезу, хотя, на наш взгляд, очень вероятную. Заметим, что в IV в. до н. э. на Мальте, в Мотии и Сардинии надписи также упоминают только одного Баал-Хаммона (IFPCO Malta 4—6; Sic. 13, 14, 17, 18; Sard. 17), хотя позже наряду с ним, как и в Карфагене, появляется Тиннит.

[Баал-Хаммон принадлежит к довольно древнему слою финикийской религии [119, с. 82; 248, с. 37]. Его привезли с собой в Африку колонисты.

О сложности образа этого бога и его изменениях говорит, ~~как нам кажется,~~ отождествление его античными авторами с разными божествами античного мира. Иногда его идентифицировали с Зевсом и Юпитером. Так, Цицерон (de nat. deor. I, 29) говорит о Юпитере—Аммопе, почитаемом афрами. Афры — местное население подвластной карфагенянам Африки, которое находилось под сильнейшим пуническим культурным влиянием. Поэтому цицероновский Юпитер—Аммон, вероятнее всего, не кто иной, как пунический бог. Особенно часты отождествления Баал-Хаммона и Юпитера в восточной части бывшей Карфагенской державы, в современной Триполитании [144, с. 337], где, по-видимому, особенно ощущалась близость к Египту с его эллинистическим и римским культом Зевса—Амона. И все же более обычным было сближение Баал-Хаммона с Кроном и Сатурном. Это особенно отчетливо видно в святилище в Цирте (Эль-Хофре), где в греческих надписях появляется Крон, в то время как в пунических в большинстве случаев — Баал-Хаммон. Особенно интересна в этом отношении одна надпись, которая составлена целиком по пуническому формулиру, но вместе с Тиннит Пене Баал (Ṭennit pene Baal) упоминается Крон [154, с. 169, № 3]. Культ Сатурна непосредственно продолжает культ Баал-Хаммона [372; 168, с. 37—38].

Имя бога различные исследователи трактуют по-разному. Его считают иногда «владыкой алтаря с благовониями» или «владыкой хамманим», т. е. священных столбов, ставившихся перед алтарями. Иногда под словом «Хаммон» понимают назва-

ние какого-либо места на Востоке. Но, вероятнее всего, речь идет о «владыке жара», что говорит о солярном характере Баал-Хаммона [140, с. 304; 313, т. IV, с. 280].

Рельефы на стелах, изображения на геммах, фигуры на монетах (многие из которых уже римского времени, но отражают пуническую традицию) позволяют нам увидеть, как представляли себе пунийцы этого бога. Вероятно, очень древним было почитание Баал-Хаммона в виде бетила — суживающегося кверху столба. Изображение именно такого столба появляется на древнейшей стеле с надписью в честь Баал-Хаммона в Карфагене, о которой уже говорилось. Другие стелы часто напоминают трон, на котором воздвигнут бетил бога. В самом Карфагене до V в. до н. э. единственным украшением стел Баал-Хаммона был солнечный диск [191, с. 20—21]. А сардинская надпись в честь этого божества IV в. до н. э. высечена на камне, который сам напоминает бетил: слегка суживающийся кверху столб [315, табл. XXXIII]. Несколько иное положение сложилось в Сицилии. Там на стелах из Мотии того же, IV в. до н. э. наряду с диском появляется и перевернутый полумесяц, между рогами которого изображается тот же солнечный диск [315, табл. XVII, XIX, XX]. А на более поздней стеле из Лилибея (IV—II вв. до н. э.) над надписью появляется волнистая линия, над которой располагаются розетки [315, табл. XIV]. Видимо, перед нами — символическое изображение небесного океана (см. ниже). Мы ограничились только теми стелами, на которых выгравирована надпись в честь одного Баал-Хаммона.

Уже довольно рано бетилы сосуществуют с изображениями бога. Так, на круглом камне, напоминающем солнечный диск, изображается человеческое лицо с большими открытыми ушами, которые должны были воспринимать мольбы верующих. Древнейшее такое изображение с надписью относится, по-видимому, к самому началу VI в. до н. э. [270, с. 96—103], хотя, конечно, такие диски могли распространяться и раньше.

С VI в. до н. э. начинают появляться и изображения Баал-Хаммона, восходящие к типу, засвидетельствованному в Передней Азии еще во II тысячелетии до н. э. Бог изображается в виде могучего бородатого старца, одетого в длинную, часто плиссированную одежду и сидящего на троне. На голове бога высокая коническая тиара с покрывалом, спускающимся на его затылок и спину. Иногда тиара заменяется короной из перьев. Правую руку Баал-Хаммон поднимает в благословляющем жесте, а в левой держит посох, украшенный наверху либо шишковой соной, либо хлебным колосом. Рядом с головой часто изображается диск, иногда крылатый, по египетскому образцу, иногда без крыльев. Трон бога обычно (хотя и не всегда) укра-

шают керубы [387, с. 132—134; табл. XLIV—XLV, рис. 132—134]. Керубы, изображаемые в виде крылатых зверей с человеческими головами, выступают в качестве стражей и символов святости места [344, с. 211—212], в данном случае — трона бога. Представление о керубах было распространено в Финикии и Палестине уже во II тысячелетии до н. э. и сохранялось в I тысячелетии до н. э. [118, табл. 16, 18, 24, ср. с. 137]. Баал-Хаммон становится, таким образом, подобным библейскому всевышнему богу, восседающему на керубах (Is. XXVIII, 16; Ps. XVII, 11). На древней гемме VI, а может быть, и VII в. до н. э. трон Баал-Хаммона поставлен на корабль египетского типа, напоминающий корабль Осириса, пересекающий подземные воды, как об этом говорят стебли растений, растущих вниз. И в подземном мире Баал-Хаммон появляется в царственном виде вместе со всеми своими атрибутами. Отметим, что хлебный колос был атрибутом этого бога еще до магонидского завоевания Африки и появления «континентальной» державы Карфагена с ее земельными богатствами.

Таким образом, Баал-Хаммон предстает перед нами как один из важнейших богов Карфагена. Он выслушивает мольбы людей и благословляет их. Его атрибуты, особенно сочетание солнечного диска и хлебного колоса, ясно говорят о нем как о солярном божестве и одновременно боге земного плодородия. Колос мог заменяться сосновой шишкой, а она издавна служила символом и бессмертия, и мужского плодородия [372, с. 200—203]. Этот бог, по-видимому, располагался над небесным океаном, а ночью плыл с запада на восток по подземному океану через царство мертвых, и в этом царстве он не терял царственного величия, выступая, по-видимому, его повелителем. Упомнутое изображение Баал-Хаммона на гемме VI или VII в. до н. э., где трон помещается на корабле, плывущем по подземному океану, а сам бог обладает всеми своими атрибутами, лучше всего выражает его триединую сущность как божества небесного (солнце), земного (плодоносный) и потустороннего (владыка подземного мира).

После римского завоевания место Баал-Хаммона занимает Сатурн, заимствовавший многие черты вытесненного им бога. Среди эпитетов африканского Сатурна появляются такие, как *senex* («старец») и *frugifer* («плодоносный»), которые, как мы видели, с несомненностью отвечают пуническим представлениям о Баал-Хаммоне. Среди других эпитетов Сатурна в Африке надо отметить *genitor* («родитель», «творец»), который появляется иногда в римских надписях Северной Африки [372, с. 114—118]. Является ли представление об «отце» Сатурне наследством пунической эпохи? Ответить с полной определен-

ностью на этот вопрос невозможно из-за недостаточности материала. Однако надо заметить, что это вполне соответствует тому образу божества, который сложился в ханаанейской и библейской религии, в том числе образу Йахве, на которого Баал-Хаммон, восседающий на керубах, весьма похож. Как полагают некоторые исследователи, в том числе М. Легла, именно потому, что Баал-Хаммон выступает в качестве «родителя», ему и приносят в жертву новорожденного первенца [372, с. 327—328]. Библейский Йахве также требовал: «Отдай мне первенца из сынов твоих» (Ех. XXII, 29).

В мифологии Филона Библского в качестве «родителя» выступает Эл, которого, по словам того же Филона, греки называли Кроном (FHG, III, Phil. fr. II, 7, 14; 20—21). Иногда полагают, что в образе Баал-Хаммона карфагеняне почитали старого Эла [154, с. 216; 239, т. II, с. 77; 244, с. 368]. Такое предположение необязательно. Но, возможно, какие-то черты древнего Эла действительно были перенесены карфагенянами на своего Баал-Хаммона.

И Крон в Греции, и Сатурн в Риме были богами, покровительствующими хорошему урожаю, и в то же время они выступали покровителями мертвецов, находящихся в загробном мире. Подобными же чертами обладал и Баал-Хаммон. Поэтому его отождествление в первую очередь с Кроном — Сатурном неудивительно. То, что пунический бог обладал чертами «родителя», тоже способствовало отождествлению, поскольку Крон рассматривался в эллинской мифологии как общий отец нескольких поколений богов. Это отождествление облегчалось и тем, что в некоторых вариантах мифов Крон выступает как властитель Запада. И хотя первоначально этим Западом была Италия [82, с. 40—63], сфера деятельности Крона распространяется на все западные земли. И именно с этим обстоятельством связывает Диодор (V, 66) почитание Крона как римлянами, так и карфагенянами.

Итак, солнечный бог и покровитель плодоносящей земли, царствующий не только на небе, но и в потустороннем мире, Баал-Хаммон занимал важное место в карфагенском пантеоне.

И вне Карфагена его культ был весьма распространен. Он был одним из самых популярных богов в Африке и при карфагенянах, и при римлянах, когда верующие предпочитали уже называть бога Сатурном. Когда на Африку уже наступало христианство, местные язычники, по словам Августина (Ep. in Ps. CXLV, 12), почитая Сатурна как господина и бога, противопоставляли его Христу. Это, по-видимому, уже результат позднеантичного синкретизма, но, возможно, какие-то черты пуниче-

Уже говорилось о том, что на некоторых стелах из Мотии наряду с солнечным диском появляется и изображение полумесяца с солнечным диском между рогами. Это не только символ солнца — Баал-Хаммона, но и стоящего рядом с ним лунного божества. На одном таком памятнике из той же Мотии в VI в. до н. э. над надписью в честь Баал-Хаммона появляется женская фигура [315, с. 63, табл. XVII]. Следовательно, уже в VI в. до н. э. солнечный Баал-Хаммон почитается порой вместе с женским лунным божеством. Таковым с V—IV вв. до н. э. выступает Тиннит, которая в карфагенских надписях IV—II вв. до н. э. занимает первое место, оттеснив Баал-Хаммона на второе.

Тиннит — популярнейшее и в то же время загадочное божество Карфагена. Ее эпитет в пунических надписях — Пене Баал. Большинство исследователей переводят эти слова как «Лик Баала», хотя и спорят о конкретном значении этого эпитета (например, [239, т. II, с. 96; 313, т. IV, с. 245—247; 498, с. 588]). Согласно другой точке зрения, это означает «Украшение Баала» [107, с. 59—60; 65; 313, т. IV, с. 245, прим. 1]. Не вдаваясь в споры, надо отметить, что в любом случае Тиннит явно связана с Баалом (хотя и необязательно с Баал-Хаммоном).

Прежде чем говорить об этой богине, надо отметить одно важное обстоятельство. Как говорилось, в римско-африканском Сатурне могли воплотиться как пунические, так и римские черты. Иное положение с Тиннит. После римского завоевания и распространения в Африке латинского языка Тиннит стали называть Небесной богиней, Деа Целестис или просто Целестис. До правления происходящего из Африки императора Септимия Севера культ Целестис был почти неизвестен вне римских провинций Африка, Нумидия и Мавритания [246, стб. 199; 247, стб. 992; 517, с. 360; 530, с. 313]. Поэтому представляется наиболее вероятным, что Целестис — не римская богиня, а латинское имя Тиннит. И уже эту богиню римляне отождествляли со своей Юноной, а иногда и с такими богинями, как Диана или Церера [181, с. 339; 517, с. 350]². Это позволяет с большим основанием, чем в случае с Баал-Хаммоном — Сатурном, обратиться к Целестис для реконструкции отдельных черт Тиннит.

Римское имя выделяет один, но, видимо, важнейший аспект образа богини — это небесная богиня. Недаром Геродиан (V, 6, 4) называет ее Οὐρανία («Небесная»), утверждая, что такое имя дали богине ливийцы. «Движущей тучи и ветры» названа

² Это отождествление, видимо, дало право Сервию (Ad Aen. IV, 680) называть Сатурна и Юнону «отеческими богами» Карфагена.

эта богиня в латинской надписи (CIL, VIII, 16810). Однако Тиннит была не просто небесной, а именно лунной богиней. Об этом пишет тот же Геродиан (V, 6, 4—5), указывая при этом, что карфагеняне именуют эту богиню Астроархой («владычицей звезд»), желая подчеркнуть ее лунный характер. На стелах обычным символом богини был полумесяц, как правило перевернутый вниз, или, реже, лунный диск [451, стб. 2188; 518, стб. 855—856]. Антропоморфные изображения Тиннит в самом Карфагене довольно редки. Но там, где они появляются, мы видим женскую голову с крыльями, подчеркивающими небесную сущность божества [191, с. 24 и Сб-685]. В Хадрумете она изображена в виде женщины, закутанной в плащ, сидящей на табурете и поднявшей правую руку в благословляющем жесте; в другой руке она держит какой-то шар (видимо, гранат), а рядом с ней — перевернутый полумесяц; и здесь одежда богини покрыта крыльями [191, Сб-1076, 1077]. В пещерном святилище Эс'Куйрам на Питиуссе, где, возможно, находился культовый центр Тиннит, распространивший свое влияние и на восточное побережье Испании [234, с. 50—51], многочисленные фигурки изображают ту же богиню. И снова перед нами сложенные крылья, покрывающие тело наподобие плаща, и полумесяц на головном уборе или на груди [234, с. 45; 299, с. 150; 300, с. 439; 301, с. 149—150].

Очень часто полумесяц сочетается с солнечным диском, располагающимся между рогами полумесяца. Видимо, это — символ божественной пары: солнца — Баал-Хаммона и луны — Тиннит.

Итак, Тиннит предстает перед нами в первую очередь как небесная богиня, имевшая преимущественно лунный аспект. Ее священной птицей был голубь. Именно голубиные крылья покрывают тело богини на питиусских статуэтках. Интересна в этом отношении статуя на крышке саркофага IV—III вв. до н. э., в котором была похоронена уже довольно пожилая жрица, женщина негроидного типа. На крышке же саркофага статуя молодой женщины, которая как бы вписывается в изображение голубя: его голова поднимается над головой женщины, а крылья окутывают бедра и ноги, оставляя открытыми только ступни [42, с. 71, ил. 19, 20]. Кто это? Богиня или жрица? Ясно, что скульптура не может быть портретом погребенной. Возможно, в этом образе слились и представление о богине, и идеальное изображение ее жрицы, подобно тому как в Греции в раннее время женские фигуры могли представлять одновременно и божество, и его служительниц [503а, с. 198—199].

Женщина, сливающаяся со своим атрибутом — голубем, — такова божественная Тиннит.

Как уже говорилось, римляне отождествляли Тиннит — Целестис с Юноной. И Апулей (Met. VI, 4) говорит, что в Карфагене Юнону чтут как деву, движущуюся по небу на льве. Эти слова о небесной деве ясно показывают, что речь идет о Тиннит. Апулей знал, что говорил. По происхождению африканец, он учился в Карфагене (конечно, уже римском) и позже жил там, достигнув высоких должностей, в том числе должности верховного жреца [21, с. 358—359]. Лев вводит нас уже в другую сферу деятельности Тиннит. В религиях Ближнего Востока лев обычно ассоциируется с богинями плодородия, богинями-матерями [372, с. 141]. Движущаяся на льве Тиннит — Целестис — Юнона выступает, таким образом, не только как небесная богиня, но и как богиня плодородия.

Небесная богиня носила на землю благодатный дождь, оплодотворяющий эту землю и дающий жизнь всем ее обитателям (CIL, VIII, 16810). Тертуллиан называет эту богиню «обещающей дождь» (Apol. 23, 6). Оплодотворяя землю, Тиннит оказывается Великой матерью. Этот титул (*in gbt*) встречается в пунических надписях (CIS, 195, 380). В одной из них, как бы для того чтобы мы не сомневались в принадлежности этого титула именно Тиннит, после упоминания Великой матери идет эпитет — Пене Баал. Этот эпитет надо сопоставить с эпитетом, который иногда прибавлялся к имени карфагенской богини в римское время — *nutrix* («кормилица») [372, с. 220—222], и с фигуркой I в. н. э. из Тиннисута, изображающей молодую женщину, кормящую ребенка [42, ил. 23]. Оттуда же происходит фигура львиноголовой богини [42, ил. 25—26; 196, табл. 61], также изображающая, по-видимому, Тиннит, частично сливающаяся со своим священным животным.

(Символами Тиннит как богини плодородия были также пшеница и гранат) [451, стб. 2190—2197]. На карфагенских стелах эти символы появляются только с IV в. до н. э. [191, с. 26], но на стелах V—IV вв. до н. э. в Хадрумете в руке богини шар, и он кажется нам гранатом [191, Сб-1076, 1077]. Уже на сравнительно ранних стелах, относящихся к V в. до н. э., встречается изображение вертикального ромба, сочетающегося с так называемым знаком Тиннит (например, [191, Сб-517]). Ромб обычно связан с идеей рождения, произрастания, появления [11, с. 111]. И в данном случае он, видимо, выступает как воплощение плодоносящей сущности богини.

Казалось, этому характеру Великой матери и богини плодородия противоречит представление о Тиннит — Целестис как о деве. А ее девственный характер не вызывает сомнений. Как дева (*virgo*) она упоминается Тертуллианом (Apol. 23, 6), Амвусином (*civ. Dei* II, 4), в надписях (CIL, VIII, 9796; VI, 149

37170). Но то, что противоречит здравому смыслу, иначе выглядит в религиозных представлениях. В них вполне может сочетаться девственность и материнство. Чтобы не выходить за пределы финикийского мира, можно сказать о богине Анат, которая является одновременно и девственницей (это ее постоянный эпитет), и в то же время супругой и возлюбленной своего брата Баалу [252, с. 81—83]. По-видимому, такое сочетание и было причиной того, что греки иногда отождествляли Тиннит с Артемидой, которая также была одновременно и девой, и матерью, и кормилицей [259, стб. 621—622]. Так, имя Абдтиннит в двуязычной надписи из Афин около 400 г. до н. э. переведено как Артемидор (KAI, 53).

Небесную деву Тиннит сближает с Анат и ее воинственный характер. В римских надписях Целестис порой имеет такие эпитеты, как *invicta* («непобедимая»), *victrix* («победительница») [229, стб. 1250]. Может быть, с воинственным характером богини связан эпитет *drt* («могущественная»), появляющийся иногда в нунической эпиграфике (KAI, 72B).

Тиннит выступала и как владычица и покровительница Карфагена. В надписях ее всегда именуют *gbt* («госпожа»), а однажды — *'dnt* (женская форма от слова *'dn* — «господь») [297а, с. 21—22]. Именно в качестве «госпожи» Карфагена она появляется на карфагенских монетах [320, табл. 109, рис. i, j; 38, табл. VIII, 18]. Хотя тип изображения, несомненно, копировал сиракузскую чеканку (ср. [37, табл. VI, 16; VII, 5—7; 533, табл. 42b, 80]), женская голова изображала, конечно, не нимфу Аретузу, обычную в Сиракузах, а Тиннит. В некоторых случаях голова богини украшается царской диадемой [320, табл. 109, рис. i; 434, рис. 211, 273]. И хотя форма этой диадемы также заимствована у греков, само ее появление на голове карфагенского божества знаменательно.

Видимо, именно в качестве «владычицы» Карфагена предстает богиня в статуе, фрагменты которой найдены в Карфагене. Их всего три, но они дают возможность восстановить всю скульптуру [214а, с. 60 и рис. 6]. Богиня сидит на троне, как и трон Баал-Хаммона, украшенном керубами. На голове ее покрывало, спускающееся на затылок и плечи (подобное покрывало изображено на нунической монете IV в. до н. э., чеканенной в Сицилии [320, табл. 109, рис. f]). Левая рука опущена и, вероятно, лежала на подлокотнике трона. Лицо спокойно и совершенно бесстрастно. Все тело закутано в длинную одежду, ниспадающую складками, так что только правая рука слегка видна из-за складок, она придерживает одежду на левой стороне груди. Одежда богини, вероятно, и есть тот пенлос Целестис, которым 150 был украшен Целс при провозглашении его императором

в III в. н. э. (SHA, turg. trig. 29, 1). Видимо, существовала какая-то связь между верховной властью и божественным пенлоном, и это могло быть наследством пунической эпохи.

У Анпиана (Lib. 84) встречается упоминание *βουλαία θεός*: карфагенянин Баннон умоляет римлян нещадить эту богиню, как и гражданский очаг Карфагена, его площади и все другое, ценное для живых. По мнению С. Гзелля [313, т. IV, с. 266—267], это также Тиннит, выступающая в качестве «председательницы» карфагенских советов. В таком случае эта богиня выступает как глава карфагенского правительства. Правда, это определение можно перевести и как «нокровительствующая», и тогда, несомненно, речь идет именно о Тиннит. В любом случае перед нами богиня, которая так же является воплощением города, как его очаг и сами его площади.

Поскольку Тиннит была «госпожой» Карфагена, культ ее был широко распространен, как об этом свидетельствуют многочисленные посвящения ей и Баал-Хаммону. Порой стелы в честь этой божественной нары ставят жрецы или рабы других богов и храмов. Чтобы добиться ее милости, карфагеняне вырезали знак Тиннит на погребальных стелах, штамповали его на керамике, выкладывали в мозаике на полу, придавали его форму украшениям и амулетам. Этот знак становится как бы эмблемой Карфагена [193, с. 86]. Видимо, именно поэтому греческий переводчик договора Ганнибала с Филиппом V не смог или не захотел найти никакого эллинского аналога Тиннит, а назвал ее просто «божеством карфагенян» (*δαίμων Καρχηδονίων*) (Polyb. VII, 9, 2). Латинские надписи порой именуют ее *domica* («госпожа»), что является точным переводом финикийского слова *gbt*. А позднеримские писатели называли Целестис божеством или демоном Африки (в античном смысле слова) и афров (Tert. Apol. 24; ad nat. II, 8; Salv. gub. Dei VIII, 9).

Уже говорилось о различных атрибутах и символах Тиннит. Девять десятых стел, посвященных этой богине, имеют «знак Тиннит» и «знак бутыли», как называют их современные авторы. Несмотря на то что эти знаки встречаются очень часто, их интерпретация спорна, трудна, и до сих пор невозможно утверждать, какая из предложенных гипотез ближе к истине.

«Знак бутыли» представляет собой нечто вроде сосуда с цилиндрическим и яйцевидным туловом и коротким цилиндрическим горлом или полусферическим колпачком [191, с. 21—22]. Форма знака не остается неизменной — около 300 г. до н. э. он приобретает ясно выраженный геометрический вид. В III в. до н. э. этот символ становится более редким, а во второй четверти II в., т. е. еще до падения Карфагена, исчезает совсем [191, табл. I; 193, с. 82—84]. Внимательно исследуя развитие этого 151

символа, К. Шарль-Пикар обратила внимание на очень важную деталь: иногда, особенно в III в. до н. э., на месте колпачка появляется изображение человеческой головы, а на тулове — фаллоса или женских грудей. Порой же, бесспорно, перед нами изображение священного сосуда. Исследовательница делает вывод, который кажется нам достаточно верным: этот знак олицетворяет одновременно ребенка, принесенного в жертву (см. ниже) и обретшего бессмертие, и погребальный сосуд, в котором хранился и был захоронен непел жертвы [193, с. 80—82; ср. 419, с. 291]. Бесспорно связанный с культом Тиннит, этот знак появился, однако, еще на алтаре того типа, который предшествует, как нам кажется, появлению стел, связанных с началом культа богини [191, Сб-343, 344].

Со временем изменился и «знак Тиннит». В целом, однако, его схема оставалась неизменной: треугольник или трапеция с поперечиной, ноложенной на вершину треугольника или на короткую сторону трапеции (концы поперечины часто подняты вверх), а выше над самой вершиной треугольника или серединой короткой стороны трапеции — круг [191, табл. II]. При попытке понять сущность знака и восстановить его историю ученые приходят к различным и даже противоположным выводам. Одни приходили от антропоморфных изображений к абстрактным, другие — наоборот. В знаке видели или символ молитвы, или соединение бетила с солнечным диском, представляющее, может быть, земной культ и бога — предмет этого культа, или абстрактное представление египетского знака жизни — анх [42, с. 78; 158, с. 120; 193, с. 84—86; 214, с. 4—9; 256, с. 63—65; 313, т. IV, с. 383—388; 419, с. 221]. Трудно предположить какую-нибудь точку зрения, и не исключено, что все они содержат долю истины.

К этим гипотезам мы прибавим еще одну. Возможно, что «знак Тиннит» символизирует собой божественную нару. Треугольник издавна, с отдаленных первобытных времен, считался символом женщины, женского плодородия. О подобном его значении в Карфагене свидетельствует изображение «знака» на двух стелах, когда треугольник, в том числе заштрихованный треугольник, вписанный в больший, явно представляет женский символ [214, с. 9 и рис. 7, 8]. А заштрихованный треугольник или угол — древнейший символ женского божества плодородия [11, с. 111]. В таком случае трапецию можно рассматривать как незакопченный треугольник. Круг наверху воплощал солнце и солнечного бога, каким был, как мы видели, Баал-Хаммон. В этом отношении интересен один из древнейших рисунков на стеле: над трапецией вместо круга находится просто надпись b'I [214, с. 10 и рис. 15]. Видимо, это — Баал-Хаммон.

Черта между треугольником (или трапецией) и кругом не разделяет, а соединяет их. Если это так, то перед нами — символ соединения бога солнца и богини плодородия. Первоначально последней могла быть вовсе не Тиннит, а, видимо, Астарта. Но позже связь между Тиннит и этим знаком становится неразрывной. И иногда даже сама стела принимает форму «знака Тиннит» [191, Сб-552].

Занимала ли Тиннит столь высокое положение в Карфагене с самого начала карфагенской истории? В принципе это не исключено. Однако, принимая во внимание те изменения в ее святилище, которые произошли в середине V — начале IV в. до н. э., в том числе — самого типа посвященных стел и иконографии символика, нам кажется более вероятным, что до этого времени место, занимаемое Тиннит, было весьма скромным. В связи с этим встает вопрос о ее происхождении.

В науке довольно широко было распространено мнение, что Тиннит — ливийское божество, воспринятое пунийцами [114, с. 70; 451, стб. 2179; 505, с. 176]. Но в последнее время участились находки изображений «знака Тиннит» и «знака бутылки» в Финикии и окружающих районах [162, с. 17—18; 254, с. 27; 452, с. 21—22; 488, с. 118]. В Афинах была найдена двуязычная надгробная надпись некоего Абдтиннита сына Абдшемеша, сидонца (KAI, 53). В пещерном святилище между Тиром и Сидоном была обнаружена финикийская надпись, сделанная греческими буквами, с упоминанием Афетенну (KAI, 174), и это имя по-финикийски явно звучит как Абдтиннит [239, т. II, с. 160]. И самое главное: в Сарепте археологи нашли надпись приблизительно VII в. до н. э. с упоминанием Тиннит и, возможно, даже ее храм [180, с. 9, № 7062; 203, с. 19; 452а, с. 83—92]. В свете этих фактов едва ли можно теперь сомневаться в восточном происхождении Тиннит и ее культа.

Как представляется, в первой половине I тысячелетия до н. э. Тиннит была одним из второстепенных финикийских божеств, которых греки называли демонами и следы почитания которых находят в разных частях финикийского мира [226, с. 21—24]. Возможно, на Востоке положение Тиннит осталось таким же и позже. На Западе, особенно в Карфагене, обстоятельства сложились иначе. Создание «континентальных» владений Карфагена, перестройка карфагенской экономической структуры, появление землевладельческой аристократии, свержение Магонидов и становление карфагенского полиса — все это не могло не оказать влияние и на религиозные представления карфагенин. Некоторые старые божества оттесняются на второй план, а Тиннит выходит на первый. Подобные явления имеют аналогию в религиозном развитии других народов. Так, в эллинистич-

ческой религии великие олимпийские божества, хотя и имеют свой культ, но, кроме Аполлона и Артемиды, пользуются уже гораздо меньшими почестями, а особую роль начинают играть ранее малоизвестные или почти вовсе не известные боги и богини [312, с. 1495—1498]. И в Римской империи кризис античного мира привел к тому, что особо почитаемыми божествами становятся ранее далеко не «великие» Пан, Сильван и им подобные [112, с. 131—132].

Из Карфагена новые религиозные представления распространились и на его владения. Если в Мотии, разрушенной в самом начале IV в. до н. э., до сих пор не найдено никаких свидетельств почитания Тиннит, то в наследовавшем ей Лилибее найдены такие же стелы с посвящениями Тиннит Пенс Баал и Баал-Хаммону, как и в Карфагене. Этот же культ отмечен в сицилийском Панорме и в городах Сардинии [117, с. 219—220; 417, с. 40—42; 419, с. 49—51; 508, с. 53—55]. Он засвидетельствован также на востоке Испании (см. выше) и в Африке [154]. Но отношение к нему в различных частях державы было различным. Те, кто был тесно связан с Карфагеном или заинтересован в нем (финикийцы Сицилии, Сардинии, Питиуссы и востока Пиренейского полуострова), приняли новый культ, хотя в ряде случаев сохранили и старые: так, в Лилибее мы находим надписи и в честь пары Тиннит и Баал-Хаммона, и в честь одного Баал-Хаммона (IFPCO Sic. 4, 5). Африканцы, как ливийцы, так и финикийцы, отнеслись к «имперскому» культу сдержанно: приняв его в принципе, они в отличие от Карфагена первое место сохранили все же за Баал-Хаммоном, как показывают надписи из Хадрумета [191, с. 31] и Цирты [154, № 2, 3, 21, 24 и др.].

В римское время богиня не только сохранила, но и упрочила свое положение. В латинском гимне в ее честь она названа царицей богов — *regina deum* — и подлинной правительницей богов — *deum gatrix* (CIL, VIII, 16810). И едва ли случайно, что римляне обычно (хотя и не всегда) отождествляли Небесную богиню с царицей богов Юноной³.

Разумеется, все сказанное о развитии культа Тиннит —

³ Отождествления с греческими и римскими богинями могут дать нам ключ к эволюции образа Тиннит. Около 400 г. до н. э. Тиннит отождествляли с Артемидой, т. е. подчеркивали ее аспект как богини девственной, но в то же время матери и кормилицы. В конце III в. до н. э. переводчики договора Ганнибала с македонским царем именуют ее «богиней карфагенян»: в это время она уже становится покровительницей Карфагена. Отождествление с Юноной говорит о том, что в первые века новой эры богиня уже поднимается до положения «царицы богов», а встречающаяся порой идентификация с Церерой и Дианой свидетельствует о сохранении ею лунного и аграрного аспектов.

гипотеза, хотя она и кажется очень вероятной. Последующие исследования и открытия могут подтвердить, изменить или даже опровергнуть эти построения.

Многие черты, свойственные Тиннит, были присущи и богине Астарте. Астарта — древняя богиня, культ которой засвидетельствован еще во II тысячелетии до н. э. Она была в первую очередь богиней плодородия, а после перенесения этих ее функций на мир людей — богиней любви, как об этом свидетельствуют многочисленные фигурки обнаженной богини (с подчеркнутыми признаками пола и руками, сжимающими груди), какие часто находят в Финикии, Сирии и Палестине. Она выступает одновременно и как дева (παρθένος Ἀστάρτη), и как одна из сунруг верховного бога Эла, и как мать Титанид (FHG, III; Phil. fr. II, 19—20). Кроме того, она была воинственной богиней и богиней-охотницей, покровительницей царской власти. В ее образе присутствует и лунный аспект (Luc. de dea Syria 4); может быть, ее отождествляли и с вечерней звездой [119, с. 74—77; 140, с. 17—24; 228, стб. 1777—1778; 313, т. IV, с. 251—258; 326, с. 39—45; 402, с. 524—528; 445, с. 10; 494, с. 33].

В I тысячелетии до н. э. культ этой богини был широко распространен во всем финикийском мире и даже за его пределами. Ей поклонялись филистимляне, а порой и израильтяне в Палестине (Jud. II, 13; I Sam. VII, 3—4; XXXI, 10; II Reg. XXIII, 13) и моавитяне в Трансиордании (KA1, 181). В самой Финикии важным центром ее культа был Сидон (Luc. de dea Syria 3—4; Achil. Tat. I, 1). Почитали ее и в Тире. По словам Филона Библиского (fr. II, 24), именно в Тире, на острове, Астарта нашла упавшую с неба звезду и посвятила себе этот остров. Тирский царь Хирам построил в Тире храм богини (Jos. Ant. Jud. VIII, 2, 3). С тирскими колонистами культ Астарты распространился по различным районам Средиземноморья.

В Карфагене культ этой богини засвидетельствован эпиграфикой. В городе имелся храм Астарты (CIS, 255, 5683). Самой древней надписью, найденной в Карфагене, является надпись, сделанная на золотом медальоне, посвященном Астарте и Пигмалиону (KA1, 73). Этот медальон датируется приблизительно 700 г. до н. э., и, несмотря на некоторые возражения, можно принять его карфагенское происхождение [435, с. 121—124]. Очень важна находка в этрусских Пиргах, гавани Цере, золотых табличек с двумя этрусскими и одной финикийской надписью, датируемых около 500 г. до н. э. В этих надписях говорится о создании перетанским царем Тефарие Великанасом святыни богини, которая в финикийском тексте именуется Астартой, а в этруском — Уни-Астартой [433, с. 76—100]. Отождествление Астарты с одной из великих богинь этрусской религии, 155

относящейся к верховной триаде местного пантеона [30, с. 186, 191—192], уже само по себе многозначительно. Это показывает, что и в Карфагене в это время Астарта занимала одно из первых мест. Она, вероятно, выступает покровительницей верховной власти.

В Карфагене Астарта сохранила и свой характер богини плодородия и любви. Об этом свидетельствуют статуэтки обнаженной или одетой богини, поддерживающей руками груди, как это было обычно и на Востоке [157, с. 43—53]. Они датируются VII в. до н. э. Видимо, здесь Астарта продолжала оставаться и лунной богиней. Если это так, то знаки, обозначающие пару — солнечное и лунное божества (перевернутый полумесяц с кругом и, может быть, «знак Тиннит»), — были первоначально связаны с культом Баал-Хаммона и Астарты. Высокое положение Астарты подтверждается и отождествлениями этой богини с греческой Герой и римской Юноной [313, т. IV, с. 255—258].

Как уже говорилось, с середины V в. до н. э. происходят изменения в религиозном сознании карфагенян. Если это предположение правильно, то эти изменения затронули прежде всего культ Астарты. Эта богиня оттесняется (хотя, возможно, неофициально) Тиннит, чьи функции во многом совпадали с функциями Астарты. Это не означает, конечно, что Астарту перестали почитать. Продолжает существовать храм Астарты. Обилие теофорных имен, связанных с Астартой, свидетельствует, что многие карфагеняне по-прежнему отдают своих детей под покровительство этой богини. В одной надписи (КАI, 81) упоминается святилище одновременно двух богинь — Астарты и Тиннит. Наличие одного святилища говорит и о близости двух богинь, и о неслиянности их в одно существо. Предполагают, что в римское время на этом месте находился храм Цереры и Прозерпины [239, т. II, с. 99]. Это обстоятельство может, как будто, прояснить отношения двух богинь. Оба божества связаны с плодоносящими силами земли, и они могли рассматриваться в карфагенской мифологии как мать и дочь.

Култ имела и ипостась Астарты — Астарта Эрицинская, чей культовый центр находился на горе Эрикс на северо-западе Сицилии. Это было элимское божество, близкое к Астарте и отождествленное финикийцами с Астартой. По преданию, ежегодно эрицинская богиня на девять дней покидала Сицилию и перелетала в Африку, сопровождаемая священными голубями (Ath. IX, 51, 394 f; Ael. Var. hist. I, 15). Африканским центром ее культа была Сикка, и Солин (XXVII, 8) подчеркивает, что Венера, там почитаемая, была Эрицинской. Ее культ засвидетельствован и в самом Карфагене (CIS, 3776). Возможно,

оттуда (а может быть, и непосредственно из Сицилии) он распространился и на Сардинию (IFPCO Sard. 19). В самой же Сицилии карфагеняне оказывали эрицинскому святилищу всяческие почести и торжественно отправляли там культ (Diod. IV, 83, 4) [372, с. 354; 411, с. 91—94]. Трудно сейчас установить различие между собственно Астартой и ее эрицинской ипостасью. Судя по сообщению Валерия Максима (II, 6, 15) о священной проституции в храме в Сикке, можно думать, что в культе эрицинской богини еще больше был подчеркнут момент, связанный с плодородием земли и плодovitостью человеческого рода. Характерно, что если Астарту отождествляли и с Юноной, и с Венерой, то Астарту Эрицинскую — только с Венерой.

Значительное место в карфагенском пантеоне занимал Мелькарт. Это был бог-покровитель Тира, и само его имя означает «царь города», т. е. Тира. Следы его культа встречаются практически во всех тирских колониях. Не составлял исключения и Карфаген.

Карфагенские надписи отмечают существование в городе храма Мелькарта (CIS, 264, 5575). Почитание этого бога доказывает и ономастика. Такие имена, как Абдмелькарт («Раб Мелькарта») или Бодмелькарт («Слуга Мелькарта»), в изобилии встречаются в пунической эпиграфике. И количество этих имен не уменьшается, они засвидетельствованы до самого падения города. Карфагеняне самого разного положения и достатка отдавали своих детей под покровительство этого бога.

Такое положение само по себе не может удивить. Дело не только в том, что Мелькарт — божество метрополии, но и в том, что он выступал как предводитель колонизации, покровитель дальних походов и экспедиций. Об этом ясно говорит титул, который в греческой части двуязычной мальтийской надписи дан Мелькарту, — архегет, т. е. «предводитель», в то время как в финикийской части он именуется Баал-Цор, т. е. «владыка Тира» (KAI, 47). Походы Мелькарта, как об этом будет сказано в следующей главе, рассматривались пунийцами как предстория финикийской колонизации в Африке. Он, таким образом, оказывается покровителем не только метрополии, но и колониального мира. Этому богу были присущи и черты морского божества [100, с. 84—87]. Поэтому вполне понятно, что карфагеняне не могли не почитать Мелькарта.

Однако культ Мелькарта имел в Карфагене свои особенности. Хотя в городе существовал храм этого бога, особым почитанием пользовался храм в метрополии. Туда, а не в свое городское святилище, отправляли карфагеняне десятину от своих доходов, в том числе и от военной добычи (Diod. XIII, 108; XX, 14; Iust. 157

XVIII, 7, 7): Упоенные своими успехами, карфагеняне на какое-то время уменьшили свои дары тирскому храму, но после поражения, которое нанес им Агафокл и которое они приписали своему нечестию, они восстановили выплату в полном объеме (Diod. XX, 14). Постоянно отправлялись в Тир и «священные посольства» (см. выше). Все это говорит о том, что храм Мелькарта в Тире рассматривался как основной, в то время как карфагенское святилище имело чисто местный характер и занимало второстепенное место.

Как нам представляется, в культе Мелькарта существовало положение, приблизительно аналогичное тому, которое было характерно для древнего иудаизма. Там основное место занимал храм Йахве в Иерусалиме, и иерусалимское жречество боролось за признание его единственным храмом бога. Однако долгое время наряду с иерусалимским храмом существовали и другие: в далекой египетской Элефантине [221, т. III, с. 1456] и даже в самой Палестине, на южной границе Иудеи — в Араде [374, с. 277—278]. Эти храмы имели чисто локальное значение и, видимо, признавали высокий авторитет Иерусалима: об этом, кажется, свидетельствует то, что просьбу о восстановлении храма элефантинские иудеи отправили не только персидскому наместнику, но и иерусалимскому первосвященнику [86, т. II, с. 172]. И в культе Мелькарта признавался высший авторитет тирского храма, но продолжали существовать и местные, в том числе и карфагенский.

Особое положение занимал храм Мелькарта в Гадесе, который на крайнем западе финикийского мира пользовался огромным авторитетом, может быть, не меньшим, чем тирское святилище. Это объясняется, видимо, тем, что, по словам Страбона (III, 5, 5), Гадес был основан по велению бога, а в самом храме находилась могила Мелькарта (Mela III, 46), который, по финикийским сказаниям, погиб в Испании (Sal. Iug. 18, 3); можно думать, что там локализовали и воскресение Мелькарта. Таким образом, Гадес играл огромную роль в культе Мелькарта, он был таким же городом бога, как и сам Тир. Иначе обстоит дело с Карфагеном, который был основан не богом, не по его велению, а смертной царицей, которую толкнули на это чисто человеческие, личные или политические, причины. Естественно, в таких обстоятельствах не было оснований для выдвигания местного культа «владыки Тира». Из двух же храмов карфагеняне выбрали тирский, потому что это был храм метрополии, и они признали его авторитет со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Аппиан (Lib. 127), рассказывая о боях на улицах Карфагена, упоминает находящийся в городе храм Аполлона. В договоре

Ганнибала с Филиппом V также упомянут Аполлон (Polyb. VII, 9, 2). Сейчас общепринято, что под этим греческим именем скрывается финикийский Решеф [119, с. 91; 471, с. 173; 519, т. II, с. 47]. Решеф был древним божеством, следы его культа находят во II тысячелетии до н. э. Культ Решефа вышел за пределы Финикии. Это был воинственный бог, являвшийся также богом эпидемий и одновременно исцелителем от них. Бог войны и бури, он носылал также дождь, дающий плодородие почве. Само имя его, означающее «пламя, молния, искра», может говорить о функциях Решефа как бога молнии и небесного света; имел он и солярный аспект и выступал хранителем договоров. Атрибутом воинственного бога был лук [119, с. 79; 220, с. 180—182; 244, с. 363—364; 301, с. 11; 471, с. 125—130]. Все это делает понятной идентификацию Решефа и Аполлона.

В Карфагене почитался и еще один воинственный бог, который отождествлялся с греческим Аресом (Polyb. VII, 9, 2). Его символом был конь, столь часто встречающийся как на стелах, так и на монетах. Этот бог, вероятно, играл значительную роль в Карфагене на заре его истории. В связи с этим вспомним сказание об основании города: он был построен в том месте, где была найдена голова коня, что обещало в будущем войны и могущество (Iust. XVIII, 5, 16). Это сказание могло объясняться тем, что прибывшие в Африку финикийцы, возможно, встретились с ливийским богом-всадником, покровителем то ли войны, то ли охоты, изображенным, как можно видеть на поздней стеле арханчского, чисто ливийского стиля, с круглым щитом и тремя копытами в левой руке [42, с. 114 и рис. 69; 332, с. 471 и рис. на с. 470]. В одной из надписей (CIS, 3778), датированной, вероятно, IV в. до н. э. [215, с. 467], упоминается бог Баал-Магоним. Имя этого бога означает скорее всего «Владыка щитов» [273, с. 20—21] или «Бог-защитник». Возможно, именно он выступает как «африканский Марс», ливийский бог-всадник (вспомним его щиты) и Арес, упомянутый в договоре Ганнибала с Филиппом.

Этот бог был, видимо, связан с Тиннит, на стелах которой появляется конь, и символы обоих божеств соседствуют на карфагенских монетах [144, с. 349—350]. В карфагенской ономастике теофорные имена, с ним связанные, не встречаются (распространенное пуническое имя Магон, видимо, к данному конкретному богу отношения не имеет). Почти не упоминается этот бог и в эпитафийке. Единственное исключение — надпись, о которой сейчас говорится. Возможно, что Баал-Магоним в ходе карфагенской истории также, а может быть и в большей степени, чем Астарта, оказался оттесненным на второй план, превратившись в божество в свите Тиннит. Впрочем, в воинских 159

кругах он мог продолжать пользоваться почетом, как свидетельствует его упоминание в договоре Ганнибала.

В той же надписи, о которой только что говорилось, упоминается и Баал-Шамим («Владыка небес»). Культ этого бога засвидетельствован и другой надписью (CIS, 379), в которой упоминается жрец этого бога, что свидетельствует о существовании в Карфагене храма Баал-Шамима [273, с. 16]. Этим богом клянется плавтовский Ганнон (Poen. 1027). Отмечен этот культ и в сардинском Каларисе (IFPCO Sard. 23). Баал-Шамим занимал видное место и в пантеоне Тира: в договоре тирского царя Баала с ассирийским царем Асархаддоном он занял наряду с Баал-Малаки и Баал-Цафоном место выше Мелькарта и Эпмуна [85, с. 109]. По Филону Библискому, этого «Господина неба» греки называли Зевсом (FHG, III; Phil. fr. II. 5). На стелах Баал-Шамим занимает почетное верхнее место, символизируя небо (см. ниже). Видимо, в Карфагене «Владыка небес» официально занимал очень высокое место. Но, судя по редкости теофорных имен, связанных с ним, он едва ли пользовался особой популярностью у верующих. Как замечает в этой связи Ж. Феврье, «популярность и официальное положение — две разные вещи, как в религиозной жизни, так и в политике» [273, с. 16]. Но, разумеется, официальное положение Баал-Шамима было очень важным, и пренебрегать этим нельзя.

В трицу верховных богов, стоящих в Тире выше Мелькарта, входил и Баал-Цафон. В Карфагене также существовал его храм. До наших дней дошел жертвенный тариф этого храма (KAI, 69)⁴. Это древний бог, который играл значительную роль в угаритской религии II тысячелетия до н. э. Там имя Баал-Цафон было одним из обозначений Хагада, именуемого также Баалом (Баалу), бога грома и бури, бывшего одновременно умирающим и воскресающим аграрным божеством [244, с. 361—362; 252, с. 80]. Видимо, эти функции Баал-Цафон сохранил и в Карфагене.

Существовали в Карфагене и морские божества. Мы видели, что некоторые боги, как, например, Мелькарт, могли иметь морские черты. Но были боги, «специализирующиеся» на этом. В упоминавшемся много раз договоре Ганнибала с Филиппом встречаются Тритон и Посейдон (Polyb. VII, 9, 2). О культе бога, отождествлявшегося греками с Посейдоном, есть и другие свидетельства. Диодор (XI, 21, 4) упоминает о жертвах, которые приносил Посейдону под Гимерой Гамилькар как раз при роко-

⁴ Эта надпись была найдена в современном Марселе, но анализ камня, на котором она была сделана, показывает ее карфагенское происхождение

ном нападении на него греческих всадников. Другой Гамилькар, его потомок, через 74 года также принес жертвы этому богу, утопив их в море (Diod. XIII, 86, 3). Об алтаре Посейдона на атлантическом побережье Африки упоминает Псевдо-Скилак (112). Ганнон (4) сообщал, что он основал храм этого бога. Возможно, что ганноновский храм и псевдоскилаков алтарь — одно и то же. Другой алтарь Посейдона, на этот раз между Гиппоном Царским и Гиппоном Диарритом, упоминает Птолемей (IV, 3, 6). Изображение морского бога на гиппокамне встречается в нуническом искусстве [257, с. 108—109]. Все эти свидетельства подтверждают существование культа морского бога и его высокий авторитет: во всяком случае, храм этого бога — единственный, основанный Ганноном во время своего плавания.

Почитание морского бога неудивительно у карфагенян, столь тесно связанных с морем. Его культ финикийцы явно принесли с собой, но в Ливии он мог сочетаться с существующим там местным, судя по Геродоту (II, 50; IV, 188), который приписывает этот культ именно ливийцам. У ливийцев «Посейдон», как и африканский Нептун римского времени, культ которого засвидетельствован не только на побережье, но и во внутренних районах провинции, мог быть не столько богом моря, сколько источников и вообще всякой текущей воды [144, с. 357—358; с. 237 и прим. 4]. Но с Карфагеном дело обстоит иначе. Все те данные, какие имеются в нашем распоряжении, связывают Посейдона с морем. На морском берегу существовал алтарь бога, на берегу воздвиг храм Ганнон. На морском побережье располагался лагерь карфагенян под Гимерой. Но особенно интересно сообщение Диодора (XIII, 86, 3) о том, что Гамилькар в 406 г. до н. э. умолял богов по отеческому обычаю (*κατὰ τὸ πατρὸς νόμος*), т. е. жертвовал Крону (Баал-Хаммону) детей, а Посейдону — жертвенных животных, бросая их в море (*καταλουτῖσας*). В данном случае Посейдон выступает именно как бог моря.

Какой именно финикийский бог подразумевается под именем Посейдона, сказать трудно. Предполагалось, что это — Йам, морское божество, известное в Угарите во II тысячелетии до н. э. [519, т. II, с. 49—50]. Но такое решение весьма спорно, и вопрос надо оставить открытым. Важно то, что в Карфагене существовал культ бога моря.

В договоре Посейдон соседствует с Тритоном, причем последний назван даже раньше Посейдона. То же самое мы находим у Геродота (IV, 188), приписывающего ливийцам, живущим вокруг оз. Тритонида, поклонение Тритону и Посейдону. Несколько раньше (IV, 179) Геродот передает миф, согласно 161

которому Тритон помог аргонавтам сойти с мели у оз. Тритонида и благополучно отплыть домой. В этом мифе Тритон выступает местным богом-покровителем. Возможно, что под Тритоном, упомянутым в договоре, подразумевается действительно местное африканское божество, которое было воспринято карфагенянами и включено в их пантеон, так что там оказалось сразу два морских (или вообще водных) бога.

В договоре Ганнибала с Филиппом V упоминается солнце, луна и земля (Polyb. VII, 9, 2). В отличие от Баал-Хаммона и Тиннит, имевших солярный и лунный аспекты, это божества солнца (Шемеш), луны (Иарих) и земли (Арц). Упоминания этих богов встречаются на Востоке [119, с. 83; 244, с. 367]. О богине Гее («Земле») упоминает Филон Библиский (FHC, III, fr. II, 13). Почитание солнечного бога доказывается ономастикой, где встречаются такие имена, как Абдшемеш («Раб Шемеша») и Шемешхиллец («Шемеш освободил») [313, т. IV, с. 232, прим. 1]. На монете финикийской Малаки в Испании изображен храм с надписью šmš [485, с. 346].

Мы видели, что у карфагенян (как и вообще у финикийцев) в ряде случаев выступают божества, выполняющие одну или близкие функции: три бога-врачевателя, два морских (или водных) бога и т. д. На каком-то этапе религиозного развития некоторые из таких божеств, имевших одинаковые «обязанности» и выступавших совместно, сливаются в одно двойное божество [349, с. 387—404]. Позже это распространяется на некоторые другие божества, у которых, может быть, не все, но хотя бы часть функций совпадает. В Карфагене мы находим такие двойные божества, как Цидтиннит (CIS, 247, 248, 249), Милькастарт (CIS, 250, 2785, 5657), Цидмелькарт (CIS, 256). В других местах западнофиникийского мира встречаются тот же Милькастарт в Гадесе (KAI, 71) и Лептисе (KAI, 119), Решеф-мелькарт на Питиуссе (KAI, 72A). Точно природу этих божеств определить пока невозможно. Ясно, что это были самостоятельные божества, отличающиеся от тех, которые сливались в один образ. Это несомненно доказывается одновременным почитанием в Карфагене Мелькарта, Астарты и Милькастарта. Некоторые из таких божеств могли значительно возвыситься. Например, как уже упоминалось, Милькастарт вместе с Шадраной стояли во главе лептисского пантеона. Появление таких симбиозных божеств относится к сравнительно позднему времени и характерно как для Востока, так и для Запада; это еще раз свидетельствует о сохранении нунийцами религиозных связей с метрополией.

Кроме таких «больших» богов пунийцы почитали разных
162 мелких божков, демонов, имевших в первую очередь апотро-

пейческое значение: они отвращали различные беды и от живых, и от мертвых. К ним относились «рогатые» демоны, статуэтки которых находят в разных концах финикийского мира [226, с. 21—24]. Может быть, таких божков представляли и некоторые гротескные маски, обнаруживаемые в карфагенских некрополях [42, с. 61]. К ним могли относиться и «патеки», изображения карликов, на носках финикийских кораблей (Нер. III, 37), которые должны были охранять моряков во время плавания.

Все финикийцы, в том числе карфагеняне, поклонялись также священным деревьям и водам [139, т. II, с. 154—168, 192—221]. Так, карфагенский полководец и его соратники клянутся реками, озерами⁵ и водами (Polyb. VII, 9, 2). Но особенно широко был распространен культ камней [490, с. 1—27], первобытный фетишизм, сосуществующий и сплетающийся с религией классового общества. Камни во многом рассматривались как жилища божества — бети́лы. Как бети́лы могли восприниматься и отдельные вершины, например гора Цафон в Сирии — обиталище Баал-Цафона, культ которого существовал и в Карфагене. Бети́лом Баал-Хаммона был, видимо, вертикальный камень, слегка суживающийся кверху. С богиней плодородия был связан ромбовидный камень.

Таким образом, пунический пантеон представлял собой весьма истрый и сложный мир. В него входили боги и божки, обожествленные воды, деревья и камни. Многие божества выступали в самых различных аспектах, причем их функции зачастую перекрещивались, а то и совпадали. Карфагенский мир божеств еще более усложнялся введением в него чужеземных богов.

Среди этих чужеземцев в первую очередь надо отметить египетских. Карфагено-египетские контакты возникли уже в начальные времена существования Карфагена. Эти контакты были характерны не только для экономической, но и для религиозной жизни. По египетскому образцу строились, ~~вероятно~~, храмы (см. ~~ниже~~), в виде египетских храмов оформлялись стелы божеств. Уже в ранних могилах находят разнообразные египетские скарабеи, амулеты, футлярчики для них с изображением различных божеств — Осириса, Хатхор, Сохмет и др. [371, с. 95—102]. Имя Исиды появляется в ономастике: например, Абдис, т. е. «Раб Исиды» [461, с. 548]. В Карфагене, видимо, существовал и храм Исиды, если именно так надо

⁵ Если принять наиболее вероятное исправление неудовлетворительного чтения данного места текста (см. [519, т. II, с. 51]).

нотомать слова bt 's в одной из надписей (CIS, 6000 bis) ⁶⁾ Особенную популярность в нуническом мире приобрел Бес. Это имя обозначает, собственно, даже не одно божество, а несколько карликовых божеств, главной обязанностью которых была защита людей [51, с. 144—145]. Изображения кривоногого карлика, часто вместе со змеями, рассматриваемыми как его атрибут, во множестве встречаются в Карфагене, Сардинии, на Питуусе [313, т. IV, с. 343—345; 320, с. 90 и рис. 17, 18]. Видимо, нунийцы считали его помогающим и исцеляющим божеством, а его атрибут — змеи — позволял им сопоставить этого египетского пришельца с Эшмуном или Цидом.

Греческие боги в Карфагене

С IV в. до н. э. карфагеняне воспринимали и греческих богов. Знакомство карфагенян с греками относится к отдаленному времени. Однако до IV в. до н. э. мы не находим в Карфагене почитания греческих божеств. На территории державы, правда, найдены статуэтки, свидетельствующие о знакомстве с ними западных финикийцев; это женские фигурки, выполненные в грецизирующем стиле, иногда увенчанные высокими головными уборами, напоминающими калаф. Эти статуэтки обнаружены там, где карфагеняне поддерживали тесные контакты с эллинами: в сицилийской Мотии и на Питуусе [298, с. 253—254; 299, с. 150; 434, с. 202]. Однако надо ли говорить о приятии самих богов? Питуусские фигурки найдены в пещерном святилище Эс'Куйрам и явно изображают Тиннит. Какое божество передают фигурки, найденные в Мотии, неизвестно, может быть, Астарту. Во всяком случае, сами по себе статуэтки говорят о знакомстве жителей Мотии и Эбеса с изобразительным искусством греков, но не о приятии греческих культов.

Положение меняется в IV в. до н. э. Карфагеняне начинают обращаться к греческому оракулу Аполлона (Diod. XIX, 2, 3).

В этом же столетии греческие божества проникают в карфагенский нантеон. Хорошо известно о включении в число пунических божеств Деметры и Коры. О введении этого культа рассказывает Диодор (XIV, 70; 77). По его словам, во время войны с Дионисием карфагеняне, осадившие Сиракузы, разрушили и разграбили находившееся в окрестностях города святилище Деметры и Коры, это вызвало гнев богинь, обрушивших

⁶⁾ Ж. Феррон полагает, что речь идет не о храме, а о потустороннем жилище 164 Исиды, в котором отныне пребывает душа мертвеца [264, с. 78—79].

на воинов страшную эпидемию. Еще большее испытание ждало пунийцев после войны: мощное восстание, поставившее под угрозу само существование карфагенского государства. В этих обстоятельствах карфагенское правительство и решило умиротворить разгневанных эллинских богинь, установив их культ в Карфагене и назначив жрецами как своих собственных выдающихся граждан, так и наиболее умелых греков из числа тех, кто тогда жил в Карфагене. При этом Диодор подчеркивает, что жертвы богиням приносились по эллинским обычаям. Произшло это в 396 г. до н. э. //

но
61
кн.

Выбор из всего мира греческих богов именно этих богинь был неслучайным. Деметра и Кора, мать и дочь, богини плодородия, особенно покровительницы хлебных злаков, связанные и то же время с подземным миром, издавна почитались в Сицилии. Сам характер ~~эллинистических~~ приносящих плодородие божеств был близок африканским финикийцам, в экономике которых земледелие стало играть значительную роль (ср. [318, с. 843; 531, с. 89]). В культе этих богинь были сильны мистические элементы, и это также могло привлечь карфагенян во время потрясений. Приблизительно в это время начинается вообще триумфальное шествие Деметры по всему грекоязычному миру [36, с. 13—26; 312, с. 1495—1496]. Карфагеняне, все более поддававшиеся влиянию эллинской культуры, также приняли в этом участие. По своей сути Деметра и Кора были, видимо, довольно близки, но крайней мере в некоторых аспектах, к таким богиням, как Тиннит и Астарта. Однако слияния с ними не произошло: культ Деметры и Кору остался самостоятельным.

Введение этого культа было религиозной реформой, сознательно проведенной правительством. Ее аристократический характер не вызывает сомнения. Недаром жрецами новых богинь сделали «наиболее знатных граждан» (τοὺς ἐλισσιπριότατους τῶν πολέτων). Аристократический характер этого культа, возможно, сохранился и в дальнейшем. По-видимому, именно Кора изображена на стеле греческого стиля [265, с. 101; 324, с. 158—159 и табл. 11]. Пуническая надпись, вырезанная на этой стеле, называет имя носовителя: суфкет Милкйатон сын суфкета Мигарбаала. Известна эпитафия жрицы Кору по имени Зибакат. Среди ее предков были люди, игравшие значительную роль в культовой жизни (КАИ, 70) [265, с. 89—104] ⁷.

[Култ этих богинь до самого конца сохранял греческий характер. Даже имя Кору практически не пунизировалось.]

⁷ Надпись была найдена в Южной Франции, но сейчас доказано ее карфагенское происхождение [265, с. 90—95].

(имя Деметры в надписях пока не встретилось): пунийцы его писали qr' или kw' [265, с. 98] ⁸. В эпитафии Зибакат перед именем Кора стоит gbt («госпожа»), т. е. то же, что перед именем Типнит. Это показывает (если правильно восстановление Ж. Ферропа), что греческая богиня была возведена в ранг великих богинь, поднявшись на довольно высокую ступень в иерархии пунического пантеона. Возможно, что до падения Карфагена именно Кора играла первую роль в новой божественной паре (следов почитания Деметры пока меньше, чем ее дочери). В Карфагене явно был храм Кора (поскольку, как уже говорилось, была ее жрица). В римское время богини, видимо, меняются местами: их будут называть общим именем африканских Церер [313, т. IV, с. 268—269]. Несмотря на свое происхождение и сохранение эллинского характера, культ богинь укоренился в Карфагене, что свидетельствует о нарастающей эллинизации пунической религии. Этот культ зафиксирован также в Сардинии и ливийской Африке [235, с. 655; 434, с. 223; 442, с. 513].

Другим греческим культом, в котором были сильны мистические элементы и который нашел широкое распространение в Средиземноморье, был культ Диониса. Его следы можно найти и в Карфагене. Начиная с IV в. до н. э. в Карфагене появляются различные изображения, связанные с Дионисом и его свитой и атрибутами: виноградные лозы, листья и грозди, такие вакхические символы, как чаша, фигуры сатиров и силенов, вакхантов и вакханок, нереид и сцилл. На тонкой пластинке из слоновой кости выгравировано даже лицо самого бога: юный нежный лик, увенчанный лозой. Возможно, что бог со свитой появляется и на терракотовом рельефе, от которого до нас дошли отдельные фрагменты. Весь изобразительный репертуар, связанный с Дионисом, вырезается на стелах святилища Тиннит, украшает саркофаги и оссуарии. Как выбор изображений, так и применение их показывает, что культ Диониса в Карфагене был связан с загробным миром и надеждой верующих на посмертное возрождение [195, с. 83—113]. Этот аспект был свойствен и греческому культу Диониса, особенно в таком варианте греческой религии, как орфизм [103, с. 122—129]. Впрочем, в религиозных представлениях греков Дионис был более многогранной фигурой, но пунийцы избрали именно те его функции, которые были им наиболее близки.

В качестве божества, связанного с потусторонним миром,

⁸ Наличие w объясняется, видимо, сохранением в дорическом диалекте Сицилии диграммы, в результате чего имя богини произносилось $Korq\eta$ [265, с. 98; ср. 83, с. 18].

Дионис в Карфагене выступает в контакте с культами Тиннит и Баал-Хаммона [194, с. 55—72; 195, с. 83—113]. Но особенно сильно влияние Диониса проявляется в культе Шадраны. Эти божества были очень похожи друг на друга, оба выступали как животворящие силы, излечивающие людей если не на этом свете, то на том, где души людей возрождаются к потусторонней жизни. Это привело к тому, что эти два божества в конце концов сливаются в одно [195, с. 113; 284, с. 52—53]. И не исключено, что некоторые упомянутые «дионисийские» изображения относились именно к Шадрапе.

Реальный культ Диониса в Карфагене, таким образом, отличался от культа Деметры и Керы. Если последний существовал в пуническом мире самостоятельно, сохраняя свой греческий характер, то самостоятельного культа Диониса, как кажется, там не было: дионисийские черты присоединяются к образам других божеств, обогащая их. Мы не знаем ни о какой официальной реформе, которая вводила бы почитание Диониса, как это было с Деметрой и Керой. Почитание Диониса началось в Карфагене вместе с почитанием этих двух богинь: в одном из вариантов орфической теогонии Кора (Персефона), дочь Зевса и Деметры (Реи), является матерью Диониса [103, с. 125]. А именно орфический вариант религии был, видимо, принят пунийцами. В связи с этим надо заметить, что на стеле Милкватона на фронте имевшегося там храма было помещено изображение пантеры, зверя, связанного с Дионисом, а внутри храма находилась фигура Керы [324, табл. 11]. Довольно тесные контакты Карфагена с эллинистическим Египтом, вероятно, способствовали еще большему укреплению «дионисийского движения». Уже давно стала обычной идентификация Диониса и египетского Осириса (Нег. II, 42; 144). А в мальтийской надписи (КАI, 47) II в. до н. э. греческое имя Дионисий воспроизведено по-финикийски как Абдосир («Раб Осириса»).

Возможно, что Деметра, Кора — Персефона, Дионис были не единственными эллинскими божествами, чей культ в той или иной степени проник в Карфаген. Мы уже говорили о почитании карфагенянами дельфийского оракула Аполлона. Знакомство с Гермесом и его атрибутами, по-видимому, привело к тому, что скрепленные змеи как один из символов Тиннит становятся похожими на кадуцей, хотя сам образ — финикийский, и притом очень древний [158, с. 122; 191, с. 26—27; 451, стб. 2196]. Все эти факты говорят об определенной эллинизации пунической религии.

Говоря об эллинизации, надо отметить важное обстоятельство. Уже отмечался аристократический характер культа Деметры и Керы. Все изображения, связанные с Дионисом, также

~~присутствуют только в богатых могилах~~ [195, с. 112]. Ясно, что ~~и~~ этот культ был воспринят именно аристократией. Видимо, «верхи» карфагенского общества, более тесно связанные с греческим миром, воспринимали греческую религию и пытались некоторые ее аспекты, наиболее близкие пуническому сознанию, совместить с традиционными представлениями. Такое «обращение» с эллинской религией и мифологией в древнем мире не уникально: аналогичным было восприятие греческих мифов этрусками [59, с. 82—104] и, в известной степени, римлянами. Основная масса карфагенского населения осталась, по-видимому, в большей степени привержена старым представлениям и не стремилась совмещать их с греческими. Надо подчеркнуть, что все сказанное имеет отношение именно к Карфагену. В других местах его державы положение могло быть иным. Во всяком случае, отождествление Шадрапы с Дионисом и превращение последнего в «отеческого бога» Лептиса говорит о том, что в этом городе культ Диониса завоевал и народные массы.

Как мы видим, карфагенский пантеон был довольно сложен. В пунических верованиях религиозное мышление классового общества переплеталось с представлениями, пришедшими из далекой первобытной поры, как, например, с верой в священные камни. В Карфагене были самые разнообразные божества. Многие из них обладали одинаковыми или близкими функциями, как Астарта и Тиннит, Эшмун, Цид и Шадрапа. Иногда эти близкие божества сливались в одно, а часто оставались самостоятельными, сохраняя свой культ, который почитался верующими. Эта сложность усугублялась проникновением в мир пунических богов египетских, а затем и греческих божеств.

После надения Карфагена начинается романизация пунической религии, степень которой в различных культах была различна: в одних случаях римское божество поглощало близкое ему финикийское (так Либер поглотил в Лептисе Шадрапу), в других — происходит слияние божеств, так что в них соединяются старые пунические и новые римские черты (как, например, в Сатурне, явившемся наследником Баал-Хаммона), в третьих — местное божество продолжает жить почти неизменившимся, под новым именем (Тиннит — Целестис). Продолжают почитать пунических богов и ливийские племена Африки. Примером этого могут служить стелы с изображениями и надписями (в том числе уже латинскими), относящиеся ко времени Римской империи.

На одной такой стеле, имеющей пунический вид, обнаружены рельефы, выполненные также в пунической манере. Наверху изображен бог с молниями в руках, ниже — полумесяц, две розетки, символизирующие утреннюю и вечернюю звезду, солнце в виде человеческого лица с лучами. Полумесяц, в свою очередь, увенчивает антропоморфный «знак Тиннит» с человеческой головой и руками, держащими рог изобилия с виноградной гроздью и плод граната. Еще ниже — фигуры людей и птиц, а в самом низу — фронто́н храма, внутри которого изображена конская голова [196, с. 78]. Перед нами — мир пунических божеств [160, с. 48]. Антропоморфный «знак Тиннит» и полумесяц надо, по-видимому, понимать как символ и изображение Тиннит — Целестис. Солнце представляет солнечного бога Баал-Хаммона. А в божестве, помещенном над ними, видимо, изображен Баал-Шамим, владыка небес, господствующий над миром людей и богов. Богиня во фронто́не храма — хтоническое божество, может быть, та африканская Церера, культ которой распространялся в римской Африке, или богиня земли (возможно, оба эти образа в конечном счете слились в один). Между небесными богами и земной богиней располагался мир людей.

Сохранение в римской Африке основных положений пунической религии позволяет использовать изображения на тех же стенах для попытки реконструировать пунические представления о мироздании. Так, в верхней части одной из стел изображена человеческая душа, пересекающая небесный океан на дельфине, а над ним, по обе стороны от «дерева жизни», располагаются птицы, символизирующие атмосферу [196, табл. 80]. Небесные воды, которые душа должна преодолеть верхом на птице или на дельфине, имеются в верхней части и других стел [160, с. 82—83; 191, с. 32—33]. И эти представления — наследство пунической эпохи. На известной стеле с изображением жреца, несущего ребенка (IV в. до н. э.), над ним помещен фриз из трех розеток и орнамент из ове и завитков. Розетки могли представлять звезды, а орнамент — находящиеся выше их волны. Еще интереснее то, что помещено над фризом. Там мы видим солнечную розетку (вероятно, Баал-Хаммона) и лунный диск Тиннит, а по бокам — двух дельфинов, символизирующих верхние воды [76, с. 25, рис. 6]. Может быть, не случайно на одной стеле III в. до н. э. над кадуцеем и двумя «знаками Тиннит» появляется корабль [191, Сб-915]. Подобный корабль, на который человеческая душа должна была подняться по мистической лестнице и который перевозит эту душу, видимо, тоже через небесный океан, изображен на стене гробницы конца VI — начала V в. 169

до н. э. недалеко от Карфагена [266, с. 52—55 и рис. на с. 52]. Очевидно, в небесных водах, находящихся выше видимого мира, или, что скорее всего, над ними и обитали некоторые небесные божества, в том числе Тиннит и Баал-Хаммон. И уже ниже располагался мир с его светилами, воздухом, землей и водами.

По-видимому, существовало представление и о подземном море. Подземный океан предстает на щитке кольца VII—VI вв. до н. э.: под кораблем бога изображены растения, растущие вниз, символизируя подземный мир, противоположный земному [287, с. 132, ил. XLV]. Таким образом, существующая вселенная располагалась для карфагенян между двумя океанами, небесным и подземным, которые могли сливаться и по которым мог путешествовать корабль солнечного бога [266, с. 52].

Это — старое представление, принесенное финикийцами из метрополии. Достаточно вспомнить библейское описание творения мира, когда бог отделил воду над твердью от воды под твердью, после чего верхняя вода стала небом, нижняя — морями, а находящаяся между ними твердь — сушей, землей (Gen. I, 6—11).

Макробий (Saturn. I, 9, 12) пишет, что финикийцы в своих святилищах выставляют изображение змея, свернувшейся в круг и ножающей собственный хвост, чтобы показать, добавляет римский автор, что мир нитается самим собой и возвращается к самому себе. Это сообщение Макробия перекликается с финикийской теогонией и космогонией, переданной Филоном (FHG, III, fr II, 1), согласно которой первоначальный дух, не имевший предков, полюбил свои собственные начала и, соединившись с самим собой, произвел некое илистое начало, из которого уже произошло всё. Возможно, что филоновский дух и был представлен в виде макробиевского змея. Известна роль змея в религии не только финикийцев, но и многих других народов Ближнего Востока. «Преодоление» первоначального змея было, видимо, необходимо для создания нынешнего мира. Так, убийство змея Левиафана упомянуто в одном из псалмов (LXXIV, 13—15) среди других космогонических деяний бога [23, с. 62]. В религиозных представлениях пунийцев змея, как уже говорилось, была тесно связана с образом Эшмуна, чей храм был одним из самых почитаемых в Карфагене. Змеи стояли на страже храмов, охраняя заброшенные и забытые (Prosper. Aquit. de pr. III, 38). Поэтому неудивительно представление о мире, может быть сливающееся с идеей первоначального духа, как о гигантском мировом змее или, возможно, как об окружающем змеем. Учитывая роль змей в культе Эшмуна, можно думать, что изображение, подобное описанному Макробием,

Два представления о мире вполне могли сочетаться. Одной из функций змей в финикийской религии было то, что они служили символом водного потока [140, с. 325—338]. Подобное представление мы находим и в Библии: Левиафан, о космогонической роли которого только что говорилось, связывается с морским чудовищем (Ies. XXVII, 1). В таком случае можно говорить, что одним из аспектов свернувшегося в кольцо змея в финикийских храмах был символ океанского потока, заключающего в своем кольце видимую вселенную.

Святилища и жрецы

В пуническом мире существовали различные виды святилищ. Наиболее древними, ~~происхождение которых надо, несомненно, искать в метрополии,~~ были пещерные. В Финикии подобное пещерное святилище было обнаружено в Васте, между Тиром и Сидоном [239, т. II, с. 160]. На крайнем западе финикийского мира, в Испании, существовала пещера, посвященная Венере Морской (Av. og. mar. 314—316), т. е. Астарте. Уже упоминалось о гроте Эс'Куйрам на Питиуссе, где находился центр почитания Тиннит. В Сицилии, недалеко от Панорма, была найдена пещера Гротта Реджина, также бывшая важным культовым центром: в ней, в частности, обнаружены следы поклонения не только финикийским богам, но и египетской Исиде [444, т. I, с. 170; 418, с. 50; 461, с. 547—554].

{ Другим видом святилищ, тоже, видимо, довольно древним, были святилища на открытом воздухе. Такое святилище, по-видимому, располагалось на горе Джебель-Бу-Корнеин на противоположном от Карфагена берегу Тунисского залива в виду самого города и было посвящено (Баал-Хаммону) [320, с. 87, 94]. Оно, вероятно, было подобно тому, какое находилось на горе Кармел в Палестине, где, по словам Тацита (Hist. II, 78), не было храма, а стоял только алтарь, у которого жрец совершал жертвоприношения. Псевдо-Скилак (112) и Птолемей (IV, 3, 6) говорят об алтарях «Посейдона», стоящих на морском берегу, а восточную границу Карфагенской державы отмечали и «алтари Филенов», воздвигнутые, по словам Саллюстия (Iug. 79, 5—10), в честь героических братьев, пожертвовавших жизнью ради родины. Вероятнее всего, это также были святилища под открытым небом.

{ Разновидностью таких святилищ были так называемые тофеты. Это слово встречается в Библии (II Reg. 23, 10; Jer. VII, 31), где оно обозначает «место сожжения детей». Теперь оно стало условным термином, обозначающим подобные святилища, 171

которые открыты не только в Карфагене, но и в Хадрумете, Мотии, финикийских городах Сардинии [286, с. 35—38; 414; т. I, с. 162, 187—188, 197, 204; 434, с. 152, 155, 197, 215; 498, с. 589]. Карфагенский тофет представлял собой закрытый двор, внутри которого была небольшая часовенка размером всего в один квадратный метр с собственным двориком, к которому вел лабиринт загоронок. В таких святилищах приносили в жертву божеству грудных детей (см. ниже), останки которых хоронили в этом же дворе в специальных урнах, над которыми ставились стелы. Такие тофеты стали неотъемлемой частью пунических городов, они существовали, пока была жива пуническая цивилизация. В самом Карфагене (как и в Мотии) тофет исчез с гибелью города, в других городах — под влиянием романизации. Располагались тофеты, как правило, на краю города, рядом с городскими стенами [413, с. 175; 414, с. 151]. В Карфагене он находился на морском берегу, рядом с портом, видимо, на месте высадки первых колонистов.

В Карфагене тофет появился не сразу. Нижний слой святилища, датируемый приблизительно до 700 г. до н. э., еще не содержит следов человеческих жертвоприношений [372, с. 320]. В других западнофиникийских городах тофет также возникает уже после основания города: в Мотии и Сульцисе — в VII в. до н. э., т. е. вскоре после появления карфагенского тофета, в Хадрумете и Норе — в VI в., Монте-Сираи — в V в. до н. э. [286, с. 35; 414, т. I, с. 162, 189, 204]. Во всех тофетах обнаружено несколько слоев, по типологии святилища остается почти неизменной. Только в Карфагене часовенка была разрушена еще до взятия города римлянами, и поверх нее возник новый слой тофета. Возможно, что тофет в таком виде, в каком мы его знаем, возник на Западе и, может быть, именно в Карфагене.

Существовали в Карфагене и настоящие храмы. Финикийским обозначением храма было bt — «дом», так как он рассматривался в первую очередь как жилище бога. По надписям известны храмы Решефа (CIS, 251) (Эшмуна) (CIS, 252, 4834—4827), Цидтиннит (CIS, 247—249), Милькастарта (CIS, 250, 2785, 4839, 5657), Хатормаскар (CIS, 253, 4884), Астарты (CIS, 263, 5683), Мелькарта (CIS, 5575), Баал-Цафона (KAI, 69). Литературные памятники упоминают храмы (Баал-Хаммона) — Крона (Nanon periplus 1), Решефа — Аполлона (App. Lib. 127), (Эшмуна — Асклепия) (App. Lib. 130).

Существенной частью храмового комплекса был открытый двор, окруженный стеной; важнейшее место во дворе занимал алтарь. Здесь же могло расти священное дерево. В глубине двора поднималось само здание, которое состояло обычно из трех ча-

стей: вестибюля, собственно целлы и недоступного для верующих помещения, которое в Библии именуется святой святых. Этот тип храма идет из метрополии, где подобные святилища широко распространены, и самым известным является храм в Иерусалиме, построенный тирским архитектором [114, с. 29]. В храмовом помещении могло быть две или три целлы, если здесь отмечался культ нескольких близких богов, как, например, Гиниит и Астарты (КАI, 81). Храмы поднимались на подиумах или террасах, на которые вели лестницы. Хотя храмы Карфагена разрушены столь основательно, что невозможно даже выяснить их планы, находки в других местах пунического мира, многочисленные стелы, изображающие храмы, и находимые в могилах и саркофагах модели храмов позволяют не только увидеть их в общих чертах, но и проследить их эволюцию.

Первоначально карфагеняне строили храмовые здания по египетскому образцу, хотя и несколько упрощенно. Такие храмы поднимались на цоколе, фасад украшался пилястрами, наверху шел карниз вогнутого профиля, антаблемент был украшен изображением крылатого диска и фризом из уреев. (Самые древние образцы, изображающие такие храмы, восходят к VII в. до н. э. [159, с. 24—38; 191, с. 2—3; 204, с. 37—39; 378, с. 96—101]. В VI в. до н. э. в храмах начинают появляться колонны, как и в финикийских святилищах; некоторые из них имеют типично восточные лотосовидные капители, но уже в это время начинают спорадически появляться и дорические, по-видимому, под влиянием сицилийских греков [191, с. 8].) С конца V в. до н. э. все больше распространяются эллипские орнаментальные мотивы, вытесняя египетские, которые в конце IV в. до н. э. полностью исчезают. Храмы украшаются портиками, фасады снабжаются треугольными фронтонами с акротериями. Колонны сначала были гладкими, как это принято на Востоке, а в их капителях соединялись черты египетских лотосовидных и дорических. Позже широко распространяются эолийские колонны, а затем дорические и ионические. Однако говорить о применении ордера невозможно. Карфагеняне порой смешивают элементы различных ордерных систем: например, дорическая колоннада снабжается ионическими капitelюрами. Колоннада в принципе не играет конструктивной роли в архитектурной системе здания, оставаясь независимым декором. Некоторое время могли сосуществовать греческие и египетские элементы украшений, как на часовне из Норы, на которой треугольный фронтон эллинского вида украшен египетским крылатым диском, увенчанным фризом из уреев [191, с. 3—4, 7—9; 204, с. 43—44; 378, с. 51—71, табл. I—II; 414, с. 189].

Как уже говорилось, храм рассматривался в первую очередь 173

как дом бога. И внутри храма в нише или под специальным балдахином (по-видимому, в святая святых) находился символ бога. Им мог быть бетил различной формы — в виде трапеции, столба или ромба, судя по моделям некоторых храмов [191, Сб-487, 488, 492, 500]. Часто внутри таких храмиков изображался бутылевидный идол [191, Сб-498, 499]. Означает ли это, что подобный идол, но гораздо большего размера, стоял внутри святилища? Судя по трактовке этого символа (см. выше), это едва ли было так. Скорее всего символ обозначал, что святилище принадлежало Тиннит.

Во многих случаях внутри таких храмиков изображалась статуя божества [191, Сб-490 и др.]. Финикийцы воспринимали своих богов антропоморфными. Эту традицию переняли и колонисты. Уже упоминалось об изображениях различных божеств — Баал-Хаммона, Тиннит, Астарты. Это не означает, что им всем в храмах воздвигались статуи. В Сирии найдена стела с изображением Мелькарта [359, табл. 55]. На другом конце финикийского мира, в испанском Гадесе, на дверях храма этого бога были изображены эпизоды из его мифической «биографии» [99, с. 68—69]. Одним из подвигов Мелькарта была борьба со львом. Такая же сцена изображена на кольце приблизительно конца VI в. до н. э., найденном в Карфагене [125, с. 69—70 и табл. XIII]. Видимо, и в данном случае перед нами тот же бог. В то же время Силий Италик (III, 30—31) и Филострат (V, 5) подчеркивают, что в том же гадитанском храме не было никакого изображения бога, а по Курцию Руфу (IV, 3, 22), статую Аполлона в Тире во время осады города привязали к жертвеннику, а не к статуе Геркулеса — Мелькарта. Таким образом, статуй Мелькарта не было ни в Тире, ни в Гадесе. Вероятно, такое же положение было и в карфагенском храме Мелькарта.

Трудно сказать, существовала ли в храме Астарты статуя богини. Вообще-то многочисленные статуэтки Астарты часто встречаются в Финикии и в колониях, в том числе и в Карфагене. А на инталье из Сидона мы видим богиню, сидящую на троне [434, рис. 115], что могло быть воспроизведением культовой статуи. Однако найденные в Финикии, в том числе в Сидоне, votivные и монументальные троны Астарты не имеют никаких следов того, что на них должна была сидеть богиня [434, с. 110 и фиг. 116]. На монете из Библа уже III в. до н. э. изображен храм Астарты с коническим бетилом. Яйцевидный бетил находился и внутри модели храма Астарты из Сидона [413, с. 63, рис. 3 и табл. 11]. Поэтому вполне возможно, что и в Карфагене в храме Астарты сохранялся прежний символ богини в виде бетила, хотя, вообще-то, богиню воспринимали уже в женском

Размеры карфагенских святилищ были самые разные. Часовенка в тофете, как уже упоминалось, размером была всего в один квадратный метр. Но были и довольно большие храмы. Аппиан (Lib. 130) рассказывает, что в 146 г. до п. э. в храме Эшмуна собралось почти 50 тыс. человек, последние защитники гибнущего Карфагена. В какой бы тесноте эта масса людей ни находилась, только святилище значительных размеров могло их всех вместить. В этом же храме накануне III Пунической войны собирався карфагенский сенат (App. Lib. XLII, 22; XLII, 24). Аппиан, описывая этот расположенный в Бирсе храм, говорит, что он стоял на высокой террасе, на которую вела лестница в 60 ступеней.

{ Пунические храмы, ~~по крайней мере некоторые из них,~~ были довольно богаты. По словам Аппиана, храм Эшмуна был самым знаменитым и роскошным из храмов Карфагена. О его богатстве можно судить по тому, что уступающий ему храм Генисефа имел целлу, покрытую золотом, стоимостью несколько тысяч талантов, а внутри — статую бога, также позолоченную (App. Lib. 127). Храм Астарты на Мелите был украшен многочисленными изделиями из слоновой кости и необыкновенными драгоценными бивнями (Cic. in Verr. II, 4, 46; Val. Max. I, 1, extr. 2).

Персонал храма, по-видимому, объединялся в корпорацию. Во главе ее стоял верховный жрец (rb khnm) или верховная жрица (rb khnt). ~~Верховные жрецы и жрицы~~ принадлежали к высшим слоям пунической аристократии. Например, верховная жрица Батбаал была дочерью сенатора Химильката и женой суффета Химильката, у которого отец, дед и прадед также были суффетами (КАI, 95). Принадлежа к знати, такие люди могли занимать и светские должности, в том числе высшую — суффета. Одновременно суффетами и верховными жрецами были Ганниб и его отец Абдмелькарт (КАI, 93). Должность верховного жреца могла если не юридически, то в ряде случаев практически, передаваться по наследству. Так, например, такой пост передал Баалшиллеке своему сыну Шафату, а тот, в свою очередь, — сыну Азрубаалу (КАI, 81). Так, уже упомянутый суфкет и верховный жрец Ганнион был сыном суффета и верховного жреца Абдмелькарта (КАI, 93). Подобное совмещение жреческой и светской должностей свидетельствует, как кажется, о том, что жречество не составляло отдельную касту и жреческие обязанности были частью гражданских. Это же обстоятельство говорит и о том, что жрецы не приносили обета безбрачия. Конечно, эти положения нельзя безоговорочно распространять на всех жрецов. Мы знаем, что жрецы Мелькарта в Гадесе имели «непорочное ложе» и даже видом своим отличались от остального населения (Sil. It. III, 23—28). Вероятно, это можно 175

относити и к служителям карфагенского храма этого бога. А в культе Астарты сложилось другое положение. Упомянутый Абдмелькарт был верховным жрецом Астарты, что не мешало ему иметь сына и занимать пост суффета.

(Основную массу храмовой корпорации составляли простые жрецы и жрицы (khn, khnm, khnt), игравшие главную роль в отправлении культа.) Наряду с ними в надписях упоминаются šn' (например, CIS, 5955). Как полагал С. Гзелль, речь идет о более низкой ступени жреческой иерархии [313, т. IV, с. 397]. Надо, однако, отметить, что эти должности также могли передаваться по наследству и были весьма почетны, ибо их носители могли принадлежать к аристократии. Так, в только что упомянутой надписи можно прочитать, что отцом и дедом Гимилькона, жреца Баал-Шамима, были šn' Азрубаал и Эшмунамац, а отцом и дедом последнего — верховные жрецы. Так что в одной семье на протяжении нескольких поколений были представлены все ступени жреческой иерархии. Хотя кастового жречества в Карфагене не было, существовала, вероятно, традиция сохранения жреческих обязанностей в определенных семьях. В храмовому персоналу принадлежали, видимо, также гадатели, музыканты, священные брадобреи и нисцы [313, т. IV, с. 401—402].

В самом низу стояли храмовые рабы. В надписях выделяются две группы рабов: рабы храма того или иного божества, как Бодастарт, раб храма Цидтиннит (CIS, 348), или его тезка, раб храма Астарты Могучей (CIS, 4842), и рабы бога, как Шафат, раб Астарты Могучей (CIS, 255), или Бааладар, раб Цидмелкарта (CIS, 256). Точно определить разницу между этими двумя категориями пока невозможно. Характерно, что храмовые рабы в отличие от рабов частных лиц нередко указывали свою генеалогию: так, Химилькат, раб храма Милькастарта, называет отца, деда и прадеда (CIS, 250). По-видимому, положение этих рабов было более высоким, чем частных. Некоторые из них, вероятно «рабы бога», могли быть заняты непосредственно в культе [110, с. 253—256]. Наличие рабов храма уже само по себе говорит о существовании храмового хозяйства. Однако храмы были поставлены под государственный контроль: надзор над ними осуществляла специальная комиссия «десяти над священными делами» (CIS, 168, 169, 175), которая ведала святилищами [110, с. 256; 511, с. 124—125].

Куль

[Существенной частью культа были различные праздники и церемонии.] Во фрагменте надписи (CIS, 165), относящейся, вероятно, к III в. до н. э., упоминаются дары, которые необходимо

посвятить в храм в четвертый и пятый день какого-то праздника [313, т. IV, с. 404—405]. Известно о праздниках в честь Мелькарта в Тире (Jos. Ant. Jud. VIII, 5, 3) и Гадесе (Paus. IX, 4, 6). Карфагеняне участвовали в тирском празднике, отправляя в метрополию священных послов. Но они, по-видимому, справили подобный праздник и у себя. На него, может быть, намекает упоминание в пунической надписи из Цере «Дня погребения божества» (CISPEO App. 2, 8—9). Умирающим и воскрешающим богом в финикийской религии был Мелькарт, почитаемый и в Тире, и в его колониях. Поскольку Цере был связан именно с Карфагеном, можно говорить, что речь идет о карфагенском празднике в честь смерти, погребения и воскрешения Мелькарта [380, с. 43—57].

Несомненно, в Карфагене отмечался праздник в честь Тинитис. Он пережил гибель пунического города и торжественно праздновался также в римское время, когда богиня называлась уже Целестис. О нем говорит Августин (civ. Dei II, 26, 2). По его словам, на праздник Целестис люди собираются со всех сторон; во время праздника устраиваются сценические представления, исполняемые мимами; все наполняется неприличием и постыдством, так что наиболее стыдливые матроны отворачиваются от непристойных жестов мимов. В другом месте (II, 4) он говорит о «постыднейших играх», которыми отмечается праздник Деа Целестис. Видимо, культ этой богини был органистическим и сопровождался мистериями, восхваляющими богиню плодородия и любви.

Религиозные праздники финикийцев вообще сопровождались театральными представлениями. Правда, ни в самом Карфагене, ни в городах его державы следов таких представлений пока не найдено. Но несколько позже, когда пуническая культура и ее влияние были еще в зените, в Каларисе и в африканской Тугге создавались театры для них. В Тугге, например, театр располагался на краю святилища, был отделен от часовен двором с портиками; там найдено несколько ступеней в виде сегментов, сходящихся к оркестре, которую замыкал портик [524, с. 212—214]. Внешний вид таких театров (по крайней мере в позднюю эпоху) явно испытал греческое влияние. Это, разумеется, не означает, что и пуническом мире существовало театральное искусство; в Карфагене театр не был отделен от культа, и его представления являлись лишь частью религиозных праздников. Праздники сопровождалась также музыкой и танцами, как это было в сидонском храме Эшмуна, где обнаружен алтарь с изображением музыкантов и танцоров [256, с. 565—574]. Праздники отмечались также играми и забавами, как тот зимний праздник, о котором говорит Саллюстий (Iug. 66,2; 177

68,2). Он продолжался не менее трех дней, ибо историк упоминает о третьем дне, прибавляя, что он праздновался по всей Африке.

На стене пещеры Гротта Реджина в Сицилии была обнаружена надпись в честь Исиды и рисунок, на котором, в частности, изображен корабль Исиды. Это — первое подтверждение существования праздника египетской богини. Во II в. н. э. этот праздник подробно описал Апулей (Met. XI, 8—17). Теперь точность его описания подтверждена археологически [461, с. 549—551]. Этот рисунок, сопровождаемый надписью, доказывает, что празднество в честь Исиды совершалось и в пуническую эпоху. Оно отмечалось ранней весной, когда «зимние непогоды успокаиваются, волны бурные стихают, море становится доступным для плавания, и жрецы, спуская на воду судно, еще не знающее влаги, посвящают его (богине)... как первину мореходства» (Apol. Met. XI, 5; пер. М. А. Кузьмина). Судя по Апулею, важной частью праздника было торжественное шествие к морю и возвращение в храм. Шествие сопровождалось какими-то представлениями, музыкой и танцами.

У Ливия (XXVI, 17, 12) сохранилось интересное сообщение, что в 211 г. до н. э. в Испании Гасдрубал просил римского полководца Нерона отложить на следующий день намеченные переговоры, ибо в этот священный день карфагенянам нельзя было браться ни за какое серьезное дело. Некоторые исследователи предположили, что речь могла идти о «пунической субботе» [50, с. 243; 313, т. IV, с. 404, прим. 2]. Это предположение кажется очень вероятным. Известно, какую роль играла суббота, день священного отдыха, первоначально, видимо, связанный с культом луны и ее фазами, в религии соседей финикийцев — иудеев. Подобные дни, когда ничего нельзя было предпринимать, существовали в Месопотамии [19, с. 96—99; 28, с. 305; 236, с. 237—239]. Поэтому неудивительно, что и у финикийцев мог быть такой день.

Существенной частью культа были жертвоприношения, устанавливающие связь между богом и человеком. В 480 г. до н. э. в день роковой битвы при Гимере карфагенский военачальник Гамилькар приносил жертвы, и именно во время жертвоприношения он был убит (Her. VII, 167; Diod. XI, 21, 4; 22, 1). Через двести сорок три года другой Гамилькар — Барка — перед отправлением в Испанию также совершал жертвоприношения (Her. Нам. II, 3). Но в основном это было делом жречества. За исполнение этого обряда верующие платили жрецам, не говоря о том, что при некоторых жертвоприношениях часть жертвенных животных или растений оставалась в распоряжении жрецов. Об этом сообщают так называемые жертвенные тарифы,

которые целиком или во фрагментах дошли до нас (KAI, 69, 74, 75).

Особенно поражали греков и римлян человеческие жертвы. Это не было особенностью пунийцев: человеческие жертвоприношения были свойственны многим древним народам. Сами греки и римляне в свое время их совершали. В «Илиаде» (XXIII, 175—176) упоминается о заклании 12 троянских юношей при погребении Патрокла. И даже в «историческое» время, в I тысячелетии до н. э. такие жертвы приносились, например перед битвой при Саламине в Греции (Plut. Them. 13) или после поражения при Каннах в Риме (Liv. XXII, 57, 6). И все же для греков и римлян это было исключением, оно в какой-то степени оправдывалось чрезвычайными обстоятельствами, грозящими гибелью родине, но всегда вызывало ужас, как у Фемистокла, который был вынужден подчиниться и убить трех знатных персов перед сражением [70, с. 453]. Для пунийцев же это было обычным явлением, которое поражало античных авторов, и они — от Софокла до христианских писателей III—V вв. н. э. — сохранили сведения о человеческих жертвоприношениях в Карфагене⁹. Эти сведения дополняются археологическими свидетельствами.

Этот старинный обычай был принесен в Африку с Востока. Там приносили богам самое дорогое — перворожденного сына, чтобы обеспечить благополучие рода и государства. Филон Библиский (FHBG, III, fr. IV; V) пишет, что в древности «могущественные» лица государств или народов¹⁰ в случае опасности жертвовали богам в качестве искупления любимых детей. Можно вспомнить в связи с этим известную библейскую историю о жертвоприношении Авраама, который по приказу бога должен был принести в жертву единственного сына Исаака, и лишь в последний момент человек был заменен ягненком (Gen. XXII, 2—13). Красноречив и другой библейский рассказ, который повествует об убийстве и сожжении Иеффая своей единственной дочери в силу обета, данного богу, причем здесь никакой замены не произошло (Jud. XI, 31—40). Этот древний обычай, ужасный и героический в одно и то же время, существовал и в Карфагене.

Людей жертвовали различным богам. Плиний (XXXVI, 39) сообщает, что пунийцы ежегодно приносили человеческую жертву Геркулесу — Мелькарту. По Валерию Максиму (IX, 2), жертвы приносились финикийскому «Нептуну». Часто в жертву

⁹ Тексты собраны в [372, с. 315—319].

¹⁰ Возможно, что греческое *κράτους* является переводом финикийского *qny*. Именно так, как мы видели, титуловались карфагенские аристократы. 179

приносили военнопленных, избирая зачастую среди них самых красивых, полагая, что так будет угодно богам) (Diod. XX, 65, 1). И этот обычай идет с Востока, как видно из надписи моавского царя Меша (KAI, 181, 16—17) и из различных библейских историй (например, I Sam. 15, 32—33). Карфагеняне таких пленников приносили в жертву не только богам, но и душам погибших предков, как это сделал Ганнибал, потомок погибшего при Гимере Гамилькара, уничтожив три тысячи пленников римлян в том месте, где несколько десятилетий назад был убит его предок (Diod. XIII, 62, 4).

В основном человеческие жертвы приносились Баал-Хаммону. (Особенно известны жертвы детей, главным образом нервенцев, мальчиков, но часто и девочек, притом в основном из аристократических семейств.) Антропологические исследования останков таких жертв показали, что 85 % жертв было моложе шести месяцев [505, с. 197—198]. Сожженные дети часто изображались на стелах с атрибутами и жестами божества, так что можно полагать, что пунийцы их героизировали или даже обожествляли [207, с. 49; 372, с. 331], считая, видимо, что душа жертвы поднимается непосредственно к богу, входя в царство Баал-Хаммона. Правда, жертву не сжигали живой; ребенка сначала умертвляли, а уже мертвого сжигали на бронзовых руках статуи бога, причем совершалось это ночью при звуках флейт, тамбуринов и лир [275, с. 174—181; 372, с. 316—318, 329]. Такое жертвоприношение, как полагают многие современные исследователи, называлось «молк» (или «молек») [204, с. 261, прим. 15; 244, с. 384; 275, с. 167—170]. Это слово встречается в Библии. Неправильно понятое, оно послужило поводом для сконструирования несуществовавшего у финикийцев бога Молоха, пожирающего человеческие жизни. Описание этого жертвоприношения вдохновило Г. Флобера на знаменитую яркую сцену жертвоприношения детей в его романе «Саламбо» [90, с. 197—199].

Диодор (XIII, 86, 3) говорит о жертве ребенка Крону, т. е. Баал-Хаммону, как об «отеческом обычае» (τὸ πατρικὸν ἔθος). Он действительно, как мы видели, восходит к старинным хананейским традициям. Однако в первое время существования Карфагена он, по-видимому, не соблюдался: приблизительно до 700 г. до н. э. или даже несколько позже урны тофета содержат только останки животных. И только с рубежа VIII—VII вв. или, скорее, в первой четверти VII в. до н. э. урны начинают заполняться пеплом сожженных детей [203, с. 19; 215, с. 370—375; 372, с. 320]. Старые традиции родины теперь возрождаются в Карфагене, что, вероятно, связано с изменениями в жизни 180 города и государства, которые произошли в первой четверти

II в. до н. э., в частности, с новым притоком иммигрантов из Тира. В жертву, как отмечалось, приносили главным образом детей аристократов. Это совпадало со старинными представлениями о долге тех, кто возглавлял общину, перед богами: обеспечить милость богов к общине ценой пожертвования богам самого дорогого.

Однако позднее карфагенские аристократы предпочитали тайно покупать чужих детей и отдавать их в жертву богу. Но когда армия Агафокла подошла к стенам города и над Карфагеном нависла опасность поражения, если не гибели, пунийцы, решив, что это связано с гневом божества на нечестие «лучших людей государства», вернулись к старому обычаю и пожгли более 500 детей, из которых 200 — сыновья знатных семейств — были определены властями, а не менее 300 было пожертвовано добровольно (Diod. XX, 14). Последние, видимо, происходили уже из разных слоев общества. Археологические исследования в тофете показали, что в III в. до н. э. круг жертвователей был уже довольно широк, вплоть до рабов [207, с. 266].

Однако при всей своей набожности многие карфагеняне пытались уклониться от принесения этой жестокой жертвы. Силий Италик (IV, 765—822) рассказывает, как Ганнибал уклонился от принесения в жертву своего сына, обещав богам взамен роскошные жертвы после победы над Римом. Раскопки в тофете показывают, что в урнах хоронили зачастую останки не родившихся детей, а зародышей, по-видимому, выкидышей [203, с. 20; 275, с. 176]. Порой этот обычай смягчается, и жертвы детей замещаются жертвами ягнят. Такие «жертвы замещения» называются «молхомор» [413, с. 166; 486а, с. 159—161]. Это не изобретение карфагенян. «Жертвы замещения» существовали и на Востоке. Мы вспоминали библейский рассказ о том, как в последнюю минуту ангел удержал руку Авраама, готовящегося нанести смертельный удар Исааку, и послал ему ягненка, чтобы он пожертвовал богу животное вместо сына. Перед нами мифологическое отображение «жертвы замещения». Такие жертвы, как уже говорилось, практиковали карфагеняне в начале своей истории. Позже, хотя они никогда не отказывались от человеческих жертвоприношений, замещение детей ягнятами становится все более распространенным. Оно основывается на формуле «душа за душу, кровь за кровь, жизнь за жизнь» [277, с. 1—3].

Возможно, именно «жертва замещения» представлена на некоторых стелах хадруметского тофета, правда, уже более позднего времени. На них изображены различные фазы церемонии: три человека, держа перед собой барана или ягненка, направляются к жертвователю; затем две группы верующих 181

(по три в каждой) двигаются к культовому зданию и входят в него, а внутри стоят два алтаря с горящим пламенем; наконец, жрец, которому помогают один или два ребенка, совершает возлияние, вливая в пламя душистое масло [286, с. 54—55, табл. III, рис. 8, 10].

Вообще жертвы животных были издавна свойственны финикийской религии. Широко практиковались они и в Карфагене. Дошедшие до нас жертвенные тарифы относятся именно к таким жертвоприношениям. Из этих тарифов видно, что (в жертву приносили быков или волов, баранов, оленей и других животных и различных птиц, а также хлеб, молоко, оливы) (KAI, 69, 74—76). Выделяются разные типы жертвоприношений: при одних жертва целиком сжигается, но жрецы получают определенную плату, при других — им достается часть жертвенного животного, при третьих — жертва, кроме части, предназначенной богу, делится между жрецами и жертвователями [184, с. 45—75].

Неизвестна периодичность жертвоприношений. Силий Италик (IV, 768) сообщает, что детские жертвоприношения совершались ежегодно. Жертвоприношения были составной частью религиозных праздников. Жертвы приносились в различных чрезвычайных обстоятельствах, как это было после поражения при столкновении с армией Агафокла.

Своеобразным видом жертвы могла быть священная проституция, когда женщины жертвовали богине любви свое тело. Такие женщины выступали как бы в роли жриц в обряде «священного брака». Это было присуще культу Астарты Эрицинской, отмечаемому в Сикке, куда специально для этого прибывали пунические женщины (Val. Max. II, 6, 15). Как уже упоминалось в предыдущей главе, священными проститутками богини любви (Астарты или Тиннит) были женщины, которые отделились от семьи и надписи которых довольно часто находят в Карфагене.

Важной составной частью религиозных представлений был заупокойный культ. Раскопки обнаружили и отдельные могилы в различных частях пунического Карфагена, и обширные некрополи, огромной дугой опоясывающие нижний город от холма Бирсы на юго-западе до морского побережья на северо-востоке. Пунические могилы воспроизводят в основном типы, встречающиеся и в метрополии. Первоначально это были главным образом простые ямы, вырытые в земле и прикрытые каменными плитами, часто воспроизводящими двускатную каменную кровлю. Позже, приблизительно с VI в. до н. э., появляются более сложные могилы: дромосные и могилы в колодцах. Первые представляют собой погребальные камеры, выкопанные в естественных или искусственных холмах; от входа к камере вели

коридоры, или дромосы. Для сооружения могил второго типа в земле вырывали узкий и глубокий колодец (в IV—III вв. такие колодцы достигали 20 м глубины) и на дне колодца или в его стенках оборудовали ниши, достаточные для одного или иногда двух саркофагов. Наверху могила обозначалась памятным камнем [313, с. 426—442; 434, с. 276; 505, с. 211—228].

К концу пунической эпохи карфагеняне стали строить и подземные мавзолеи. Возможно, что такой мавзолей построил некий Ашцап в честь своего патрона Милкпиллеца (CIS, 6000 bis) [264, с. 71—73]. По-видимому, таким сравнительно доступным мавзолеем была гробница отца Гасдрубала, куда тот, как рассказывает Аппиан (Lib. 38), заперся, обвиненный в предательстве [313, т. IV, с. 441—442]. На стене гробницы недалеко от Карфагена изображен мавзолей в виде двухэтажного здания, цилиндрического или прямоугольного, поставленного на трехступенчатый стилобат и увенчанного треугольным фронтоном. Его форма явно восходит к эллинской архитектуре. Перед зданием стоит поднимающийся на двух ступенях алтарь, на котором горит пламя, пожирающее погребальную жертву [196, табл. 52]. К сожалению, сами карфагенские мавзолеи не сохранились. Но пунический архитектор во II в. до н. э. построил мавзолей в нумидийской Тугге, и это сооружение практически повторяет изображенное на стене гробницы [42, с. 96—97 и ил. 36]. Перед нами еще один тип пунических гробниц, принадлежавший некоторым представителям карфагенской знати и возникший под греческим влиянием.

В ранних погребениях Карфагена широко представлена кремация. Исчезнув в VI в. до н. э., она вновь появляется с IV в. до н. э. [505, с. 218]. Известно, что финикийцы применяли главным образом ингумацию, они не сжигали трупы, а хоронили в могилах. На Западе же, и Карфаген не был исключением, финикийцы до VI в. до н. э. нередко применяли именно трупосожжение, причем порой этот способ погребения даже господствовал [99, с. 87; 106, с. 30; 414, т. I, с. 162—163; 501, с. 258; 534, стб. 403—404]. Правда, иногда (но лишь иногда) и на Востоке, в Финикии и Палестине, также встречается кремация [310, с. 332]. Чем же объяснить такие различия в способах захоронения? Выдвигаются самые различные гипотезы, которые могут подходить для отдельных районов, но не объясняют все явление. Для Карфагена надо пока только констатировать, что тот или иной способ не зависел ни от этнического, ни от социального положения. По-видимому, в настоящее время едва ли можно дать удовлетворительное объяснение этому феномену. Остается лишь отметить его и подчеркнуть ту автономию, какую и в религиозной сфере обретают западные финикийцы. 183

По мере перехода Карфагена к внешней экспансии и развития конфронтации с греками (возможно, и с увеличением притока иммигрантов из метрополии) усиливается стремление возвратиться к старым отеческим ритуалам, которые, и это надо подчеркнуть, все время практиковались в городе, сосуществуя с трупосожжением. Ингумация на какое-то время становится единственным обрядом. Усиление контактов с эллинским и эллинистическим миром, уже отмеченное в различных сферах пунической жизни, привело к вторичному появлению кремации. Но и теперь этот обряд не становится единственным, ибо ингумация продолжала применяться до самого падения Карфагена.

При сожжении пепел собирался в специальные глиняные урны или каменные ящички с двускатной крышкой, имитирующие саркофаги [505, с. 218]. Это свидетельствует о том, что, даже перейдя к новому обряду захоронения, карфагеняне сохраняли связь с отеческими обычаями. При ингумации труп клали в деревянный гроб или каменный саркофаг, покрытый двускатной крышкой. С IV—III вв. до н. э. распространяются также мраморные саркофаги с плоской или двускатной крышкой, на которой изображается покойник. Такие же изображения помещаются и на каменных ящиках с пеплом [42, с. 69—74; 76, с. 27—32; 217—218].

По ту сторону могилы человек продолжал свое существование, которое, по верованиям финикийцев, по-видимому, не очень-то отличалось от посюстороннего. Во всяком случае, он нуждался в пище, воде, свете. И необходимейшая часть всякого погребального инвентаря состояла из шести предметов — лампы, поставленной на чашу и оставленной в могиле светящейся, двух кувшинов или амфор с пищей и двух ойнохой с питьем. Иногда ~~иногда~~ и пироги, оставляемые мертвецу, ~~изготавливались из глины~~ [505, с. 218]. По-видимому, в этом случае совершались какие-то магические обряды, которые должны были сделать эту пищу съедобной. Наряду с такими необходимыми предметами в могиле могли оставаться и другие, что в значительной степени зависело от имущественного положения, места в обществе, вкусов и верований покойника. В могилах встречаются местные и импортные вазы, различные драгоценности, терракотовые статуэтки и другие предметы. Больше всего занимают разные (маски) имевшие, видимо, апогнотропическое значение, среди них — маски, нарисованные на скорлупе страусовых яиц. Они являются отличительной чертой именно пунической ветви финикийской цивилизации. В изобилии находимые в Карфагене, на Питиуссе, в Вильярикосе и других местах, связанных с пунической столицей не только политически, но и культурно, они почти не встречаются у тех финикий-

нов, которые в культурном отношении были больше связаны с Финикией, чем с Карфагеном [127, с. 32—58]. Возможно, этот обычай был заимствован пунийцами у местного ливийского населения, которое издавна использовало скорлупу страусовых яиц, в том числе и в погребальном инвентаре [131, с. 16].

Весь этот инвентарь, по-видимому, должен был обеспечить «растительную душу», остающуюся в могиле и живущую там. Вторая же душа, «дыхательная» (*ruah*), вероятно, отправлялась в царство богов через верхний океан, как уже об этом говорилось¹¹.

Финикийцы вообще и карфагеняне в частности очень заботились о нерушимости своих гробниц. До нас дошло несколько надписей из Финикии, призывающих ни в коем случае не вскрывать гробницу и не разрушать саркофаг и угрожающих в противном случае всякими бедами нечестивцу. Такова самая древняя из известных до сих пор финикийская надпись, вырезанная на саркофаге библского царя Ахирама (KA I, 1). Видимо, эти заботы побуждали и карфагенян как можно глубже зарывать своих покойников и отказываться, как правило, от наземных склепов. И в свою очередь, похоронить близкого человека, соорудить ему вечное жилище было священной обязанностью человека. В этом отношении интересна одна надпись (GIS, 6000 bis), в которой некий Ашцап сообщает о сооружении им, по-видимому, мавзолея Милкпиллецу за его благочестие.

В мыслях и верованиях карфагенян была широко представлена магия. Обилие различных амулетов, талисманов, апоморфических масок свидетельствует о вере пунийцев в возможность таким образом отвести различные беды как на этом, так и на том свете. Интересен такой факт: в фундаменты домов карфагеняне клали бронзовые изображения скорпионов, чтобы обезопасить обитателей дома от настоящих насекомых [313, т. IV, с. 71, 425]. Применяли пунийцы и наступательную магию. Так ноступил какой-то Мацлиах, написавший на свинцовой пластинке заклинание против своих врагов Эмастарта и Омрата и всех людей, принадлежавших им, так как те нытались подобными заклинаниями возвыситься над автором этой надписи (GIS, 6068).

* * *

Пуническая религия оказала большое влияние на местное население Африки. И это влияние пережило Карфагенскую державу. Нумидийский царь Масинисса, ярый враг Карфагена,

¹¹ Подробнее о вере финикийцев в эти две души см. [244, с. 385—386]. 185

был в то же время поклонником карфагенской культуры, и в частности религии. В ливийских царствах Северной Африки, особенно в Нумидии, были широко распространены культы Баал-Хаммона и Тиннит, пришедших через Карфаген Деметры и Керы и других богов. Нумидийские цари и вельможи сооружали гробницы по карфагенскому образцу, как, например, мавзолей около Тугги, построенный пуническим архитектором. Баал-Хаммону ставились стелы и приносились жертвы, как это делали и пунийцы. Правда, постепенно воспринимались римские религиозные представления, богам давались римские имена, такие, как Целестис (Тиннит), Сатурн (Баал-Хаммон), Либер или Вакх (Шадрара), Эскулап (Эшмун) и др. Но и под новым обликом узнаются старые финикийские черты [182, с. 51—53; 196, с. 75—81; 235, с. 655; 260, с. 115—116].

Значительным было влияние пунической религии и на жителей Сардинии. Недаром, как уже упоминалось, финикийский бог Цид слился с местным божеством, которое римляне именовали Сард Отец, и под этим именем он еще долго почитался на острове. Даже в III в. н. э. храм этого бога в городе Антасе был построен целиком по пуническому образцу [137, с. 9—11].

[Карфаген пал. Но в финикийских городах Африки еще долго жили пунические верования и обряды. После создания Карфагена уже как римского города (в I в. до н. э.) в нем также возродились некоторые пунические культы. И хотя пуническая религия постепенно романизовалась, окончательно она исчезла только после гибели язычества, с торжеством христианства, а затем ислама.]

Язык и письмо

Переселившиеся в Африку финикийцы принесли с собой свой язык. Финикийский язык относился к ханаанейской подгруппе северо-западной (или северо-центральной) группы семитских языков вместе с древнееврейским и моавитским [27, с. 24, 186; 107, с. 7; 290, с. 1; 294]¹. В самом финикийском языке выделяются диалекты. Вполне естественно полагать, что язык, на котором говорили пунийцы, постепенно стал отдаляться от звучавшего в метрополии. Однако сохранение постоянных связей Карфагена с Тиром привело к тому, что языковые различия оказались не столь уж значительными. Во всяком случае, речь Библиа больше отличалась от речи других финикийских городов, чем язык Карфагена от языка Тира [294]. Не проводя нового исследования и основываясь на результатах работы наших предшественников, рассмотрим, каковы особенности того языка, на котором говорили карфагеняне, насколько об этом можно судить по имеющемуся материалу.

Этим материалом являются в основном надписи. Хотя надписей сохранилось довольно много (более 6000), они однообразны: в основном это погребальные надписи, в меньшей степени — погребальные и строительные, а также жертвенные тарифы. Это, естественно, обуславливает ограниченную лексику и сравнительно стандартные грамматические формы, дошедшие до нас. При этом надо учесть, что в официальных надписях в гораздо большей степени сохранялись нормы старого языка, похожего на язык метрополии. В некоторых же погребальных и посвященных надписях, называемых иногда «вульгарно-пуническими», отразились новые языковые факты [290, с. 3]. Сейчас невозможно установить, являлся ли этот «вульгарно-пунический» язык разговорным на последних этапах карфагенской истории, или в этих надписях отразилась сравнительно малая грамотность широких масс карфагенского населения.

¹ Позже Д. Гарбини стал относить финикийский к южным аморейским языкам (см. [297, с. 47, 65]).

Единственный образец живой пунической речи сохранился в комедии Плавта «Пуниец», в которую включен довольно обширный пассаж и несколько глосс, звучащие в устах карфагенянина Ганнона². Ценность плавтовского текста возрастает благодаря тому, что в нем сохранилась в передаче латинскими буквами огласовка пунических слов, а это очень важно, учитывая, что до падения Карфагена пунийцы обычно не обозначали гласные (см. ниже). Однако при всем значении этого текста, его недостаточно для полной оценки языка.

И все же, несмотря на трудности, анализ материала (а в его составе, пожалуй, особенно важны «вульгарно-пунические» надписи, точнее отражающие живое произношение) позволил филологам прийти к некоторым выводам.

Самые большие отклонения от языка метрополии проявляются в фонологической системе пунического варианта финикийского языка³. Некоторые из них начинают намечаться уже на Востоке, но в Африке эти изменения укореняются и ускоряются. Прежде всего надо отметить ослабление, а затем и исчезновение гортанных звуков (фарингальных *h* и *h'* и фарингальных *h* и *h'*). Дольше сохранился звук *h*, который воспроизводился в латинской передаче пунических собственных имен, но позже и он практически выпал. Это обстоятельство отражается на письме в том, что буквы, обозначающие соответствующие звуки, смешиваются друг с другом, а в «вульгарно-пунических» надписях порой и вовсе исчезают с тех позиций, где они должны были быть и где они пишутся в «правильных» надписях. Особенно часто это бывает перед гласным или после него и в конце слова [290, с. 7, 12—15; 294, с. 54—55; 477, с. 60—63]. Зато буква *ʾ* иногда ставится в начале слова (например, в имени бога *ʾgšr* вместо *gšr*). Это так называемый протетический алеф. Мы не можем сказать, произносился он или нет.

Надо отметить и другие изменения пунических согласных. Звук *d* может между гласными выпадать, а перед *m* ассимилироваться с ним, как в имени Бомилькар, передающем более правильную форму Бодмилькар. Губной *b* переходит в *w*, а последний может переходить в *u*. Шипящие звуки часто смешиваются и переходят друг в друга, что свидетельствует об их неустойчивом произношении [290, с. 17—20; 294, с. 23—40; 477, с. 64, 68—71]. К сожалению, система финикийского письма не дает возможности говорить об изменениях в вокализме, хотя существует предположение, что в данном случае пунийцы удержались на

² Анализ пунического текста Плавта (см. [493]).

³ С. Сегерт отмечает, что при отсутствии устной традиции лучше говорить 188 не о фонетике, а о фонологии финикийско-пунического языка [477, с. 58].

стадии, которую восточные финикийцы преодолели [294, с. 64—65; 477, с. 64—66, 73—76].

Определенные изменения происходят и в морфологии. Как и в восточные финикийцы, пунийцы использовали артикль *h-*. Но в более позднее время он все чаще заменяется *'* [290, с. 52; 294, с. 122; 477 с. 107]. Это изменение артикля (которое, видимо, было обусловлено теми изменениями в произношении гортанных или их практическом исчезновении, о которых говорилось выше) было характерно не только для карфагенян или карфагенских колонистов, но и для живших на Западе потомков тирских колонистов. Так, на гадитанских монетах легенда *hgdr* именяется *'gdr* [511, т. I, с. 51—54; т. III, с. 8—9]. В надписях римского времени появляется даже артикль *'* [294, с. 122].

В очень поздней надписи конца II в. н. э. из Битии (Сардиния), где, судя по другим указаниям, очень долго сохранялись следы пунической цивилизации, в том числе язык и письменность, встречается написание *'mnm* (KAI, 173), т. е. после артикля *'* отмечается удвоение первого согласного звука. Характерно ли такое удвоение именно для пунийцев? Авторы комментария к надписи полагают, что в данном случае финикийскими буквами выражено несемитское явление [239, т. II, с. 158]. Но вполне возможно, что в неопунических надписях, т. е. надписях уже римского времени, когда система написания изменяется и приближается к произношению (см. ниже), удвоение согласных, ранее не отмечаемое, теперь указывается в графике (ср. [290, с. 38]). В таком случае можно полагать, что удвоение согласного звука после артикля было свойственно пунийцам и ранее. Впрочем, не исключено, что оно существовало (хотя и не отмечалось на письме) и на Востоке; ведь для еврейского языка, близкого родственника финикийского, такое удвоение согласных после артикля весьма характерно [22, с. 734; 489, с. 42].

Артикль ставится в определенных случаях перед именами. В самих именах больших отклонений от общефиникийского языка у пунийцев не было. Можно только отметить отпадение конечного *t* в существительных женского рода, так что окончание *-at* переходит в *-ā* или *-ō* [290, с. 107—108; 294, 110; с. 87]. Некоторые изменения отмечаются в посессивных суффиксах. Так, в пунических надписях суффикс III лица единственного числа женского рода передается посредством *-'* или *-'* (произносится *e*) вместо восточнофиникийского *-u*. Во множественном числе вместо суффикса *-n* встречается *-u* или *-u*. В других случаях наряду с обычным *-nn* можно встретить просто *-nn* [290, с. 110—113].

Наибольшие отклонения от восточнофиникийских норм отмечаются в местоимениях и местоименных суффиксах. Так, 189

в III лице единственного числа женского рода личное местоимение *h'* заменяется *hi* (*hy*) [290, с. 46; 477, с. 55]. В местоименном суффиксе III лица единственного числа мужского рода для пунического написания характерно -' вместо -у или у' (пунийцы произносили *ō*), а позже появляется суффикс -*m* (-*im*), неизвестный в метрополии [290, с. 48—49; 294, с. 93, 98; 477, с. 97—98]. Некоторые новации заметны и в указательных местоимениях: наряду с общефиникийским *z* появляются также в мужском роде *z* и *zt*, а в женском *zt* [294, с. 104].

Что касается глагола, надо отметить, что используемой в метрополии каузативной породе *yiqtil* в Карфагене соответствует порода *'iqtil* [290, с. 68; 294, с. 130].

Говоря обо всех этих отклонениях, мы, однако, не можем быть уверенными, что речь идет об изменениях в произношении. В некоторых случаях, конечно, такой факт несомненен, как, например, появление местоименного суффикса -*im* вместо *-ō*. В других случаях перед нами только изменение графики, как в написании суффикса -*hy* вместо -*h'*, что, видимо, связано с судьбой гортанных и их смешением на письме.

Яснее выступают изменения в синтаксисе, но они немногочисленны. Наиболее значительное проявляется в том, что генетивная связь, которая в метрополии всегда выражалась с помощью *status constructus*, у пунийцев может обозначаться также использованием предлога *l* (впрочем, финикийцы на Востоке иногда тоже применяли его в датировках) и определительного местоимения *š* [290, с. 155—156]. Некоторые отклонения отмечены в использовании пунийцами числительных: например, при обозначении года, месяца и дня восточные финикийцы ставили числительные во множественном числе, а пунийцы — в единственном [290, с. 159].

Гораздо труднее выяснить особенности пунической лексики, так как дошедший до нас лексический материал как общефиникийского языка, так и его пунического варианта явно составляет незначительную часть всего словарного фонда. Поэтому, даже находя у пунийцев новое слово или новое значение слова, нельзя быть уверенным, что речь идет о подлинной новации. Это, в частности, относится к тем словам, которые встречаются у Плавта, но не отмечены в Финикии [493, с. 146—147]. Более определенно можно говорить о тех словах, которые не относятся к семитским, а заимствованы карфагенянами у своих африканских соседей. К таким редким словам относится, например, *ṣupkd*, которое было воспринято от ливийцев и использовано в римское время в неопунических надписях для перевода латинского *imperator* [290, с. 100]. До гибели Карфагена этим словом, 190 по-видимому, называлась должность полководца [106, с. 99].

Ливийское влияние не могло не сказаться и на карфагенском произношении, но об этом очень трудно говорить из-за совершенно недостаточного знания самого ливийского языка. Воздействие ливийцев на язык Карфагена вообще могло быть большим, чем это сейчас представляется.

На пунийцев влияли и этруски. По мнению И. Фридриха, обычное в неопунических надписях написание в латинских собственных именах окончания *-us* через *-e* восходит к этрускому, так как именно через этрусков карфагеняне первоначально познакомились с италиками, в том числе с римлянами [289, с. 121—122; ср. 477, с. 91]. Для сравнения можно сказать, что на Востоке греческое окончание *-os* воспроизводится буквами *самех* или *шин*, т. е. довольно точно передается звучание этого окончания (например, KAI, 19, 40, 42, 43).

Как мы видим, особенности пунического варианта финикийского языка были несущественными и отклонения довольно незначительными. Поэтому можно согласиться с М. Шницером, который, правда предварительно, определил пунический вариант как говор финикийского языка [499, с. 266].⁴ Карфагенская речь была ближе к тирской, чем, например, библская или кипрская, хотя ареал ее распространения находился на гораздо большем расстоянии от Тира, чем Библ или Кипр.

Карфагенское письмо в принципе было таким же, как и в метрополии. Заслуга финикийцев, и это общепризнанно, заключалась в том, что они изобрели такую систему письма, которая стала родоначальником всех ныне существующих и многих ранее существовавших алфавитов. Правда, само финикийское письмо не было чисто алфавитным. Оно включало только знаки для согласных, к которым, не выражая этого графически, можно было присоединить любой гласный или не присоединять его вовсе (нулевой гласный) [20, с. 276—300; 91, с. 108—109]. Эта система появилась задолго до основания Карфагена. Ее и принесли с собой в Африку основатели этого города.

Внешняя форма пунического письма была подробно, насколько позволял материал, изучена Дж. Б. Пекхемом, результаты исследования которого во многом легли в основу дальнейшего изложения [435].

Самая ранняя надпись, обнаруженная в Карфагене, отно-

⁴ И. М. Дьяконов так определяет говор: местная языковая система определенной группы людей, характеризующаяся частными особенностями речи, ни в коей мере не мешающими взаимопониманию носителей разных говоров одного и того же языка. Диалект же, по его определению, — языковая система общего происхождения с другими сходными системами, имеющая существенные особенности, но находящаяся в пределах понимания носителей разных диалектов одного языка [27, с. 14].

сится примерно к 700 г. до н. э. Она выгравирована на золотом медальоне, найденном в могиле VI в. до н. э., и является посвящением Астарте и Пигмалиону, которое сделал пекий Йадамилк сын Падихлаца в благодарность за спасение (KAI, 73). Ж. Феррон высказал предположение, что этот медальон происходит с Кипра [262, с. 52—56], однако возражения Дж. Б. Пекхема достаточно убедительны для того, чтобы принять карфагенское происхождение [435, с. 121—124]. Графика этой надписи довольно архаична и не имеет никаких особенностей, которые говорили бы об особом характере карфагенской письменности. Принимая характеристику Дж. Б. Пекхема, надо признать эту графику скорее формальной, чем курсивной⁵.

Однако уже в архаических надписях на двух стелах конца VI или рубежа VI—V вв. до н. э. с посвящением Баал-Хаммону [191, с. 161—162] письмо принимает курсивный характер. В последующее время этот характер еще более акцентируется. Подавляющее большинство карфагенских надписей относится к IV—II вв. до н. э. Исследования ряда букв показали, что в отдельных знаках, как и в некоторых вариантах бета, далета или реша, появляются довольно ясные формальные черты. Но в целом письмо карфагенян — курсивное. По своим основным характеристикам оно примыкает к типам письма, распространенным в Восточном Средиземноморье, в том числе в метрополии, так что пуническое письмо, как и речь, можно считать только вариантом финикийского [435, с. 191—222 и табл. XII—XVI]. Внутри общефиникийского письма пуническое характеризуется более ясно выраженным курсивным характером и особым «пошибом», выразившимся в удлинении стволов букв и некотором утолщении нижних концов этих стволов [91, с. 104; 348, с. 270; 435, с. 221].

Особую проблему ставит неопуническое письмо, т. е. то, которое заменило собой пуническое после падения Карфагена⁶. Надо сказать, что это письмо отличается от пунического изменением написания ряда букв и использованием лигатур, что порой делает неопунические надписи очень трудночитаемыми. Различия иногда таковы, что с первого взгляда трудно установить связь между пуническими и неопуническими графемами [91, с. 104; 290, с. 5; 348, с. 271]. И это, пожалуй, неудивительно. Как показали исследования Дж. Б. Пекхема, неопуническое

⁵ Формальное письмо — это письмо, имеющее тенденцию к тому, чтобы быть квадратным или сегментированным (при сравнительно частом отрыве руки писца от материала); курсивное — текучее или закругленное (при экономии движения руки писца) [435, с. 3].

⁶ М. Шницер подчеркивает, что речь идет именно о неопуническом письме, 192 а не о языке [499, с. 267—268].

письмо развивалось самостоятельно, восходя не к пуническим формам, распространенным в Карфагене и его державе, насколько можно судить по сохранившимся надписям, а к формам знаков, засвидетельствованным на папирусах V—IV вв. до н. э. [435, с. 220 и табл. XVII]. Этот вывод американского исследователя очень интересен. По-видимому, в Карфагене существовали два варианта письма: один использовался для надписей, другой — для папирусов. Если первый вариант уже имел курсивный характер, то тем более курсивность и беглость должны были быть свойственны второму варианту. Возможно, что в курсивности монументального письма отразилось широкое распространение в Карфагене папируса (вспомним об оживленных контактах этого города с Египтом, о которых говорилось в третьей главе).

Таким образом, оба варианта, кажется, издавна взаимодействовали. Постепенно влияние второго варианта письма становится все более заметным. Уже с конца III в. до н. э. в монументальном письме начинают использоваться папирусные (назовем их пока так) знаки, во всяком случае, под их влиянием начинают изменяться графемы монументального письма, как в случае с кафом и самехом, а несколько позже — айном и шином [435, с. 221—222]. После гибели Карфагена старые столичные традиции еще некоторое время сохраняются, а с ними и монументальное пуническое письмо. Однако отсутствие такого мощного центра, как Карфаген, привело к быстрому распространению в Африке папирусного письма, которое теперь с полным основанием можно назвать неопуническим. Некоторое время оба варианта сосуществуют, а позже неопуническое письмо окончательно побеждает (пока, в свою очередь, не вытесняется латинским) [499, с. 267]. Впрочем, у сардинских финикийцев монументальные пунические формы удерживались довольно длительное время.

Система передачи гласных и согласных звуков в пуническом письме долго следовала общему принципу финикийской письменности. В собственно пунических надписях редко встречается так называемое полное написание, когда те или иные согласные буквы используются для обозначения гласных звуков (ср. [27, с. 368]). Однако с исчезновением или ослаблением гортанных согласных соответственные буквы все чаще к концу существования Карфагенской державы начинают использоваться для обозначения гласных. Это проявлялось в первую очередь при написании чужих слов (особенно собственных имен) и тех финикийских, в которых различие в произношении гласных было очень важно для определения смысла. В римское время это делалось уже практически во всех случаях. При этом 193

«а» передавалось буквой ' или редко ' , «е» — ' , реже — h, «и» — y, «о» — ' , иногда — ' , «у» — w [91, с. 111; 290, с. 42—44; 477, с. 53—55]. В неопунических надписях эта эволюция пунической письменности отмечается определеннее, чем в пунических. Может быть, в папирусном письме такой способ написания гласных уже существовал и ранее? Если бы это предположение подтвердилось, оно было бы очень важным для истории не только пунического, но и вообще финикийского письма. Но, видимо, шансов для такой возможности мало. Папирусы в климатических условиях Туниса едва ли могут сохраниться. Есть и более серьезные основания для сомнений. Эволюция пунической и неопунической письменности, приведшая к появлению, хотя и в сравнительно рудиментарной форме, обозначения гласных звуков, в Африке проходила иначе, чем в Передней Азии, что, видимо, объясняется относительной оторванностью территории распространения неопунического письма от общесемитского ареала и влиянием латинской письменности [91, с. 111]. Если бы написание гласных было свойственно папирускому письму Карфагена задолго до падения города, то, учитывая тесные связи Карфагена с метрополией, такое различие едва ли имело бы место. Впрочем, утверждать это с полной уверенностью в данном случае невозможно.

На протяжении большей части истории Карфагена система передачи гласных и согласных в письменности оставалась практически неизменной: обозначались только согласные звуки, в то время как гласные лишь подразумевались. Само по себе сокращение количества букв до 22 вместо сотен или даже тысяч было очень важным явлением. Как пишет И. М. Дьяконов, это сделало «грамотность доступной любому свободному гражданину, а посредничество грамотеев-специалистов и жрецов — излишним, что было особенно важным для финикийцев — торговцев и мореплавателей» [27, с. 366—367]. Не менее важно это было и для их африканских потомков. Но, как отмечает тот же ученый, это письмо «годились только либо для простейших счетных записей, либо для культовых текстов или памятных надписей, содержание которых могло быть заранее известно» [27, с. 368]. Дошедшие до нас памятники Карфагена полностью соответствуют этой характеристике.

Однако потребности общества заставили пунийцев, как это сделали уже их родственники на Востоке, использовать это письмо и для других целей. Несовершенство системы письма затрудняло его использование для различных государственных или литературных надобностей, но все же не было непреодолимым препятствием.)

не считать греческих переводов договоров Карфагена с Римом, Македонией и — в пересказе — с этрусками). Однако такая документация не могла не существовать, ибо Карфагенская держава нуждалась в ней. Вели документацию, по-видимому, писцы. Они были низшими государственными служащими. Судя по тексту I римско-карфагенского договора, они вместе с глашатаями выступали от имени карфагенского государства в сделках римских купцов в Сардинии (Polyb. III, 22, 8). Писцы (spr) упоминаются в карфагенских надписях (CIS, 240—242, 273, 381, 3104, 3749, 3786). Возможно, что они или какая-то часть их составляли отдельную корпорацию, во главе которой стоял верховный писец — *gb sprm* [313, т. IV, с. 402, прим. 1]. Об их общественном положении и происхождении мы ничего не знаем. Только в одном случае упоминается, что писец Мицри был «сидонским мужем» (CIS, 273). Отсутствие каких-либо указаний при именах других писцов может говорить, что они были гражданами.

Писцы могли использоваться не только в государственном аппарате, но играть какую-то роль и в культе, как это было в Египте [51, с. 165—166]. В надписи о постройке храма в Китии, на Кипре, упоминается верховный писец и его коллеги (KAI, 37A). Возможно, они тоже каким-то образом были связаны с обслуживанием храма. Еще одной областью приложения их труда могла быть переписка книг.

Литература. Историография

Ранее уже говорилось о карфагенской образованности. Литература в широком смысле слова была важнейшей частью древней культуры. На последнем этапе карфагенской истории пунические аристократы, по-видимому, хорошо знали эллинскую литературу. Об этом говорит пример Ганнибала (см. выше). Возможно, что и в более раннее время пунийцы, постоянно общающиеся с греками, могли познакомиться с блестящими образцами греческой поэзии и прозы, греческой мифологией. Предполагают, что в конце V в. до н. э., когда карфагеняне вступили в политические контакты с Афиями, отсюда могли проникнуть и Карфаген легенды, связанные с троянским циклом [440, с. 802]. Как мы увидим, некоторые сведения об истории западных финикийцев античные историки почерпнули у финикийцев, и особенно у карфагенян. При этом датировка событий первого этапа колонизации связывается с Троянской войной. Так, Мела (III, 46) и Веллей Патеркул (I, 2) соотносят с этой войной основание Гадеса. Не исключено, что такую «привязку» к легендар-

ной истории греков сделали уже сами западные финикийцы, в том числе карфагеняне, желая тем самым включить свою историю в общий исторический поток. Могла влиять на карфагенян и египетская литература. По-видимому, существовала и оригинальная карфагенская литература.

Литературные произведения хранились в библиотеках. О существовании библиотек в Карфагене упоминает Плиний (XVIII, 22). Само по себе наличие таких книгохранилищ говорит об интересе карфагенян к литературе. Но мы не можем сказать, насколько они были богаты, можно ли хоть как-то сравнить их с такими известными книгохранилищами древности, как, например, Александрийская библиотека. Можно лишь говорить, что в Карфагене их было, вероятно, несколько: Плиний, упоминая о них, использует множественное число *bibliothecas*. Мы не знаем также, были ли они общественными или частными. Известна только их печальная судьба: когда Карфаген пал, римский сенат отдал эти библиотеки (по-видимому, то, что осталось после разрушения) африканским царькам. Было сделано только одно исключение: по приказу того же сената был сохранен и даже переведен на латинский язык агрономический трактат Магона. Поэтому мы очень мало знаем о пунической литературе.

Из всех памятников пунической словесности до наших дней в оригинале дошли только надписи. Они довольно стандартны и дают мало данных для суждения о литературе, как таковой. В переводе на греческий язык сохранился ~~уже-упомянутый~~ перипл Ганнона, описание плавания, совершенного этим мореплавателем вдоль атлантического побережья Африки. По цитатам римских писателей можно судить и о ~~упомянутом~~ трактате Магона. Содержание тех или иных отрывков из карфагенских произведений можно узнать в сообщениях греческих и римских авторов. Всего этого, конечно, очень мало для попытки сделать обзор пунической литературы. О ней можно получить только самое общее представление.

О «пунических книгах» (*libri punici*) упоминает Саллюстий (Iug. 17, 7); о них он узнал от нумидийского царя Гиемпсала (перед нами явно те книги, которые были отданы римлянами нумидийским царям). Псевдо-Аристотель (*de mir. ausc.* 134), говоря об основании Утики, ссылается на «финикийские истории». Так как время основания Утики у этого автора отсчитывается от даты создания Карфагена, надо полагать, что «финикийскими историями» были произведения карфагенских авторов (напомним, что в отличие от римлян греки и восточных, и западных финикийцев называли одипаково). Наконец, недвусмысленно «пуническую историю» и «историю пунийцев» (*Punica historia, historia Poenorum*) называет Сепвий (*ad Aen.* I, 343;

478), ссылаясь при этом на Ливия. Эти данные поздний автор заимствовал, несомненно, из XVI книги ливиевского сочинения (ср. [398, т. I, с. 465]). К сожалению, эта книга до нас не дошла, и только из ее периихи мы знаем, что в ней говорилось об основании Карфагена и ранних периодах его истории. Все эти данные с несомненностью свидетельствуют о существовании в Карфагене собственной историографии.

Сохранившиеся предания о деяниях мифологических героев и богов в Африке можно, вероятно, рассматривать как мифологическую предысторию пунийцев. Такое построение исторического груда было свойственно и восточным произведениям, и во многом античным. Даже такой поздний автор, как Диодор, в начале своего произведения передает мифологические рассказы жителей Востока (точнее, греческую интерпретацию чужих сказаний) и самих эллинов. Подобное мы находим и у римлянина Ливия. Это характерно вообще для историографии I тысячелетия до н. э., когда происходил переход от космологических в раннеисторическим описаниям [81, с. 123—147]. В античной историографии мы знаем великих историков, таких, как Фукидид, Полибий или Тацит, которые ушли довольно далеко от космологичности. Отсутствие текстов пунических исторических произведений не дает возможности судить, были ли в Карфагене историки, сравнимые по масштабам своего исторического видения с этими гигантами античной историографии. В целом же, по видимому, карфагенские авторы находились на более ранней стадии развития исторической науки, так что мы можем, как кажется, вполне правомерно рассматривать остатки пунической мифологии как первую главу их истории.

Отрывок из этой мифологии сохранил Саллюстий (Iug. 18), почерпнувший, как уже отмечалось, свои сведения из «пунических книг». В этом отрывке рассказывается о походе Мелькарта (Геркулеса) и его гибели в Испании. Мелькарт, который в греческой части мальтийской финикийско-греческой билингвы (KA1, 47) именуется «археgetом», предводителем, выступал в финикийской (точнее, тирской) традиции как покровитель далеких походов и основания колоний [100, с. 84—85]. Поэтому естественно, что мифологическая предыстория финикийской колонизации связывается именно с этим божеством.

Саллюстий только упоминает об испанском походе бога, не уточняя его деяний в Африке. Более подробный рассказ содержится в произведении Диодора при описании им десятого подвига Геракла (IV, 17—18). В советской литературе этот рассказ был недавно проанализирован М. Н. Макушкиным, выводы которого нам представляются вполне обоснованными. По его мнению, сам маршрут похода Геракла, совпадающий с путями 197

финикийской колонизации (добавим, именно на первом этапе), тот факт, что, по Диодору, герой стоял во главе большого войска (что надо сопоставить с сообщением Саллюстия, взятым из пунических источников, о войске Геркулеса во время похода в Испанию), а также упоминание флота Геракла, в иных случаях выступающего типично «сухонутным» героем, — все это свидетельствует не об эллинской, а о финикийской основе мифа, использованного историком [60, с. 8—10]. По поводу последнего довода (наличие флота) надо заметить, что в нашем распоряжении имеется параллельное предание, излагающее очень древнюю, и притом именно греческую, версию мифа о походе Геракла против Гериона. В этой версии герой, действительно, не имеет флота и, чтобы переправиться на о-в Эрифия, где жил Герион, должен был угрозой отнять у Гелиоса его золотой кубок⁷.

В мифах о Мелькарте значительную роль играл рассказ о его смерти и воскресении. Известно, что его гибель локализовали и в самом Тире (Ps.-Clem. Recogn. 10, 24), и на Западе, в Испании (Sal. Iug. 18, 3; Mela III, 46). Существовала версия об убийстве Мелькарта в Ливии (Ath. IX, 47, 392). Последнее сообщение могло быть вариантом мифа, бытующего среди африканских финикийцев. Впрочем, в той же Африке было распространено и сказание о смерти бога именно в Испании, т. е. в непосредственной близости от Африки, но не в ней самой. Это ясно видно из рассказа Саллюстия. Может быть, эта версия объясняется тем, что в самом Карфагене культ Мелькарта не занимал столь четко первого места, как в Тире и Гадесе.

С походом Мелькарта — Геракла связаны и различные мифы о происхождении народов Северной Африки, а также мифологическая генеалогия мавританских царей (Sal. Iug. 18, 3—11; Ios. Ant. Iud. I, 15, 1; Plut. Sert. 9) [369, с. 232—234]. Интересно отметить, что Плутарх, используя, видимо, сообщение мавританского царя Юбы, считавшего себя потомком Софака сына Геракла, и приводя этот рассказ в соответствие с греческой версией о походе героя, писал, что войско Геракла состояло из греков — ольвийцев и микенцев, — в то время как Саллюстий, передавший местный миф, по-видимому, в большей чистоте, называет среди воинов Геркулеса мидийцев, персов и армян, т. е. тесно связывает африканцев с Востоком. Тот же миф был, видимо, использован Варроном и Плинием (V, 46), также упоминающими персов, бывших слутниками Геркулеса в его походе против Гесперид в Африке и там оставшихся, после чего их стали называть фарусиями, а также тех персов, которые жили в Испании вместе с иберами, финикийцами, кельтами и

пунийцами (III, 8). Вероятно, что такой «востокоцентрический» тип был распространен среди населения Запада (как исландцев, так и африканцев), и, судя по Саллюстия, он восходит к «пуническим книгам», т. е. в конечном итоге к карфагенской мифологии, и был, вероятно, связан со сказаниями о походе (или походах) Мелькарта как мифологического предшественника финикийской колонизации.

Следующей главой «пунических историй» должно было быть повествование о колонизации. Этот переход от мифологии к истории хорошо виден в словах того же Саллюстия (Iug. 19,1). Рассказав о гибели Геркулеса и рассеянии его войска, воины которого стали предками африканских народов, историк пишет, что «после этого (postea) финикийцы... основали Гиппон, Хадрумет, Лептис и другие города на морском побережье». Если «первая глава» была целиком мифологической, то здесь мы уже встречаем исторические сведения, которые иногда переплетаются с легендарными сообщениями. К таким сообщениям, вероятно, относится та традиция, в которой повествуется о варианте основания Карфагена, отличном от создания города Элисой. Эта традиция восходит к Филисту и Евдоксу Книдскому, авторам первой половины IV в. до н. э. [215, с. 104—105], и значительно позднее ее воспроизводят Аппиан (Lib. 1), Евсевий (II, 50, Schöne) и Иероним (II, 51, Schöne). Эти авторы дают и приблизительную дату первоначального основания Карфагена: незадолго до Троянской войны или, точнее, за 50 лет до нее. Перед нами типично этиологическая конструкция, и имена ойкистов — Зора и Кархедона — надо сопоставить с названиями карфагенской метрополии (Цор — Тир) и самого Карфагена [106, с. 38]. «Привязка» к Троянской войне могла быть произведена в Карфагене (см. выше).

Зато ничего легендарного нет в сообщении Саллюстия об основании финикийцами Гиппона, Хадрумета и Лептиса, как и о причинах колониального движения. Историк говорит об этом очень кратко. Более подробно он рассказал о Лептисе (Iug. 78), и эти сведения также, по-видимому, восходят к местной традиции. В своих источниках («пунических книгах») Саллюстий явно нашел сведения и об основании Карфагена, но предпочел не говорить об этом из-за недостатка времени. Однако эти сведения пунической традиции, к счастью, не пропали для нас. Их сохранил в своем труде Помпей Трог, чье произведение дошло до нашего времени в сокращении Юстина, к которому надо прибавить «прологи», т. е. краткое изложение содержания отдельных книг Трога.

Помпей Трог был таким автором, который вообще стремился при изложении истории какого-либо народа использовать в пер-

вую очередь местную традицию. В свое время А. Шультен доказал турдетанское происхождение сказания о тартессийских царях Гаргорисе и Габисе [474, с. 130—131]. К массалиотским источникам восходит изложение этим автором истории Массалии [98, с. 148—150]. При изложении истории иудеев автор пользовался библейскими данными, хотя, по-видимому, и не непосредственно (Iust. XXXVI, 2—3). Анализ троговского предания об основании Карфагена позволил И. Ш. Шифману сделать убедительный вывод о пунической традиции, лежащей в основе троговско-юстиновского изложения [106, с. 39—41]. Это заставляет с большим доверием отнестись и к другим частям рассказов о Карфагене, сохранных Юстином. Это единственный автор, более или менее систематически описывающий внутреннюю историю Карфагена. Другие античные историки, подробно излагая столкновения между пунийцами и греками, почти не касаются событий истории самого пунического города и говорят о них только в связи с теми или иными фактами, имеющими отношение к грекам. Так, сведения о событиях в Карфагене в конце IV в. до н. э. мы находим у Диодора (см. выше), но этот рассказ вставлен в изложение похода Агафокла и действий его полководцев в Африке. С римской историей связаны рассказы о Карфагене во время Пунических войн и между ними.

Иное положение с Трогом — Юстином. В XVIII—XXII книгах мы находим сведения не только об основании Карфагена, но и о мятеже Малха (XVIII, 7, 1—18), об изменениях в законодательстве после его гибели (XVIII, 7, 19), о тирании Магона и Магонидов (XVIII, 7, 19—XIX, 2, 5), о войнах Магонидов в Африке (XIX, 2, 4), об изменении законов после свержения Магонидов (XIX, 2, 5—6), об измене Суниата, соперника Ганнона, и о законе, запрещающем учиться греческому языку (XX, 5, 12—13), о путче Ганнона (XXI, 4). В «прологе» к XX книге Трога упоминается о деятельности того же Ганнона в Африке и приводится прозвище Ганнона «Великий». Все эти данные должны в конечном итоге восходить также к пунической традиции: слишком уж они подробны (конечно, их подробность в юстиновском сокращении относительна) и касаются таких вопросов, хорошо знать которые могли только сами карфагеняне. У других античных авторов этих сообщений нет.

При этом надо обратить внимание на содержание рассказов Трога по истории Карфагена (насколько можно судить по сохранившемуся сокращению). Если не говорить о самом основании города, то остальные сведения касаются главным образом вопросов политического устройства, его изменений, борьбы за власть. Даже войны, например в Сицилии или Сардинии, связываются именно с деятельностью лиц, облеченных властью

или претендующих на нее. Поэтому представляется очень вероятным предположение, что посредником между пунической традицией и Трогом была «Карфагенская политика» Гиппагора, которая могла относиться к серии «политий», составленных Аристотелем и его учениками при подготовке Стагиритом «Политики» [106, с. 40—41; ср. 343, стб. 1650—1651]. К этому же источнику могла восходить и история основания Карфагена, так как в начале «политий» явно давались именно эти сведения [24, с. 253].

Впрочем, едва ли произведение Гиппагора было единственным источником Трога. В его сочинении, точнее, в «эпитоме» Истина имеются сведения о событиях, происшедших уже после появления книги Аристотеля, например рассказ о мятеже Бомилькара и речи, с которой тот, уже распятый на кресте, обратился к народу с жалобой на несправедливость (XXII, 7, 6—11). Последнее онущено Диодором (XX, 44), рассказывающим о том же мятеже. Можно думать, что эти сведения Трог заимствовал из какого-то местного источника, лучше, чем греческий автор, осведомленного о внутренней истории города. Трог дважды говорит о посольстве карфагенян к Александру Македонскому. Один раз (XII, 13, 1) оно упоминается среди других посольств, отправленных к царю в Вавилон из западных стран, и это упоминание вставлено в историю Александра. Второй раз (XXI, 6) о нем рассказывается подробнее и приводятся не только имя руководителя посольства Гамилькара Родосца, но и мотивы, подвигнувшие карфагенян на его отправление: они боялись, как бы Александр не захотел к побежденной Персии присоединить еще и Африку. При этом рассказ о посольстве приводится в данном случае в той части сочинения, в которой говорится о делах на Западе. Поэтому вполне можно полагать, что и эти сведения заимствованы у карфагенян.

На этом заимствования античных авторов у карфагенских историков не кончаются. Если мы вновь обратимся к Саллюстия, то в одном месте его «Югуртинской войны» (79) повествуется о таком событии карфагенской истории, о котором прочие авторы молчат: о подвиге братьев Филенов, которые дали иречь себя живыми, дабы добиться более благоприятной для Карфагена границы с Киреной. В принципе эта легенда — этнологическая, призванная, видимо, объяснить название алтарей или местности. Но в основе лежит явно местное предание (содержание рассказа, приведенного Саллюстием, благоприятно для карфагенян, а не для их соперников-киренцев, которые выступают здесь в весьма невыгодном свете), и само имя героев может восходить к финикийскому языку [398, т. I, с. 490—491]. Учитывая, что в иероглифе Псевдо-Скилака (109) имя Фи- 201

лена упоминается в единственном числе, можно считать, что существовало два варианта рассказа об этом событии [106, с. 86, прим. 15; 107, с. 21].

Таким образом, мы видим, что пуническая историография была достаточно разработана. Ее нельзя сводить к произведению какого-либо одного автора. Разные варианты преданий об основании Карфагена и о подвиге Филенов (или Филена) говорят о существовании различных версий. Однако, как кажется, можно все же определить основную черту пунической историографии. Для этого снова обратимся к произведению Трога в сокращении Юстина. Известно, что, сокращая труд Трога, Юстин, автор уже достаточно поздний, сохранил общую канву повествования, относительно же подробно он пересказывал содержащиеся у Трога сообщения о сверхъестественных событиях, вмешательстве божественных сил в жизнь людей и государств, о всяких чудесах и поражающих воображение фактах [261]. Практически ничего подобного в изложении карфагенской истории нет. Даже рассказ об основании города, несмотря на наличие в нем некоторых легендарных подробностей, в достаточной степени реалистичен⁸.

Если сравнить этот рассказ с сообщением Страбона об основании Гадеса (III, 5, 5), разница бросается в глаза. По Страбону, Гадес был основан финикийцами по велению оракула, и именно в том месте, где жертвы оказались благоприятными. Иначе рассказывается об основании Карфагена. Ни Юстин, ни другие авторы ничего не говорят о вмешательстве богов (см. выше). Совершенно ясно, что если бы о таковом было что-нибудь упомянуто Трогом, то его эпитоматор обязательно сохранил бы это упоминание, как он делал в других местах своего сокращения. Саллюстий, рассказывая о финикийской колонизации в Африке (Iug. 19, 1), также приводит только реалистические, «земные» причины этого явления: увеличение населения в метрополии, жажда власти, возбуждение претендентами на власть плебса и других людей, жадность к новизне. Можно, таким образом, отметить, что, отнеся походы и смерть Мелькарта к «доисторической» эпохе, пунические историки затем говорили уже только о чисто «земной» стороне истории, не допуская вмешательства потусторонних сил в ее процессы. Следовательно, карфагенскую историографию можно считать рационалистической.

Если мы сравним изложение истории Карфагена в сообще-

⁸ Нельзя согласиться с еще порой высказываемым мнением, что вся история бегства основательницы города и покупки ею земли у ливийцев — это вымысел позднего времени (см., например, [179, с. 14]). Все свидетельствует об историчности и пуническом происхождении сказания.

нии Юстина и в меньшей степени других авторов, например, в исторических книгах Библии, то увидим существенную разницу: в последних чувствуется постоянная оглядка на потусторонний мир, бог все время вмешивается в дела Израиля и Чуды (ср. [19, с. 145—260]). Тесная связь земных и небесных событий, постоянное взаимодействие естественной и сверхъестественной сфер, вмешательство богов в земную жизнь было характерно и для месопотамской историографии [311, с. 191]. Это сравнение с исторической традицией соседей финикийцев показывает, что рационалистичность карфагенской историографии не может происходить непосредственно с Востока. Возникла она, по-видимому, под греческим влиянием.

Однако было бы преувеличением считать, что рационалистическое направление исчерпывало всю пуническую историографию. Оно было, видимо, господствующим, но едва ли единственным. Должна была существовать и другая линия, теснее связанная с традиционными воззрениями. Остатком такой традиции является, как кажется, сообщение Плиния (XVI, 216) о том, что в храме Утики кедровые балки сохраняются со времени основания города. Это предание можно сравнить с аналогичным упоминанием Силия Италика (III, 17—20) о деревянных балках в гадитанском Гераклеоне, несменяемых якобы со времени возникновения храма. Такие предания могли быть связаны с ролью, которую в ханаанейских культах играли остатки первоначального святилища. Поэтому возможно, что в упоминании Плинием этой подробности сохранилось храмовое предание Утики.

Не исключено, что след «мистического» направления традиции обнаруживается в вергилиевской «Энеиде», в которой при всем сходстве с преданием об основании Карфагена, переданным Юстином и Тимеем, содержится важная подробность, противоречащая «реалистическому» рассказу этих авторов: явление Дидоне (Элиссе) призрака ее убитого мужа, который не только открыл вдове закопанный клад золота и серебра, но и убедил ее бежать из Тира (I, 353—360). Перед нами — вмешательство «потусторонних сил», полностью отсутствующее, как мы видели, в рационалистической историографии⁹.

К сожалению, нам неизвестны имена пунических историков. Свиды (v. Ἰσίδωv) называет имя одного карфагенского историка — Харона. Он мог быть эллинизированным пуницем или греком, жившим в Карфагене. Однако к той историографии, о которой мы говорили, он отношения не имеет: по словам

⁹ Нельзя, разумеется, исключить возможность, что весь этот рассказ — изобретение автора «Энеиды».

лексикографа, Харон Карфагенский написал сочинения о тиранах, о знаменитых мужах (в четырех книгах) и о женщинах (также в четырех книгах). Какую долю в этих произведениях составлял карфагенский материал, неизвестно¹⁰.

Основой для пунийских историков кроме народных сказаний могла быть документальная литература. Различные карфагенские деятели составляли, по-видимому, отчеты, которые могли храниться в архивах или в виде надписей выставляться в храмах (возможно, в благодарность божеству). Карфаген заключал различные договоры и вел оживленную внешнеполитическую деятельность, что также должно было отразиться в документах. До наших дней дошло несколько договоров, которые заключил Карфаген с Римом. Правда, текст этих договоров предстает в греческом переводе Полибия, причем сделанного не с пунического, а с римского варианта. Эти договоры — государственные — и представляют взаимные обязательства двух сторон и ограничения различной деятельности, особенно торговой, одной стороны на территории другой.

Наряду с такими договорами Полибий сообщает и о договорах другого типа, как договор Гасдрубала с Римом в 226 г. до н. э. (II, 13, 7) или Ганнибала с македонским царем Филиппом V в 215 г. (VII, 9). Последний был внимательно проанализирован Э. Дж. Бикерманом, который пришел к выводу, что это соглашение (так называемая клятва Ганнибала) представляет собой «берит», типично восточную форму договора, налагающего обязательство не на государство, а непосредственно на полководца, заключившего «берит», и его армию, и имеющего сравнительно ограниченную сферу действия [156]. По-видимому, в Карфагене существовал определенный стандарт таких соглашений, пришедший из метрополии, в который могли вноситься конкретные условия в соответствии с обстоятельствами.

Другим примером документальной литературы являются надписи о деяниях, которые помещались в храм божества. Одной из них является надпись, помещенная тем же Ганнибалом в храм Юноны Лацинии на юге Италии в 205 г. до н. э. Ливий (XXVIII, 46, 16) пишет, что карфагенский полководец соорудил здесь алтарь и составил надпись на греческом и пуническом языках о своих делах. Видимо, содержание именно этой надписи передает Полибий [519, т. I, с. 364—365], сообщая, впрочем, только о той ее части, в которой перечисляются приготовления карфагенского полководца к походу в Италию (III, 33, 5—16).

¹⁰ Павсаний (II, 21, 6; IV, 35, 4) цитирует также Прокла из Карфагена. Но сообщение этого автора о доставке в Рим «диких» африканцев свидетельствует о том, что он жил уже в римское время [313, т. IV, с. 214, прим. 5; 204 398, с. 25—26, прим. 1].

К документальной литературе относились, по-видимому, и отчеты о торговых или колониальных экспедициях. Примером является перипл Ганнона, дошедший до нас в греческом переводе (СГМ, I, с. 1—14). В заголовке этого перипла говорится, что он в виде надписи был выставлен в храме Крона, т. е. явно Баал-Хаммона. Плиний (VI, 200) и Солин (56, 12) называют храм Юноны, куда этот мореплаватель поместил шкуры горилл на обозрение карфагенянам. Различие может быть только кажущимся. Как уже говорилось, в римское время Юнона — Целестис заняла место пунической Тиннит. Так что в обоих случаях речь могла идти об одном и том же святилище, которое, как предполагается, ранее принадлежало одному Баал-Хаммону, а позже превратилось в совместное святилище Тиннит и Баал-Хаммона, которое римляне могли воспринять уже как храм Юноны. Возможно также, что под Юноной подразумевалась Астарта, и в ее храм Ганнон поместил привезенные с океанского побережья шкуры, а в храме Баал-Хаммона выставил надпись.

В науке было высказано мнение, что перипл Ганнопа является не подлинным отчетом карфагенского мореплавателя, а фальшивкой, сочиненной, правда, в древности, но греческим автором, использовавшим для своего сугубо литературного творения имя таинственного пунического мореплавателя [306, 205—248; 396, с. 77—80]. Сторонники этого взгляда исходят как из поэтического греческого языка, выдающего руку эллинистического писателя, так и из некоторых реальных соображений: отсутствие археологических свидетельств пунического проникновения на побережье Африки южнее о-ва Могадор и невозможность вернуться из-за мыса Бохадор, так как преодолеть противные ветры без соответствующих мореходных инструментов и при наличии прямого «латинского» паруса было в то время невозможно.

Эти доводы, однако, неубедительны. Мы не говорим сейчас о состоянии археологических знаний, которое может измениться в любой момент. Важнее другое. Карфагенские корабли были в основном гребные и поэтому не зависели или в небольшой степени зависели от направлений ветров. О том, что при технике того времени можно было плыть вдоль атлантического побережья Африки не только на юг, но и на север, свидетельствует знаменитое путешествие финикийских мореходов, предпринятое по поручению египетского фараона, о котором рассказывает Геродот (IV, 42). Финикийцы, выйдя в Красное море, за три года обогнули весь Африканский материк, вернувшись через Гера- 205

кловы Столпы [201, с. 54—59]. Нет никаких оснований сомневаться в реальности этого плавания [96, с. 86—90; 109, с. 46—48]. Филологический анализ текста также привел к очень важным результатам. Выяснилось, что многие обороты, считающиеся эллинистами чисто поэтическими, как, впрочем, и некоторые другие, более прозаические, являются лишь переводами с финикийского. Так, поэтическое λέθος («камень») вместо более обычного λίθος может быть переводом финикийского š(w)g, означающего как «скала», так и «камень»; несколько необычное в греческом языке выражение φόβος οὐκ ἔλαβεν ἡμᾶς («страх охватил нас») находит полное соответствие в семитских конструкциях; примеры можно увеличить [476, с. 509—517]. Важно отметить и то обстоятельство, что сведения перипла о флоре и фауне африканского побережья южнее уноминаемой в нем «великой реки» в целом соответствуют реальным условиям и отличаются от обычных греческих представлений о невозможности жизни в этих районах Африки [203, с. 21].

В научной литературе уже отмечалось, что этот памятник отличается от обычных греческих периплов. Это — художественное описание, хотя и неровное, с обилием живописных подробностей, в какой-то степени напоминающее авантурный роман. Было ли это свойственно уже нуническому тексту или внесено в него греческим переводчиком? Мы склоняемся к первой точке зрения. Текст перипла ясно делится на две части: более сухой и прозаический, но зато достаточно точный рассказ сначала и яркое художественное повествование, почти лишенное точных географических координат, потом. Было высказано предположение, что перипл — соединение двух самостоятельных рассказов, которое осуществил греческий компилятор [201, с. 58—59]. Но возможно и другое объяснение. Нам известно, что массалиотский мореплаватель Эвтимен плавал вдоль атлантического побережья Африки и достиг какой-то большой реки с крокодилами, которую он принял за исток Нила (GGM, I; Marc. Her. Ep. per. Men. 1, 2; FHG, II A; Eph. fr. 65; Ath. II, 87; Aët. Plac. phil. IV, 1, 2; Lyd. de mens. IV, 107; Sen. Nat. quaest. IV, 2). Представляется, что это путешествие было совершено до Ганнона. Карфагеняне обычно скрывали свои потенциальные рынки от конкурентов. Такими конкурентами были, несомненно, массалиоты. Однако поскольку плавание Эвтимена, как можно полагать, явилось уже фактом, Ганнону не надо было что-либо скрывать в первой части своего отчета, описывающей африканские берега до этой «великой реки» (видимо, до Сенегала).

Иное дело — дальше. Описание районов, начиная с территории несколько южнее «великой реки», уже не содержит точных данных, полно неясностей и сообщений о различных ужасах. Это

и огни, приносимые отовсюду через определенные промежутки времени (§ 13), и таинственные звуки флейт, кимвалов и тимпанов, сопровождаемые криками (§ 14), и земли, покрытые огнем (§ 15—17) [97, с. 125]. Отсюда, как кажется, и резкое изменение стиля, превращение сухого, но точного отчета в яркий и даже порой устрашающий авантюрный роман, почти бесполезный для идентификации мест, в нем упомянутых, и путей к ним.

Греки довольно рано узнали об этом перипле. Если не текст, то слухи о плавании дошли до них уже, по-видимому, в V в. до н. э., т. е. вскоре после самого плавания. Они могли отразиться в заметке Геродота (IV, 43), приписывающего карфагенянам утверждение, что они, как и их восточные соотечественники, обогнули Африку. Этот же подвиг Плиний (V, 8) приписывает Ганнону. Видимо, существовала какая-то версия, может быть даже намеренно распространяемая самими карфагенянами, по которой Ганнон плавал вокруг Африканского материка, причем эта версия не основывалась ни на тексте надписи, ни на фактах. В IV—III вв. до н. э. мы находим следы знакомства с текстом перипла у Псевдо-Аристотеля и Палефата [306, с. 232—233].

В этом нет ничего удивительного: греки в это время посещали Карфаген и даже жили в нем, контакты между пунийцами и эллинами были достаточно оживленными (см. выше). Возможно, именно тогда и появился греческий перевод или пересказ текста надписи, причем переводчик надписал название памятника [476, с. 509]: «Перипл царя карфагенян Ганнона о Ливийских землях, лежащих по ту сторону Геракловых Столпов, который он посвятил в храм (точнее, в теменос, т. е. священный округ. — Ю. Ц.) Крона, рассказав следующее».

Первый параграф дошедшего до нас текста является переводом ностановления (видимо, карфагенского народного собрания) об отправлении экспедиции и ее цели [476, с. 509]. По-видимому, в этом же ностановлении перечисляются и средства экспедиции: шестьдесят пентеконтер, 30 тыс. (?) мужчин и женщин для поселения в новых колониях, хлеб и другие припасы. Может быть, переложением карфагенского ностановления и объясняется тот факт, что в первом параграфе о мореплавателе говорится в третьем лице, а дальше сообщения идут от первого.

Заканчивая обзор перипла Ганнона, надо заметить, что неясность описаний во второй части этого памятника не позволяет точно локализовать те топонимы, которые там называются. Даже конечный пункт плавания остается весьма спорным (см. выше). Можно только сказать, что Ганнон плавал далеко к югу от Сенегала и был первым представителем средиземноморских народов, который с западной стороны проник в тропический пояс Африки. Его описание своего путешествия оказало влияние 207

на географическую или псевдогеографическую литературу греков. Неясность и художественность изложения особенно привлекла таких писателей, как анонимный автор сочинения «О чудесных слухах» или как Палефат, предпочитавших таинственность точности и неясность — фактам.

Дошли до наших дней и сведения о другом перипле, перипле Гимилькона, который, по Плинию (II, 169), отправился в путь одновременно с Ганноном. Ссылки на его сведения вкраплены в поэму Авиена «Морские берега» (114—129, 382—389, 410—415). Описание стран, которых достиг или около которых проплыл этот путешественник, столь же туманно и изобилует ужасающими подробностями, как и вторая часть перипла Ганнона. Здесь мы находим и полное безветрие, и мели, и массу водорослей, не дающих двигаться кораблю, и «мрак, одевающий воздух», и множество морских чудовищ, вызывающих страх у моряков. И ни одного точного указания.

Как дошел этот текст до Авиена, сказать трудно. Сам поэт ссылается на «пунические анналы» (414). Возможно, что первоначально текст также был выгравирован на металлической пластине или камне и в качестве благодарственной надписи выставлен в храме, а позже внесен в анналы, которые едва ли прямо, но все же попали в руки такого позднего автора, как Авиен. То, что в отличие от отчета Ганнона рассказ Гимилькона не оказал влияния на греческую литературу, может свидетельствовать о том, что греки были с ним незнакомы. Возможно, надпись каким-то образом исчезла или была убрана, а текст вписан в хронику. Характерно, что, кроме Авиена, о Гимильконе упоминает только Плиний (II, 169), но в таком контексте, который говорит о незнании римским энциклопедистом самого текста перипла: экспедиция Гимилькона упоминается вместе с путешествием Ганнона, но о последнем говорится, что тот, отплыв из Гадеса, достиг Аравии. Как говорилось выше, это скорее всего отражает ту версию предания, которая не опиралась на подлинный текст перипла Ганнона.

Говорить что-либо о литературных качествах перипла Гимилькона невозможно, так как перед нами даже не перевод на латинский язык, а только ссылки и краткое изложение содержания. Тем не менее надо еще раз подчеркнуть, что для этого памятника характерна нарочитая неясность и нагромождение ужасающих деталей, что вызывалось своекорыстной экономической политикой карфагенских правящих кругов, скрывающих подлинные сведения о найденных карфагенянами странах, чтобы отбить желание у соперников их посетить. Поэтому мы не можем ничего сказать о том, какие же страны посетил Гимилькон.

208 Хотя обычно считают, что этот мореплаватель достиг Англии и

Прландии [96, с. 127; 204, с. 243; 321, с. 163], а может быть, по пути попал даже в Саргассово море [204, с. 242]; к сожалению, бесспорных доказательств этого нет.

Сохранилось еще одно весьма примечательное сообщение пунической географии. Мавританский царь Юба II со ссылкой на «пунические книги» сообщает, что истоки Нила находятся в Мавритании (FHG, III; Iuba, fr. 29). Сообщение Юбы подробно перелагает Плиний (V, 51—53). По его словам, Нил, начинаясь в Мавритании недалеко от океана, течет на юго-восток и восток, протекая через ряд озер и называясь в этой части своего течения Нигрисом, а затем уже поворачивает на север, обретая там свое известное название. Это мнение знали и другие античные авторы, в частности Витрувий (VIII, 2, 6—7). Витрувий писал во второй половине I в. до н. э. [41, с. 509—510], так что заимствовать эти данные у Юбы он никак не мог. Поэтому можно думать, что мнение о мавританских истоках Нила распространялось в Риме через посредство других авторов, а может быть, и непосредственно из пунических источников. Дж. О. Томсон полагает, что в этой теории отразились какие-то смутные представления о лежащем за Сахарой плодородном Судане и текущей там «великой реке», которую связывали с Нилом вплоть до XIX в. [80, с. 375—377]. Известно о карфагенской транссахарской торговле, которая, хотя, может быть, и через посредников, достигла Нигера и, пожалуй, даже более южных районов. Так что совсем неудивительно, что сведения о большой реке и плодородной области за пустыней могли отразиться в «пунических книгах».

И все же в Карфагене география явно никак не могла выйти за пределы чисто эмпирических описаний, зачастую намеренно искаженных и украшенных сказочными, главным образом всяческими устрашающими деталями. Никакой попытки создать что-то, приближающееся к географической науке эллинов, сделано пунийцами не было. Этому препятствовала целенаправленная экономическая политика правящих кругов Карфагена.

Зато большого расцвета в Карфагене достигла агрономическая наука. Та же политика — стремление получить максимальную прибыль, — препятствовавшая развитию географии, была импульсом для агрономии. Колумелла (I, 1, 6) говорит о наставлениях писателей-пунийцев, записавшихся агрономией. К сожалению, эволюцию этой науки мы проследить не можем. Колумелла (XII, 4, 2) упоминает Гамилькара, но никаких сведений о его деятельности не сохранилось. Лучше известен Магон, которого тот же Колумелла (I, 1, 13) считал подлинным «отцом сельскохозяйственной науки». В главе III уже довольно подробно говорилось об этом и приводились сохранные 209

римскими писателями отрывки из трактата Магона, чтобы охарактеризовать карфагенское сельское хозяйство. Теперь посмотрим на этот трактат как на литературное произведение.

Время жизни и деятельности Магона неизвестно. Этого писателя нельзя отождествлять со знаменитым Магоном, установившим свою тиранию в VI в. до н. э. Такой трактат, как сочинение Магона, мог появиться только тогда, когда у карфагенских аристократов, с одной стороны, возникла необходимость в рецептах для рационализации своего земледелия и животноводства, а с другой — когда был уже накоплен значительный опыт ведения такого хозяйства. Едва ли это могло произойти ранее IV в. до н. э., ибо еще в конце предыдущего столетия, по словам Диодора (XIII, 81, 5), карфагеняне не разводили ни винограда, ни олив, о которых говорит в своем произведении Магон. Следовательно, должно было пройти некоторое время, прежде чем мог появиться труд, подобный магоновскому, поэтому можно полагать, что этот автор жил не ранее конца IV в. до н. э. И определить время Магона точнее, чем вторая половина IV — середина II в. до н. э., невозможно.

Магон принадлежал к аристократии. Плиний (XVIII, 22) упоминает, что он был полководцем. Видимо, уже удалившись от активной военной (может быть, и политической) карьеры, Магон взялся за составление своего трактата. Плиний сравнивает его с Ксенофонтом, который, как известно, занялся литературным трудом после прекращения военной и политической деятельности.

Произведение Магона состояло из 28 книг (*Vaggo de r. r.* I, 1, 10; *Col.* I, 1, 13). Автор явно использовал собственный опыт земледельца и хозяина, однако им не ограничился: практически он говорит о всех отраслях сельского хозяйства (см. выше). И каким бы многоотраслевым ни было его собственное хозяйство, трудно себе представить, что все, им перечисленное, могло находиться в одном имении или даже в нескольких имениях, объединенных одним владельцем. Поэтому вполне правомерно предположение, что писатель обобщил опыт карфагенского сельского хозяйства вообще.

Использовал он и греческие источники. Это ясно видно из упоминания Плиния (XXI, 111) о том, что Магон приводил греческое название фистанки. Интересно замечание Гаргилия Марциала (4, 1): судя по нему, Магон говорил о капитане, который на его родине не культивировался. Это свидетельствует о стремлении карфагенского агронома создать всеобъемлющий труд.

И все же опыт его ограничивался в основном африканскими условиями, как и опыт других его соотечественников, имен
210 которых (кроме Гамилькара) мы не знаем. Недаром Тремеллий

жалуется на невозможность применять пунические наставления из-за разности африканского и итальянского климата (Col. I, 1, 6). Характерно, что Колумелла, не отрицая этой разницы, все же считает вполне возможным пользоваться пуническими, как и греческими, произведениями. Видимо, при всех ограничениях, в этих произведениях, в том числе и в труде Магона, который Колумелла неоднократно упоминает, содержались общие положения, пригодные к использованию не только в Африке.

По-видимому, для труда Магона была уже характерна значительная степень обобщения, поэтому его труд — это не только сборник агрономических или животноводческих рецептов, но и научное произведение по различным отраслям сельского хозяйства, которое можно сравнить с трактатами Варрона и Колумеллы. Еще раз в связи с этим вспомним, что последний почти-тельно именовал Магона «отцом сельскохозяйственной науки».

Произведение Магона сохранилось только в цитатах и ссылках на него латинских писателей. Тем не менее и эти цитаты говорят о стиле автора. Все его указания очень точны, ясны и несомненны. Французский ученый М. Шницер, приведя описание Магоном быков (Col. VI, 1, 3), пишет, что оно поражает точностью в выборе терминов, непринужденностью, знанием предмета и особой красотой стиля. По его мнению, такая точность, лаконичность, строгость вообще были отличительными чертами пунической литературы [495, с. 148; ср. 360, стб. 506—508]. Соглашаясь с мнением видного исследователя в отношении Магона, мы не можем разделить его точку зрения на стиль пунической литературы вообще. Достаточно вспомнить красочные, яркие и в то же время далеко не точные описания Ганнона (во второй части его перипла) или Гимилькона, чтобы не считать отмеченные М. Шницером черты свойственными всем карфагенским писателям. Произведение же Магона полностью соответствует характеристике М. Шницера. Плиний, говоря о советах Магона, часто употребляет глагол *iubet* («приказывает»). Это едва ли случайно. Представляется, что в стиле агрономического трактата отразился прежний опыт автора как военачальника. Точный, ясный, приказной тон, не терпящий двусмысленного толкования, вполне отвечает мышлению военного человека, на досуге занявшегося полезной наукой.

Сохранились, правда весьма скудные, сведения о карфагенских философах. Ямвлих, автор довольно поздний, в своем сочинении «О пифагорейцах» упоминает среди известных нифагорейцев четырех карфагенян: Мильтиада, Антена, Годия и Леокрита (XXXVI, 267). Он не дает никаких хронологических указаний, но можно приблизительно определить время хотя бы одного из них. Несколько раньше (XXVII, 128) этот же 211

автор рассказывает о том же Мильтиаде и называет его среди тех более чем пять тысяч карфагенян, которые были высланы на пустынный остров. Один из издателей произведения Ямвлиха (А. Наук) в примечании к этому сообщению обратил внимание на сходство рассказа позднеантичного философа с рассказом Диодора (V, 11) о высадке шести тысяч карфагенских наемников на пустынный остров, где они были обречены своими командирами на голодную смерть в наказание за попытку мятежа. Диодор говорит, что это произошло во время долгих и кровопролитных войн с сиракузянами. Неизвестно, о какой конкретно войне идет речь. Скорее всего это произошло во время войн с Дионисием или Агафоклом, т. е. в IV в. до н. э. Если верить этим рассказам Диодора и Ямвлиха, то деятельность Мильтиада надо отнести, вероятнее всего, к IV в. до н. э. Это было время распада пифагорейского союза, и неудивительно, если кто-либо из пифагорейцев мог найти себе убежище в пуническом городе.

Означает ли это, что в Карфагене возникла пифагорейская школа? Иногда полагают, что это так и было, и считают людей, имена которых перечислил Ямвлих, схолаρχами, что дает, по видимому, основание говорить по крайней мере о столетии существования пифагорейской школы в Карфагене [204, с. 119]. Это предположение очень соблазнительно. Но, к сожалению, оно не имеет достаточной опоры в источниках. Ямвлих не говорит, что речь идет о схолаρχах, он только упоминает имена ставших известными (τῶν δὲ γνωρίσμενων... τὰ ὄνομα) пифагорейцев. Но возможно и то, что все эти люди жили одновременно.

Пифагорейство пришло в Карфаген, вероятнее всего, из Южной Италии, с которой, как мы видели, пунийцы поддерживали довольно оживленные контакты. Об этом косвенно говорит то, что Ямвлих поместил карфагенских пифагорейцев среди западных философов: список открывают кротониаты, что вполне естественно, затем идут метапонтийцы, акрагантиец, элеат (Парменид), тарантийцы, сибарит, а позже — паросцы (которые также могли узнать пифагорейское учение от итальянских греков), локрийцы, посейдониаты, луканы. Об этнической принадлежности карфагенских пифагорейцев говорить трудно. Судя по именам, их считают греками, поселившимися в Карфагене [204, с. 119—120; 313, т. IV, с. 214]. Это, пожалуй, очень вероятно для Мильтиада: он вместе с другим пифагорейцем — Посидеем Аргосским — упоминается среди карфагенян, высаженных на остров, а таковыми были, по Диодору, наемники, среди которых много греков. Сложнее обстоит дело с другими пифагорейцами. Нам известно, что порой но тем или иным причинам сами карфагеняне принимали греческие имена. Поэтому

они могли быть и пунийцы. Наконец, важен сам по себе факт существования в Карфагене философов-пифагорейцев, независимо от их этнической принадлежности.

Пожалуй, яснее обстоит дело с тем философом, который у себя на родине, в Карфагене, носил чисто пуническое имя Гасдрубал, а поселившись в Афинах, стал называть себя уже эллинским именем — Клитوماх. В Афинах он примкнул к академической школе, стал любимым учеником философа Карнеада и после смерти своего учителя (хотя и не сразу) стал главой платоновской Академии. Он явно получил афинское гражданство, ибо есть сведения, что афиняне даже избрали его в совет [126, стб. 656—659]. Диоген Лаэртский (IV, 67) пишет, что Гасдрубал первоначально занимался философией у себя на родине, и притом на родном языке, и лишь только в возрасте 30 лет прибыл в Афины. Сообщение о столь зрелом возрасте философа, видимо, преувеличение. По другим источникам, он приехал в Афины в 28 лет или даже в 24 года [126, стб. 656]. Имя отца философа — Диогнет (Steph. Byz., v Καρχηδών) — греческое, но из этого нельзя сделать вывод о его греческом происхождении (ср., однако [399, с. 602—603, прим. 4]), ибо, как уже говорилось, и карфагеняне могли принимать греческие имена, да и вполне возможно, что это имя, дошедшее до нас в передаче очень позднего автора, могло быть искажением или переводом пунического. К тому же сам Стефан сообщает (хотя это, может быть, тоже преувеличение), что по прибытии в Афины философ совсем не знал греческого языка. Плутарх (de fort. Alex. 5, 328 c-d) поражался способностями Карнеада, который сделал из карфагенянина Гасдрубала нодлинного грека. Так что если отец этого философа и был эллином, то его сын настолько пунизировался, что совсем не знал эллинской речи.

В сообщении Диогена Лаэртского привлекает внимание его указание на философскую деятельность Гасдрубала у себя на родине на родном языке (τῇ ἰδίᾳ φωνῇ κατὰ τὴν πατρίδα φιλοσοφεῖ). К сожалению, мы не знаем, в чем она состояла. В Греции философ, став уже Клитوماхом, примкнул к платоновской Академии, хотя был известен также в кругах перипатетиков и стоиков (Diog. Laërt. IV, 67). Можно ли говорить, что уже в Карфагене Гасдрубал проповедовал платоновскую философию? Это вероятно, хотя и необязательно. Важно то, что в Карфагене во II в. до н. э. (Гасдрубал — Клитوماх узнал о гибели родного города уже в Афинах) звучала философская проповедь на финикийском языке и находила там слушателей.

Как мы видим, в Карфагене существовали и развивались различные отрасли знаний. В одних случаях эти знания оставались чисто эмпирическими, в других — достигали известной 213

степени систематизации. Обращаясь к таким сферам карфагенской мысли, как историография и агрономия, может быть, и философия, мы обнаруживаем такие их черты, как накопление новых знаний, определенную, хотя в разных областях разную самооценку этих знаний, светскость, рационализм и, наконец, систематичность — одним словом, те качества, которые, по мнению современного науковедения, и являются основными характеристиками науки, как таковой, в отличие от суммы научных знаний [73, с. 5—13]. Большинство историков науки полагают, что на Древнем Востоке имело место накопление последних, в то время как наука в собственном смысле этого слова родилась только в античной Греции [72, с. 43—60; 73, с. 5—13]. Поэтому представляется, что и карфагенская наука явилась не наследством, полученным пунийцами от метрополии, а развилась под эллинским влиянием.

Трудно назвать конкретные пунические произведения, использованные античными историками для воссоздания истории Карфагена. Однако если принять гипотезу, что в основе знаний Трога — Юстина лежит «Карфагенская политика» Гиппагора и что этот Гиппагор был учеником Аристотеля (см. выше), то мы оказываемся в IV в. до н. э. Не раньше этого века мог появиться трактат Магона, как и другие, не дошедшие до нас сочинения карфагенских агрономов. К тому же веку относится, по-видимому, и начало распространения в Карфагене философии, по крайней мере пифагорейской. Таким образом, есть некоторые, хотя и гипотетические, основания отнести возникновение науки в Карфагене к IV в. до н. э. Правда, географические сочинения, о которых шла речь выше, датируются более ранним временем, но, как уже отмечалось, география в Карфагене не вышла за пределы эмпирических описаний.

Предложенная дата — IV в. до н. э. — соответствует тому, что мы знаем о греческом влиянии на Карфаген в других областях жизни. Именно в это время отмечается резкое усиление эллинского воздействия на карфагенское ремесло, повседневную жизнь, религию. Проявилось оно и в научной сфере.

Существовала в Карфагене и религиозная литература. Ее форму мы не знаем. Но надо обратить внимание на сообщение Плутарха (*de facie in orbe lunae* 27, 942b-c) о «святенных писаниях» пунийцев, хранившихся в храмах, доступных только жрецам и посвященным, и спрятанных в момент гибели города. Вероятнее всего, это были различные богословские трактаты или религиозные и мифологические поэмы, похожие на утаритские, или гимны, подобные латинскому гимну Целестис (CIL, VIII, 16840), или сочинения, напоминающие, хотя бы от-

относилось та сохранившаяся до периода христианства поэзия, которую Иероним (Ер. 97) называл «бесстыдной». Здесь могли описываться различные обряды, связанные с культом Астарты или Тиннит — Целестис, отличающиеся, с точки зрения христианского автора, своим «бесстыдством»¹¹.

С некоторыми натяжками к религиозной литературе можно отнести ряд пунических надписей, и в первую очередь жертвенные тарифы. В них ясно и четко перечисляются различные виды жертв и плата, следуемая жрецам за совершение жертвоприношений. Стиль их отличается простотой и лишен каких-либо украшений. Ясность и утомляющая стандартность вообще характерны для пунической эпиграфики. Объясняется ли это особенностями пунического мышления или целями такой «литературы»? Скорее всего последним. Но и первую возможность нельзя полностью не учитывать. Определенный рационализм, сочетающийся с древними нелепыми суевериями, характерен для Карфагена особенно в IV—II вв. до н. э. Достаточно вспомнить сохранение до последних дней человеческих жертвоприношений и в то же время существование светской историографии и философии, как и умелое управление делами державы.

* * *

Падение Карфагена не привело к уничтожению пунической культуры, в том числе словесности. Передача нумидийским царям карфагенских библиотек стимулировала развитие местной культуры. Недаром многие сведения о содержании «пунических книг» почерпнуты из произведений Гиемпсала и Юбы. Но и сами пунийцы продолжали существовать. Еще очень долго в Африке звучал их язык. Даже в V в. н. э. пуническая речь оставалась живой, а вместе с ней и пунический фольклор. Гиппонский епископ Августин приводит даже известную в его время пуническую поговорку о чуме, любящей монеты (Sermo 167, 4). Сохранились и исторические предания. Под влиянием победившего христианства они трансформировались: воспоминания о ханаанейском происхождении соединились с библейскими повествованиями, и в VI в. н. э. византийский историк Проконий в своем сочинении «О вандалской войне» (II, 10) связывает происхождение африканских финикийцев с беглецами от Иисуса Навина [469а, с. 423—426]. Конечно, от всей в свое время, видимо, довольно богатой литературы Карфагена сохранились только остатки, но и по ним можно судить, какого уровня достигли карфагеняне до роковой даты — 146 г. до н. э.

¹¹ Впрочем, не исключено, что в последнем случае речь шла, как предполагал М. Шницер, уже о чисто светской эротической поэзии [495, с. 144]. 215

Никакой народ, никакую культуру нельзя понять (или хотя бы приблизиться к ее пониманию), не рассмотрев искусство этого народа. Это полностью относится и к карфагенянам. В советской литературе в последнее время пуническому искусству были посвящены соответствующие главы популярной книги Н. А. Сидоровой и А. П. Чубовой «Искусство римской Африки» и более глубокого научного исследования Т. П. Каптеревой «Искусство стран Магриба. Древний мир». Это освобождает нас от необходимости искусствоведческого анализа и позволяет рассматривать произведения карфагенских мастеров исключительно с точки зрения истории пунической культуры.

Пуническое искусство было частью искусства финикийского, хотя и приобрело некоторые оригинальные черты. Для финикийского же искусства характерны такие черты, как заимствование чужих (египетских, месопотамских, позже — греческих) тем и образов для создания собственных произведений, в которых заимствованные элементы соединяются в причудливые и оригинальные композиции, обладающие символическим смыслом, вносимым самими финикийцами; символичность и декоративность; стилизация и ритмичность; ориентация мастеров не столько на эстетические, сколько на практические свойства предмета (имеются в виду как религиозные, так и экономические цели) и, насколько можно судить по известным ныне произведениям, маломасштабность и «портативность» преобладание малых форм декоративно-прикладного искусства [42, с. 22—27; 135, стб. 301; 415, с. 17; 416, 1—10].

Сказанное не означает, что финикийцы вообще и пунийцы в частности не создавали монументальных форм. Не говоря об архитектуре (о храмовой и гражданской архитектуре Карфагена уже шла речь) надо несколько слов сказать о скульптуре.

Известен торс из Сарепты, а также огромная статуя бога, разрывающего льва, найденная на Кипре [135, стб. 306; 221, с. 2283,

рис. 1297]. Подобные статуи имелись и в Карфагене. Правда, известны они нам в основном из указаний античных авторов. Так, Аппиан (Lib. 127) говорит о статуе Аполлона, т. е. Решефа, стоящей в его храме. Диодор (XX, 14, 6) описывает колоссальную бронзовую статую Баал-Хаммона (Крона), полую внутри, с неимоверно длинными руками, достигавшими земли и соединенными каким-то специальным механизмом с телом, ибо они поднимали с земли жертву и бросали внутрь скульптуры. По словам Аппиана (Lib. 135), статуи из Карфагена были погружены на повозки и провезены по Риму во время триумфального шествия Сципиона Эмилиана, победителя и разрушителя Карфагена. Правда, александрийский историк прибавляет, что сами карфагеняне привозили эти произведения в течение многих лет в свой город из всех стран. Но многие из них были, возможно, и собственно пунические.

Отдельные аристократы могли украшать свои дома произведениями искусства, в том числе скульптурой. Так, известно, что Ганнибал имел медные статуи, которые взял с собой во время бегства из Карфагена и с которыми не расставался даже на Востоке, несмотря на превратности судьбы (Нер. Hannib. 93).

Пока археологи почти не обнаружили больших статуй в Карфагене. Единственным образцом крупной круглой скульптуры в пунической столице является статуя богини, о которой уже упоминалось. Найдены три фрагмента этой статуи, но они позволяют восстановить ее, тем более что верхняя часть сохранилась довольно хорошо. Скульптура изображает богиню, сидящую на троне, украшенном керубами. На голове — покрывало, спускающееся на плечи. Лицо тщательно обработано и моделировано, глаза полузакрыты, выражение лица совершенно бесстрастно. Тело богини закутано в плащ с закругленными мягкими складками. Правая рука прижата к груди и придерживает край плаща, левая опущена [214а, с. 60 и рис. на с. 59]. Тщательностью обработки, моделировкой, приемами изображения складок плаща эта статуя напоминает греческие, и можно согласиться с ее вероятной датировкой III—II вв. до н. э. [434, с. 156]. В то же время ее поза, как и сам мотив божества, сидящего на троне в окружении керубов, явно восточного происхождения.

К сожалению, монументальная скульптура в Карфагене не сохранилась и сохраниться не могла: город был полностью разрушен, а его украшения вывезены. Поэтому основная часть всех произведений искусства (и художественного ремесла, ибо многое из найденного можно безоговорочно отнести к искусству в полном смысле этого слова) происходит из раскопок могил и тофетов. Светское искусство, создаваемое для людей, могло раз-

виваться несколько иначе, хотя, разумеется, и не радикально иначе. С учетом этой оговорки попробуем проследить развитие искусства Карфагена.

Раннее искусство

Ранние могилы и нижние слои тофета дают изделия, очень напоминающие те, которые имели хождение в метрополии. Судя по находкам, в VII—VI вв. до н. э. и, может быть, раньше было широко распространено изготовление небольших терракотовых статуэток. Одни из них имели колоколовидное туловище, сделанное на гончарном круге, на котором могли изготавливать и голову, которую затем грубо моделировали, придавая ей сходство, впрочем весьма отдаленное, с человеческим лицом; вручную делали отдельные части тела, потом их присоединяли к фигурке, причем подчеркивались признаки пола; создавали карфагеняне и гермафродитные фигурки [434, с. 1555 и фиг. 162]. Изготовленные из местной глины, эти фигурки были произведены в карфагенских мастерских, но полностью соответствовали канонам метрополии. Они, в частности, напоминают палестинские статуэтки Астарты тоже VII в. до н. э., хотя и несравненно грубее их [118, фиг. 38].

Другие терракотовые фигурки создавались в специальных формах, как это делали и греческие коропласты. Наиболее древние из них, как, например, статуэтки сидящих богинь, поддерживающих рукой груди или держащих у груди какой-то предмет, украшенный пальметтой, полностью соответствуют восточным образцам [125, с. 71 и фиг. 57, 58]. Некоторые, более поздние, напоминают работы эллинских мастеров, как, например, фигурка богини, держащей у груди какой-то круглый предмет [434, с. 156 и фиг. 163]. Другие подобные статуэтки подражали египетским образцам [434, с. 156 и фиг. 164]. Такое смешение греческих и египетских мотивов было характерно для Карфагена. Надо, однако, иметь в виду, что эллинизирующее течение было в то время все же еще очень ограниченным.

Из обожженной глины изготавливались также маски, которые, по-видимому, должны были отпугивать или сместить демонов, дабы обеспечить покой живых и мертвых, а может быть, они и сами изображали духов. Это сравнительно небольшие вещи, меньше человеческого лица, так что их нельзя было надевать на лицо. Исследователи делят эти маски на несколько групп. Самые ранние, относящиеся к VII в. до н. э., — гротескного типа: глаза неестественно раскрыты, нос вдавлен, рот перекошен и передвинут на сторону, все «лицо» покрыто наростами или

юдавками [42, с. 61—62; 413, с. 186—187]. Такие маски долгое время считали чисто пуническими произведениями, видя в них оригинальное проявление карфагенского искусства. Однако в последнее время новые находки на Востоке, в Финикии и Палестине, показали, что эти маски ведут происхождение из метрополии: там их теперь обнаружено сравнительно много, причем некоторые относятся к более раннему времени, чем карфагенские [488, с. 108—118].

То же самое можно сказать о керамике. Как по формам, так и по геометрической росписи, расположенной полосами или группирующейся в метопах, она подобна восточносредиземноморской и также ведет свое происхождение из Финикии [215, с. 390—413].

В Карфагене встречаются, правда очень редко, терракотовые фигурки, изображающие человека в керамическом корыте, или модели лодки. Едва ли следует сомневаться в их кипрском происхождении [162, с. 26—28].

С Востока пришли в Карфаген и типы ранних стел в виде тронов или храмиков. Изображения тронов божеств довольно часто встречаются в Финикии (например, [434, фиг. 116]). Недавние находки показали, что и храмики также были распространены и в самой Финикии, и в финикийских городах Кипра [227, с. 47—53].

Изучение карфагенских украшений, в том числе ожерелий и подвесок из золота и драгоценных или полудрагоценных камней, также показывает, что основные формы карфагенские ювелиры заимствовали из метрополии [454, с. 115—117]. При этом в некоторых формах видно даже их месопотамское происхождение [454, с. 48—50]. Оттуда же были заимствованы и инталии цилиндрической формы (резные камни с углубленным изображением), о которых уже говорилось в главе III.

Но гораздо более значительным, чем месопотамский, был египетский вклад в рождающееся пуническое искусство. Его легко узнать и в некоторых терракотовых статуэтках, о которых говорилось выше, и в украшениях [454, с. 85, 100—103], и в амулетах и скарабях [371, с. 95—102].

Таким образом, едва ли надо сомневаться в том, что в начале своей истории пуническое искусство ничем практически не отличалось от восточнофиникийского. Не только месопотамское, но и египетское влияние, по крайней мере частично, достигали Карфагена через Финикию.

Однако с течением времени начинает проявляться оригинальность пунических мастеров. Это вполне естественно: какими бы тесными ни были духовные, в том числе культурные, связи с мет-

ронолией, иные условия жизни приводили к изменениям в заимствованных формах. В разных видах искусства эти изменения были различны и неодновременны.

Пунический вариант финикийского искусства

Уже говорилось, что в начале VII в. до н. э. изменяется керамика: исчезает красная керамика, появляются новые формы сосудов, а роспись удаляется с поверхности. С точки зрения искусства о пунической керамике долгое время нельзя будет говорить. Пунической вазописи в VII—V вв. до н. э. не существует.

Изменения происходят и в масках. Гротескные маски некоторое время сосуществуют со «смеющимися», а затем и вовсе уступают им место. На «смеющихся» масках исчезают уродливые наросты и намеренные перекосы черт. Вместо бородавок на лице изображаются морщины, покрывающие лоб и щеки, глаза показываются в виде отверстий, имеющих форму перевернутого полумесяца, рот растягивается в зловещей улыбке и, открываясь, обнажает два ряда зубов [42, ил. 8]. Переходной между этими двумя группами является третья, представленная, правда, пока всего двумя экземплярами: лицо относительно правильное, на нем сохраняются бородавки, но вместе с тем вырезаны и морщины, рот приоткрыт, но поставлен горизонтально, глаза вырезаны в виде перевернутых полумесяцев [42, ил. 9]. Маски такого типа также найдены на Востоке, но глаза их горизонтальны или слегка раскошены [488, фиг. 7; 8]. «Смеющиеся» маски были, видимо, пуническими.

В конце VII—VI в. до н. э. появляются и оригинальные формы украшений, имеющих вид ящичка, украшенного ромбом, а затем и в виде развернувшегося и перевернутого цветка лотоса [454, с. 97—98, 103—104], а также серьги-кольца, оплетенные тонкой проволочкой [225, с. 35].

Интересны в этом отношении и изделия из слоновой кости. Они в принципе имеют несомненное восточнофиникийское происхождение. И изображения также восходят к изобразительному репертуару метрополии, как, например, лежащий сфинкс (или керуб) с птицей на крупе, или два грифона в геральдической позе, или же идущий с наклоненной головой бык [125, фиг. 65, 69, рис. 30]. Однако техника изготовления финикийских (точнее, восточнофиникийских) и карфагенских изделий различна. В то время как на Востоке все изображения рельефные [288, с. 110], на Западе (не только в Карфагене, но и

и Испании) они процарапанные, гравированные. Такая техника была свойственна более ранним этапам финикийско-ханаанейского искусства и забыта резчиками по слоновой кости в I тысячелетии до н. э. Пунические же, как и испано-финикийские, мастера сохранили старые традиции.

Другим признаком отхода от восточнофиникийских образцов был отказ от месопотамского влияния. И цилиндрические инталлы, и гвоздеобразные подвески ассирийского типа исчезают после VII в. до н. э. Видимо, именно тогда появляются, как бы взамен месопотамского влияния, первые, еще очень робкие воздействия, идущие от греков Самоса и Родоса, которые прослеживаются в терракотовых фигурках, о которых уже говорилось [207, с. 114]. По-видимому, под греческим влиянием появились мужские и женские маски-протомы, отличающиеся от других масок правильностью черт и иной техникой, в частности изображением глаз, не прорезанных, а скульптурно выполненных и слегка косо поставленных, как это было обычно в греческой архаической скульптуре [42, с. 63—65, рис. 10—12].

Можно говорить и об изменениях в египтизирующих формах. Наряду с сохранением пуническими резчиками старой техники сохранилась приверженность к египетским амулетам, в то время как сами египтяне уже начали от них отказываться [8, с. 267]. Другим примером заимствования карфагенянами египетских форм, но имеющих иное содержание, являются стелы. В V в. до н. э., как уже говорилось, старые стелы в виде тронов и храмовых заменяются более вытянутыми обелискообразными. Их происхождение от египетских обелисков едва ли можно подвергнуть сомнению. Однако если в Египте обелиски были первоначально символами солнца, а затем украшениями храмов [51, с. 161], то в Карфагене они, значительно уменьшенные, превратились в носовитительные стелы.

~~Пунические художники, как, впрочем, и их восточные родственники, могли соединять различные чужеземные черты для достижения оригинального эффекта. Это мы видим в некоторых протомах, как, например, в женской, в которой финикийские черты лица и украшение в виде носового кольца сочетаются с греческой моделировкой этого лица и египетской прической и налобной лентой [42, ил. 10]. Характерно сочетание именно египетских и эллинских влияний, что обычно для Карфагена.~~

К египетским прототипам восходят и так называемые бронзовые бритвы, в действительности — votивные амулеты в виде тонориков. Самые ранние из них относятся ко второй половине VII в. до н. э. и не имеют никаких украшений, кроме иногда встречающегося пунктирного узора [413, с. 190]. Позже их форма изменяется. Они несколько увеличиваются в разме-

рах, ручка изгибается и украшается головой гуся или лебедя, а само поле начинает покрываться гравированными изображениями [42, с. 59; 413, с. 190].

Можно отметить также использование скорлупы страусовых яиц. Чаще всего яйцо разбивали, и обломки, принимавшие различную форму — дисков, полукругов, прямоугольников с острыми или закругленными углами, — расписывали. Чаще всего изображались широко открытые глаза, явно имевшие магическое значение. Иногда же яйцо обрезалось, превращаясь в своеобразную чашу, также покрываемую росписью. В появлении и распространении изделий этого вида надо видеть местное африканское влияние. Эти вещи пунийцы начали создавать в VII в. до н. э., хотя тогда они были еще очень редки. Наибольшее распространение их наблюдается в VI—III вв. до н. э., и они снова стали редкими во II в. до н. э. [127, с. 32—56].

Культурные связи Карфагена с метрополией никогда не прерывались. Поэтому естественно, что восточнофиникийские формы продолжали существовать и в Карфагене. Таковой была, например, фигурка из слоновой кости, изображавшая богиню (видимо, Астарту), сжимающую груди руками. Эта фигурка, вероятно, служила ручкой зеркала [125, ил. 86]. Появление протом тоже, как кажется, соответствует эволюции масок в Финикии [488, с. 114—116]. Хотя пути технического исполнения гребней и пластин из слоновой кости в самой Финикии и на Западе разошлись, стилистика изображений была в обеих областях финикийского мира одинаковой. Исследование восточнофиникийской резьбы (в сравнении с сирийской, с которой ранее смешивали финикийскую) показало, что для финикийских изделий характерны большая (чем у сирийцев) симметричность и чувство равновесия, более легкие и удлиненные пропорции фигур, более точный и элегантный рисунок, сугубо профильное изображение персонажей, расположение элементов рисунка с таким расчетом, чтобы глаз двигался по пространству, заполненному изображением [529, с. 6—11].

Все эти качества в той или иной степени характерны и для работ пунических резчиков. Таков, например, гребень VI в. до н. э. с изображением лежащего бескрылого сфинкса вытянутых пропорций. Приподнятые крылья восточнофиникийских сфинксов здесь заменяет птица, сидящая на крупе фантастического зверя, поднятая голова зверя расположена почти в середине пластинки, а цветы лотоса, занимающие ее левую часть, уравнивают фигуру птицы [125, с. 65]. На оборотной стороне того же гребня изображен бык среди лотосов; его фигура также слегка вытянута, дана в профиль, очерчена четкой линией; весь рисунок точен и элегантен; правда, здесь нет четкой

симметрии, но общая уравновешенность несомненна [321, фиг. 75]. Полная симметричность и профильность характерна для другого гребня с изображением грифонов по обе стороны от картуша [125, ил. 69]. А на гребне VII в. до н. э., на котором изображен выезд какого-то знатного лица на колеснице, роль центра играет пустое пространство, по обе стороны от которого, уравновешивая друг друга, располагаются, с одной стороны, голова вельможи, а с другой — головы коней [125, ил. 70]. Общие черты с искусством метрополии можно найти и в ряде других произведений пунических мастеров.

Мы видим, таким образом, что пуническое искусство в целом остается в рамках общефиникийского. Но, используя восточные образцы, карфагенские мастера создают свои оригинальные вещи. Пунические художники сохраняют такие приемы, от которых уже отказались их восточные собратья, и в то же время развивают другие, как это наглядно видно на примере «смеющихся» масок. К этому надо добавить отказ от месопотамского влияния, но усиление египетского (что во многом было обусловлено тесными связями между Карфагеном и Египтом), а также начало греческих и африканских воздействий. Именно в перекрестии всех этих факторов родились наиболее оригинальные произведения художников Карфагена.

Среди этих произведений надо в первую очередь отметить посвященные стелы, представляющие наиболее массовый материал. Не говоря сейчас ни о религиозном смысле, ни об архитектурном оформлении стел (об этом уже шла речь раньше), обратимся к их рельефам. В более раннее время, когда еще господствовали формы, подобные восточнофиникийским, техника рельефа была следующей: внутри поля стелы вынималось пространство, так что само изображение оставалось выпуклым и помещалось как бы в нишу, стенками которой были края самой стелы; поверхность изображения падалась на одном уровне с поверхностью всей стелы. Такими изображениями были чаще всего бегилы столбообразной или геометрической формы (например, [191, Сб-101, 102, 109, 114, 139]), но могли быть также астральные знаки, и «знак Тиннит» [191, Сб-155, 157, 158], и даже, хотя и очень редко, человеческие фигуры [191, Сб-129]. Такая техника явно идет из метрополии. Именно так были выполнены и стела из Амрита V в. до н. э. с изображением бога на льве, и знаменитая стела Баалйатона III—II вв. до н. э. [434, рис. 121, 122].

Когда же карфагеняне стали ставить обелискообразные стелы, изменилась и техника рельефа. Теперь изготовители стел прорезают линии фигуры в камне стелы, так что получается углубленный рельеф, который столь широко был распространен 223

в Египте. Надо отметить, что такой принцип рельефа известен и в Финикии: так, например, изображен царь Йехавмилк, стоящий перед богиней, на стеле из Библа IV в. до н. э. [434, рис. 49]. Но в городах самой Финикии этот прием использовался все же сравнительно редко. В Карфагене же, как и во всей сфере его культурного влияния, он имел широкое применение. [Первоначально изображения фигур на этих карфагенских стелах были сравнительно редки.] Чаще всего изображался «зяк Тиннит» или «знак бутылки» [Но позже рисунок усложнился. И здесь надо обратить внимание на некоторые композиционные принципы пунического искусства.]

В первую очередь бросается в глаза, как лунические художники соединяли рисунок со свободным пространством. В этом отношении интересна знаменитая стела с изображением жреца, несущего ребенка (см. рис. 9а и 9б в конце книги). Фигура жреца резко сдвинута вправо и настолько отодвинута к краю, что кажется, будто мастеру не хватило места и конец согнутого локтя совпадал с краем камня, в то время как слева оставлено широкое свободное пространство. В то же время изображение в верхней части стелы разворачивается строго симметрично: друг над другом расположены три фриза, состоящие из трех одинаковых розеток, четырех ов и линии спирали из семи завитков, над ними два изогнутых дельфина, находящихся по обеим сторонам розетки, охваченной перевернутым полумесяцем, а выше — перевернутый цветок, причем средняя линия всех верхних изображений строго совпадает с воображаемой прямой, идущей из вершины треугольного завершения стелы. Обратившись снова к фигуре жреца, мы видим, что мастер дает сугубо профилное изображение (без всяких уступок египетскому канону). Но пространство вокруг фигуры он не учитывает [434, фиг. 171, 172].

На другой стеле того же времени изображен жрец, стоящий на алтаре [191, Сб-442]. Фигура жреца занимает приблизительно середину камня, но алтарь сдвинут влево. Символические изображения чаще располагаются по центральной оси стелы, но это не является обязательным принципом. Создается впечатление, что при нанесении рисунка художники вообще или почти не принимали во внимание само поле изображения, не рассматривали свободное пространство как самостоятельный элемент композиции; для них оно выступало только как место, где располагаются фигуры. Художнику важно было изобразить фигуру или символ, а пространство вокруг не имело значения.

Практически то же самое заметно и в изделиях, украшенных резьбой по слоновой кости. На том же гребне с изображением 224 выезда видно, что резчику не хватило места для расположения

всех элементов рисунка. За пределами поля изображения остались часть головы человека и колеса колесницы в левой части и копыта коней — в правой. Человеческая фигура непропорционально мала по сравнению с колесницей и конями. Означает ли это, что резчик просто не справился со своей задачей — разместить рисунок в определенном пространстве? Скорее всего это пространство ему было просто безразлично.

Это (безразличие к пространству, понимание его только как места, на котором нужно поместить изображение, отражает, как кажется, характерную черту пунического мышления: подчеркивание смысла рисунка при полном безразличии к его эстетической ценности. Это не означает, что произведения пунического искусства не производят художественного впечатления, лишены эстетических качеств. Дело в том, что их создатели субъективно никаких эстетических задач перед собой не ставили.)

(Еще одна черта композиций) — подчиненность расположения отдельных элементов внеэстетическим принципам, т. е. иерархии, определенной местом того или иного элемента в религиозной системе ^{без} учета художественного впечатления ~~их~~ взаимоотношений [42, с. 80]. *Одежды. Рисунков*)

Представляется, что именно такие композиционные принципы и привели к чрезмерной перегруженности пунических стел, которые чем позже, тем больше наполняются различными изображениями, так что в неопунических произведениях уже все пространство оказывается занято плотно заполненным (например, [191, Сб-963—974]).

Сами изображения линейны, графичны, плоскостны (ср. [76, с. 32]). Художник стремится передать чисто внешние черты, что вполне отвечает символичности изображений, и не пытается изобразить, например, переживания и чувства людей. Снова вспомним фигуру жреца с ребенком. Уверенный и кое-где даже нарочито небрежный, легкий рисунок выдает руку хорошего мастера, прекрасно знакомого с техникой гравировки и, может быть, с искусством лучших мастеров Греции и других стран. В то же время рисунок в основном контурный, художник отказывается от всякой попытки моделировки тела и передачи его деталей. Прямая вертикальная линия за левой ногой, вероятно, передает край прозрачной одежды. Фигура ребенка, которого жрец несет на левой руке, вообще сведена к минимуму линий, намечающих только общий контур, даже голова его дана лишь несколькими неправильным кругом без обозначения лица. Ясно, что художнику было важно передать само действие: жрец несет ребенка, предназначенного, видимо, в жертву божеству. Сами же участники этого действия остаются автору безразличны. И снова мы встречаемся с тем же самым: 225

со стремлением художника передать только смысл изображения. Это в данном случае выступает тем более наглядно, что художник был явно незаурядный и, может быть, даже сознательно подчинивший художественные устремления внеэстетическим принципам.

То же видно и в произведениях коропластов и керамистов. Они изготовляли довольно грубые вещи, имеющие сравнительно небольшую художественную ценность, которые воспринимаются нами скорее как интересный источник наших знаний о религии или ремесле, чем как произведения искусства. Об этом свидетельствует хотя бы факт полного исчезновения росписи сосудов в Карфагене. Характерен и другой момент. Восприняв сравнительно рано, хотя и не в очень большой степени, влияние греческой архаической коропластики, карфагенские авторы затем упорно следовали архаическим образцам. Даже когда в IV в. до н. э. место протом заняли маски силенов или сатиров, воспроизводящие греческие образцы, эти маски восходили не к позднеклассическим или эллинистическим произведениям греков, а к архаическим [197, с. 547]. Хотя, как мы увидим дальше, греческое искусство в это время уже широко проникает в Карфаген.

Итак, карфагенских мастеров интересовала не столько эстетическая, сколько практическая функция предмета (включая и религиозную практику). И, стремясь выделить именно ее, они порой могли достигать в своих произведениях известной выразительности, вызывающей эмоциональный настрой. Таковы росписи страусовых яиц с огромными глазами, смотрящими прямо на зрителя [127, табл. I—V]. Таковы и небольшие подвески или бусины V—III вв. до н. э., служившие амулетами, выполненные из цветного стекла и раскрашенные: они воспроизводят человеческие или божеские лица, по-видимому, довольно верно передающие характерные черты пунического антропологического типа (в отличие от масок), но главное в них — тоже глаза, непомерно большие и даже несколько жутковатые. Такое внимание к глазам не случайно. Глаза, видимо, должны были зачаровать и отогнать злых духов, которые в противном случае могли бы угрожать живому или мертвому владельцу этих амулетов. Но и современный зритель испытывает некоторое беспокойство под этим пристальным взглядом тревожных голубых глаз.

На первый взгляд всему сказанному противоречат некоторые произведения пунических ювелиров. Таковы, например, подвески в виде ниши с полукруглым верхом и с изображением внутри ее алтаря со стоящим бутылеvidным идолом и уреями по бокам. Несмотря на египетский мотив уреев, эти произведе-

ния, изготовление которых начинается, по-видимому, во второй половине VII в. до н. э., чисто пунического происхождения. Мастер превосходно использует пространство, совершенно естественно вписывая в него различные священные изображения [125, рис. XVI; 454, с. 55—66]. Другим примером могут быть позничные золотые серьги, украшенные легкой гравировкой, перьями, накладным орнаментом в виде многолепестковой розетки, плетенкой и проволокой между двумя золотыми пластинами, составляющими эти серьги [125, ил. XVII, XIX].

Еще больше впечатляют изображения на золотых щитках плет. На одном изображен бог, вероятнее всего Мелькарт, поражающий льва (см. рис. 10 в конце книги). Ювелир очень хорошо справился с заданным пространством овального щитка: заштрихованная полоска, опирающаяся на пальметту, отделяет низ щитка и передает как бы горизонтальную землю, на которой происходит сражение; сильная, энергичная и очень динамичная фигура бога, ногой попирающего круп зверя, а рукой держащего его за гриву, занимает центральное место, своей общей вертикальной направленностью подчеркивая вытянутость поля изображения, в то время как небольшая фигурка льва, вытянутая по горизонтали, соответствует заштрихованной полосе земли; свободное пространство над головой Мелькарта занято изображением двухлезвийного топора, который бог держит в правой руке, готовясь нанести решающий удар, и полумесяцем с диском; вся картина дышит нылом борьбы и яростной динамикой [125, ил. XIII]. Зато ноком и даже некоторой идиллическостью веет от головы бородатого бога в крылатом шлеме, изображенного на другом золотом щитке (см. рис. 11 в конце книги). Мягкие эlegantные линии, умелая моделировка, равновесие различных элементов и гармоническое сочетание с формой щитка — все это характерно для этого изображения [125, рис. XV]. Можно привести и другие примеры.

Эти и подобные им произведения ясно показывают, что карфагеняне далеко не были лишены чувства прекрасного, чувства гармонии. Произведения ювелиров, в значительной степени предназначенные служить украшениями, создавались с учетом назначения их именно как украшений и поэтому изготовлялись по всем принципам красоты и гармонии. Одним словом, когда пунийцы хотели создавать красивое, они умели и могли это делать. Однако это не только не противоречит сказанному, но, пожалуй, даже подтверждает его. Перед нами снова подчеркивающие функции произведения. Если предмет создавался для украшения, он изготовлялся по всем канонам красоты. Если главным было выражение религиозного чувства, то подчеркивался именно этот аспект, а все остальное ему подчинялось. 227

Если работа мастера имела чисто утилитарное значение (например, сосуд), то заботы об украшении отходили на задний план или даже вовсе забывались ее создателем.

Свое чувство прекрасного пунийцы во многом удовлетворяли, привозя в свой город купленные или награбленные произведения искусства из других стран. Об этом писал Аппиан (Lib. 135). Это подтверждают археологические раскопки, давшие значительное количество египетских, греческих и этрусских произведений.

Надо отметить еще одну важную черту пунического искусства: некоторую строгость и сухость [205, стб. 311]. Ее можно видеть в графичности и плоскостности резьбы по камню и слоновой кости, в отсутствии живописной моделировки скульптурных произведений, в том числе протом и масок, в скучноватой геометричности росписи сосудов (пока она была) и скорлуп страусовых яиц, в том, что ювелирные произведения при всем своем изнестве лишены игры света и тени, легкой ажурности и обилия украшений, в частности неупорядоченной зерни, столь характерных, например, для изделий испано-финикийских мастеров, да и ювелиров метрополии тоже.

Не вдаваясь в подробности искусствоведческого анализа, можно было бы, по наш взгляд, отметить следующие характерные черты пунического искусства: подчеркивание функционального смысла произведения и его практического значения (включая религиозное назначение), подчиненность композиций внеэстетическим критериям, некоторая строгость и сухость исполнения, слияние африканского, египетского, этрусского и греческого влияния с финикийскими истоками, появление некоторых оригинальных форм и в то же время приверженность к архаизму. Пуническое искусство развивалось внутри общепунического, оно было его ветвью, и ветвью во многом оригинальной, хотя, как показали недавние находки на Востоке, эту оригинальность не следует преувеличивать.

Искусство IV—II вв. до н. э.

Может быть, с рубежа V—IV вв. до н. э., но определенно с IV в. до н. э. начинается новый этап истории пунического искусства, для которого характерен ряд качественных изменений. Этот этап связан с резко возросшим греческим влиянием, которое все сильнее ощущается в Карфагене.

Уже говорилось, что среди иностранцев, живших в Карфагене, было значительное число греков. Среди них были и художники. Имя одного греческого скульптора, жившего

(или по крайней мере родившегося) в Карфагене, известно — Боэф сын Аполлодора. Раньше этого Боэфа путали с его тезкой из Халкедона, считая, что речь идет об одном художнике, в результате чего возникали бесконечные дискуссии по поводу места его происхождения: Карфаген (Кархедон) или Халкедон (например, [460, стб. 604—606]). Однако более поздние находки, в том числе надписи на постаментах статуй, показали, что это два разных человека: Боэф из Карфагена был сыном Аполлодора и жил, по-видимому, во второй половине III в. до н. э., а Боэф из Халкедона — сыном Афанайона и работал в первой половине II в. до н. э. [370, с. 118—120].

Павсаний упоминает (V, 17, 4) созданную Боэфом из Карфагена позолоченную статую мальчика в храме Геры в Олимпии. Этот же художник был автором статуи мальчика с уткой, обнаруженной в Эфесе; ему иногда приписывают также известное изображение мальчика, который душит гуся, и упомянутую Цицероном (in Verr. IV, 40) бронзовую гидрию, которая в течение нескольких поколений хранилась в одной семье в Лилибее и которую захватил римский наместник Веррес [370, с. 12; 463, стб. 916]. Надо, однако, сказать, что произведения Боэфа, насколько можно судить по более поздним копиям и описаниям, не выходили из круга эллинистического искусства; они никак, кроме как топографически, не были связаны с Карфагеном и его художественной культурой. Мы совсем не знаем биографию этого художника и не можем сказать, какова была роль Карфагена в его воспитании. Во всяком случае, тот факт, что его произведения находились в различных местах эллинистического мира, говорит, что он был греческим мастером.

И все же искусство эллинских мастеров не могло не оказать влияние на карфагенян. Ярчайшим доказательством этого являются некоторые карфагенские саркофаги IV—III вв. до н. э. Среди них надо выделить две группы. К первой относятся те, которые напоминают греческий храм с двускатной крышей и фронтонами, расписанными изображениями различных существ, связанных с потусторонним миром (~~Сцилла с собаками, грифоны, крылатые божеества~~), и все это окаймлено виноградными лозами и волютами. Верхний край и базы саркофагов украшены линиями ов, сердцевидных листьев и другими греческими орнаментальными мотивами. И форма самого саркофага, и основные мотивы украшений заимствованы у греков. Однако использованы только те мотивы, которые отвечали пуническим представлениям о мире смерти (~~см. выше~~). Поэтому вполне можно согласиться с теми исследователями, которые видят в этих произведениях соединение эллинских и пунических элементов: архитектура миниатюрных храмов — греческая, 229

а роспись на фронтонах — пуническая) [197, с. 544—545]. С одной стороны, эллинское преобладание в этих произведениях столь ясно, что их можно рассматривать как провинциальный вариант греческого искусства; с другой — как роспись, так и обычно несвойственное грекам избрание для саркофага формы храма позволяют с определенностью говорить, что одновременно эти изделия находятся и в сфере карфагенского искусства. В связи с этим можно вспомнить, что более ранние пунические стелы также воспроизводили храмы. Поэтому есть основания определить это направление искусства как греко-пуническое.

Еще интереснее саркофаги второй группы, которые также целиком относятся к этому направлению в искусстве Карфагена. Это прямоугольные ящики с плоской крышкой, на которой помещена в полный рост статуя. Эти статуи выполнены в соответствии с лучшими образцами греческой скульптуры. Такова статуя пожилого мужчины с серьезным, задумчивым выражением лица (лицо тщательно промоделировано), с благородными и гармоничными чертами, линия лба незаметно переходит в линию носа, как это было принято у греков, глаза широко открыты. Лицо окаймлено мягкими локонами волос, усами и бородой (см. рис. 20 в конце книги). На нем длинная широкая одежда, мягкими, искусно вылепленными складками ниспадающая до самых ступней. Под одеждой чувствуется крепкое тело. Хотя этот мужчина представлен лежащим на крышке саркофага, изображен он фактически стоящим, причем так, как это делали скульпторы греческой классики, например Фидий: он опирается на левую ногу, а правая слегка согнута в колене и отставлена назад. Все это полностью восходит к греческому позднеклассическому искусству. Но поза старика сразу же напоминает пунические образцы: поднята в благославляющем жесте правая рука, как это было у Баал-Хаммопа из Хадрумета, а в левой он держит курительницу. И само соединение человеческой фигуры с саркофагом восходит к египетским и финикийским образцам. Все это ясно говорит о том, что произведение относится к сфере карфагенских представлений о смерти и о смысле предмета [42, с. 70; 76, с. 27—30; 324, табл. 13; 434, рис. 179].

В данном случае неважно, кем был по происхождению мастер, греком или финикийцем. Это был человек, прекрасно знающий греческое искусство, умеющий его воспроизводить, но передающий пунический образ мышления. И неважно, сам ли художник так думал и чувствовал или только выполнял волю заказчика. Объективно перед нами произведение, в котором достижения эллинского искусства формы соединялись с пуническим содержанием.

о которой уже упоминалось в главе V: (на крышке саркофага представлена женщина, как бы вписывающаяся в изображение голубя (см. рис. 19 в конце книги). Спокойное классическое лицо, одежда, выявляющая пропорции прекрасного женского тела, необыкновенное чувство красоты и пропорций, столь характерное для эллинского искусства; и в то же время голубь, символ Тиннит, — в одной руке, чаша — в другой и сама гигантская фигура голубя, охватывающая эту женщину, — все это, несомненно, типично пунические черты [42; с. 71 и ил. 19—20; 324, табл. 13; 434, фиг. 178].

Эти саркофаги выполнены из сицилийского мрамора [42, с. 72]. Некоторые особенности карфагенской скульптуры, такие, как определенный архаизм, декоративность, стремление передать в лицах страдание (углубленный вырез глаз, приоткрытый рот), также позволяют видеть в ней влияние искусства греческой Сицилии (ср. [367а, с. 17—18]).

Этими известными и прославленными произведениями греко-пуническое направление карфагенского искусства не исчерпывается. К нему можно отнести, например, так называемую туринскую стелу с изображением богини, вероятно Деметры или Кору, стоящей в нише, оформленной в виде греческого храма: две колонны по бокам фигуры богини, антаблемент, состоящий из карниза и фриза, украшенного овами, треугольный фронто́н с фигурой пантеры внутри и акротериями по бокам. При первом взгляде греческое влияние представляется несомненным, и только пуническая надпись выдает происхождение стелы. Однако более внимательное рассмотрение позволяет увидеть черты, несвойственные греческой архитектуре даже в эпоху эллинизма, когда смешивались элементы различных ордоров: колонны на ионической базе и с ионическими каннелюрами, но увенчанные дорическими капителями, пояс зубчиков, располагающийся не между архитравом и карнизом, как это было обычно в греческой архитектуре, а вместо карниза при отсутствии архитрава. И все эти черты сочетаются с эллинской обработкой материала, необыкновенным умением вписать прекрасно изваянную статую в архитектурное пространство, чувством равновесия и гармонии [324, табл. 45; 324, с. 158—159 и табл. 11; 378, с. 65—66].

К этому же направлению принадлежат выполненные из обожженной глины статуи Деметры, Кору и «Плутона», созданные в IV в. до н. э. и найденные в святилище в Корбе на мысе Бон. Они почти аналогичны произведениям греческих мастеров Сицилии, и только большая строгость стиля, характерная для африканского искусства, выдает их местное происхождение [196, с. 183 и табл. 64—66].

В этом направлении представлена не только пластика, но и другие виды искусства, в частности архитектура; примером подобной архитектуры является модель храма из Тубурбона Большого, весьма напоминающего греческие храмы, но чрезвычайно высокий подий и излишне перегруженный антаблемент выдают руку пунического автора [196, с. 54 и табл. 51; 378, с. 7—26], хотя все элементы украшения заимствованы из греческого репертуара. В карфагенской архитектуре этого времени широко применяются элементы греческих ордоров, особенно ионические, эолийские и дорические колонны [378, с. 51—71]. Однако трудно судить об их сочетании с другими элементами архитектуры.

Обращаясь к малым формам искусства, необходимо отметить пластинки из слоновой кости, на которых в греческом духе выгравированы голова Диониса и изображения вакхантов; эти пластинки, видимо, украшали саркофаги [195, с. 83—84, 92—97]. Заслуживают упоминания бронзовые ойнохои, древнейшая из которых относится к концу V в. до н. э. Она воспроизводит родосский образец, но место, где ручка прикрепляется к венчику, украшено пластинкой с изображением головы египетской богини Хатхор, увенчанной солнечным диском и двумя уреями [76, с. 24—27 и рис. 7; 197, с. 549]. Изготавливаемые с IV в. до н. э. ойнохои имеют более выдержанный греческий вид: яйцевидное или закругленное приземистое тулово, цилиндрическое горло, трехлистный венчик, резко изогнутая ручка, которая украшается в месте своего прикрепления к тулову и венчику барельефами или эллинского типа (голова женщины, воина в шлеме, сатира или силена; горгона или сфинкс с крыльями; мальчик на корточках), или очень популярной финикийской пальметтой. Не только пальметта, но и архаический стиль эллинизирующих барельефов говорит о пунической работе [197, с. 549—550].

Рассмотрев эти произведения (которыми, разумеется, греко-пуническое направление не исчерпывается), можно отметить их общую черту — греческую форму. Беглый обзор этих памятников позволил бы отнести их к провинциальному варианту эллинского искусства. И только отдельные детали (например, благословляющая поза статуй на саркофагах, неестественное для греков сочетание разных ордоров, намеренный архаизм и др.) выдают пуническое происхождение (независимо от этнической принадлежности художников) этих произведений. И это, как кажется, не просто уступка пуническому вкусу заказчиков, а выражение определенного содержания, частично по крайней мере от нас ускользающего. Использование греческой формы для выражения пунического содержания — вот как можно

охарактеризовать это первое направление карфагенского искусства IV—II вв. до н. э., называемое греко-пуническим.)

[В Карфагене создавались и такие произведения, которые имели не только пуническое содержание, но и пуническую форму. Однако на них в той или иной степени оказало влияние греческое искусство.] Это влияние проявлялось различно в произведениях неодинакового художественного уровня, разной была и глубина эллинского воздействия.

Если снова обратиться к скульптуре, то в первую очередь надо назвать ту статую сидящей на троне Тиннит, о которой подробно говорилось в начале главы. В этой скульптуре греческое влияние ощущается в моделировке лица, тщательности обработки, в скульптурно изображенных складках плаща. Однако общая поза, отсутствие выражения на лице, сама богиня, сидящая на троне, украшенном керубами, — все это говорит о том, что данное произведение нельзя отнести к греко-пуническому направлению, хотя, как мы видим, греческое влияние на него несомненно.

Видимо, этой статуе родственно изображение старика на одной из карфагенских каменных урн. На двускатной крышке покоится фигура старика в позе, аналогичной той, в которой изображен пожилой мужчина на мраморном саркофаге. Так же как и в том случае, мастер использовал приемы греческого искусства с его пластическими средствами выражения, он сумел даже передать человеческое тело под длинной, спускающейся до самых кончиков пальцев одеждой. В то же время пропорции в этой фигуре явно нарушены: голова слишком велика, тело чрезмерно широко и грузно, несколько удлинены широкие, какие-то даже немужские бедра. Надо отметить узкий лоб, маленькие глазки, контрастирующие с широкой поверхностью всего лица, причем это лицо, как и лицо Тиннит, лишено того мудрого и спокойного выражения, которое отличает мраморного старца с крышки саркофага [324, табл. 14]. Конечно, можно думать, что скульптор стремился передать индивидуальные черты покойного. Однако это едва ли вероятно. Как бы то ни было, эта фигура не похожа на гармоничные и идеальные изображения, характерные для греко-пунического направления. Своими диспропорциями она напоминает, при всех стилистических различиях, изображения на антропoidных саркофагах из Сидона или статуэтку Астарты из Карамболо в Испании, отражающие финикийский вкус [163, с. 27; 174, табл. 155]. Перед нами, по-видимому, уже не использование греческой формы для передачи пунического содержания, а передача содержания в пунической же форме, на вонлощение которой, однако, оказало сильное влияние греческое искусство.

С IV в. до н. э. греческое влияние начинает ощущаться даже в таких традиционных памятниках, как посвятельные и погребальные стелы. У первых в ряде случаев появляются треугольные фронтоны, на поле стел изображаются контуры фасада здания греческого типа или только колонны, или даже ионические волюты, вырезаются цветы и гирлянды, пальметты, подобные греческим [192, с. 9—30]. И все эти особенности сосуществуют с традиционным типом стелы, с пуническими символами, как, например, со «знаком Тиннит». Греческое влияние проявляется в элементах, украшающих старую стелу, но не изменяющих ее основных характеристик.

Почти то же, что говорилось о стелах, можно сказать и о бронзовых «бритвах». С конца V в. до н. э. пунктирный рисунок заменяется линейной гравировкой. Изменяется репертуар изображений. Если в VI—V вв. до н. э. на лезвиях этих «бритв» изображались пальметты, рыбы, листья или бутоны лотоса либо геометрический зигзаг, то с конца V в. до н. э. появляются антропоморфные фигуры, видимо, различных божеств. В IV в. до н. э. преобладают египетские или фикийские фигуры, а с конца IV в. появляются греческие: Гермес, Геракл, Дионис, Сцилла, Химера [197, с. 549; 321, с. 197—199 и рис. 70—72; 324, с. 148—151 и табл. 4—6]. В данном случае важны не только сюжеты, но и манера изображения: фигуры персонажей греческой мифологии на пунических «бритвах» аналогичны, например, рисункам на греческих вазах этого же времени: те же позы, то же внимание к деталям человеческого тела, так же изображенные детали предметов, такой же легкий штриховой рисунок. Сочетание изображения с пластиной самой «бритвы» очень гармонично и естественно. И все же сам предмет остается сугубо пуническим.

Трудно сейчас установить, чем руководствовался гравер, избирая тот или иной сюжет, то или иное «национальное» обличье божественных фигур. Может быть, это определялось каноническими правилами, предписывавшими способ изображения конкретных фигур. Но, может быть, мастеру это было даже безразлично. Интересна в этом отношении «бритва», на одной стороне которой изображены египетская богиня с крыльями и ребенок перед ней, а на другой — греческий Гермес с кадудеем, в крылатой шапочке и крылатых сандалиях, и рядом — небольшая фигурка собаки. Египетские персонажи представлены в канонической египетской позе, несколько застывшей, а Гермес и его собака — в динамичном движении, свойственном греческому искусству. Создается впечатление, что мастер демонстрирует свое умение работать в том стиле, какой требует сюжет рисунка [324, табл. 4, рис. 12—13]. Такой намеренный (а в неко-

торых случаях, как в данной «бритве», даже, может быть, подчеркнутый) эклектизм характерен для карфагенян.

Воздействие греческой архитектуры проявляется в пунических мавзолеях. Уже на рисунке на стене гробницы на мысе Бон представлено такое сооружение: на стереобате поднимается двухэтажный параллелепипед или цилиндр, увенчанный пирамидой [196, табл. 52]. Подобный мавзолей, но более сложного типа, был сооружен в Сабрате. Если верить реконструкции, то на высоком многоступенчатом подиум поднималась погребальная камера, украшенная колоннами, над ней возвышался антаблемент, состоящий из архитрава и карниза, далее шел декор из эолийской колонны, метопы с изображением Беса, статуи сидящих львов и опирающихся на них людей египетского типа и, наконец, все сооружение увенчивалось пирамидой. Надо добавить, что в плане это сооружение имело вид трехлистника [183, с. 201—203; 238, с. 80—84]. Пунический архитектор Абда-старт построил мавзолей нумидийского вельможи или царя в Тугге. Он имеет более простой вид, чем сабрятский, но следует тому же типу: многоступенчатый подиум, массивный цоколь с эолийскими пилястрами (в нем помещалась сама погребальная камера); второй этаж украшен ионийскими колоннами и карнизом египетского типа; третий — прямоугольник с рельефами, а на самом верху — опять же пирамида [42, с. 96—97 и ил. 36].

Такой тип мавзолеев, видимо, идет из Малой Азии и напоминает знаменитый галикарнасский мавзолей или более раннюю «львиную гробницу» в Книде [71а, с. 244—250]. В Сабрате и Тугге широко использованы мотивы, заимствованные у греков: эллинские колонны, пилястры, рельеф и изображение колесницы. Но все это сочетается и переплетается с заимствованиями из Египта, причем эти заимствования, особенно в Сабрате, столь многочисленны и играют столь важную роль, что нельзя говорить только о некоторых деталях, отличающих пуническое произведение от чисто греческого, как это было в случае с греко-пуническими работами. Здесь — неразрывное единство обоих элементов сооружения.

Видимо, к сооружениям подобного типа относятся те эолийские, дорические и ионические колонны и капители, которые встречаются в Карфагене и других пунических городах и о которых уже говорилось. У нас нет свидетельств, что светские здания создавались в сугубо греческом стиле. Судя по сохранившимся культовым и погребальным сооружениям, отдельные элементы греческих ордоров применялись в основном лишь в декоративных целях (ср. [76, с. 37]), а не в качестве системы, имеющей конструктивное и эстетическое значение.

В IV в. до н. э. вновь появляется пуническая вазопись. 235

В одних случаях керамисты возвращаются к старым украшениям карфагенских сосудов, от которых они отказались два столетия назад, хотя и с некоторыми модификациями; в других — они используют форму росписи, заимствованную у эллинов. Появляются в частности, растительные орнаменты и даже изображения животных, как, например, быка или страусов. Иногда изменяются и формы сосудов, как об этом говорилось выше. Орнамент, выполненный в греческом стиле, часто сочетается со старыми формами сосудов, но может, естественно, соединяться и с новыми.

Итак, выделяется второе направление в пуническом искусстве IV—II вв. до н. э. Оно характеризуется сохранением в целом пунических форм, в той или иной степени, однако, подвергнувшихся эллинскому влиянию. Предварительно и условно это направление можно определить как эллинизирующее, или грецизирующее.

Таким образом, мы видим, что эллинское влияние широко проникает в карфагенское искусство. Каким бы, однако, сильным ни было греческое воздействие, оно не подчинило себе все виды искусства Карфагена. (Не говоря о некотором влиянии этрусских мастеров, которое, например, проявляется в работах пунических торевтов, надо подчеркнуть сохранение традиционных приемов и методов.

Сохранение традиционного направления в пуническом искусстве хорошо видно на примере изображения вельможи Баалшиллека на крышке каменной урны (см. рис. 21 в конце книги). Композицией и позой оно почти до деталей напоминает фигуру такого же старика на подобной урне, выполненную в рамках грецизирующего направления: окаймленное бородой лицо, туловище закрыто длинной илиссированной одеждой, ниспадающей до самых ступней, правая рука поднята в благословляющем жесте, а в левой — чаша. Но что особенно характерно для этой фигуры — отказ от пластических средств выражения. Фигура Баалшиллека совершенно плоская, черты лица, волосы, детали тела, складки одежды даны не скульптурно, а графически, глубокими вырезанными линиями [324, с. 161 и табл. 15]. Эта плоскостность и графичность сближает изображение на урне с более ранними произведениями карфагенских мастеров. То же характерно и для фигуры жепщины на треугольном фронте погребальной стелы, где она представлена совершающей возлияние: тот же очень низкий рельеф и графическое изображение деталей, плоский рисунок и отсутствие выражения на лице [196, табл. 11; ср. 76, с. 32].

Погребальные стелы дают интересные примеры традиционного направления пунического искусства. Многие из них пока-

ывают, что их создатели учитывали новые веяния. Появляется новый вид стел: они теперь завершаются треугольным фронтоном, под которым вырезается в камне прямоугольная вертикальная ниша, иногда она даже оформляется в виде хранилища с колоннами и тоже фронтоном, причем этот хранилище может обозначаться либо скульптурно, либо графически; и в этой нише помещается скульптурное, во весь рост, изображение покойного: бородатый старец, безбородый юноша или женщина. Но сами эти фигуры плоски и невыразительны. Все внимание уделяется только лицу и рукам, но при этом очень редко на лице можно уловить хоть какое-то выражение. Детали одежды изображаются очень редко. Работа, как правило, довольно грубая, и автор далеко не всегда умело сочетает нишу и статую: последняя то смкнута к краю ниши, то вообще, кажется, «выплывает» из этого пространства [191, Сб-1—100]. Одним словом, перед нами произведения, которые отвечают всем тем характеристикам, какие были даны предшествующему этапу истории пунического искусства.

Если создатели этих стел все же учитывают изменениям вкусов, применяя (хотя и чисто внешне) некоторые греческие приемы, то в других погребальных памятниках они вовсе не принимаются во внимание. Таковы полустатуи-полустелы, в которых верхняя часть стелы оформляется как некое очень грубое подобие человеческого тела, которое затем как бы растворяется в массе камня, только более или менее выделяются руки. Волосы даны общей массой, лицо не промоделировано, оно лишено какого-либо выражения, в широко открытых глазах нет и намек на зрачок, почему лицо кажется слепым [191, Сб-9—12].

Такое произведение представляется «безвозрастным» и потому, что изображен предельно обобщенный человек без всяких признаков возраста, и потому, что с первого взгляда невозможно определить время создания этой стелы. По основным чертам такое изображение настолько подобно работам более раннего времени (ср. [191, Сб-2—4]), что только археологический контекст может подсказать нам, что изготовлено это произведение было в III—II вв. до н. э. Как и в более ранних работах пунических авторов, мы видим абсолютное подчинение изображения утилитарным внеэстетическим критериям, строгость и сухость исполнения, доходящие до грубости.

Старые приемы сохраняются и в других видах искусства. Их можно увидеть и в украшении скорлупы страусовых яиц, и в ювелирных произведениях, и в керамике. В последней, как уже говорилось, в это время возрождаются даже лепные сосуды.

203. со ст. 247.
Заметно 40 п. 247

Итак, в IV—II вв. до н. э. в Карфагене сосуществовали три направления в искусстве, которые можно условно назвать греческо-пуническим, грецизирующим и традиционным.

Можно ли связать эти направления с различными социальными группировками, существовавшими в пунической столице? Связь первого направления с карфагенской аристократией представляется несомненной. Уже тот факт, что самые впечатляющие произведения, созданные в рамках этого направления, это статуи на богатых мраморных саркофагах, говорит о высоком общественном положении заказчиков таких изделий. «Туринская» стела, которую Р. Хербиг назвал «самым греческим» произведением Карфагена [324, с. 158], была посвящена суффетом Милкйатомом сыном суффета Магарбаала, т. е. лицом, принадлежавшим к высшим слоям карфагенского общества.

Известно, что жречество в принципе весьма консервативно. Полагают, что существование мощной жреческой касты, догматизировавшей всю сферу культа, сыграло огромную роль в сохранении пунического искусства в рамках старых жестких традиций [42, с. 85]. Как общий принцип это положение не вызывает возражений. Но жизнь оказалась сложнее. Так, те саркофаги, о которых шла речь, по-видимому, все же принадлежали жрецам; во всяком случае, едва ли можно сомневаться в принадлежности к жречеству той, которая была захоронена в саркофаге со статуей женщины, вписанной в фигуру голубя, — перед нами явно погребение жрицы Тиннит. Вероятно, какая-то часть жреческой аристократии, как и аристократии светской (тем более что между ними не было жесткой границы), оказалась более восприимчивой к новым веяниям в искусстве. И недаром к этому направлению, как кажется, можно отнести даже некоторые карфагенские храмы, которые стали строиться по греческим образцам, хотя и с четко выраженными пуническими особенностями.

Грецизирующее направление пунического искусства также, видимо, связало с правящими кругами Карфагена. Оно охватывало более широкий круг произведений и отвечало, вероятно, вкусам широких слоев карфагенской аристократии, как светской, так и жреческой. Надо подчеркнуть, что эллинские мотивы широко проникают в религиозное искусство, произведениями которого являются посвященные стелы, урны-непохоронилища или даже сами статуи божеств.

Народные массы в большей степени оставались приверженными к старым восточным традициям. Большинство произведений, относящихся к традиционному направлению, выполнено в столь грубой, сугубо ремесленной манере, что сразу видно —

оно имело целью удовлетворение нужд широких и малообеспеченных кругов карфагенского населения. Это не означает, что социальная среда традиционного направления целиком совпадает с «плебсом». Так, выполненная в традиционном стиле статуя старца украшает урну, в которой покоится прах вельможи Баалшиллека.

Все эти примеры показывают, что жесткой связи между различными направлениями искусства и социальным происхождением заказчиков соответствующих произведений не было. Однако в целом сопоставление общественных групп и направлений искусства обосновано.

Таким образом, искусство Карфагена прошло в своем развитии три этапа. На первом, который начинается с самого основания города, оно практически ничем не отличалось от восточного общефиникийского. С VII в. до н. э. начинается второй этап, когда наряду с произведениями общефиникийского типа появляются изделия, обладающие и оригинальными чертами, свойственными именно Карфагену и его державе (по крайней мере его колониям). Не повторяя всего сказанного, в том числе и общие характеристики, подчеркнем, что в это время формируется пунический вариант финикийского искусства. Наконец, IV—II вв. до н. э. — третий и завершающий этап истории искусства Карфагена. Оно усложняется. Усиление греческого и эллинистического влияния приводит к появлению различных направлений, причем в рамках тех направлений, которые испытали влияние эллинов, создаются наиболее значительные произведения, какими мог гордиться Карфаген. Можно сказать, что пунической аристократией ощущалась необходимость в создании синкретического искусства, в котором в греческих или близких к греческим формах должно было выражаться не только старое пуническое содержание, но и новое мироощущение, свойственное новому времени. При этом неизбежно возникает тот разнобой и те «отходы», которые отмечают историки карфагенского искусства (например, [42, с. 86]). При этом надо подчеркнуть, что искусство, имеющее тенденцию к синкретичности, не стало ни единственным, ни даже господствующим в Карфагене. Традиционное направление, связанное, с одной стороны, с широкими народными массами, а с другой — с наиболее консервативными кругами той же аристократии, продолжает сохранять значительные позиции. Может быть, можно даже говорить, что наличие на этом этапе двух тенденций развития искусства (если первые два направления объединить в одну грецизирующую тенденцию) отражает появление внутри карфагенского искусства двух культур, что вообще характерно для эпохи эллинизма.

Падение Карфагена в 146 г. до н. э. не принесло полной гибели пунического искусства. ~~Не говоря о продолжении его существования в таких городах, как Утика или Хадрумет,~~ которые жили еще много веков и в которых долго сохранялись старые традиции, надо отметить, что после гибели Карфагена многие пунийцы, среди которых были и художники, бежали в другие районы Африки, унося с собой навыки и умения, свой стиль искусства. И это неопуническое искусство во многом продолжает старое, пуническое. Об этом, например, свидетельствуют статуи, найденные в святилище в Тиниссуте на мысе Бон и относящиеся к I в. н. э. Это выполненные из обожженной глины изображения Баал-Хаммона, сидящего на троне; богини, кормящей грудью младенца; богини с львиной головой [42, ил. 23—26; 196, табл. 35, 61]. Особенно выразительна последняя: прекрасно выполненное в лучших греческих традициях туловище увенчивается головой льва с мощной гривой, так же как и у египетской богини Сохмет. Но «лицо» исполнено чисто человеческого выражения напряженности и силы, а туловище, в свою очередь, охватывается графически выполненными голубиными крыльями, подобно фигуре на мраморном саркофаге. Если бы это произведение было создано раньше, мы, не колеблясь, отнесли бы его к грецизирующему направлению пунического искусства. Можно еще раз упомянуть и мавзолеи нумидийской знати, созданные пуническими архитекторами и отражающие греко-пунические и грецизирующие формы пунической архитектуры. Традиционное направление отразилось в стелах, в том числе в тех, которые нам столь много дали для понимания пунического представления о мироздании (см. выше). Постепенно под воздействием римского искусства пуническое вытесняется, хотя его следы остаются в Африке еще очень долгое время.

Карфаген был основан финикийцами из Тира на втором этапе колонизации, в последней четверти IX в. до н. э. Первоначально это был небольшой город, мало чем отличающийся от других финикийских колоний на берегах Средиземного моря. Экономика города была основана главным образом на посреднической торговле; ремесло было малоразвито и по своим основным техническим и эстетическим характеристикам практически не отличалось от восточного; земледелие отсутствовало. Произведения искусства, создаваемые в это время в Карфагене, не имели никаких специфических черт, отличных от общефиникийских. Религиозные воззрения первых карфагенян, по-видимому, были теми же, что и их соотечественников из метрополии. Пожалуй, выделяется только одна особенность нового города, которая, может быть, и повлияла на его будущую судьбу: основателями города были представители оппозиционной группировки, потерпевшей в Тире поражение. Видимо, поэтому Карфаген с самого начала не вошел в Тирскую державу, а занял самостоятельное положение, хотя и сохранял духовные узы со своей метрополией. Политическим строем Карфагена первоначально была монархия. Однако она едва ли существовала дольше жизни Элиссы — Дидоны, сестры тирского царя, возглавившей переселение и ставшей царицей вновь основанного города. Источники ничего не сообщают о детях царицы, а контекст Юстина прямо свидетельствует об их отсутствии. По-видимому, с прекращением царского рода в Карфагене была установлена республика.

В первой половине VII в. до н. э. начинается новый этап карфагенской истории. К середине этого века ассирийская экспансия нанесла серьезный удар Финикии. К этому времени прекращаются или значительно ослабевают связи финикийцев с центральным и западным бассейном Средиземноморья, в частности с Этрурией. Карфаген заменяет Финикию в контактах с этими районами.

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
 Вестник ЛГУ. — Вестник Ленинградского государственного университета. Л.
 ABSA — The Annual of British School at Athens. L.
 Achil. Tat. — Achillaei Tatii de Leucippa et Cleitophonte.
 AEArq — Archivo Español de Arqueología. Madrid.
 Ael. Var. hist. — Claudii Aeliani Varia historica.
 Aët. Plac. phil. — Aëtii Placita philosophorum.
 AJA — American Journal of Archaeology. Princeton.
 AJPh — American Journal of Philology. Baltimore.
 Annali — Istituto orientale di Napoli. Annali. Napoli.
 Annali di Pisa — Annali della Scuola Superiore normale di Pisa, classe di lettere e filosofia. Pisa.
 Apollod. — Apollodori bibliotheca.
 App. Hannib. — Appiani Bellum Hannibalicum.
 App. Hisp. — Appiani Bellum Hispanense.
 App. Lib. — Appiani Bellum Libycum.
 App. Samn. — Appiani Bellum Samnicum.
 App. Sic. — Appiani Bellum Siculum.
 Apul. Flor. — Apulei Florida.
 Apul. Met. — Apulei Metamorphoseon libri XI.
 Arist. Pol. — Aristotelis Politica.
 Arr. Anab. — Flavii Arriani Anabasis Alexandri.
 Ath. — Athenaei Deipnosophistae.
 Athen. Poliorcet. — Athenaei Poliorcetei περί μηχανημάτων.
 August. civ. Dei — Aurelii Augustini De civitate Dei.
 August. En. in Ps. — Aurelii Augustini Enarrationes in Psalmos.
 August. Sermo — Aurelii Augustini Sermones.
 AuJBA — Australasian Journal of Biblical Archaeology. Sydney.
 Av. — Archéologie vivante.
 Av. or. mar. — Avieni ora maritima.
 BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique. P.
 CAH — Cambridge Ancient History. Cambridge.
 Cat. de agr. — M. Porcii Catonis de agricultura.
 Cic. de nat. deor. — M. Tullii Ciceronis de natura deorum.
 Cic. in Verr. — M. Tullii Ciceronis oratio in Verrem.
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini.
 CIS — Corpus Inscriptionum Semiticarum, pars I. Parisiis.
 Col. — L. Iunii Moderati Columellae rei rustici libri.
 Col. de arbor. — L. Iunii Moderati Columellae de arboribus liber.
 CRAIBL — Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. P.

- Curt. Ruf. — Q. Curtii Rufi Historiarum Alexandri regis Macedonum libri qui supersunt.
- Deut. — Deuteronomium (Biblia Hebraica).
- Diod. — Diodori Siculi Bibliothecae historicae qui supersunt.
- Diog. Laërt. — Diogeni Laërtii Vitae philosophorum.
- Dioni Chris. Or. — Dioni Chrisostomi Orationes.
- Eos. — Eos. Commentarii societatis philologiae Polonorum. Wrocław.
- Eph. fr. — Ephori fragmenta.
- Ex. — Exodus (Biblia Hebraica).
- Ez. — Ezechiel (Biblia Hebraica).
- F. gr. Hist. — Die Fragmente der griechischen Historiker.
- FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum.
- Gen. — Genesis (Biblia Hebraica).
- GGM — Geographi Graeci minores.
- Hannoni periplus — Hannoni Carthaginiensium regis periplus.
- Her. — Herodoti Historiarum libri IX.
- Hier. Ep. — Hieronymi Epistulae.
- Hom. Il. — Homeri Ilias.
- IFPCO App. — Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente. Appendice.
- IFPCO Malta — Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente. Malta.
- IFPCO Sard. — Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente. Sardegna.
- IFPCO Sard. Npu — Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente. Sardegna. Iscrizioni neopuniche.
- IFPCO Sic. — Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente. Sicilia.
- IFPCO Spa. — Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in Occidente. Spagna.
- Ies. — Iesaja (Biblia Hebraica).
- IG — Inscriptiones Graecae.
- Ios. Ant. Iud. — Iosephi Flavii Antiquitates Iudaicae.
- Ios. Contra App. — Iosephi Flavii Contra Appionem.
- Iraq — Iraq Journal of British Archaeology. L.
- Iuba fr. — Iubae Mauritani fragmenta.
- Iud. — Iudices (Biblia Hebraica).
- Iul. Or. — Iuliani Orationes.
- Iust. — M. Iuniani Iustini Trogi Pompei Historiarum Philippicarum epitoma.
- Jer. — Jeremia (Biblia Hebraica).
- JHS — The Journal of Hellenic Studies. L.
- KAI — Kanaanäische und aramäische Inschriften.
- Liv. — Titi Livii ab urbe condita libri.
- Liv. per. — Titi Livii ab urbe condita libri; periochae.
- Luc. de dea Syra — Luciani Samosatensis de dea Syra.
- Lyd. de mens. — Iohanni Lydi de mensibus.
- Macroh. Saturn. — Amhrosii Theodosii Macrobiani Saturnalia.
- Marc. Her. Ep. per. Men. — Marciani Heracleensis ex Ponto Epitome periploi Menippe.
- Mela — Pomponii Melae de chorographia libri tres.
- MM — Madrider Mitteilungen. Madrid.
- Nav. — Iesus Navinus (Biblia Hebraica).
- Nep. Ham. — Cornelii Nepotis Vita Hamilcaris.
- Nep. Hannib. — Cornelii Nepotis Vita Hannibalis.
- Oros. — Pauli Orosii Historiae adversus paganos.
- Paus. — Pausanii Graeciae descriptio.
- Phil. — Philonis Byblii fragmenta.
- Pind. I Pyth. — Pindari I Pythia.
- Plat. leg. — Platonis leges.
- Plaut. Casina — T. Macciae Plauti Casina.
- Plaut. Poen. — T. Macciae Plauti Poenulus.

Chapter V, *Religion*. In the centre of the Carthaginian pantheon were healing gods, the patron of Carthage was Eshmun whose temple was in the very city-centre. Tinnit started to become prominent since the mid-5th c. B. C. Her cult had existed even earlier, but ever since that time she moved to the foreground in connection with social and economic and political changes in Punic society. The other major god was Ba'al-Hammon. Other cults are also considered, all the cults are given in evolution. A survey is given of the temples, priesthood, rituals, sacrificial practice, cults of the dead and burials.

Chapter VI, *Sciences*, starts with the features of the Carthaginian version of the Phoenician language. Punic and neo-Punic arts of writing are analysed. Further, the chapter proceeds to historiography, geography, agronomy, and philosophy. The available chronology shows that Carthaginian science started to evolve in the 4th c. B. C.

Chapter VII, *Arts*. Two stages in the history of Carthaginian art are distinguished, with the 4th c. B. C. being their borderline. Three trends are distinguished in 4th-2nd cc. B. C. art: Graeco-Punic, Graecizing and Traditional.

Conclusion sums up the book. Carthage's history is divided into four periods: 9th—early 7th cc. B. C.; early 7th—mid-5th cc.; mid-5th c. — 201 B. C., and 201—146 B. C. The second stage was of special significance as it was the time when the forming of the Carthaginian power took place, on the one hand, and of its social and political system, on the other. The result was the evolvement of the Carthaginian polis. The third stage is that of the evolving ideological superstructure subjected to a strong Greek influence. At that time, Hellenistic-type structures began to appear inside Carthaginian society and state. The fourth stage saw the crisis of the Carthaginian polis finalized by the Roman capture. The history of Carthage shows the development of an Oriental city into an antique state, producing an original culture incorporating eastern, western and antique influences.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Финикийцы на Западе	9
Глава II. Величие и падение Карфагена	29
Глава III. Экономика, социальные отношения, политический строй	70
Глава IV. Город и повседневная жизнь	114
Глава V. Религия	138
Глава VI. Словесность	187
Глава VII. Искусство	216
Заключение	241
Хронологическая таблица	252
Список сокращений	254
Использованная литература	257
Список иллюстраций	274
Список имен	275
Список географических названий	281
Список имен	285

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Образец пунической письменности

Рис. 2. Пунический город в Северной Африке. Рисунок на стене гробницы на мысе Бон

Рис. 3а. Гротескная маска. VII—VI вв. до н. э. Тунис. Музей Бардо. Профиль

Рис. 3б. Гротескная маска. VII—VI вв. до н. э. Вид в три четверти

Рис. 3в. Гротескная маска. VII—VI вв. до н. э. Фас

Рис. 4. Маска-амулет. Подвеска ожерелья. V—IV вв. до н. э. Тунис. Музей Бардо

Рис. 5. Гребень из слоновой кости. VI в. до н. э. Тунис. Музей Бардо

Рис. 6. «Маска Сомания». VI в. до н. э. Тунис. Музей Бардо

Рис. 7. Женская маска-протома. V в. до н. э. Тунис. Музей Бардо

Рис. 8. Так называемые пунические бритвы. Около III в. до н. э. Карфаген. Национальный музей

Рис. 9а. Стела из тофета Саламбо. IV в. до н. э. Тунис. Музей Бардо. Общий вид

Рис. 9б. Стела из тофета Саламбо. IV в. до н. э. Тунис. Музей Бардо. Деталь

Рис. 10. Золотой перстень; по-видимому, конец VI в. до н. э. Тунис. Музей Бардо

Рис. 11. Золотой перстень. Тунис. Музей Бардо

Рис. 12. Стела с двойной триадой бетилов. IV—III вв. до н. э. Париж. Лувр

Рис. 13. Каменный диск с изображением человеческого лица. Тунис. Музей Бардо

Рис. 14. Стела с изображением Баал-Хаммона из Хадрумета. V в. до н. э. Тунис. Музей Бардо

Рис. 15. «Знак Тиннит». Мозаика пола в Керкуане

Рис. 16. «Львиноголовая богиня». Неопуническое святилище в Тунниссуте. I в. н. э. Тунис. Музей Бардо

Рис. 17. Модель храма из Тубурбона Большого

Рис. 18. Неопуническая стела из Горфы

Рис. 19. Крышка саркофага жрицы. IV—III вв. до н. э. Карфаген. Национальный музей

Рис. 20. Крышка саркофага жреца. IV—III вв. до н. э. Париж. Лувр

Рис. 21. Крышка урны Баалшиллека. IV—II вв. до н. э. Карфаген. Национальный музей

- Абдастарт 235
 Абдис 163
 Абдмелькарт, имя 132, 133, 157
 Абдмелькарт, жрец и суффет 175
 Абдмилар 131
 Абдосир 167
 Абдтиннит 150, 153
 Абдтиннит 153, см. Афетенну
 Абдшемеш 153, 162
 Абдшмун 133, 137
 Августин 149, 177, 215, 251
 Авиен (Руф Фест Авион) 53, 208
 Авраам, мифолог. 179, 181
 Аврелиан 125
 Агафокл 29, 50, 61—64, 75, 90, 98,
 104, 117, 118, 125, 135, 158, 181,
 182, 200, 212, 245, 252
 Адонибаал 135
 Адонибаал, суффет 134
 Аземилк 136
 Азрубаал, имя 132, 133
 Азрубаал, переводчик 137
 Азрубаал, верховный жрец 175
 Азрубаал, жрец второго разряда 176
 Александр Македонский 30, 201
 Алексид 73
 Амаммелькарт 131
 Амаммелькарт 135
 Анаксилай 45
 Анан 127
 Анат, мифолог. 150
 Антен 211
 Антиох Сиракузский 37
 Аполлон, мифолог. 29, 120, 154, 158,
 159, 164, 167, 172, 174, 217, см.
 также Решеф
 Аполлодор 229
 Апиан 50, 65, 70, 84, 99, 106, 107,
 114, 116, 118—121, 124, 127, 138,
 139, 151, 158, 175, 183, 199, 217,
 228
 Апулей 138, 149, 178
 Арес, мифолог. 159, см. также Баал-
 Магоним
 Аретуза 150
 Аристагор 47
 Аристон 70
 Аристотель (Стагирит) 7, 39, 76,
 94—96, 102, 103, 106, 128, 201,
 213, 243, 249
 Ариш 131
 Аришатбаал 131, 132
 Арриан 30
 Артемид, мифолог. 150, 154, см.
 также Тиннит
 Артемидор 150
 Архагат 62, 63
 Архимед 67
 Арц, мифолог. 162, см. также Ген
 Асархаддон 139, 160
 Асклепий, мифолог. 138—140, 172,
 см. также Эшмун
 Астарта, мифолог. 12, 38, 131, 132,
 153, 155—157, 159, 162, 164, 165,
 171—176, 182, 192, 205, 215, 218,
 222, 233, см. также Астарта Эри-
 цинская, Венера, Уни-Астра,
 Юнона, Гера, Церера
 Астарта Эрицинская, мифолог. 131,
 156, 157, 182, см. также Астарта,
 Венера
 Астроарха, мифолог. 148, см. также
 Тиннит
 Астроноя, мифолог. 139
 Афанаюн 229
 Афетенну 153, см. Абдтиннит
 Афиной 12
 Афродита, мифолог. 12
 Ахемениды 81
 Ахерб 24
 Ахирам 185
 Ахмилькат 132
 Ашцап 183, 185

Баал (Баалу, Балу), мифолог. 132, 147, 150, 160, см. также Хагад
 Баал, царь Тира 139, 160
 Бааладар 176
 Баалей 24
 Баалйатон 132
 Баалйатон, финикиец, изображенный на стене 128, 223
 Баал-Магоним, мифолог. 159, см. также Арес, Марс
 Баал-Малаки, мифолог. 160
 Баал-Хаммон, мифолог. 7, 121, 126, 135, 142—148, 150—152, 154, 156, 161—163, 167—172, 174, 180, 186, 192, 205, 217, 230, 240, 245, 250, см. также Зевс, Крон, Сатурн
 Баалханнон 132, 133
 Балл-Цафон, мифолог. 88, 160, 163, 172, см. также Хагад
 Баал-Цор, мифолог. 157, см. также Мелькарт
 Баал-Шамим, мифолог. 160, 169, 176
 Баалшиллек 131, 132, 236, 239
 Баалшиллек, верховный жрец 175
 Балеазар 25
 Баннон 151
 Баркиды 25, 66, 67, 88, 93, 107, 112, 113, 246—248
 Батбаал 175
 Белый, прозвище 133
 Бес, мифолог. 164, 235, см. также Цид, Эшмун
 Битий 24
 Бодастарт 135
 Бодастарт, раб храма, 176
 Бодмелькарт 132, 133, 157, 188
 Бомилькар, имя 188
 Бомилькар, полководец конца IV в. 62, 117, 120, 201, 245, 252
 Бозф из Карфагена 229
 Бозф из Халкедона 229
 Брут 41
 Вахх, мифолог. 186, см. также Шад-рапа
 Валерий Максим 157, 179
 Варрон 90, 92, 99, 198, 211
 Великая мать, мифолог. 149, см. также Тиннит
 Венера, мифолог. 156, 157, 171, см. также Астарта, Астарта Эрицинская
 Веррес 229
 Витрувий 208, 209
 Габис 200
 276 Гамилькар, агроном 90, 209, 210

Гамилькар, имя 133
 Гамилькар, командующий в битве при Кримиссе 61
 Гамилькар, командующий в войне против Агафокла 61
 Гамилькар, потомок Магона 161
 Гамилькар, сын Магона 45, 47, 48, 53, 54, 101, 102, 127, 160, 178
 Гамилькар, сын Гисгона, внук Гвн-нона Великого 61, 62
 Гамилькар Барка 25, 64—67, 111, 112, 133, 135, 178, 246, 253
 Гамилькар Родосец 201
 Гамилькар Самнит 133
 Ганнибал (Ханнибаал), имя 132, 133, 135
 Ганнибал, внук Гамилькара, пра-внук Магона 54, 55, 57, 180
 Ганнибал, сын Гамилькара Барки 25, 67, 68, 70, 88, 93, 94, 96, 103, 104, 108, 110, 112, 113, 124, 135—137, 151, 154, 159, 160, 162, 181, 195, 204, 217, 248, 249, 253
 Ганнибал, сын Гасдрубала, внук Магона 48
 Ганнибал (Нобас), сын Гасдрубала, упомянутый в надписи из Фив 73, 74
 Ганнибал Родосец 83, 133
 Ганнон (Ханнон), имя 132, 133, 211
 Ганнон Великий 56, 58, 60, 61, 66, 84, 93, 99, 133, 200
 Ганнон, мореплаватель (может быть, идентичен следующему) 8, 51—53, 78, 80, 83, 95, 101, 102, 137, 161, 196, 205—207, 210, 252
 Ганнон, полководец конца IV в. до н. э. 62
 Ганнон, противник Баркидов 65—67, 112, 133, 248
 Ганнон, сын Абдмелькарта, жрец и суфет 175
 Ганнон, сын Гамилькара, внук Магона 47, 51, 52
 Ганнон, персонаж комедии Плавта 77, 80, 128, 160, 188, 245
 Ганиониды 61, 66
 Гаргилий Марциал 210
 Гаргориис 200
 Гасдрубал (Азрубаал), имя 132
 Гасдрубал, зять Гамилькара Барки 65—67, 84, 103, 111—113, 139, 204, 245, 247, 253
 Гасдрубал, командующий в битве при Кримиссе 61
 Гасдрубал, политический деятель

середины II в. до н. э. 104, 131, 183, 249
 Гасдрубал, сын Гамилькара Барки 112, 178
 Гасдрубал, сын Гасдрубала, внук Магона 48
 Гасдрубал, сын Магона 47, 48
 Гасдрубал, сын Гисгона, полководец и политический деятель времени II Пунической войны 111, 131, 137
 Гасдрубал, философ 136, 212, 213, см. также Клитомах
 Гекатей 40
 Гелиос, мифолог. 198
 Гелон 44—46
 Гера, мифолог. 156, 229, см. также Астарта
 Геракл, мифолог. 12, 13, 30, 35, 140, 141, 197, 198, 234, см. также Геркулес, Мелькарт
 Герийон, мифолог. 198
 Геркулес, мифолог. 13, 174, 179, 197—199, см. также Геракл, Мелькарт
 Гермелькарт 132
 Гермес, мифолог. 167, 234
 Гермипп 73
 Гермократ 50, 54, 55
 Геродиан 147, 148
 Геродот 11, 12, 14, 16, 23, 29, 30, 36—39, 40, 44, 45, 53, 72, 82, 101, 135, 161, 205, 207
 Гея, мифолог. 162, см. также Арц
 Гиарб 24
 Гиампсал 196, 215
 Гиерон I 46
 Гиерон II 63, 64
 Гикет 60, 61
 Гимилькон (Хамилькат), имя 132
 Гимилькон, жрец Баал-Шамима 176
 Гимилькон, мореплаватель 53, 80, 207, 208, 211, 252
 Гимилькон Магонид 55, 57
 Гимилькон, сын Гамилькара, внук Магона 47
 Гиппагор 201, 214
 Гишодам 118
 Гишпокрот 127
 Гисгон, имя 133
 Гисгон, сын Гамилькара, внук Магона 47, 53, 54
 Гисгон, сын Ганнона Великого 61
 Годий 211
 Гомер 12
 Гораций 41

Гракх (Гай Гракх) 5
 Гуднама 131
 Дарий 32, 44
 Деметра, мифолог. 57, 58, 164—167, 186, 231, 246, см. также Рен
 Диана, мифолог. 147, 154, см. также Тиннит
 Дидона 24, 203, 241, см. также Элисса
 Диоген Лаэртский 212, 213
 Диогнет 213
 Диодор 13, 15, 19, 27, 32, 34, 37, 38, 44, 45, 50, 53, 58, 61, 79, 80, 82, 84, 90, 92, 101, 104, 117, 118, 120, 124, 125, 135, 140, 146, 160, 164, 165, 180, 197, 198, 200, 201, 210, 212, 217
 Диокл 54
 Дион 60
 Дион Кассий 137
 Дион Хризостом 51
 Дионис, мифолог. 141, 168, 169, 232, 234, 247, см. также Осирис, Шадрала
 Дионисий, имя 167, 212
 Дионисий, переводчик Магона 61
 Дионисий-младший, тиран Сиракуз 57, 60, 252
 Дионисий-старший, тиран Сиракуз 55—58, 60, 164, 211, 252
 Доризей 35, 38, 40, 44, 252
 Евдокс Книдский 141, 199
 Еврипид 73
 Евсевий 199
 Единоборец, прозвище 133
 Зевс, мифолог. 143, 160, 167, см. также Зевс-Амон, Гаял Хаммон
 Зевс-Амон, мифолог. 143, см. также Зевс
 Зибак 126
 Зибакат 165, 166
 Зор, мифолог. 13, 199
 Иезекиил 27, 72, 116
 Иероним 199, 214
 Исфай, мифолог. 179
 Иолай, мифолог. 140, 141, см. также Цид
 Иосиф Флавий 11, 32
 Исаак, мифолог. 179, 181
 Исая 20, 72
 Исида, мифолог. 163, 164, 171, 178
 Итобаал 17, 23, 27

Йадамилк 192
Йам, мифолог. 161, см. также По-
сейдон
Йарих, мифолог. 162
Йахве, мифолог. 146, 158
Йехавмилк 224

Кабиры, мифолог. 139, 140
Кадм, мифолог. 10, 12, 14
Карнеад 212, 213
Карталон 112
Кархедон, мифолог. 13, 199
Кассий 41
Кассий, переводчик 99
Катон (Марк Порций Катон) 5, 68,
92, 130
Киницти 131
Кир 37
Кифер, мифолог. 12
Клиتماх 136, 212, 213, см. также
Гасдрубал
Козел, прозвище 133
Колей 72
Колумелла 90—92, 209, 211
Кора (Персефона), мифолог. 57, 58,
164—167, 186, 231, 246, см. также
Прозерпина
Крон, мифолог. 143, 146, 161, 172,
180, 205, 207, 217, см. также Баал-
Хаммон, Эл
Ксантипп 105
Ксенофонт 73, 210
Ксеркс 32, 41

Левиафан, мифолог. 170, 171
Леокрит 211
Либер, мифолог. 141, 168, 186, см.
также Шадрана
Ливий (Тит Ливий) 24, 36, 88, 98,
102, 103, 109, 120, 178, 196; 204
Лысый, прозвище 133

Магарбаал 165, 238
Магон, имя 35, 132, 133, 159
Магон, агроном 90—93, 98, 99, 124,
136, 137, 196, 209, 211, 214
Магон, командир гарнизона в Новом
Карфагене 107
Магон, командующий в битве при
Макале 56
Магон, командующий в войне против
Тимолеонта 60, 61
Магон, полководец и политический
деятель второй половины IV в.
до н. э. 38, 47, 53, 101, 102, 104, 111,
127, 200, 209—211, 242

Магон, путешественник через Са-
хару 78
Магон, сын Гамилькара Барки 108
Магониды 53, 54, 57, 58, 61, 102,
111, 153, 200, 243, 244, 252
Макробий 170
Малх, имя 132
Малх, полководец VI в. до н. э. 29,
36—38, 101, 102, 116, 200, 242, 244,
252
Мамерк 61
Марс, мифолог. 159, см. также
Баал-Магоним
Масинисса 68, 131, 185, 250
Массилават 126
Мацлиах 185
Мегасфен 32
Меда (Помпловий Мела) 14, 195
Мелькарт, мифолог. 12, 13, 24, 29,
30, 85, 113, 132, 141, 157, 158,
160, 162, 172, 174, 175, 177, 179,
197—199, 202, 227, см. также Баал
Цор, Геракл, Геркулес
Менандр 73
Менандр Эфесский 25
Меша 180
Милкйатон 165, 167, 238
Милкпиллец 183, 185
Милькастарт, мифолог. 141, 162, 172,
250
Мильтиад 211, 212
Минерва, мифолог. 12
Минос 12
Мицри, имя 132
Мицри, писец 136, 195
Мицри, спутник Элисы 24, 25
Муттон 24

Навуходоносор (Набокодросор) 125
Непот (Корнелий Непот) 85, 102,
103
Нештун, мифолог. 161, 179
Нерон, римский полководец 178
Нерон, римский император 93
Нехо II 71
Никий 50
Норак, мифолог. 18

Омрат 185
Орозий 37, 116
Осирис, мифолог. 145, 163, 167, см.
также Дионис
Офелл 62

Павсаний 12, 18, 35, 37, 204, 229
Падихлаец 192

Палефат 206, 208
 Паллант, мифолог. 12
 Пан, мифолог. 154
 Парменид 212
 Патеркул (Веллей Патеркул) 13—
 15, 195
 Патрокл 179
 Пентатл 37
 Перикл 73, 126
 Пейфрасмен 84
 Пигмалион, мифолог. 155, 192
 Пигмалион, царь Тира 24, 25
 Пиктор (Фабий Пиктор) 66
 Пиндар 46
 Пирр 63, 252
 Плавт 73, 77, 92, 128, 188, 190
 Платон 128
 Плиний 13, 15, 22, 52, 53, 79, 85,
 88, 90, 91, 93, 136, 179, 196, 198,
 203, 205—211
 Плутарх 61, 198, 213, 214
 Плутон, мифолог. 231
 Полибий 30, 41, 42, 65, 66, 83, 92,
 98, 102, 104, 107, 110, 112, 114,
 116, 197, 204
 Полиэн 44, 57, 124
 Помпей 66
 Посейдон, мифолог. 160, 161, 171,
 см. также Ям
 Посидей Аргосский 212
 Прозерпина, мифолог. 156, см. также
 Кора, Тиннит
 Прокл 204
 Прокопий 215
 Псевдо-Аристотель 15, 196, 207
 Псевдо-Скилак 22, 36, 40, 42, 48,
 78, 161, 171, 201
 Птолеми 71, 82
 Птолемей, географ 161, 171
 Птолемей, царь Египта 71
 Регул 90
 Решеф, мифолог. 96, 120, 159, 172,
 175, 217, см. также Аполлон
 Решефмелькарт, мифолог. 162
 Рея, мифолог. 167, см. также Де-
 метра
 Руф (Курций Руф) 10, 29, 30, 174
 Саллюстий 17, 22, 23, 40, 94, 171,
 177, 196—199, 201, 202
 Салманассар III 26, 116
 Саргон II 123
 Сардус Патер (Отец Сард), мифо-
 лог. 140, 186, см. также Цид

Сатурн, мифолог. 143, 150, 160
 186, 250, см. титини 150, 160
 Сафон 48
 Свиди 32, 202
 Септимий Север 147
 Сервий 24, 25, 32, 147, 150
 Сидек (Сидик), мифолог. 136
 Силен 136
 Силий Италик 22, 23
 182, 203
 Сильван, мифолог. 130
 Сифакс 111, 131, 137
 Скворец, прозвище 131
 Солий 18, 22, 25, 130, 150
 Соломон 11, 122
 Солон 94
 Сосил 138
 Софак 198
 Софокл 179
 Софонисба 131, 137
 Сохмет, мифолог. 163, 240
 Стефан Византийский 12, 14, 24, 210
 Страбон 13, 14, 22, 32, 75, 110, 116
 120, 125, 126, 138, 158, 202
 Сулла 127
 Суннат (Сунйатон) 56, 58, 130, 200
 245
 Сцилла, мифолог. 229, 234
 Сципион 67, 88
 Сципион Эмилиан 217
 Таммуз, мифолог. 140, см. тиннит
 Эшмун
 Тахарка (Теаркон) 32
 Тацит (Корнелий Тацит) 171, 190
 Терилл 45
 Тертуллиан 149
 Тефарие Велианас 38, 155
 Тимей 25, 54, 203, 252
 Тимолеонт 60, 61, 252
 Тиннит, мифолог. 7, 71, 121, 126,
 132, 143, 147—156, 159, 162, 164
 171, 173, 174, 177, 182, 186, 205,
 215, 231, 233, 238, 246, 250, см.
 также Артемиды, Великая мать,
 Диана, Астроарха, Целестис,
 Юнона, Тиннит Пене Баал
 Тиннит Пене Баал, мифолог. 142,
 143, 154, см. также Тиннит
 Титаниды, мифолог. 155
 Трёмеллий 210
 Тритон, мифолог. 160—162
 Трог (Помпей Трог) 7, 25, 199—
 202, 214
 Уни-Астра (Уни-Астарт), мифолог.
 38, 155, см. также Астарт

Фалес 17
Фемистокл 179
Ферон 45
Фидий 230
Филены 171, 201, 202
Филипп V 67, 104, 108, 110, 151,
159, 160, 162, 204
Филист 199
Филоп Библиский 139, 146, 155, 160,
162, 170, 179
Филострат 174
Феникс, мифолог. 12
Фукидид 12—15, 21, 35, 37, 50, 197

Хагад, мифолог. 160, см. также
Баал, Баал-Цафон
Хапи, мифолог. 38
Харон, историк 203, 204
Хатормаскар, мифолог. 172
Хатхор, мифолог. 163, 232
Химера, мифолог. 234
Химидькат, имя 132
Химилькат, раб храма 176
Химилькат, сенатор 175
Химилькат, суффет 175
Хирам I 155
Хорон, мифолог. 140

Цаканан 126
Цезарь 5, 126
Целестис (Деа Целестис), мифолог.
147, 149—151, 168, 169, 177, 186,
205, 214, 250, см. также Тиннит
Цельс 150
Церера, мифолог. 147, 154, 156, 166,
169, см. также Астарта
Цид, мифолог. 140—142, 164, 168,
186, см. также Бес, Иолай, Сардус
Патер
Цидмелькарт, мифолог. 162, 176
Цидон, имя 132
Цидтиннит, мифолог. 162, 172, 176
Цидхан, имя 141
Цидшамар, имя 141
Цицерон 143, 229
Цор, имя 132

Шаанан 127
Шадрана, мифолог. 140—142, 162,
167, 168, 186, 247, 250, см. также
Вакх, Дионис, Либер
Шарданат, имя 132
Шафат (Шуффет), имя 132
Шафат, верховный жрец 175
Шафат, раб божества 176
Шафат, суффет 134
Шемеш, мифолог. 162
Шемешхиллец, имя 162

Эврилеонт 45
Эвтимей 52, 206
Эл, мифолог. 146, 155
Элисса 17, 24—26, 33, 100, 101, 139,
199, 203, 241, см. также Дидона
Элишат 131
Эмастарт 185
Эникид 127
Эскулап (Эсколаний), мифолог. 138,
141, 186, см. также Эшмун
Эфор 54
Эшмун, мифолог. 35, 68, 96, 120,
138—142, 160, 164, 168, 170, 172,
175, 177, 186, см. также Асклений,
Бес, Таммуз, Эскулап
Эшмунамац 176

Юба II 198, 209, 215
Юлиан 135
Юнона, мифолог. 24, 147, 149, 154,
156, 157, 204, 205, см. также Ас-
тарта, Тиннит
Юпитер, мифолог. 24, 143, см. также
Баал-Хаммон, Юпитер-Аммон
Юпитер-Аммон 143, см. также
Юпитер
Юстин 7, 11, 16, 23, 24, 26, 29,
32, 33, 35—37, 44, 47, 51—53, 58,
60, 93, 94, 100—102, 117, 128, 130,
131, 136, 199—203, 213, 241

Ямвлих 212

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абдера, город в Испании 14, 20
 Абдера, город во Фракии 14
 Абротон 22
 Азия 33
 Акра 29, 141
 Акрагант 55, 75, 79
 Алалия 39, 40, 41, 252
 Александрия 72, 125, 126
 Алжир 23, 36
 Алтея 110
 Альпы 76
 Амрит 141, 223
 Англии 53, 208
 Антас 140, 186
 Аравия 208
 Арад 158
 Арвад 70
 Арморика (совр. Бретань) 20, 53
 Ариция 41
 Артемисий 46, 252
 Аскалон 10, 11
 Ассирия 16, 121
 Атлантический океан 46
 Афины 54, 55, 73, 74, 79, 85, 94,
 117, 126, 136, 139, 150, 153, 195,
 212, 213
 Ауза 17, 23, 33
 Африка (Ливия) 5, 10, 13, 14, 17—
 24, 26—29, 35, 36, 38—42, 45—
 48, 50, 52, 53, 55, 57, 59, 60, 62—
 67, 69, 70, 77—81, 83, 89, 90, 99,
 104, 106, 108, 110, 112, 117, 121,
 125—127, 143, 145—147, 154, 156,
 157, 159, 161, 168, 169, 178, 179,
 186—188, 191, 193, 194, 196—198,
 200—202, 205—207, 210, 212, 215,
 240, 242, 246, 250—253
 Африка, римская провинция 69, 91,
 93, 97, 127, 147, 151
 Балеарские острова 18
 Балканский полуостров (Балканы)
 10, 67, 118
 Барбаджа 87
 Бебелон 88
 Беотия 10
 Берит (совр. Бейрут) 139
 Библ 9, 174, 187, 191, 224
 Бизацена 90, 92, 93, 124
 Бизерта 75
 Бирса 13, 23, 26, 74, 116—118, 120—
 123, 125, 126, 129, 138, 142, 170,
 175, 182, см. также Каккаба
 Бития 18, 24, 109, 189
 Ближний Восток 9, 16, 82, 139, 140,
 149, 170
 Бон 124, 231, 235, 240
 Боса 18
 Ботрис 17
 Бохадор 78, 205
 Британия (Британские острова) 20
 Вавилон 81, 125, 139, 201
 Васта 171
 Вильяркос 184
 Восточное Средиземноморье 10, 17,
 18, 72, 74, 113, 192, 247
 Гавдос (совр. Гоццо) 19, 20, 27, 109
 Гадес 10, 13, 15, 16, 22, 27, 46, 49,
 52, 53, 67, 77, 82, 84, 108, 109,
 113, 158, 162, 174, 175, 177, 195,
 198, 202, 208, см. также Гадир
 Гадир 16, см. также Гадес
 Галик 56, 61
 Галлия 18, 35, 39, 82
 Гвинея 52
 Гела 29, 44, 55
 Гераклея 44
 Геракловы Столпы 14, 32, 46, 48,
 52, 53, 206, 242
 Гетулия 85

Гимера 45—48, 50, 52—56, 127, 160, 161, 178, 252
Гиппон 22, 199
Гиппон Акра 22, 40, см. также Гиппон Диаррит
Гиппон Диаррит 22, 23, 161, см. также Гиппон Акра
Гиппон Парский 22, 161
Горфа 250
Греция 9, 10, 49, 148, 179, 213, 214, 225, 143, 249 см. также Эллада
Гротта Реджина 171, 178

Джебел-Бу-Корнеин 171

Европа 50, 52, 82, 126
Евфрат 9
Египет 9, 10, 23, 34, 71, 72, 74, 75, 81, 126, 129, 167, 193, 195, 221, 223, 224, 235, 247

Зама 67, 253
Западное Средиземноморье 8, 18, 28, 47, 49, 69, 71, 242
Зеленый Мыс 52

Ибер, р. 66
Иберия 13, см. также Испания
Иерусалим 158, 173
Израиль 203
Индия 74
Ирландия 53, 209
Испания 10, 12—15, 18—20, 27, 28, 34, 35, 39, 42, 46, 47, 49, 50, 52, 53, 65—67, 71, 72, 77, 79, 80, 82, 87—89, 93, 107—113, 135, 148, 154, 162, 171, 178, 197, 198, 221, 233, 246, 248, 250, 252, 253, см. также Иберия
Истрия 74, 136
Италия 18, 21, 39, 40, 45, 56, 63, 75, 76, 82, 146, 204, 212, 244
Иуда (Иудея), государство 203

Каккаба 13, см. также Бирса
Какулма 52
Каларис 18, 39, 109, 160, 177
Калидон 73, 80
Камарина 55
Камерун 52
Кампания 76, 79
Кандидум, мыс 42
Канны 67, 179, 253
Карка 32
Караболо 20, 233
Кармел 171

Карфаген (Картхадшт, Новый город) — passim
Катана 61
Кенира 12
Керкина 70
Керкуан 35, 49, 72, 85, 118, 123, 129
Керна 78
Кеф-эл-Блида 139
Кибос 40, 41
Кима 46, 76
Кинип 40, 44
Кипр 19, 24, 35, 191, 192, 195, 216
Кирена 40, 62, 75, 201
Киренаика 36
Китий 195
Кифера 12, 14
Книд 235
Колесница богов, гора 52
Корба 231
Коринф 60, 72, 79
Корсика 18, 39, 40, 253
Кос 12
Коссура 108
Котон 119
Красное море 205
Кримисс 61, 252
Крит 9, 10
Кротон 44

Лемнос 12
Лептис (Лептис Великий) 17, 22, 35, 36, 40, 43, 78, 109, 111, 141, 142, 162, 168, 199, 250, 251
Ливия 13, 40, 41, 59, 73, 79, 91, 141, 161, 198, 206, 252, см. также Африка
Ливия (совр.) 23
Ликс 10, 13, 21, 46
Лилибей, город и мыс 37, 56, 57, 61, 63, 83, 144, 154, 229
Липарские острова 64

Мавритания 79, 147, 209
Мазарес 13
Макада 56
Макара 13
Македония 67, 195
Мактар 97
Малака 20, 162
Малая Азия 14, 235
Мари 9, 102
Марокко 53
Массалия (совр. Марсель) 35, 46, 200
Мастин 42, 59, 88

Мегара, пригород Карфагена 116,
123—126
Мелита (совр. Мальта) 19, 20, 23, 27,
76, 143, 175
Мелос 12, 14
Мемфис 18
Меннинг 85
Месопотамия 178
Мессана 64
Метагонии 108, 111
Милет 17, 47
Миной 45
Могадор 19, 21, 28, 46, 50, 52, 78,
252
Монте-Сираи 19, 172
Морро-де-Мескитилья 20
Мотия 21, 37, 49, 54, 56, 64, 72, 110,
118, 122, 143, 144, 147, 154, 164,
172
Нао, мыс 42
Неаполь, город в Африке 22
Нигер (Нигрис) 78, 209
Нил 206, 209
Нимфей 74
Новый Карфаген 84, 88, 98, 107, 139
Нора 18, 19, 172, 173
Нумидия 67, 79, 87, 147, 186, 250

Олимпия 229
Ольвия 74
Оронгис 88

Палестина 9, 11, 19, 82, 97, 145, 155,
158, 171, 183, 219
Пангейские рудники 14
Панорм 21, 44, 72, 109, 154, 171
Пантикапей 74
Пахин 13
Передняя Азия 81, 144, 194
Персидский залив 9
Персия 201
Пирги 38, 155
Пирей 73
Пиреней 77
Пиренейский полуостров 19, 20, 34,
35, 46, 49, 66, 77, 112, 113, 154, 246
Питекусская гавань 40, 41
Питусса (совр. Ибиса) 34, 148, 154,
162, 164, 171, 184
Понт Эвксинский (Понт) 74, см.
также Черное море
Прекрасный мыс 40, 42, 47, 59
Прикамье 74
Причерноморье 74, 75, 79
Пульхре, мыс 43
Пуническая гавань 38

Регий 40, 45
Рим 6, 7, 25, 41, 66, 68, 76, 77, 81,
93, 108, 109, 112, 125, 127, 179,
181, 195, 204, 209, 243, 245, 248,
249, 252
Риотинто 20
Родос 12, 14, 18, 74, 79, 82, 133, 221

Сабрата 23, 28, 35, 235
Саламин 45, 179
Самний 133
Самос 72, 221
Саргассово море 200
Сардиния 18, 19, 21, 27, 28, 38,
40, 42, 47, 50, 58, 59, 63, 65, 80,
87, 89, 95, 107, 112, 134, 140, 143,
154, 157, 164, 166, 172, 186, 189,
195, 200, 242, 246, 250, 252, 253
Сарепта 153, 216
Сахара 78, 79, 209
Северная Африка 13, 14, 21, 22, 48,
79, 145, 186, 198, 242, 250
Северо-Западная Африка 28, 40, 49,
51, 52, 242
Секси 12, 20, 35
Селинунт 38, 53, 57, 79, 98
Сенегал, р. 52, 206, 207
Сибарис 44
Сидон 10, 11, 34, 70, 139, 153, 155,
171, 174, 233
Сикка 156, 157, 182
Сиракузы 44—46, 50, 54, 59, 60, 63,
67, 75, 80, 82, 94, 127, 133, 150, 164
Сирия 9, 11, 70, 155, 163, 174
Сирт 22, 35
Сицилия 10, 13, 14, 19, 21, 23, 27,
29, 37, 38, 42, 43, 45, 47, 49, 50,
53—57, 59, 60, 61, 63, 64, 67, 75,
77, 81—84, 104, 108, 110, 118, 133,
144, 150, 154, 156, 157, 165, 166,
171, 178, 200, 231, 242, 246, 250, 252
Солунт 21, 44
Средиземноморье (Средиземное мо-
ре) 6, 9, 17, 28, 35, 39, 40, 78, 82,
114, 125, 136, 155, 166, 241, 242,
244, 251
Судан 209
Сульхис (Сульх) 18, 19, 172

Тамариций 13
Тапс, мыс Сицилии 13
Тапс, город в Африке 92
Тарент 64
Таррос 18, 109
Тартесс 18, 20, 28, 34, 35, 42, 50, 72
Тартессиды 242

Таршиш 20, 71
Тас-Силг 19
Термы 56
Тингис 51
Тиннисут 149, 240
Тир 9—13, 16, 17, 22, 24—27, 29, 30, 32, 34, 36, 48, 70, 71, 81, 82, 101, 102, 108, 116, 120, 127, 134, 139, 153, 155, 157, 158, 160, 171, 174, 177, 181, 187, 191, 198, 199, 203, 241, 242, 252
Тира 74
Тиренское море 39, 40
Тосканос 19, 20, 27
Трансиордания 155
Трафра 22
Триполитания 143
Тритонида 161, 162
Тропическая Африка 78
Тубурбон Большой 232
Тубурсик 127
Тугга 106, 117, 177, 183, 186, 235
Тунет 58, 62, 63
Тунис (совр. страна, город) 5, 6, 14, 23, 40, 139, 194

Угарит 9—11, 102, 117, 121, 161
Утика 10, 13, 15, 16, 22, 23, 26, 27, 33, 47—50, 62, 69, 76, 108, 109, 129, 196, 203, 240
Уэльва 20

Фасос 12, 14—16, 18
Фера 14, 17, 40
Фивы 10, 73, 74
Филеновы алтари 43
Финикия 10—12, 17, 19, 34, 35, 71, 82, 85, 117, 124, 134, 145, 153, 155, 159, 171, 174, 183, 185, 190, 219, 222, 224, 241, 247
Фокея 35, 39
Фракия 14
Франция 165

Хадрумет 22, 35, 109, 148, 149, 154, 172, 199, 230, 240, 250
Халкедон 229

Харакс 75
Херсонес 75

Цафон 163
Центральное Средиземноморье 35, 38
Цере 38, 39, 76, 155, 177
Цирта 143, 154, см. также Эль-Хофра
Черное море 74, см. также Понт Эвксинский
Чорреос 20

Эбес 34, 35, 43, 49, 72, 77, 80, 108, 164, 242, 252
Эбла 102
Эвбея, о-в в Эгейском море 54
Эвбея, остров и город в Африке 40, 41
Эгеида (Эгейский бассейн, Эгейское море) 9, 12, 14, 17, 21, 34, 54, 55, 72, 74
Эгатские острова 83
Эгеста 37, 38, 44, 53
Экном 104
Элефантина 158
Элея 40
Эллада 10, 17, 41, 45, 249, см. также Греция
Эль-Хофра 143, 250, см. также Цирта
Эмпория 36, 111
Эмпорик 21
Эмпорион 49, 77
Эмира 12
Энтелла 60, 61
Эрик (Эрикс) 44, 57, 109, 156
Эрифия 198
Эрифры 12
Эс'Куйрам 148, 164, 171
Эстримниды 53
Этрурия 33, 34, 39, 72, 76, 79, 241
Эфес 229
Эя 23

Южный Рог 52